

К. Черкассов.

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

КОНСТАНТИН ЧЕРКАССОВ

М Е Ж Д В У Х О Г Н Е Й

Исторический роман

Книга I

в четырех частях
в четырех книгах

Издание автора
Все права сохранены за автором

Типография Г.А.Павлова
Данденонг, Виктория, Австралия

Обложка работы художника
С.А.Зезина

1986

KONSTANTIN CHERKASSOV

B E T W E E N T W O F L A M E S

Historical Novel

Book I

in four parts
in four books

Published by the author
All rights reserved by the author

Printed by G.A.Pavlov
Dandenong, Victoria, Australia

Front cover by S.A.Sesin

1986

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ
КРЕЩЕНИЯ
РУСИ

ЗДЕСЬ, РАССКАЖЕМ МЫ, БОГУ ПОМОЛИВШИСЯ,
ПЕРЕД СВЕТОМ ВСЕМ, ВО ВСЕУСЛЫШАНИЕ,
О РУСИ СВЯТОЙ БОГОМОЛИЦЕ,
О РУСИ СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЕ,
ВРАГАМИ БОГА ПОЛОНЕННОЙ,
О ДЕТЯХ ЕЕ В РАБСТВЕ РОЖДЕННЫХ,
МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ БОРОВШИХСЯ
ЗА СВОБОДУ СВЯТОЙ РУСИ МАТУШКИ.

Приношу свою сердечную благодарность всем авторам книг, к которым, на протяжении всей работы, мне приходилось прибегать.

Сердечно благодарю Комитет по организации празднования тысячелетия Крещения Руси в штате Виктория (Австралия), Русское этническое представительство в штате Виктория (Австралия) и всех друзей, оказавших мне моральную и финансовую помощь в издании книги.

Особую благодарность приношу моему духовнику, Протоиерею отцу Михаилу Протопопову, постоянно укреплявшему меня духовно и вместе с отцом Антонием Дуткиным, помогавшему мне оплатить стоимость издания книги.

Обоим батюшкам мое русское сердечное спасибо!

С благославлением о.Михаила настоящая книга увидела свет.

Автор.

К Н И Г А П Е Р В А Я

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

Часть первая

РОЖДЕННЫЕ В РАБСТВЕ

ОНА РОДИЛАСЬ В РАБСТВЕ...

ОНА ЛЮБИЛА...

ОНА БЫЛА ДОКТОР...

ОНА БОРОЛАСЬ МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ...

ОНА БЫЛА ПРЕДАТЕЛЬСКИ ВЫДАНА

И ЗАКЛЮЧЕНА В ГУЛАГ...

ОНА РОДИЛА СЫНА В ЗАКЛЮЧЕНИИ

И УМЕРЛА В ЗАКЛЮЧЕНИИ...

Всю ночь напролет, захлебываясь, заливались в рощах соловьи. Их, казалось, нескончаемые трели то, теряя звонкость, стихали, то вновь вспыхивали еще с большей силой.

Отдыхала, утомленная дневным зноем, донская ковыль. Пестрый ковер степных цветов тоже оживился, выпрямившись в ожидании утренней росы. Нетерпеливо тянулись к небу венчики и лепестки бесчисленно разнообразных форм донских степных цветов.

Над омельчавшими ставками* гудели поредевшие тучи комаров. В побледневшей, осунувшейся куге*, изредка, устало с ленцой подавал хриплый голос синеглавый селезень. Еще до наступления летней жары улетели куда-то на север стаи пудовых пернатых донских дудаков. Еще прошлым вечером, когда над Доном гулял свежий Норд-Ост, видно было, как окаймленные хрустально-рассыпчатыми кипельно-белыми кружевами волны, ласково и дружно омывают золотистый песок берегов Дона.

К утру, обессиленные наступившим безветрием, угомонились от своей нежной ласки волны. Лишь иногда, когда собрав оставшиеся силы, ветрок срывался "кустами", монолитная свинцовая поверхность Дона покрывалась редкой рябью и тут же, вскоре, опять застывала в своей величаво-могучей тишине Тихого Дона.

К заре ветер совсем прекратил дыхание и брызнули, освещая степь, первые лучи го-

* Ставок - пруд.

* Куга - сорт травы, растущей в ставках.

рячего летнего солнца.

В степной дали, у самого горизонта, цепляясь за опаленные солнцем темные шапки курганов, стали видны плывущие растрепанные бесформенные белые, с сизоватым оттенком, облака. К полдню, стоящее в зените солнце выжигая степь, сильно накалило воздух, уже давно в синем поднебесьи умолк трепетавший с самой зари звонкий жаворонок.

На выгоне, жмуря глаза, сонный, расслабленный, убаюканный зноем, стоит скот. Вдоль Дона, у крытых бережков, стайками, не шелохнувшись, замерла мелкая белая рыбица. Лишь изредка, нарушая общую тишину, на поверхности Дона раздается громкий резкий всплеск, тучный тяжеловес - сазан, пузыря воду, выставляет свою изостро-черную голову, шевелит широко открытым розовым ртом, застыв на месте, к чему-то прислушиваясь, присматривается, гребет против течения изжелторозовыми плавниками, а затем, хлестнув могучим хвостом, мгновенно исчезает в серо-мутной толще речной воды...

В этот знойный летний день 1921 года в хутор Казачьего Донского Таганрогского Округа - Синявский из заграницы, после четырехлетнего дальнего плавания, вернулся боцман русского императорского торгового флота Алексей Гаврилович Рудаков.

- Мир дому сему! - крестясь на икону, проговорил прибывший хозяин куреня.

Повернувшись к застывшей от неожиданности супруге, низко кланяясь, приветливо добавил:

- Здравствуй, хозяйшка! Принимай в странствии бывшего сваво мужа!

Ахнув, Людмила Ивановна, повисла на

шее у мужа.

- Сокол мой ясный! Изболелася душой вся я, все слезы выплакала дожидаясь, - голосила жена, обцеловывая обветренное загоревшее лицо мужа.

- Знаю, знаю, родная! Да война забастовала. Суда наши торговые вдалеке от родной земли, куда подаца було?

Алексей Гаврилович бросил бушлат с кителем на сундук, фуражку повесил на гвоздик у двери, присел с женой на лавку. Морская тельняшка (полосатая нательная рубашка) туго облежала его богатырскую грудь и плечи.

- Жарище то какое, Людмилушка, Норд-Ост на помочь кликать нужно, а то гляди в Дону вода закипит. Да не видать што-то и одново буревестника, и ни тучки одной над рекой то нашей, - бросив опытный взгляд на небо, хмуясь проговорил Алексей Гаврилович и тут же просияв лицом, объявид жене:

- А ты знаешь, разлюбезная бабушка, што у нашей с тобой внучке, глаза, што ни есть твои раскрасивые!

- Как не знать, знаю. Бойкая девка Ларка.

Людмила Ивановна тоже засияла довольной улыбкой и осторожно вытерев утиркой мужу потное лицо, припала головой к его груди.

- Знать ты уже был у Ивана? - подняв с груди мужа голову и целуя его в губы, спросила она.

- Ну, а как же! В Таганрог пришло судно наше, куда же ему притить, как не в порт. У Северного мола пришвартовались мы.

- А я то и думаю. Так што, стало быть, тебе невестка наша старшая внучкой угодила, Гаврилыч?

- Угодила Верочка нам, Людмилушка во как угодила! А уж мужу и подавно! Подходит ко мне, это значить, наша внучка и бойко смотрит на меня. А я ей говорю: я твой дедушка, да еще родненький! А она глядит на меня этак бойко и протестует враз: "А я, говорит, тебя не знаю!" А потом сразу же взобралась мне на плечи и давай понукавать меня. "Давай, говорит, покатай верхом меня, коль ты дедушка мой!" Ухватила рученками за чуб мой и ноженками прищипывать, што есть силенки зачала. "Но, но рысью давай беги, деда! - приказ мне дает. Властная этакая девчушка, а головка вся в черных, как смола, блескучих локонах! - сияя глазами, восхищенно поведал жене Алексей Гаврилович.

- А внучек наш каков то, Гаврилыч?

- Внучек здоровяк уродился вижу я, бутуз такой с тяжелым весом, аж я почувствовал, как поднял ево. Только глаза уже не твои, да и не мои у нево, да и ни у кого из родных наших не помню, штобы такие были - васильковые глаза у казака нашего, Людмилушка. Што ни есть вот такова цвета, как васильки у нас по над Доном цветут! Марк имя ему!

- Знаю, знаю, Алексей Гаврилович. Ты вот говоришь, что в черных локонах внучка властная да бойкая, а вот, подожди придет наша другая внучка в белых локонах, вот эта тебя не рысью, а наметом бежать заставит - с характером Мария, Алексею дочь родила! А сынок спокойный и на мать лицом похож - калмыковатый, а глаза того же цвета, што и у Марка - васильковые.

- Ишь, ты! А как же окрестили казака то?

- По деду, да по отцу, конечно - Алексей он у нас.

- А внучку по матери - Мария.

- А где же она, невестка моя?

- Поехала Мария к своей матери в Ростов. Малая Мария, Машей мы ее зовем, лопочет с матерью по-калмыцки, так што ничего и не поймешь. А казак еще никак не лопочет, шастой месяц ему всего навсего теперича пошел.

- Это хорошо, што по-калмыцки лопочет, языки сподручно завсегда знать, Людмилушка, одобрил Алексей Гаврилович заботу невестки - калмычки.

- Ты поди, приляг, Гаврилыч, отдохни с дороги, а я стряпней займусь, рыбки поджарю. Одна дома я сегодня, нет ни жаренного, ни варенного, да и не ожидала я, што сокол мой ясный с чужбины далекой домой прилетит.

Людмила Ивановна прослезилась, роня счастливые слезы, взяла с сундука бушлат и китель, намериваясь прибраться к месту. Удивленно глядя на мужа спросила:

- Што это, Гаврилыч, одежда твоя морская обезукрашена - пуговиц золотых то нет?

- Это Вера пообрезала пуговицы - говорит власть новая страсть, как бойца пуговиц с коронами царскими. Говорит - за короны царские власть советов к стенке людей ставит. А я ей говорю - дай пуговицы я их в карман спрячу. А она говорит - нет не дам. И унесла к себе в спальню. Я, говорит, и Ванины пуговицы с коронами запрятала, так што днем с огнем не найдешь.

- Правильно сделала Вера, Гаврилыч. Ты што не знаешь, што у нас на Руси происходит после смуты, охватившей страшным бедствием всю нашу Святую Русь? Апосля помалу расскажу тебе все, што знаю, а враз все не рас-

скажешь. Да со временем ты и сам разберешься, Гаврилыч.

- Рассказали мне уже люди наши в эмиграции какие и все уж я разумею, што к чему и через почему, мамочка. Да вот не хочется верить, што сыны наши с тобой в братоубийственной бойне на стороне врагов Бога оказались, на стороне советов энтих. Вот какая мысль сокрушает меня, Людмилушка. Невжель не уразумели сыны наши, што натворили они?

- Уразумели. Уразумели. Еще и как уразумели. Оба посетили курень родной, оба и покаялися. Отец Василий исповедовал их тайно, конечно. Власть по всюду следит, кажон шаг стережет, к кажному слову прислушивается, а особливо за бывшими царскими офицерами, какими наши сыны оба были, Гаврилыч. И тебя предупреждаю, штобы ни - ни! Ни одново слова неосторожнава, где не молвил. Враз ристовывают и даже многих смерти придают - лиходеи советы энти. Да ни одним сынам нашим лукавый ум помутил, Гаврилыч, суди как хошь, а только много мужиков и рабочево люда, да и антиллигенции усякой немало поверили лжеучению богоборцев. Да што там мужики, казаки промеж собой сражаца зачали. Брат на брата в смертный бой кинулись! Билися по станицам сверху Дона и до низу, и снизу до верха казаки промеж собой. Ужас, кровь да смерть захлестнули всю Русь матушку, Гаврилыч! Ах!

Людмила Ивановна зажмурила глаза, сокрушенно махнула рукой. Стряпая, долго еще поведала мужу о всем несчастьи, постигшем Россию за время его пребывания за границей.

Алексей Гаврилович слушал жену молча, нервно моргнул пшеничным усом.

Через две недели вернулась домой младшая невестка с детьми, обрадовав деда внуками. А еще через неделю оба сына с семьями сидели за столом в отцовском курене. Закадычный друг Алексея Гавриловича, Христофор Никодорович Черкас с семьей, братья Минаевы с семьями и другие близкие друзья, вели оживленный разговор, рассказывая и пересказывая уже в который раз слышанные ими печальные рассказы. Уже поздно вечером, когда разошлись гости, Алексей Гаврилович поманил пальцем обоих сынов к себе в комнату.

- Погутаим, дети, да так, штобы на пользу речи наши нам послужили бы.

Глубоко затягиваясь прянным дымом дончака-самосада, Алексей Гаврилович долго молча выслушивал рассказы сыновей. Говорил больше старший сын Иван, Алексей соглашались кивал головой, одобряя рассказ брата.

- Помутило нам мозги, батя, что вот и по сей день не могу понять, как это случилось. - Иван в недоумении развел руками.

- Да разве нам одним? - поддержал его Алексей.

- Это усе мне ясно, дети. Теперь надобно добро пораскинуть умом, как борьбу супротив анчихриста в положении, как я вижу, дюже сложном, зачать. Вот вопрос! Ты, Иван, гутаришь, што офицеры царские у красных имеюца на службе и во флоте и в армии, так я понял?

- Да, имеются, но в совсем незначительном количестве, штобы можно было бы что-нибудь сделать. Вот если бы союзники помогли да по-настоящему, да с полным достатком, вот тогда бы можно было перевоевать, а иначе ни-ни!

- Забудьте, дети, об этом. И никогда не ждите, чтобы западники помогли России. Они союзничали с нами, пока кайзера-германца на лопатки положили. Нет от западных стран помощи не ждите, дети, ни теперь, ни в будущем. Бывал я в этих странах и подолгу, присмотрелся дюже добро и знаю, што гутарю вам, сыны мои - запад только радуеця, когда Россия слабеет. Да и на што им сильная Россия? Какая им от этого радость то? Им нужна слабая Россия. С этой целью и революцию устраивать Ленина тайком спровадили к нам. Слышал я, што Троцкого - политического, это значит, руководителя всей Красной армии, тоже из-за границы спровадили, али он сам пробрался революцию устраивать. Революция ета зараз на сто лет силы России подорвала. Остановила развитие усе-го государства русскаво. Интересы западных стран с интересами большевиков завсегда будут сходица!

Алексей Гаврилович зло блеснул глазами, нервно моргнул пшеничным усом и помолчав добавил:

- Да только эти их дела, рано или поздно против них же и обернуца. Они уже зараз зачали себе яму копать и ежели не остановяца, то это значит выкопают себе яму такую глубокую, што и выбраца из ней то уже не смогут. Жаль мне народы стран западных. Народ там живет хороший да ево выхолащивать уже зараз зачали духовно. А за этим наибольшим злом неизбежно, как результат, наступит полное разложение всех сил народов энтих. А власть советов, вижу я, дюже хитрая, изворотливая, она и будет помогать западным странам копать яму для них и заталкивать их поглубже. Объегорят большевики

думаеца мне, правителей запада.

- Может быть! - воскликнул Иван и переглянулся с братом, дивясь дальновидности своего малограмотного отца.

- А нам, казаки, как я вижу, приидеца теперь дюже не вертухаца и поджидать лучшей погоды, да силов побольше скопить, ибо "погода" нам нужная рано или поздно, но все одно, наступит.

Алексей Гаврилович уверенно тряхнул головой, моргнул усом и развязав кисет, стал скручивать, взамен только что выкуренной, другую самокрутку. Алексей, принимая из рук отца кисет с табаком, поглядывая на брата сказал:

- Оно то так, батя, да нас, бывших офицеров царских советская власть ликвидировать постарается, как можно пораньше. Мы ей, этой власти теперь нужны, как профессионалы. Да и теперь тоже мы на мушке у советов находимся. - Иван добавил:

- Да и не только мы, да и насквозь красные, строевые командиры и на них уже прицел взят, особенно на тех, которые у бойцов авторитетом пользуются, военная красная каста растет и крепнет. И партийная каста, дабы не отняли у нее власть, рано или поздно, несомненно начнет касту военную как грушу трясти. Это то, я предвижу и думаю, не ошибаюсь.

Иван вопросительно посмотрел на отца. Алексей Гаврилович не сразу ответил. Размышляя, он несколько раз затянулся и потом, пуская кольцами дым, не спеша, с расстановкой ответил:

- Разумно мыслите, дети, да войнам с политикантами в одной казане кашу варить не

с руки, столкнуца они в один день в смертельной схватке, да на это время нужно. А нам жисть свою до этого времени сберечь надобно. Я тоже на мушке у них, хотя и по амнистии ихней прибыл из заграницы, да амнистия она какова то? Вентирь просто подстроили и многие ринулись в него, не подумав хорошо. А я добре и долго размышлял и решил, што врага сничтожить много способней забравшись в самое ево нутро. Так то, казаки!

Разговор отца с сынами прервала маленькая Лара, она бесцеремонно распахнула двери ловко и быстро забралась к отцу на колени и заглядывая ему в глаза, спросила:

- Папаня, а правда это деда мой родненький? Он где то на море далеко, далеко плавал?

- Правда, правда, доченька-кровинушка, все в тебе от него, да еще и такая, какая никогда не ржавеет - казачья кровь в тебе, течет, ягодка ты наша прелестная!

Алексей Гварилевич, выхватив из рук у сына внучку, целуя ее черные локоны, слезу обронил и обещал покатать на настоящем живом коне, а не на таком, как у Марка, деревянном.

- На живом, деда?

- На живом, на лихом коне, внучка! Ты, я вижу наездницей у нас уродилась, вот тебе и коня обещаю купить. Ты расти поскорей только, казачка.

Алексей Гаврилович нагнулся, ставя Лару на ноги и не успел выпрямиться, как вскочившая в комнату Маша в один миг забралась ему на спину. Хохоча и гримасничая, стала понукать деда.

- Но, но, деда, Ларке коня даришь, а мне что?

- И ты коня хочешь? - удивился дед.

Маша спрыгнула на пол с дедовской спины, подбоченившись, тряхнула белокурыми локонами, заявила:

- Не хочу коня! Пускай Ларка катается. Ты мне автомобиль купи, кра-си-и-вый. Я уже видела в городе на улице, как с маманей в Ростове была.

- Хорошо, внучка, куплю тебе машину. А тебе што купить, бутуз? - Алексей Гаврилович взял на руки вошедшего в комнату Марка.

- Ему не надо покупать машину, деда. Ему уже купил подарок крестный его, шашку большу-у-ю такую. Маманя спрятала ее, а я знаю где! - доложила Лара.

- Ну? Вот это и хорошо - казак он, ему шашка нужна. А коль шашка, то и конь нужен.

- Не-е-е-т, он маленький еще. Ты мне коня уже пообещал купить, деда, - запротестовала Лара.

- Тебе, тебе, шустрая. А тебе, что же купить? - Дед поднял с пола, вползшего в комнату наимладшего внука.

- Капиталу не хватит у вас, папаня, все войско подарками одаривать, сияя антрацитом изсиня-черных калмыцких глаз и блестя белым сахарным оскалом зубов, шутливо проговорила вошедшая в комнату младшая невестка. Тонкая, гибкая она обладала утонченной красотой женщины-азиатки.

- И то правда, дочка, войско за время моего отсутствия, во как,увеличилось! Али попробую всем его войнам обоева пола угождать. У вас туточки керенки какие то были, а теперича бумажные рубли советские, а у

меня сохранились рубли из чистейшего русского золота. Вот на них мы подарки и купим.

Алексей Гаврилович хотел еще что-то добавить к своим веским словам, как вошла стар-старшая невестка.

- А ну-ка, войско, направо равнясь и марш по кроватям! Лариса ты первая марш, ну!

Вера Григорьевна красивая и грациозная темная брюнетка, родом из казачьей интеллигенции, педагог по образованию, хорошо владела французским и английским языками и к тому же была хорошей матерью и хозяйкой.

Алексей Гаврилович тайком радовался за старшего сына, обожая его жену, но не меньше любил и дочь калмыцких степей, хотя и малообразованную, но обладающую большим природным умом.

Погостив два дня у отца, Иван с семьей уехал домой, в город. А через неделю окончился отпуск у обоих братьев, уехали в Черноморский советский военный флот.

Алексей Гаврилович, занявшись хозяйством, вскоре привел все на базу в образцовый порядок. Заштопав старые дыры в сетях, начал рыбачить. Часто приносил помногу огромных клещатых раков, особенно водившихся у хутора Синявского.

- Золотое дно у нашей Синявки! - обычно радостно говаривал он, показывая жене богатый улов.

Казак - старики любили поговорить с вернувшимся в хутор боцманом. Пораспрашивать его о жизни в далеких чужих странах, а за одно осторожно, тайком и высказать ему свои волнующие мысли, толпившиеся в их старых седых головах. Алексей Гаврилович внимательно слушал казаков - стариков, глубоко за-

тягивался пахучим дончаком, нервно моргая пшеничным усом.

Однажды Людмила Ивановна, проснувшись среди ночи, с удивлением посмотрела на лежащего с открытыми глазами мужа.

- Не спишь, Гаврилыч? Што так?

- Беда надвигается на все человечество, страшная, Людмилушка. Казаки старики гутарят так, а гутарят не с пустова слова, а с мыслей разумных слова их исходят. Убийство царя русскова гутарят в беду страшную усе-го человечества обернеца. Ибо укрепяца коммунисты в России, а потом и на другие страны набросяца. А восстановить вновь власть царскую в России теперича не можно из-за контроля советов энтих. Повсюду следят за каждым словом и людей, какие за царя стоят, враз сничтожают. А Россия без царя все одно, што судно без капитана с курсу сбившись плывет, Людмилушка. Как при страшным урагане островок сиротливый в открытом океане волны захлестнут теперича Россию нашу, без царя осиротевшую. Тяжко мне от мыслей энтих, да куда денешься?

- Молица Богу будем, Гаврилыч. Успокойся, сокол мой ясный, спи.

Людмила Ивановна долго ласково разглаживала сбившиеся, начинающий сесть чуб мужа, и когда он уснул, долго еще не могла уснуть, размышляя над словами мужа: "так и бедствия страшные захлестнут теперича Россию нашу, без царя осиротевшую"...

Х Х Х

Пролетели годы быстро и незаметно; прожурчали, как ручейки горячей весной после многоснежной зимы, целых десять лет.

Алексей Гаврилович плавал в местном речном пароходстве. Людмила Ивановна вела хозяйство умело, заботливо. Росли внуки принося радость в родной курень. Прогноз Алексея Гавриловича оправдался, Лара в десять лет от роду уже металась по хутору бешеным наметом. Поездки в Синявку теперь для Веры Григорьевны стали и радостными и в то же время тревожными за дочь. Обычно собиралась большая толпа казаков, а особенно детворы, поглазеть, как в черных локонах девчушка с властными волевыми глазами, стеганув коня плетью, направляя его на препятствие, птицей пролетает высоченные барьеры.

Вера Григорьевна от страха зажмуривала глаза, и лишь только тогда, когда раздавался восхищенный визг зрителей, хватаясь руками за колотившееся сердце, облегченно вздыхала. Удивительная малышка-наездница возвращалась к ликующе-визжащей толпе зрителей, гарцуя, поднимая коня в дыбки, заставляла его танцевать на месте на задних ногах.

Но вот удивительной наезднице исполнилось семнадцать лет. Теперь изредка в хуторе появлялась по городскому одетая изящная и очень грациозная, рано развившаяся девушка-барышня. С виду гордая и надменная, она идя по улице, первая приветливо всем кланялась, сияла прилетной улыбкой. Останавливалась, подолгу говорила с простыми малограмотными людьми, охотно переводила свою городскую речь на местную, хуторскую.

Умна девка выбухала, не гордая, умна, што и гутарить! Поговаривали одобрительно казаки. Лара во всем брала пример с матери. У нее с самого детства выработался навык учить и учить она умела. Окружающая ее молодежь подчинялась ей из-за уважения, как к знающей. Мать готовила себе смену педагога. Говорила дома с дочерью только по-английски, иногда по-французски. Сын Марк категорически отказался учить иностранные языки и лишь скрепя сердце, учил, преподаваемый в 15-й школе водников, немецкий язык, как обязательный предмет. Лара мечтала стать студенткой Московского педагогического института. Марк мечтал о военно-морском училище. В летние каникулы отец отправлял сына плавать с дедом Алексеем. С самого раннего детства, маленький коренастый бутуз никогда не спал в каюте, а скрутившись калачиком спал на корме или прове судна на кольцеобразно скрученных твердых канатах. За десять лет тяжеловес-бутуз вырос в высокого стройного юнга с литым, добре сложенным мускулистым телом. В двенадцать лет он стал удивлять и своего отца, старательно учившего сына морскому делу и офицеров его эсминца, знанием штурманского дела. Старый моряк-боцман сверхсрочник Иван Петрович Фролов, увидев в малыше будущего талантливого морского офицера, особенно старательно поучал его морской науке.

Молодой юнга Марк Рудаков мог пользоваться всеми приборами и сам нанести на карту очень быстро и безошибочно прокладку в любую избранную точку.

- Сын ваш, товарищ капитан, пожалуй вскоре батьку за пояс заткнет, - шутя го-

ворил первый помощник Ивана Алексеевича капитан-лейтенант Гончаренко.

- Ну, ну, Черноморскому флоту нужны хорошие офицеры, а нам с вами, Андрей Иванович, смена, стареем ведь! - указывая на ставшую пробиваться седину на висках, шуткой отвечал командир эсминца.

Но вот пришедшим лето-учебными каникулами, сын вдруг отказался отправляться плавать с дедом Алексеем.

- Что так? - удивился Иван Алексеевич.

- Я уже принят юнгой на яхту "Феликс Дзержинский". Принадлежит яхта спортивному обществу "Динамо", - прогундосил сын, поглядывая исподлобья на отца.

- Вот как? Мда-а-а, оно, конечно, полезно - спорт, мда-а-а, но вот имя яхты не-не-, да и общество, мда-а-а. - в раздумьи, не договаривая вслух мысли проговорил отец.

(Феликс Дзержинский, один из наиболее страшных советских кровожадных садистов-чекистов, лично расстрелявший огромное количество царских офицеров и других людей.

"Динамо" - спортивное общество чекистов: О.Г.П.У., Н.К.В.Д.)

- Очень интересный спорт, папаня. Я уже знаю, как яхту против ветра в "бортышовку" вести, правда! - просяще проговорил сын.

- Вот как? Молодец! Ну, что же, учись в таком случае, держать шкоты крепко в руках, сынок. А название яхты все равно не меняет положение. Мда-а-а, согласился отец.

Х Х Х

Древний город - полуостров Таган, был построен древними греками, Много позднее, при русском царе Петре Первом - основателе нового русского города, переименован в Таганрог.

Врезаясь глубоко в Азовское море и находясь высоко над уровнем моря, город служил как бы передовым "пикетом" - боевым охранением России против могущественной и агрессивной в те времена Турецкой империи. Врезающаяся в море конечность города, во время обороны наседаящего турецкого флота, была превращена Петром Великим в крепость и впредь сохранила свое название - Крепость. А людей, проживающих в ней горожане называли - крепостянами. В Крепости даже улочки, небольшие переулочки, сохранили свои наименования, как то: Первый Крепостной переулок, Второй Крепостной и т.д. Крепость окаймлена широким бульваром с красивыми живописными аллеями из разносортных деревьев и кустарников. В центре стоит памятник основателю города, а с обеих сторон огромные чугунные его пушки, направленные дулами в открытое море. У пушек громоздятся ядра, и тут же рядом стоит высоченный якорь. Справа от памятника, радость моряков, - маяк! Позади памятника простирается большая зеленая в летнее время и белоснежная в зимнее время площадь, окаймленная "переулками" из белых саманных, а то и кирпичных домишек - хатенок. Впереди памятника крутой обрыв, а с обрыва в портовой бухте виден приветливо маячивший неисчислимый часток мачт парусных судов и многочисленной разной по величине морской посуды. Лишь мрачно выглядит пришвартованные у пристани грузовые суда с закопченными черными широ-

ченными трубами. Зато иногда, у Северного мола, красивые, как белые лебеди, пришвартовываются суда дальнего плавания или военные небольшие суда.

Иван Алексеевич Рудаков, после того, как женившись отделился от отца, покинув родной хутор, поселился в маленьком домишке, как раз почти напротив памятника Петру Великому. Лара, ожидая приезда отца, обычно вела за руку своего маленького брата к пушкам и понатужившись с трудом посадив тяжелого бутуза верхом на дуло пушки, говорила:

- Смотри, Маркушка, вот там большой красивый пароход, он привез нашего папаню.

Иван Алексеевич поднимался по крутым извилистым стезжкам на Воронцовский бульвар и шел к пушкам. Лара бросив брата, мчалась к отцу и подпрыгнув, моментально сидела у отца на плечах. Взяв на руки сына, отец шел с детьми к стоящей у калитки молодой и очень красивой жене... Так было раньше, а теперь свинцово-литый подросток Марк Рудаков, подходил к пушкам, сам без сестры и дождавшись своих сверстников, с шумной гурьбой спускался с левой стороны бульвара по крутой стезжке, ведущей прямо к яхтклубу. Мальчуганы-юнги драили до яркого блеска ванты и все медяшки на яхтах, налаживали такилажи, шпаклевали и красили, штопали паруса - готовили яхты к предстоящим очередным состязаниям - гонкам.

Лара оставалась дома и помогала матери подтягивать отстающих учеников, приходящих к ним на дом и лишь вечером выходила к пушкам, куда возвращались молодые яхтсмены, а также собиралась большая компания подрост-

ков и молодых людей разного возраста из молодежи Крепости.

Среди сдружившейся компании насчитывалось пятеро ребят с именем Ваня. Чтобы не путать, молодежь, называя себя ласково "ребятки", решила добавить каждому Ване "приставку" - кличку. Ваня Семенов, низкорослый худощавый подросток, но с невероятно басовитым голосом и близорукими глазами, первый получил "приставку" - Ванька Слеп, бросил кто-то из ребят. Второй Ваня Сербов, недолго ждал - Ванька - Серб. Сразу же решили ребятки. Ваня Пирожков, живой, веселого нрава отрок, острый шутник имел привычку в спорах с ребятками применять выражение: а шишу не хочешь? Или: вот те шишу под нос! Это и послужило тому, что ребятки единогласно прозвали Ваньку Пирожкова - Ванька-Шиша.

А однажды, к собравшимся ребяткам у пушек, подошел низкорослый, но коренастый отрок - здоровяк. Услышав его малороссийскую "хохлацкую" речь, узнав, что он тоже Ваней зовется, сразу же бросили - Ванька-Хохол. Но на другой день Хохол привел с собой своего "корешка" (друга - блатное выражение - "корешок") тоже с именем Ваня. Из рассказа новичка, "ребятки" узнают, что на "Советской Украине" уже идет во всю агитация, направленная против мужиков-собственников, а Ванин отец, имея свой небольшой участок земли, корову и пару коней, смекнув, что дело пахнет бедой, отдал землю, корову и коней в колхоз, переехал жить подальше, в город Таганрог и устроился на работу в порт, грузчиком. Тут ребятки стали думать и гадать, какую же приставку приле-

пить второму Ване из "хохландии" прибывшему.

- А зачем ведут агитацию против тех, кто корову имеют? - спросил Ванька-Шиша новичка.

- Не знаю, называют таких людей куркулями. - Новичек непонимающе пожал плечами и дружелюбно положил руку на плечо Шиша.

- А что такое куркуль? - тоже лежа дружески руку на плечо новичка, спросил Шиша.

- У нас на Украине куркулями называют богатых людей, а у вас, туточки, я вже чув, называют кулаками, - объяснил новичек Ванька.

- Что же это за богатей, если у него кусок земли, одна корова, да пара коней? А жрать же нужно что-то хозяину, да и коням с коровой. Такое определение не клеится с жизнью, - забасил, протестуя Ванька-Слеп.

- Не знаю. - Новичек, не зная планы Советской власти, опять непонимающе пожал плечами.

- Не знаем и мы, корешок, что за хреновину с морковиной придумало наше правительство. Но нравится тебе или нет, но зовут тебя вместе с приставкой - Ванька-Куркуль. Мне вот тоже моя "приставка" не нравится, хотя я уже давным давно шишу под нос не сую, а приставка прилипла, попробуй отклей ее теперь. А? - пояснил Шиша новичку положение с приставками и добавил:

- Разглагольствовать тут мы больше не станем - Куркуль ты у нас теперь, Ванек, и крепостянин. А это хорошо запомни и радуйся, мы народ воинственный!

Ванька-Куркуль, довольно улыбаясь, закивал одобрительно головой.

- Ура, братцы! Пятый Ванька у нас объ-

явился, - загорланил басом, помаргивая близорукими глазами Ванька-Слеп.

В это время к собравшимся у пушек компании подошел подросток Ованэс Саркисян. Ребятки знали этого небольшого ростом, сухощавого с иссиня-черными бархатными глазами задиристого сверстника, ибо уже не первый раз видели и слышали его блатную речь у пушек.

- Эй, ты, армяшка-длиннонос, как зовут то тебя? - Ванька-Шиша беззлобно толкнул в грудь пришельца.

- А ты поосторожней, - корешок-черномазый малыш зло блеснул глазами и добавил: - а то я вот по рогам тебе засажу и с катушек слетишь, хошь попробовать?

- Да ты чиво ерепенишься? Мы тут теорему сложную решаем, а ты с кулаками, - объяснил Шиша цель совещания собравшихся у пушек ребятки, задиристому пришельцу.

- Ну это другое дело. - согласился остывший сразу пришелец, - зовут меня Ованэс, а по русски, это значит Ваня.

- Ура, братцы! Еще один Ванек!

- А приставку, приставку!

- Да, да, приставку! - заголосили ребятки.

- Шиша, лепи ему приставку! - решил Ванька-Серб.

- Сейчас рассудим. Заткнитесь на минутку, ребятки, дайте мне мозгами пошевелить.

Ванька-Шиша изобразил особую серьезность на лице и обращаясь к новичку с пафасом, заявил:

- Дело вот в чем, корешок, как сам знаешь, армяшек у нас с незапамятных времен на Руси зовут длинноносами, а у тебя руль не из

маленьких. Следовательно тебе подходит вполне естественная приставка - Длиннонос. Но поскольку Ованэс-Длиннонос получается не в рифму, созвучие нарушается, то вот тебе на этом основании имя с приставкой: Иванос-Длиннонос. Доволен?

- Bravo, Шиша, лучше и не придумаешь!

- Ну и вклеил!

- Ну и Шиша! - заголосили одобрительно ребятки-крепостяне.

А Ванька-Куркуль, подойдя вплотную к Ваньке-Длинноносу, насупясь сказал:

- А ты, хлопче, дуже не выртухайся тучки з кулакамы, а то ось, бачиш? - и поднес к носу Длинноноса свой кулак-свинчатку внушительного размера.

Но Длиннонос, не обратив внимания на угрозу, довольно покатываясь со смеху, тут же предложил прикрепить "приставку" и его соседу приятелю с самого детства, прихитрому греку Жене Попандопулос, сидящему верхом на пушке, притихшему и не вмешивающемуся в дела раздачи "приставок".

- У Женечки носик подлиннее моего, да еще с горбом, как раз посредине носа, лепите и ему в таком случае приставку. Ну ка, Шиша, давай!

- Женечка-Носик! Отрубил Ванька-Шиша.

Носик, почесав горбинку на своем пре-большом носу, поблестев темно-кариими хитроватыми глазами, сказал:

- Ну что же, все правильно, да только коль так, коль я Носик, лепите и Абраму мою "приставку" у него руль не меньше моего.

- Нет, не годится! Два Носика мы путать будем, - запротестовал Иванос-Длиннонос.

- Абрашка! - пробасил Ванька-Слеп.

- Точно вклеил Слеп! - одобрил Шиша.

Абрам Гасс, сын местного сапожника, вначале услышав подброшенную ему "приставку", призадумался, а потом хихикнув, одобрительно кивнув головой, сказал:

- Ну что же, у нас тут всех Абрамов Абрашками зовут, все правильно.

Загвоздка произошла с "приставкой" Бореньке Шапошникову. Толстый и тучный Боренька, был большим добряком и незаменимым благодетелем ребятки. Его папаша был крупным начальником в местной пищевой промышленности, а Боренька, добытыми отцом по благу продуктами, подкармливал всегда полуголодных или вовсе с пустыми желудками ребятки. Бывало так, что он выносил собравшейся компании друзей, целую пребоольшую коробку паюсной икры и буханку белого хлеба, что было целым торжеством для ребятки, ибо паюсную икру и белый хлеб ело только местное советское партийное начальство, а рабочий люд и в глаза не видал таких лакомств. Боренька же сам, обладая большим умом, однако из-за нежелания учиться, был последним учеником в классе. Как правило, он в каждом классе сидел по два года.

- "Болван беспросветный", уже давно подбросили ему ребятки "приставку". Однако официально не решались объявить об этом своему кормилицу лакомствами. Однажды Длиннонос, поблескивая бархатными глазами, с хитрецей поглядывая на друзей, сказал:

- А я знаю, как Борьку называть болваном беспросветным так, чтобы он не догадался какого сорта "приставка" у него.

- Да ну! - удивился Женечка-Носик.

- Запускаешься, Длиннонос, - с недоверием проговорил Ванька-Слеп.

- Цэ вже брешыш, - буркнул Ванька-Куркуль.

- Нет, не запускаюсь и не брешу.

- Ну давай тогда выкладывай свой план, армяшка, поглядим, как у тебя мозги шлепают! Впрочем, говорят, армяшки хитрый народец!

Женечка-Носик обвел хитро-насмешливым взглядом друга.

- Да уж похитрее вас греков, спроси хоть у Абрашки. Говорят евреи самый хитрый народ.

- Что скажешь, Абрам-Абрашка, запускается армяшка-Длиннонос?

Носик вопросительно обвел друзей взглядом и остановив взгляд на Абраме Гасс:

- Не совсем. Я бы сказал, соперники по хитрости греки и армяшки, Особенно в торговом деле. Что касается еврейской хитрости, то тут большой вопрос. Я слышал, что один соленый грек с десятков самых прехитрых жидков стоит и это пожалуй, так.

Абрам-Абрашка удовлетворенный своим определением, расплылся довольной улыбкой. А Шиша восхищенно заорал:

- Bravo, Абрашка! Определение твое точное! Сам слышал! Расскажу!... Стоп, братцы, расскажу! - орал Шиша и не ожидая согласия ребяток, начал свой рассказ.

- Бегал это я как-то у нас в порту по пристани у судна пришвартованного. Гляжу какой-то еврейчик с клеткой носится по пристани, а в клетке птичка прыгает. Пристает к людям, дескать купите, купите канарейку, поет как соловей, слово даю. На борту этого судна стоит, гляжу, грек соленый с трубкой в зубах и дым так это важно кольцами пускает. Глянул я на этого грека с носиком

никак не меньше, чем у нашего Женечки и думаю: должно быть хитер этот грек. Глазами, гляжу, на всех прехитро поглядывает, вроде, как бы посмеивается над всеми, дескать нет у вас нашей греческой смекалки. А тут этот самый продавец канарейки, как раз и привязался к этому греку и давай урезонивать его. Дескать, купи канарейку, за пятерик отдам, по-дешевке, а поет она громче грамофона наилучшего. Грек, это значит, сначала ноль внимания на красноречие продавца. Но как только матросы принялись трапы убирать, вдруг грек протягивает пятерку продавцу и говорит: "На пятерку и давай сюда канарейку". Продавец моментально вскарабкался по трапу, схватил и вручил греку клетку с канарейкой. Стоит, это значит, продавец на пристани, довольный заработком, улыбается и аж руки от удовольствия потирает и знаки греку подает, дескать купил ты ценность большую, будьте уверочки! А грек соглашаючись довольно улыбается, кивает головой. Но вот только матросы убрали трапы и судно отдало концы и отвалило от пристани, продавец прехитрый еврейчик, радостно подпрыгивая, стал хохотать и кричать греку: "Эй ты, грек соленый, объегорил я тебя! Это вовсе не канарейка, а воробей, я его только подкрасил. Он не поет и не плачет, только чирикает надоедливо целый день без умолку. Обскакал я тебя в торговом деле, грек прехитрый! Нет у тебя нашей еврейской способности в торговом деле, банкрот и только вас греков всегда постигает".

Грек этот выслушав продавца Абрашку, оглядел деловитым видом таким людей вокруг и на борту судна и на пристани, с удивлени-

ем глядящих на пакупателя канарейки и важным таким голосом отвечает: "А ты посмотри какие у тебя деньги, неосторожный продавец!" Глянул продавец на пятерку, а она оказывается фальшивая, подкрашенная, как и воробей. Ахнул от ужаса продавец канарейки, а публика за животы схватилась. Хохотали до вечера на пристани люди потом еще долго по всему городу пересказывали историю эту, происшедшую между представителями двух торговых родов.

Закончив рассказ, Шиша с довольным видом поглядывал на покатывающихся со смеху ребяток. Абрам-Абрашка, схватившись за живот, свалился с пушки и покатываясь со смеху, барахтаясь на земле, никак не мог подняться на ноги.

- Заливаешь, Шиша, прибреживаешь. Такой трюк торговый по плечу только нам - армянам, а грекам ни-ни не поверю! - едва подавив смех, запротестовал Иванос-Длиннонос.

- Вам армяшкам, только семечки торговать, а в настоящие торговые дела я бы не советовал мешаться. Заткнись Длиннонос, и давайте выясним вопрос с болваном Борькой, отклонились мы от темы с твоей канарейкой, Шиша. Ну-ка, кто давай заворачивай! - Носик напыженно важно обвел ребяток вопросительным взглядом.

- Катился бы ты подальше, грек горбоносый, а то я тебе не семечек, а фонарей под глаза поставлю! - взвизгнул сердито, оскорбившийся вдруг Длиннонос, но Ванька-Куркуль показал ему свой внушительный кулак, требуя тишины и порядка.

- Балакай ты, Шиша, распорядился Куркуль.

- Что я, Длиннонос назвался, он пускай и говорит.

- И скажу!

Хитро заблестев иссиня-черными бархатными глазами и хихикая, Длиннонос начал излагать свой секретный план:

- Совсем просто. Чтобы болван Борька не допер в чем суть дела, нужно длинную приставку - Болван-Беспросветный применять в сокращенном виде - Ба-Бе, вот и все!

- Не годится! - отклонил сразу же Шиша предложение Длинноноса.

- Это же почему? - удивился Длиннонос.

- Получается вроде Баба, оскорбительно слишком парня бабой называть. Катись ты подалее, Длиннонос!

Шиша призадумался и вдруг выпалил:

- На иностранном языке Борьку будем называть, но, конечно, сокращенно: Би-Би - приставка ему, ребятки, и дело с концом!

- Цэ щось выглядае як бы по-немецки, га?

Ванька-Хохол разинул рот, вопросительно глянул на Шишу.

- Болван ты, Хохол, тоже! Какой так немецкий. Немецкий язык ин-ду-стри-аль-ный. А вот английский дип-ло-ма-ти-чес-кий! А мы сейчас разбираем вопрос как раз дипломатического характера, все правильно и никаких гвоздей. - решил Ванька-Шиша. - Борьке приставка - Би-Би!

- Быгь может Ларку "учительницу" спросить. Она по-английски калякает на все сто двадцать. А? - усумнился Ванька-Слеп.

- И не спрашивайте! - запротестовал Шиша.

- Это почему же? - удивился Слеп.

- А потому, что она говорит, что людей называть болванами или дураками грешно. Да

вот она сама и идет.

Ребятки увидев "учительницу" (приставка Лары), притихли. Приложив палец к губам, Женечка-Носик прошептал:

- Цыц, ребятки, гра-до-на-чаль-ник прет-ся к нам.

- Где же Марк?

Лара сдвинув сторого брови, бросила повелительный, требующий ответа, взгляд на притихших ребяток.

- Прощтрафилса "Капитан" (приставка Марка) наш. Его капитан "Феликса" драить сверхсрочно заставил палубу яхты, - пряча глаза съязвил Шиша.

- Вот как? Мг-у, в таком случае, коль знаешь ты чем он занят, Шиша, ты и мотай быстренько вниз и скажи Марку, чтобы он бросил свою сверхсрочную вахту и бегом домой мчался. Дедушка наш приехал, хочет видеть его.

У Ваньки-Шиши на лице появилась недовольная мина, но "учительница" еще строже сдвинув брови, спросила:

- Ну, в чем дело?

- Да я сейчас, мигом, -пробормотал обмягший под повелительным взглядом "учительницы".

Шиша мигом скользнул по крутой тропинке вниз к яхт-клубу. Лара круто повернувшись, не оглядываясь, пошла к дому.

- Ну что? - спросили ребятки, когда вернулся Шиша.

- Нет его, "Феликс" в море вышел. А Ларка стерва! Воображает себя много! Подумаешь английский язык вызубрила. Я еще семилетки не окончил, а немецкий на зубок знаю! А она ни бум-бум по-немецки. А ан-

глийский алфавит я уже, как свои пять пальцев знаю и через пару лет мы еще посмотрим, кто лучше из нас по-английски калякать будет. Я вам говорю!

Шиша храбрясь, упрямо потрянул белобрысым чубом. Слушая возмущенного поведением "учительницы" Шишу, ребята пряча улыбки, переглядывались: "герой ты вне ее присутствия". А Длиннонос тут же припомнил, как он однажды "загнул" по "матушке" Ларку и в миг получил такую пощечину, что, как подкошенный "слетел с кутушек".

- Ну-ну, учи, зубри английский, а потом уж посмотрим, кто как калякает, - вслух проговорил Длиннонос.

Ребята еще долго сидели у пушек Петра Великого, применяя не только хулиганскую блатную речь в разговоре, но и страшно похабно сквернословили и не думали, что они что либо плохое себе, или кому другому приносят этим. Ядовито-смертельный угар революции в России 1917-20 годов прокоптил души ее детей, родившихся в рабстве. У многих детей России были родители - участники революции, безбожниками, а то и открытыми богоборцами, разрушавшими своими руками все духовные и светские культурные ценности своей же страны, начиная с первых кровавых побоищ в стране ПИЛИЛИ ВЕТКУ, НА КОТОРОЙ САМИ СИДЕЛИ. С хулиганской блатной сноровкой многие, выросшие в рабстве дети России и не могли стать не такими, какими воспитали их родители, а власть Советов в школах еще и систематически хитро-изворотливо закрепляла все страшные пороки, пронизывающие души несчастных детей. Власть "Советов", захватив в свои руки огромный полегон - Россию,

стала готовиться к своей конечной цели - завоевать, подмять, подчинить себе все человечество, выковать постепенно послушных роботов, применяя в борьбе свой главный инструмент - "КАПИТАЛ" Маркса.

Засев в Красном Кремле, Ленин делает "передышку" - учреждает НЭП - Новая Экономическая Политика, (при которой допускается частная собственность). НЭП - это ловкий трюк, давший возможность Ленину скопить силы и приступить у запланированному смертоносному наскоку на СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ РУССКОГО НАРОДА - НА МУЖИКОВ - ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ, НА - НАРОДНЫХ КОРМИЛЬЦЕВ и главным образом и прежде всех других, на Народ Богатырь - на Россов, на саму Русь - твердыню России, с тем, чтобы сломить хребет России (о национальном меньшинстве и беспокоиться не нужно было, мелкая сошка, ерунда), сделать народы России немощными, неспособными к самозащите.

Кто же из россов стальной стержень в их среде? Кто своим отважным трудом, с утра до темноты копается в земле, растит хлеб, овощи, разводит скот, кормит весь народ? Кто? Задав себе такие вопросы, заговорщики дали себе правильный ответ - МУЖИК! Кто же вдохновляет мужика делать добро, быть хорошим труженником, добрым поделчивым богобоющимся человеком? Кто стоит на пути у коммунистов? Заговорщики и тут дали себе правильный ответ - ЦЕРКОВЬ! "ПОПЫ"! Значит первый главный удар следует нанести по этим главным врагам советской коммунистической власти. Разрушением церквей и растрелами священников, большевитско-коммунистические заговорщики намеривались духовно выхолостить, оставшуюся после намеченного погро-

ма в живых, молодежь, с тем, чтобы из нее выковать, посредством лжеучения Маркса, подлинно "советского человека" - "инструмент"-оплот мирового коммунизма.

Организованная Лениным ВЧК - Всероссийская Чрезвычайная Комиссия - полчища тщательно подобранных профессиональных убийц-чекистов, успешно работали уже с самых первых дней начатого погрома ПОСТЕПЕННО разворачивая свою преступную работу. После смерти Ленина в 1924 году, временно его место занимали другие. Но вот в красный Кремль пробрался грабитель Тифлиского банка - Иосиф Джугашвили, носящий партийную кличку - Сталин. Красный изверг, с необыкновенной ловкостью расстрелял бывших сотрапов Ленина, окружив себя своими, им лично подобранных зверями (Политбюро), бросил в атаку на народ полчища озверелых чекистов, дав им в помощь пьятиц и мародеров всех степеней. Исполняя приказ, прежде чем хватать подряд, под метлу мужиков собственников, звери хватали сначала избранных, самых трудоспособных, самых хозяйственных и разумных мужиков, наживших своим трудом образцовые богатые хозяйства.

"...А о той молчаливой предательской чуме, сголодавшей нам 15 миллионов мужиков, да не подряд, а избранных, а становой хребет русского народа. О той чуме нет книг. И трубы не будят нас встрепенуться. И на перекрестках проселочных дорог, где визжали обозы обреченных, не брошено, даже камешков трех"...

А.Солженицын, Архипелаг ГУЛаг, 1975
Глава II, Мужичья чума,
стр.367

Схваченными жертвами, чекисты набивали, прессируя до отказа, скотские вагоны без окон, без отопления, без еды, без воды и мчали эшелоны за эшелонами на далекий север. Там, где кончалась железная дорога, пересаживали, уже обессиленных голодом, людей, неспособных сопротивляться, на подводы и лошадьми везли дальше, вглубь, выбрасывали на снег и ехали за другими к железнодорожным станциям. Охрана для брошенных людей не требовалась, сотни километров по снегу, при страшном морозе, ни один человек, да еще еле стоящий на ногах от голода не пройдет, не убежит, замерзнет, умрет, "подохнет". Знали это чекисты.

Пошли в ход и "подкулачники:

"А подкулачника в Передовой Теории, как-жись, и не было. Но по захвату косилки ясно стало, что без него не обойтись. Цену этого слова мы разобрали уже. Коль объявлен "сбор тары" и пошли пионеры по избам собирать от мужиков мешки в пользу нищего государства, а ты не сдал, пожалел свой кровненький (их ведь в магазине не купишь) - вот и подкулачник. Вот и на ссылку..."

А. Солженицын, там же, стр. 369

Власть Советов в прессе советской описывала, разъясняла "раскулачивание", как необходимый акт для освобождения народа от "кулаков-кровососов народных", но:

"...Только не описано, как в длинном порядке деревни - и все заколочены окна. Как идешь по деревне - и на крыльчке видишь мертвую женщину с мертвым ребенком на коленях, или сидящего под забором старика, он просит у тебя хлеба,

а когда ты идешь назад, он уже завалился мертвым.

И такой картины у нас не прочтешь. Председатель сельсовета с понятой учительницей входит в избу, где лежат на палатках старик со старухой (старик тот раньше чайную держал, ну как ни мироед? Никто ведь не хочет с дороги горячего чаю?) И трясет наганом: "слезай, тамбовский волк!" Старуха завывала, а председатель для пущей остротки выпалил в потолок (это очень гулко в избе получается). В дороге те старики оба умерли. Уже тем более не прочтем о таком приеме раскулачивания: всех казаков (Донская станция) скликали на "собрание", а там окружили с пулеметами, всех забрали и угнали. А уж баб потом выселять ничего не стоило...

Кто успевал, от той чумы бежал в город. Иногда и с лошадью, но некому было в такую пору лошадь продать: как чума стала и та крестьянская лошадь, верный признак кулака. И на конном базаре хозяин привязывал ее к коновязи, трепал по храпу последний раз и уходил, пока не заметили"...

А.Солженицын, там же стр.373

Спасаясь от МУЖИЧЬЕЙ ЧУМЫ из сел, деревень и казачьих станиц, люди бросились в города с надеждой успеть скрыться, устроиться на работу на заводе или фабрике, где выдавались карточки, получившим работу на определенный кусок хлеба. Добравшись до города, беженцы от чумы за неимением квартир, которых нехватало самим жителям города, рыли

просто ямы и кое-как прикрывали эти ямы от дождя и снега. Так как власти запрещали такое самовольное строительство и милиция разгоняла строителей, эти поселения кто-то называл, а потом оно и осталось - "Нахаловки". Тот, кому удалось получить работу, получал карточку на хлеб и жил; тот, кому это не удавалось, ходил по городу прося милостыню. У хлебных лавок стояли тысячные очереди, ожидая, когда привезут хлеб. Занимали очереди еще с ночи, как только стемнеет, хотя милиция и разгоняла длинные хвосты, стоящих голодных людей. Стояли на морозе, в снегу, в порванной обуви, а то и без, просто тряпками обвязанными ногами, дрожа и глотая голодные слезы, целыми ночами. Утром привозили хлеб. Получив жалкий кусок хлеба, делили на семью, на мелкие кусочки и жадно съедали их. Хлеб был черный, как смола, полусырой и жидкий. В нем было все, что угодно, кроме минимального процента настоящего зерна. Но голод делал полученную пайку неизмеримо вкусным и удаляющим от рядом стоящей голодной смерти. Ходящим с протянутой рукой, просящим хлеба, никто его не давал, его не было, его съели уже до крошки сразу же, как только получили по карточкам. У городского партийного начальства, у чекистов, охраняющих это начальство, на столах лежал белый хлеб и наилучшие продукты питания. Но СЧАСТЛИВЫЕ ГЛУХИ К ДОБРУ! А ТУТ ЕЩЕ И КАКОВ СОРТ СЧАСТЛИВЫХ!?

Вскоре на улицах города Таганрога, равно, как и в других городах, поутрам проезжал грузовик, подбирали трупы умерших голодной смертью людей. Их было бесконечное множество, их никто не считал, их никто не хо-

ронил, их просто сбрасывали в ямы и засыпали землей. В общей сложности только на юге России - Украина, Дон, Кавказ, Кубань, Крым мор голодом убил до восьми миллионов человек.

В 1932 году у пушек Петра Великого по-редели ряды собиравшихся ребяток. Куда-то исчез Ванька-Хохол. Позапрытались подальше, пахан его кулаком был, поговаривали ребятки. Длиннонос иногда появлялся со сворой огольцов - малолетних воров, хулиганов, которыми он предводительствовал. Отчаянные огольцы, борясь за жизнь, имея финки и ножи, смело нападали на людей и отнимали все, что только можно было есть. Отнятое тут же совали в рот - жили! Но вскоре Длиннонос совсем исчез, - снюхался с настоящими ворами-рецидивистами и мастерами "мокрого дела" (убийства) и укатил в Ростов, поговаривать стали ребятки. Отец Длинноноса инвалид Первой Мировой войны, мать временно работала поломойкой у местного начальства, а потеряв работу, присоединилась к мужу, просить милостыню. Их и подобрал одним утром "грузовик-смертник" рядышком лежащих, застыли, умерли.

Ванька-Слеп лично сам видевший мертвых родителей Длинноноса рассказал ребяткам и при всех, не выдержал, заплакал. Ребятки, понутив головы, насупясь долго молчали. Даже никогда раньше неунывающий весельчак Ванька-Шиша поник головой, молчал. Пришедший Абрам-Абрашка, сунул ребяткам по куску хлеба, да еще белого.

- Откуда? - удивился Шиша.

- Цыц! - Абрашка приложил палец к губам:
- Пахан "на черную" шьет начальству туфли. Особенно бабам ихним, ясно? Конечно, попа-

дется, "поплывет" на десять лет к "белым медведям". Цыц!

Ребятки понимающе закивали головами, быстренько уплели белый, приятно пахнувший хлеб. Но вот еще вскоре случилось чудо, — Ванька-Шиша "припер" к сидящим у пушек голодным ребяткам не только целую буханку белого хлеба, но и колбасу, да еще и перво-сортную, не из "конницы Буденного". Когда однажды в магазинах появилась на очень короткое время колбаса из конины, ребятки подхватили кем-то придуманную песню:

"Слушай, товарищ!
Война уж на носу,
А конница Буденного
Пошла на колбасу!"

Удивляться было чему и Ванька-Слеп тараща глаза на друга, сказал:

- Чудо, ведь настоящая колбаса!

- Настоящая, будьте уверочки! Это из Торгсина. Маханша отнесла свое обручальное кольцо в это заведение, а там за настоящее золото можешь купить даже птичье молоко!

- А что за название такое странное - ТОРГСИН? - спросил, быстро заморгав близорукими глазами, Слеп.

- А кто его знает. Ты грызи, а то "дуба" даш вне очереди! - посоветовал Шиша...

И понес голодающий народ в ТОРГСИН обручальные кольца, всякий найденный в доме кусочек золота, включая содранные золотые коронки с зубов. Через несколько месяцев кремлевские заговорщики все народное золото в стране, имели в своих руках. ЛОВКОСТЬ РУК - НИКАКОГО МОШЕНСТВА! Тифлийский вор, хорошо знал свое дело. ФАКТ НА ЛИЦО!

Голодающие ребятки летом оживали, подкреплялись. Родившись у моря, они все плавали с детства, как лягушки и ныряя добирались до самого дна, выдирали бычков, (рыба, водящаяся на дне морском и особенно у берега в шпалах). За ловлю рыбы власть давала десять лет заключения, как "за расхищение государственного имущества". Но ловить рыбу запрещалось сетями. На пляже, где купаются люди, бычков не было, они были как раз в порту, у пристани в шпалах и на дне. И ребятки без всяких удочек и сетей, приходили в порт и ныряя голыми руками выдирали бычков. Выносили тайком пшеницу. В порту пшеница лежала в амбарах. Пшеницу Сталин продавал за бесценок иностранным государствам, в то время, как народ падал замертво от голода на улицах городов и сел. "Сталин нас воровать научил" - посмеиваясь, говорили подростки.

Конечно, ребятки, которые не научились воровать и бороться за жизнь в условиях, в которых они жили, умерли вместе с их родителями. А когда стал появляться, продаваемый без карточек кукурузный хлеб в магазинах, и кое-какие продукты, ребятки, пережившие мор голодом, очень быстро окрепли, выросли в жизнеспособных, крепких духом юношей, им теперь было и море по колено. Большой гурьбой они темными ночами переплывали Азовский залив и, как саранча, обсев колхозный виноград, наполнив до отказа свои желудки,плыли обратно. Колхозники в ужас приходили, оглядывая объединенные виноградные участки. Председатель колхоза и прочее начальство неоднократно устраивали засады, с целью поймать хотя бы одного из ребяток. Но, увы, как только, выскакивая из засады, колхозни-

ки шли с палками в атаку на ребяток, так ловкие плавцы с разгона прыгали с высокого берега в воду и плывя под водой, выплывали далеко от берега и хохоча от спортивного удовольствия, плыли во свояси. Колхозники только один раз попробовали нагнать ребяток на лодках, но эта их попытка окончилась очень плачевно. Ребятки целой гурьбой, подплыв к одной лодке, перевернули ее вместе с колхозниками, чуть не потопив решившегося на контратаку неприятеля. Один раз в выпавшую очень темную безлунную ночь произошел конфуз с Ванькой-Слепом. Во время атаки колхозников, он прозевал во-время пробраться к берегу, а бегущий противник с палками, заметив его, отрезал ему "отступление". Какой-то здоровенный дядька-хохол, размахивая палкой, бежал ему наперез и страшно орал: "перемай"! Другие "хохлы" бежали с другой стороны, был сделан "обхват противника с флангов". Видя, что ему не прорваться к берегу, Слеп юркнул в кусты и замер. "Хохлы" долго ходили вокруг да около, тыкая палками по густым зарослям, ища ускользнувшего у них из-под носа противника, но увы, так и не нашли. Спасла Слепа темная ночка. Выждав, когда дядьки-хохлы, ругая "городских лиходеев", стали уходить, Слеп, боясь быть вновь замеченным не прибег к прорыву к берегу, а пополз по высокой траве в степь, решив по суше обойти Азовский залив. Пройдя пятнадцать километров пешком, Слеп уже утром притащился к поджидавшим его у пушек с тревогой ребяткам.

- Зеваку поймал, Слепондя несчастная! - бльмая глазами и одновременно подтягивая всегда спадающие штаны с жирного его живо-

та, заорал на Слепа Борис, - волноваться заставил нас!

- Что орешь, Болван Иванович? Меня хохлы в кольцо взяли, с дынами искали меня. Хоть мечи икру, а все одно идти на прорыв невозможно было. Пришлось вот пешком чимчиковать на своих двоих, заткнись, Борька!

- На грызи бубан (бубан - блатное выражение - хлеб), снисходительно буркнул Борис и сунул Слепу кусок белого хлеба.

Ребятки, жуя принесенный Борисом белый хлеб, посмеивались над оплошностью Слепа и советовали в другой раз зевак не ловить.

- И где ты берешь такой чудесный хлеб, Борька? - набивая рот пухким, ароматно пахнувшим хлебом, спросил друга Слеп.

- Ну, Слеп дружище, ты на самом деле Болван Иванович с твоим странным вопросом.

Борис, блымая глазами и подтягивая штаны, принялся объяснять Слепу социальную структуру Советского государства.

- Вопрос твой, прямо таки надобно сказать, из ряда вон никчемный! Глянь на мои туфли, ну!

- Вижу, на большой, модельные!

- А теперь на брюки, ну!

- Вижу, на большой, шевиотовые!

- А теперь скажи, как ты думаешь, директор обувной фабрики, туфли что ли жрет? А директор мануфактурных изделий, шерсть или хлопок жрет? А?

- Нет, конечно.

- То-то же, Слепондя Иванович! Мой пахан заведующий пищепромышленного предприятия, он снабжает жрачкой первоклассной этих начальников ширпотреба, а они щедро расплачиваются. Да ты только помалкивай, а то про-

дашь моего пахана, а я тебе голову откручу за такое дело. Понял? - Борис угрожающе глянул на Слепа.

- Я тебе не Павлик Морозов, - пробасил Слеп, укоризненно глянув на друга.

- Знаю, что нет. Грызи бубан. - извинительным тоном проговорил Борис.

- Ты, Борька, я вижу, не совсем болван беспросветный. Зря мы тебе "приставку" Би-Би подбросили. - в раздумии, покрутив головой, сказал Ванька-Шиша.

- Ну, это уж ваша вина разгильдяи ивановичи. А сейчас вон гляньте!

Ребятки устремили взгляды на подошедшую к яхтклубу байду (байда - довольно большая парусная посудина).

- Хохлы арбузы привезли! - радостно первый воскликнул Женечка-Носик, почесывая на носу горбинку.

- Живем, ребятки, арбузы шамаем сегодня! - захлопав от предвкушаемого удовольствия в ладоши, взвизгнул Шиша.

В это время к пушкам подошли двое незнакомых ребят. Они бойко улыбаясь, поглядывали на ребяток.

- А вы кто такие? - оглядывая незнакомцев, спросил Шиша.

Парнишки переглянулись, а потом один из них с особо бойким видом, стал пояснять, что они недавно прибыли с партией переселенцев из Центральной России. Что переселенцами, власти заполняют пустые жилища, вымерших в годы мора голодом, людей.

- Все понятно, - оборвал рассказ новичка, Шиша, - вы оба из "капации" к нам заявились, слышу по вашему кацапскому выговору русских слов, впрочем, это не важно. Как зовут то тебя? - Шиша глянул на особо бойкого

с курносым носом и немного скуластым лицом паренька.

- Яван, - ответил новичек.

- Не Яван, а Иван! - поправил Шиша, - а тебя как? - Шиша, рисуясь повелительным начальствующим тоном спросил другого парнишку из "кацапии".

- Яван, - ответил другой новичек.

- Вот кацапия несчастная! Я уже сказал, не Яван, по-русски произноситься, а И-ва-н! Ясно? Проблема с кацапами, та же, что и с "хохлами". Что скажешь, Носик? - Шиша изображая серьезное задачливое выражение на лице, глянул на "хитрого грека".

- Никакой проблемы, Балда Иванович, Шиша, ты! Ну-ка ты, первый, да как твоя фамилия? - энергично заговорил Носик.

- Кузнецов я. Да чаво это вы так заноситесь? - нахмурился особо бойкий "Яван".

- Хо-ро-шо. Кузнецов Иван, ты особенно у нас не вертуйся, а запомни, что от сегодняшнего дня ты кре-по-сте-нин. И зовут тебя вместе с "приставкой" Ванька-Кацап! А тебя, - Носик замаялся, поглядывая на другого Ваньку из "кацапии".

- Да шо тут и балакать! Кацапы в лаптях ходят, - забалакал напыжившись Ванька-Куркуль, - Ванька-Лапоть звать цього хлопца и все туточки!

- Молодец Куркуль, теорема решена! Теперь ближе к делу, глядите, байда якорь бросила у "Феликса" рядышком, это хорошо! На нем Марк-Капитан и Вовка-Волдырь.

Шиша уже хотел давать распоряжение на "арбузную операцию" - наскока на арбузы, как неожиданно появилась Лара в сопровождении Вани Саркисяна - Иваноса-Длинноноса.

Они шли, направляясь прямо к ребятам. Длиннонос за минувший год совсем изменился. Ребята хорошо помнили, когда он, вернувшись из Ростова, будучи уже настоящим уркой-вором с солидной суммой денег и с шиком разодетым, но узнав о смерти родителей, он как-то осунулся, стал молчаливым. Подолгу сидел он один у пушек с поникшей головой, о чем то думал, уходил, когда подходила у пушкам толпа его неунывающих, хотя и голодных, сверстников. Последнее время Длиннонос вновь ожил, стала появляться на лице его улыбка. Он за один год вырос в красивого с серьезным лицом, юношу. Этим летом он, решив вернуться в школу, усиленно подготавливался к предстоящим экзаменам. Вера Григорьевна и Лара, приезжавшая на каникулы домой из Московского педагогического института, не жалели времени на особенно старательного преуспевающего ученика. Вера Григорьевна долго уговаривала директора школы принять обратно в школу несчастного, вернувшегося домой осиротевшего беспризорника. Директор и заведующий учебной части 15-й школы водников дали согласие принять Саркисьяна в седьмой класс, если он сдаст экзамены на переэкзаменовках с отстающими школьниками перед началом нового учебного года в сентябре месяце. Борис Шапошников тоже готовился к переэкзаменовкам, насильно заставлял себя зубрить ненавистную ему математику.

- Здравствуйте, ребята! Что митингуете?

Лара приветливо улыбнулась, медленно обводила взглядом ребят.

- Да мы вот тут Борьку подучиваем правилам извлечения корней, - Шиша подмигнул потихоньку ребятам.

- Это же каких корней? Сорной травы, что ли? - улыбнулась Лара.

- Ма-те-ма-ти-чес-ких, конечно, Лариса Ивановна! - демонстративно кланяясь, отряптовал Шиша.

- Вот как? Ну, для таких извлечений ему немного рановато. Впрочем, Борис, послезавтра занятия с отстающими по математики в одиннадцать дня, приходи. Прийдешь?

- Обязательно, - быстро отозвался отстающий ученик.

Но как только Лара, повернувшись, зашагала к дому, он, заблывая глазами и подтягивая, сползшие с жирного живота брюки, хихикнув, показал вслед "учительницы" язык.

- Ша, ребятки, долой сейчас математику и прочее, ближе к делу! - Шиша стал излагать свой план по поводу "арбузной операции", - нужно только вечера дожждаться!

- Негодный твой план, Шиша. Я отсюда вижу, на байде двое хохлов. Один будет дрыхнуть, а другой сторожить, как в прошлый раз, не годится так, - запротестовал Женечка-Носик, и тут же предложил: - вот пускай Длиннонос за дело возьмется, он мастер, а ты Шиша, просто делетант. Берись Длиннонос, выручай нас. Завтракали мы виноградом далече от сюда, обедать не пришлось, а ужин нужно с боем взять!

Носик развел руками, с надеждой на выручку голодных ребятков, посмотрел на друга. Озорные огоньки заблестели в бархатных глазах Длинноноса и он тут же согласился руководить "арбузной операцией", с условием, что никто не будет вмешиваться в его руководство. Получив согласие, Длиннонос, вынув из кармана два "червонца" (червонец -

десять рублей) и сунул их Борьке Шапошникову.

- Беги, Борька, в "Центроспирт", возьми две поллитровки, килограмма два "мандры" (мандро - хлеб, блатное выражение) и колбасы, да смотри, не "буденовской"! Да ладно, уж какая будет, погрызем.

Борька поблмыал глазами, подтянул брюки и бросился бежать на Ленинскую в магазин "Центроспирт".

- Возьми Слепа с собой для компании, - крикнул ему вслед Длиннонос.

- Слеп у нас сегодня не только без глаз, но и без ног, - усмехнулся Шиша и рассказал проведенную прошлой ночью "виноградную операцию".

- Маху дал, ты Слеп. Но ничего, мы тебя в сегодняшней "арбузной операции" дома кашеваром оставим. - Длиннонос покровительственно похлопал по плечу Ваньку-Слепа.

Вскоре вернулся Борис.

- Припер, ребятки, жрачку и горючее, живем! - объяснил он.

Хорошо подкрепившись колбасой и хлебом, ребятки, усевшись в кружок на траву, поджидали, когда начнет темнеть.

- Расскажи нам, Ваня, про свои похождения, - предложил Длинноносу Ванька-Серб.

- Долго рассказывать, уклончиво ответил Длиннонос, - пересчитывая толстую колоду новеньких червонцев.

- Капитал у тебя, вижу, пузатый, чуть ли не такой, как у Маркса, - пошутил Жененка-Носик, указывая глазами ребяткам на деньги в руках Длинноноса.

- "Капитал" Маркса можешь заткнуть корове под хвост, когда у нее сильное расстрой-

ство желудка. А это, - Длиннонос потряс пачкой червонцев, - хотя и небольшой, но настоящий капитал.

(Длиннонос в разговоре применял отъявленный, вгрызшийся в него, хулиганский блатной язык).

- А я шучу, Ваня.

- А я не говорю, что ты не шутишь. Гроши эти не одним наскоком заработанные и они мне нужны. Мне бабку нужно мою кормить, да и самому что-то грызть нужно, коль учиться затеял я вновь. У вас паханы, да матери есть, а я... - Длиннонос замолчал и тяжело вздохнув, уклоняясь от нахлынувших опять на него тяжелых мыслей, вслух сказал:

- Вот скоро начнется учебный год, опять встретимся со всеми старыми друзьями, веселее житуха пойдет.

- Ты, стало быть, вор? - спросил неожиданно новичек-крепостянин с курносом носом и особо бойким лицом - Ванька-Кацап.

Длиннонос заблестев зло глазами ответил:

- Да, вор! А тебе, что до этого?

- И я тоже вор, да только вроде тебя, мелкая сошка-воришка!

- Да кто ты такой? - Длиннонос сердито нахмурил брови со злобой и удивлением смотрел на незамеченного им вначале своих ребяток блондинистого курносого парня-незнакомца.

- Ты, паря, я вижу, в ворах не разбираешься, как следует, - проговорил курносый.

Длиннонос вскочил с земли и подошел вплотную к дерзко и смело смотревшему на него курносому со скуластым, типично многим русским лицом, парнем.

- Что хош, поясню? - улыбнулся курносый.

- А я вот сейчас поясню! - размахнувшись Длиннонос сильно ударил новичка по лицу.

Но тот, зашатавшись, удержался на ногах и немедленно ответил на удар. Длиннонос, как ни старался, но не удержался, упал. Схватившись с земли, он выхватил из кармана финский нож и присядая, готовился прыгнуть на курносого парня, но чья-то сильная рука во-время схватила его за запястье, нож упал на землю.

- Нет! Нет! Так не честно, нож не применяется в кулачном бою, Ваня!

Перед Длинноносом, от неожиданности удивленно заморгавшими глазами и всей большой гурьбой ребяток, стоял Марк-Капитан, за его спиной улыбался Владимир Еремин (Вовка-Волдырь - "приставка"). Из-под морской полосатой тельняшки Марка бугрились свинцовые слитки мускулов. С широченными плечами он был и выше всех ребяток на целую голову.

"Этот наверное атаман всей шайки крепостян и неподчиняться ему не приходится, бой окончен", про себя подумал курносый паренек Ванька-Кацап, рассматривая Марка и подняв нож, протянул его Длинноносу, сказал:

- Возьми нож, чай нам в "арбузной операции" пригодится он.

Выждав, когда пылкая натура армянина Саркисьяна угомонилась, Марк пустил его руку и дружески обняв за плечи, спросил:

- Какова же причина драку вызвала, да еще до ножа дошло? Как так?

- Вором, гад, назвал меня. Да еще и насмеяться стал, да счастье его, что ты...- Длиннонос метнул огненный гневный взгляд на курносого парня.

- Да вовсе не назвал, я спросил ево. Я сам такого сорта вор, как и он. Растолковать хотел, а он в драку бросился, - запротестовал курносый, вытирая рукой, сочившуюся из носа кровь.

- Вот как! Ты я вижу, новичек у нас тут у пушек Петра Великого, у крепостян, так ведь? Я Марк Рудаков, а ты? - протягивая курносому руку, дружелюбно улыбаясь спросил Марк-Капитан.

- Яван я, Кузнецов. - курносый крепко пожал протянутую свинцовую руку Марка.

- Он жалится, что без матери и отца остался, да бабка есть у него, а вот у меня... - курносый тяжело вздохнул и разведя сокрушенно руками, опустив голову, тихо сказал:

- Никого нету у меня из родных, круглый сирота я.

Притихли ребятки, слушая, понутив головы, рассказ нового крепостянина.

- Родом я из под Москвы самой, а расти пришлось в детдомах, а больше на улице. Бежал я два раза из детдома на волю к огольцам, воровством жил, запикивал в рот, что под руки попадалось, от смерти голодной спасался. Да нашлась вот семья одна добрая, сказали мне, что отца моего хорошо знали, они и сказали, что отец мой Яван Кузнецов в Гражданскую здесь убит был, а мать опосля умерла. А иначе бы я и фамилии своей не знал бы, а так знаю, Кузнецов Яван я.

- Ты, я вижу, с переселенцами из центральных областей России к нам на Дон прибыл, Иван, - ложа руку на плечо "Явана", спросил Марк.

- На прошлой неделе прибыли. Вона, видишь хату у края улицы полуразваленную, вот

в ней мы и поселились и ремонтируем ее. В ней, говорят, люди померли? - курносый вопросительно глянул на Марка.

- Да, померли, Ванек, померли, да не в одной твоей хатке, а во многих. Ну, что же ты теперь наш Ванек, кре-пос-тя-нин! А "приставку" тебе прилепили?

- Кацап, - моргая близорукими глазами, буркнул Слеп.

Курносый довольно улыбнувшись, кивнул головой, подтвердил: - Кацап!

- А ты чей? - Марк стал оглядывать другого паренька из "кацапии".

- Из того же сорта, что и Кацап, а зовут меня вместе с приставкой - Ванька-Лапоть

Белобрысый другой новичек, только не курносый, как первый, весело рассмеялся и крепко пожал Марку руку.

- Ребятки, да хватит вам тут тары-бары разводить - с "операцией" опаздываем!

Шиша вскочил на ноги и обеими ногами пинками стал подталкивать ребяток под задние места.

- Длиннонос, ты взялся командовать, а сам шумиху никчемную начал. А ну, давай, действуй!

- Не шипи, Шиша! - Длиннонос оглядел ребяток и вручая две поллитровки водки Марку, сказал:

- Твоя помощь требуется, Капитан...

Не прошло и полчаса, как Марк и Вовка-Волдырь, подплыв на ботнике к "Феликсу", угощали водкой двух "хохлов" на байде с арбузами. Уже было совсем темно, когда подплывший к "Феликсу" Длиннонос спросил:

- Ну, что?

- Оба дрыхнут, хоть с пушек пали, - хихикнув отозвался Волдырь.

Длиннонос и Шиша безшумно, по кошачьи, крадучись, забравшись на байду, приступили к работе... Принимая из их рук огромные арбузы, ребята потихонечку опускали их в воду и толкая, вереницей, направляли плыть к берегу. Оставшиеся на берегу ребята, подбирая подогнанные, приплывшие арбузы, передавая из рук в руки, конвейером направляли арбузы в самые густые заросли колючего кустарника под обрывом, недалеко от пушек. Вскоре арбузы из колхозной байдды перекочевали в предназначенный им "склад", а с опустевшей байдды доносился громкий храп спящих "хохлов". "Арбузная операция" под командованием Иваноса-Длинноноса была, по мнению ребят, блестяще выполнена.

Утром подъехали подводы грузить для отправки их на базар. Возницы с недоумением слушали рассказ проспавших "хохлов" о странном исчезновении прошлой ночью арбузов.

Целый месяц "шамали" ребята и многим другим давали сочные, сладкие, как сахар, арбузы.

В один из этих дней Длиннонос, подавая финский нож Кацапу, с ноткой извинения, сказал:

- Секи, Ванек, арбуз пополам, завтракать с тобой будем.

И когда Кацап, разрезав пополам арбуз, протянул ему сахарно-рассыпчатую половину, Длиннонос беря ее левой рукой, правую протянул Кацапу и смущенно сказал:

- Извини меня, браток, за прошлое.

А когда Кацап сильно потряс его руку, Длиннонос с заигравшимися в его иссиня-черных глазах озорными огоньками, крепко сжимая руку Кацапа, добавил:

- Дружить будем, тезка! Ты прав, мы только мелкие воришки, а настоящие воры у товарища Сталина, в его Совнаркомах сидят.

Однажды вечером, за ужином Марк рассказал матери и Ларе о проведенной успешно "арбузной операции".

- И ты участвовал в этом воровстве? И не стыдно тебе? - удивилась мать.

- Голодным детям нужно что-то кушать, им помощь нужна, мамочка! - осторожно заступилась за брата Лара.

- О ужас! Что творится на этом свете?

Вера Григорьевна, схватившись обеими руками за голову, ушла в свою комнату...

Х Х Х

И опять пролетели, как ручейки после многоснежной зимы, прожурчали еще два года. Наступил учебный 1935 год. Саркисьян, успешно окончив восемь классов средней школы, уехал в Москву в военное танковое училище. Ванька-Кацап, Ванька-Лапоть, Ванька-Серб, закончив семилетку, поступили в Ростовское военно-пехотное училище. Марк, окончив десятилетку, уехал в Ленинградское военно-морское училище. Абрам Гасс поступил в Таганрогский институт механизации. Вовка-Волдырь, закончив десятилетку, поступил в Ростовское артиллерийское училище. Шиша учился в десятом классе 15-й школы водников. Женечка-Носик уехал в Мариуполь, стал студентом металлургического института.

Ванька-Слеп и Ванька-Куркуль бросили школу, поступили в ФЗУ (Фабрично-заводское училище).

У пушек Петра Великого теперь изредка собирались поредевшие ряды друзей "ребяток-крепостян".

Борис Шапошников провалился на переэкзаменовках и был оставлен на второй год в пятом классе. Скучая за друзьями, он часто сидел один у пушек, задумчиво-нахмуренно, подолгу смотрел, как вдали, в открытом море плещатся высокие волны, волнуется морская стихия.

Х Х Х

III

Тетка Марина, прихватив "авоську" (небольшая сумка) направилась попытать счастье, пошарить по магазинам, "авось что-нибудь привезли", думала она. Может селедку, может картошку, а может к счастью великому в мясной магазин всегда одними продавцами, да пустыми полками маячившими, пельмени с мясом свиным подбросили. Такое счастье, хотя и редко, но перепало на долю голодного города. Свернув за угол, тетка Марина, кутаясь в шаль, с надеждой зашагала на Ленинскую, где у каждого магазина стояли с "авоськами" люди, ожидая, когда привезут и будут "давать", что либо из "жрачки" или "барахла". Проходя мимо здания, в подвале которого хранились овощи, тетка Марина заметила, как двое мальчуганов что-то спешно делают присев у окна подвала. Мальчуганы, не обращая внимание на остановившуюся тетку Марину, продолжали ловко работать. По очереди они бросали через решетку с разбитым

стеклом окна небольшие, сделанные из толстой проволоки с "жалом" на конце и привязанные к веревкам "орудия" - нечто подобное копыя. Нанизав картофелину или луковицу, мальчуган вытягивал веревку и сняв с "жала" добычу, поспешно совал ее в карман. В это время другой мальчуган, метал свое "копье".

- Вы, что же это, воруете, дети? - воскликнула удивленная и испуганная тетка Марина.

- Не воруют они, тетечка. Иди себе дальше! - раздался басовитый голос за ее спиной.

Оглянувшись, тетка Марина увидела перед собой здорового рыжего парня. Он держал в руках мешок наполовину наполненный картошкой и луком и сердито хмурясь молча кивнул ей головой, давая знак убираться подобру - поздоровому.

- Да воруют же они! - запротестовала тетка Марина.

- Говорю же вам, что не воруют они.

- А что же они делают?

- Во-ро-ван-ное отбирают назад! Ты, тетечка, вижу, безграмотная, наверно в ликбез не ходили? - насмешливо, но не зло улыбнувшись сказал рыжий.

Вынув из мешка несколько картофелин и луковицу, протянул их тетке Марине, уже без насмешек сказал:

- Возьмите-ка, тетенька и идите и ешьте на здоровьечко.

- Ворованное не возьму! - взвизгнула тетка Марина и отшатнувшись от рыжего, бросилась прочь скрепя по снегу подшитыми валенками.

- Не хош, как хош, а только смотри... заявишь... башку оторву! - пригрозил рыжий.

- Пошли, ребята! Хватай на сегодня!

Мальчишки последовали за, взвалившим на плечо мешок, своим "начальником". Рыжий парень, носивший кличку "Рыжик" был предводителем большой шайки подростков и равных летами ему самому ребят, проживающих в окрестности Старого базара, по соседству с крепостями, с которыми вся шайка была в дружбе и даже приходили большими компаниями к пушкам Петра Великого. Отчаянный рыжий атаман, даже не боялся воровать фрукты на даче у самого советского градоначальника. Такое воровство атаман считал не воровством, но отбиранием ворованного добра властью у народа. Но он строго запрещал своим подчиненным воровать "чужое".

Однажды осенью один из его шайки мальчуган, пряча под рубахой наворованные яблоки, протягивая атаману яблоко, сказал:

- На-ка, покушай. Сладкое, как мед!

- Где взял? - спросил атаман.

- Вон там, у эптова двора, что над обрывом, - указывая на бедную хатенку, доложил мальчуган с кличкой "Шарик".

Рыжий атаман наверняка знал, что в указанной хатенке жила одна бедная старушка, у которой во дворе стояла только одна яблоня.

- Зачем чужое взял, вор? - зло заорал атаман, - отнеси сейчас же назад! Иди за мной, - приказал он.

Из бедной хатенки, стоящей над обрывом у моря, вышла старушка и спросила, что хотят, постучавшие в калитку ребята молодцы.

- Тетенька, тут вот я с вашего дерева яблок нарвал, - запинаясь начал "Шарик".

- Не нарвал, а украл! - поправил его рыжий атаман.

- Накрал, - понизив голос и опустив голову согласился "Шарик".

- Возьмите назад, тетенька, не гневайтесь, - протягивая яблоки, сказал сконфуженно-виноватым голосом "Шарик".

Старушка, отстранив рукой яблоки, скорбно посмотрела на обоих парней и ласково, но наставительно ответила:

- Просящему прощение - прощается. Кушай, сынок, на здоровье. Идите, дети с Богом.

Старушка с умилением посмотрела на покрасневшего вора и нежно погладила его по голове.

- Спасибо, бабушка! - уже отойдя спохватился Рыжик.

- Спасибо, бабушка! - крикнул прощенный вор.

Старушка, ласково улыбнулась, кивнула головой и скрылась за калиткой.

- Отбирай только во-ро-ван-ное, а сам не воруй! Понял! Тоже мне вор нашелся! - наставительно, хмуря брови, повелел атаман.

Тетка Марина долго перекачевывала от одной до другой очереди с "авоськами". Никто толком из ожидающих не знал, что привезут и когда будут "давать". Так просто стояли люди и думали - АВОСЬ? Греюсь, колотили ногу об ногу, потирали стынущие руки, горбачились от холода, от властно-требовательного ощущения в желудках...

В пятом часу, узнав сколько времени, тетка Марина бросилась почти бегом прямым путем на "черный рынок". "Зять и дочь скоро с работы придут, а чем я кормить их стану"? - Думала она и ругала себя, что зря потратила время на "авось-ка". На базаре из под полы она в несколько минут купила картошки и кислой капусты и даже кусочек присоленной

свинины. Конечно, пришлось заплатить очень дорого. Тетка Марина, спеша домой, даже боялась признаться себе, сколько она израсходовала денег. До аванса еще далеко, а деньги кончаются, с волнением думала она. Прибыв домой, тетка Марина поставила варить щи и немного успокоившись зашла к вдове по соседству проживающей, рассказать, как детвора ворует из государственных погребов овощи.

- Ты знаешь, что сегодня мне пришлось повидать, Христофоровна! - с порога начала тетка Марина.

- Что случилось? - вынимая из печки печеного чебака (лещ) любопытствовала хозяйка.

Поставив жаровню на стол перед своим сыном, оправив фартук, она выжидательно посмотрела на тетку Марину. Сын, лет пятнадцати парнишка, отрезал большой кусок, издающего приятный запах печеного чебака, принялся "уписывать за обе щеки". Тетка Марина принялась с жаром рассказывать, как мальчуганы воруют, не боятся, да еще угрожают за донос.

- Воруют, говоришь, Фоминична, воруют? А это, думаешь, что не ворованное? - указывая головой на испеченного чебака - проговорила с печалью соседка.

- Как так?

- Да вот как! Сынок мой ворует рыбу и кормимся мы ворованным. А то уж давно бы ноги протянули. Грех один, Фоминична, но, что можно поделатъ. Голод то уж как мучает, мучителен голод, да и не хочу, чтобы единственный сынок мой на глазах моих с голоду помер. Сердце кровью обливается, как подумаю об этом. Вот и принимаю краденное, готовлю, кормлю сына и ем сама. Заработок

мой - уборщицы каков? Суди сама, как хошь, - разведя руками, скорбно глядя на соседку, закончила повествование Христофоровна.

Удрученная тетка Марина, как-то боком приблизилась к столу и нагнувшись к сыну соседки глухо спросила:

- Воруешь, Гришенька. А?

Паренек поднял голову, безразлично посмотрел на возбужденную и удрученную тетку Марину, не спеша облизав пальцы, а потом с уверенностью сказал:

- Нет, не ворую.

- Да как же так? А что же делаешь то? - удивленно всплеснув руками, плачуще проговорила тетка Марина.

- Во-ро-ван-ное отбиваю, - с удивлением глянув на тетку Марину с тем же спокойствием и уверенностью ответил паренек и опять взялся, громко чавкая, уписывать чебака.

- Наши деды, тетка Марина, - вдруг, перестав чавкать и привстав, заговорил паренек, - с покон веков жили у моря Азовского, и море это наше, и все, что в нем есть, тоже все наше! А вот воры на виду всего народа, целыми машинами увозят рыбу нашу. В магазинах ее нет, значит продают за границу, а нам кукиш вот такой! - тыкнув "дулю" в воздух злобно проговорил паренек и помолчав, с холодной уверенностью, добавил: - Нет, не ворую я, свое отбиваю у воров! - И встав из-за стола накинул на плечи стеганку, взял шапку и вышел во двор.

- Я, маманя, на Воронцовку пойду, - крикнул он со двора матери и взяв сани с прикрепленным к ним крючком для "ловли" рыбы, вышел со двора.

По Воронцовскому спуску, с порта, вверх поднимались с верхом нагруженные рыбой грузовики. Охрана от "отбивателей" народного добра была по сравнению с атакующей ее молодой, закаленной в борьбе за жизнь молодежью, немощной. Всего несколько человек из Рыбтреста на каждом грузовике. Гришатка быстро отвязав притороченную к саням "удочку" и взобравшись повыше по охватывающим телефонные столбы кольцам (столбы вкруговую были как средство укрепления, опоясаны до двух-трех метров вышиной, рельсами и туго прикручены толстой проволокой), подждал первый, приближающийся грузовик, чтобы изо всех сил стебануть своим орудием по тучным, жирным чебакам. Но вдруг подошел к нему рыжий атаман и приказательным тоном, сказал:

- Эй, ты, корешок! Первый грузовик не трогай!

- Что так? - удивился Гришатка.

- Охрана на нем из людей хороших, знаю я их. Им то оборонять рыбу от атаки нашей приказано, а если не станут, так на "десятку" их к белым медведям отправят. А эти люди не хотят бить брата нашего, а стало-быть в опасности. Ясно?

- А то нет, - согласился Гришатка и выждав второй грузовик, изловчившись, нанизав чебака на свое "орудие", прыгнув на сани, помчался вниз по спуску.

Охраники замахали палками, да не доставили ловкого и быстрого охотника на "государственное имущество". Рыжий атаман, держась за живот, покатывался со смеху.

- Молодец, паря! - похваливал он вслух умчавшегося Гришатку...

Вечером, разливая в тарелки щи, тетка

Марина, стала рассказывать дочери и зятю о чинимом детьми воровстве, которое она сама лично видела.

- А как думаете, мамаша, щи вы сварили не из краденного добра, что-ли? - сказал зять.

- Я купила!

- Знаю, что купили вы, да купили то краденное. Ведь из-под полы купили, правда? И костюм мой выходной, вы, щедро заплатив, у спекулянтов купили, и он тоже краденный. И в магазинах, то ли по карточкам, то ли без, вы тоже краденное покупаете. А где вы что-либо не краденное купите? Вся наша страна, и все, что в ней есть, у нас еще в восемнадцатом году украдено. А? Нет у нас давно уже некраденного. Я, вот, с женой работаем, вкалываем так, что у нас руки в мозолях до локтей. И до зарплаты еле хватает на жизнь. А у этих детей может и вовсе никто не работает, а кушать им нужно, иначе помрут. Так ведь? Правильно сказали вам дети, что они не воруют, а ворованное отбивают. Так то, мамаша! Всякое воровство, есть грех, но я думаю, что Господь, прежде чем осудить детей, осудит тех, кто принудил воровать этих несчастных воров-детей.

- Точно! - подтвердила слова зятя, дочь.

Часто и долго размышляла тетка Марина над словами зятя и в ужас приходила от постигшей всю страну действительности. Будучи очень набожной женщиной, она особо остро переживала, когда слышала, как ужасно сквернословит, по-хулигански ведет себя молодежь. Сколько раз она старалась пояснить грешность порочного поведения, молодежи, но мало кто обращал внимание на ее старания. Летом, когда приходила молодежь из крепости к ним на

Малогреческую улицу поиграть в футбол, тетка Марина выходила из своего домика, стоявшего над самым обрывом у моря, на лужайку, где играли в футбол, угощала их то вареной картошкой, а иногда, если приходилось возможным, то и жареными пышками. За ее доброту, дети и прозвали Марину Фоминичну Иванову "доброй теткой". С тех пор и стала она известна, как "добрая тетка Марина".

Молодежь, жуя угощения, слушала наставления тетки Марины терпеливо и даже внимательно. Но наставления тетки Марины были совершенно противоположны с наставлениями, которые систематически, весьма хитро-изворотливо внедрялись в головы детей в советских школах. И опять, зять тетки Марины, на ее жалобы, что советская власть калечит детей, ответил:

- Да, детей калечат особым, прехитрым методом, это точно! Но я вот, мамаша, слышу, как люди старшего поколения дураками и болванами людей обзывают. И тут уж нельзя советскую власть обвинить. Эти люди жили еще до революции. Да просто многие не знают, что грешно, нужно читать Евангелие. Вы читаете и знаете. И я, вот с женой читаем и знаем, что Господь сказал, что ожидает людей, которые своего брата безумным называют. Тут, я думаю, таких людей наставлять наше знание обязывает. И, конечно, Богу молиться за них, - крестясь на икону, закончил свой ответ теще, зять.

Тетка Марина любила своего зятя. Был он набожным, трудолюбивым и спокойным молодым человеком. Присев у окошка, выходявшего к Азовскому заливу, тетка Марина размышляя, смотрела на едва видневшиеся на другой стороне залива казачьи станицы. Она знала, что

летней порой, лишь чуть созреет колхозный виноград, как детвора начинает ночами темными плавать через залив, чтобы утолить голод. Измеряя глазами расстояние между двух берегов, подумала: "Каков же мучителен голод должен быть, коль заставляет детей плыть так далеко. Да ведь утонуть то могут".

Вздвогнув от страшной мысли и прослезившись, тихо молвила:

- Да, в рабстве рожденные они. Прости и сохрани детей полоненной России, Господи.

Х Х Х

IV

С вечера подул Норд-Ост. Сначала отдельными резкими порывами "кустами", пробуждая дремлющую серомутную, свинцовую поверхность Азовского залива, украшая его темно-синими, почти что черными, рябоватыми пятнами. Затем с ошеломленной быстротой усилился, стал остервенело взрывать пробудившееся море.

В открытом море виднелись седые гребешки. Вскоре непрошенные волны свирепо и грубо, шумя и пенясь ворвались в залив; с нарастающей скоростью докатились до берега и ударившись в каменную грудь Северного мола оскорбленные и возмущенные, хмуро насупившись откатывались назад, оставляя за собой следы седой, что-то непоняное шепчущей пены.

Белыми лоскутами с шумным гвалтом над заливом неслись чайки. Неожиданно стремительно, они камнем падали в кипящую пучину, пропадая из виду, а затем еще стремительней,

подобно "истребителям" взметались к небу и опять стремглав мчались над обозленным Норд-Остом морем. Затем, как-будто, по команде, одним мощным рывком, бросившись вниз, они белым бисером, рассыпавшись вдоль каменного берега, нахохлившись, подставляя свои белоснежные грудки под ветер, что-то недовольно бормотали, неугомонно между собой спорили и зло взвизгивая, вытягивали шейки, угрожали соседям своими ярко-розовыми клювами.

Вскоре наступившая тьма скрыла их из виду. Засветились огни на "спасалке". Высоко над бухтой на Воронцовском бульваре замерцал своим спасательным светом маяк. В открытом море, на бакенах вспыхивали и исчезали огоньки фонарей, ветром доносились тревожные басистые пароходные гудки, все, что было застигнуто штормом в море, рвалось в укрытие. Дежурные портовые катера, укрытые бухтой, пискливо переключались, как-бы стараясь напомнить, что и они не спят, стоят на страже и не боятся шторма.

Ветер продолжал усиливаться. Начальник Спасательной станции, капитан Георгий Максимович Честяков, кутаясь в халат, подошел к вахтенному матросу.

- А что, Максимович, как-бы до двенадцати не дотянуло. А? - хриплым простуженным голосом спросил бородатый, с выпуклой широкой грудью, престарелый матрос.

- Не знаю, дотянет ли, но вот до восьми баллов дотянуло. - таким же хриплым, присущим многим морякам, голосом ответил Честяков, глядя на барометр.

- Смотри в оба, Игнат... Случай что, шуми мне.

- Есть! - поспешно ответил бородач, на

секунду выхватив свисавшую с губ "козью ножку" и сразу же опять сунул ее в рот.

Окинув опытным глазом небо, придерживая руками, рвавший ветром, халат, капитан ушел. Игнат, обдавая себя мохорочным дымом, насто-роженно прислушивался к звукам долетавшим с моря. Отчетливо слышал, как в бухте слегка ударяло о шпалы пришвартованный моторный катер "Тайфун" и множество другой мелкой по-суды. Звуки из бухты его не беспокоили, он внимательно, настороженно смотрел вперед в открытое море, откуда доносились тревожные гудки рвавшихся в укрытие, застигнутых в мо-ре штормом, пароходов, рыболовных судов.

Капитан Честяков вошел в единственную комнатушку, где ютился со своей семьей. В углу на кровати безмятежно спали, с детства привыкшие ко всяким непогодам, две его юные дочери-близницы, с трудом и не всегда раз-личимые одна от другой даже близкими знако-мыми. Отец и тот часто наугад обращался к ним. Лишь одна мать, никогда не ошибалась, лишь одна она знала каждое свое дитя и от-дельности. В школу отправляла их одедами в разные цвета платья, чтобы знали, кто из них Люба, а кто Катя...

- Ера, что... разыгралась? - спросила проснувшаяся жена.

- Есть маленько, да ничего, до утра про-несет... полоса это, спи Нюся! - скинув ха-лат и забираясь под одеяло, спокойно сказал Честяков.

- С вечера на севрюжку собирались... да вот, невезло. Капитан порта может нагрянуть, надобно бы хорошо угостить начальство. Да вот... досада! - помолчав добавил он.

- Не беспокойся, есть у меня чем уго-стить начальство, спи папа, - успокаивающе

заговорила жена, старательно подкладывая под плечи мужа толстое пуховое одеяло.

Жена Честякова - Анна Дмитриевна, русская гречанка, расторопная хозяйка, умело, уверенно смотрела за семьей, но последнее время стали одолевать ее все чаще и чаще беспокойные мысли. "Красавицы растут! Вот беда будет со всякими ухажерами"... сокрушаясь думала она. Пятнадцать лет минуло им, расцвели как розы.

Анна Дмитриевна, часто навещая детей в школе, давно уже заметила, как "кавалеры", минуя других девушек, крутятся вокруг да около ее чернооких красавиц. Пристают к ним со своими грубыми выходками - "ухаживают", то толкают, то ножки подставляют, а зимой, хуже того, снегом кормят! Главное, что заметила Анна Дмитриевна, что дочери ее не сопротивляются "ухаживаниям" своих поклонников, хотя и делают вид, что сердятся на выходки "ухажеров", а на самом деле, им нравится такое ухаживание и они украдкой бросают умиленные взгляды на этих "безобразников... "Ей, ей... Влюбится какая из них в какого-нибудь хулигана... То-то, наберемся мы горя с папкой"! - думала Анна Дмитриевна, прислушиваясь, как злится море, как волны лижут стекла, невесть какой старости, окон их "кабины", спокойно бесстрашно, уже сколько десятков лет, смотрящих прямо в открытое, то ли штилем успокоенное, то ли бурей взбаламученное, то ли льдом двухметровым и снежными сугробами покрытое Азовское море.

Смешанные звуки разбушевавшейся стихии убаюкивали Анну Дмитриевну, постепенно, но настойчиво беспрестанно удаляли от нее ку-

да-то дальше и дальше волнующие мысли о дочерях и, наконец, назойливые мысли потерялись, совсем исчезли, отогнанные здоровым сном, здоровой, уставшей от суетной, домашней работы, женщины...

Перед рассветом, ветер резко стал спадать и как бы извиняясь за причиненное беспокойство, неожиданно повернул вспять с юго-запада, подул тихо и ласково. Стал нежно шевелить листву столетних, возвышавшихся над горой, тополей, пахучих акаций.

От Воронцовского обрыва, густо покрытого разнообразными кустарниками, потянуло запахом полыни, ночной фиалки, перемешанным с запахом моря. На секунду, пронизавшая черное покрывало неба, молния озарила огромнейшие чугунные Петровские пушки, вот уже столетие, жадными открытыми, будто пищи просящими, жерлами смотрящими в открытое море. Затем, с оглушительным треском, как стопущечный корабль, грянул гром. Казалось сам Петр Великий подошел к пушкам с запалом в руке и вновь палил по атакующим Таганрогскую крепость турками. Еще несколько раз осветила молния рушки грозного русского царя, а затем, как из ведра, хлынул дождь...

Х Х Х

Всю ночь, без сожаления хлестал дождь в южной окраине Донской области. Уже с вечера стал заметен сильный прилив. К утру северная сторона Таганрогского полуострова, и стоявшие на материке приморские станции, были сильно наводнены. Морской прилив, слившись со встречным течением Дона, высоко поднял воду у берегов ближайших к заливу ста-

ниц по обе стороны Дона. С рассветом, повсюду стало видно суетившихся у рыболовных сетей казаков. К одной из этих групп, пофыркивая мотором приблизился катер ОЧУР. Ловко управляясь с работой казаки изподлобья поглядывали на неприятного "гостя".

- Вот они... черт их несет... за чужим добром дюже "заботятся", - проговорил один казак со злым сарказмом и бросил на гостей гневный взгляд, крепко выругался и повернулся спиной к выходявшему на берег начальству.

Последнее, не обращая никакого внимания на рыболовов, приглушенно что-то поговорили с бригадиром и поспешили дальше, провожаемые враждебными взглядами казаков. Обойдя рыболовов приморских станиц, катер с начальством ОЧУР, круто свернул влево, прибавил ходу, пошел вдоль левого берега Дона. Бригадир стоял в отдалении, с любезной улыбкой махал им картузом...

- Дожили мы, станичники, что из своей реки, нами пойманную рыбу не смеем есть. У моего свояка, рыбу сушенную на чердаке вот энти разбойники нашли. Забрали рыбу и свояка "за расхищение государственного имущества", - со злой горечью забарабанил среднего возраста казак.

- Да, "десяткой" обеспечен, - соглашались проговорил другой.

- А ты, Тимофеич, и ты, Василий Иванович, да разве вы доселе не знаете, что она та сама рыба, стало быть, давно уже советско-подданной стала. Она, эта рыба наша, как и колхозные коровы, еще до революции сами отвергли, этот самый, как ево... "буржуазный класс". И в партию большевиков записались. Если не верите, то загляните в верный справочник, в книгу етого самого,

как ево черта - Карлы-Марлы. Так точно и пишет товарищ Карла: "Вся рыба и коровы в партию товарищей Ленина-Сталина записались". Только мы, казаки, одни мы, стало быть контриками оказались. Вот нам теперь и есть не полагается, как беспартийному классу. Невжели вы, казаки донские, еще доселе не уразумели ентот фокус-мокус? - с хитрой улыбкой в глазах, с деланным жаром, заговорил казак с всегда нервно подергивающейся правой щекой.

Горькая улыбка скользила по лицам казаков.

- А ты, что уразумел, что за дермо спину гнешь? - обиженно парировал насмешку первый.

- Уразумели мы все, станичники, да... нужно было идти служить к Каледину, к Краснову, а не к Буденному! Поздно об этом гутарить, да и не время! - ответил за всех старый сутуловатый с длинной рыжей, с проседью, бородой казак.

- Хватя о сем! - повелительно сказал он, вона "хитропляс" идет. Он за свое "подданство" орден получил, берегись, а то тоже "поплывете" не на "десятку", а целуэ "катушку" (25 лет заключения) влепят вам за такие разговоры! - добавил он, понижая голос.

Все примолкли, чувствуя вину за сделанную роковую ошибку, пряча стыдливо глаза.

Х Х Х

Гнули свои спины казаки, работая на безжалостного, обманувшего их жестоко "хозяина", но твердо знали, что издавна высоко взлетала казачья слава. Прогремела, как гро-

за мощная и как ветер вольный разнеслась во все края Вселенной! Знали, что не справиться Советской власти с казачьей славой, не догнать, не остановить ее до конца своего постыдного преступного владычества. Краешком сердца чуяли, где-то в душе теплилась надежда, что должен быть, в конце концов, когда-то "толчек". Откуда бы этот "толчек" не последовал и тогда вновь подымется, хотя и истерзанное и поредевшее в кровавую революцию, Войско Донское, а за ним и весь великий русский народ и изгонят врага лживого, коварного и кровожадного из дома своего...

Х Х Х

ЗНАЛ ЮТИ МЫСЛИ И ЧАЯНИЯ НАРОДНЫЕ И ТИФЛИСКИЙ ВОР ИОСИФ ДЖУГАШВИЛИ-СТАЛИН.

Х Х Х

V

Николай Александрович Владимиров был командирован в город Таганрог для налаживания дела, начавшегося там строиться судостроительного завода. В Одессе, где под его руководством были недавно выстроены новые верфи, Николаю Александровичу не пришлось долго пожить, хотя он уже успел привыкнуть и даже полюбить этот кипучий портовой город. Власти, знающие большой опыт старого инженера, постоянно перебрасывали его, заштопывали все "прорывы пятилеток", не считаясь с его личным желанием. Оперевшись на перила, хмурясь, рассматривал он в бинокль древний

греческий порт Таган - Таганрог. Как-то в молодости ему пришлось побывать в этом весьма оригинальном городе и он хорошо помнил, что в городе на Старом базаре стоял величаво красивый собор. Владимиров знал, что собор этот теперь разрушен так же, как и множество других храмов по всей России. Тысячи священников брошены в заключение на муки и смерть.

"Ох ты, Русь великомученица, что сделали с тобой богоборцы"! - с острой печалью подумал он. Медленно, машинально достал серебрянный портсигар, закурил "Беломорканал", положил на перила свою седую, красивую аристократическую голову, задумался...

- Папа! Посмотри какая прелесть! Какой пейзаж! - нарушила его мысли, подошедшая к нему его дочь Светлана.

Обняв отца, она прижавшись своей нежной щекой к его лицу, с восхищением смотрела на утопающий в зелени город. Большие темно-синие глаза девушки были широко возбужденно открыты. Черные, как у отца шнурочками брови, часто сходились, образуя едва заметную складку у переносицы. Длинные пушистые, черные ресницы выделялись на ее белоснежном, румянном, с ямочками на щеках, лице. Одна тяжелая, цвета спелой ржи, коса покоилась на спине у отца, другая свисла за борт.

- Вот он, Петровский бастион, - проговорил с восхищением Николай Александрович, не отвечая дочери, вглядывающийся в ставший вырисовываться силуэт памятника Петру Великому.

- Петровский? Это же почему Петровский? Ну, что же ты молчишь, папка? Я стораю от

любопытства! - с деланной капризной гримасой горячо проговорила Светлана.

- Сейчас пойду, позову маму! - решила она и выпрямившись вдруг увидела, что на нее устремлены взгляды многих пассажиров.

Ветер, трепля крепдешиновую кофточку, обнажал и бесцеремонно целовал ее высокие белоснежные девичьи груди. Слегка смутившись, Светлана резким движением головы, забросила за спину косы и прикрывая руками грудь, опустив глаза, грациозно лавируя между густой толпы подходящих к перилам пассажиров, направилась к каютам первого класса. Не в прекрасном женском телосложении, но в манере держаться и в твердой уверенной походке, глядя на девушку, знатоки спорта могли бы безошибочно сказать - типичная спортсменка!

- Хороша девка! - выглядывая из трюма проговорил, протирая глаза и размазывая сажу на лице, кочегар.

- Прямо, что ни есть - жар птица с зоологического сада! - прошептал, наклоняясь к нему, молодой матрос.

Штурман, переглянувшись с капитаном, смачно цокнул языком, покачал головой. Светлана, не поднимая глаз, скрылась за дверью каюты.

- Мамочка, скорей вставай! Там такая красота! Папа сказал, что мы в Петровский бастион приехали!

Не отвечая дочери, мать продолжала лежать лицом к стене.

- Да вставай ты, мама! Что это ты такая кислая сегодня? Шторм, что ли повлиял на тебя? Вот тоже еще морячка балтийская! - укоризненно шутя сказала дочь.

- Да, что ты меня тормозишь, Света? Какой это шторм... так, болтануло немного... Просто, я сегодня не в духе... Иди, я потом сама прийду.

- Нет, нет, мамочка, не уйду. Вставай, пожалуйста! Все равно не дам тебе спать больше. Вот я сейчас прогоню сон от тебя.

Светлана стала щекотать мать, заливаясь веселым беззаботным смехом. Потом, ухватясь руками за спинку кровати, она неожиданно выжала силовую стойку "спичку", плавно опустилась на "мост". Подогнув голову под спину, целуя мать в щеки, в нос, в лоб, продолжала тормозить ее:

- Вставай, а то вот так буду над душой у тебя стоять!

Носки зеленых сафьяновых спортсменок Светланы, едва касались бортов кровати.

- Ну и каприза ты разбалованная, Светлана, смотри юбка до самой головы задралась. Еще кто войдет, осрамишься, это тебе не в спортивном зале... Убирайся! Я встану.

- Ха-ха-ха! - торжествовала Светлана и поднявшись с "моста", она спрыгнула на пол.

- Тебя, мамочка, иначе не выкуришь из кровати, извини меня, пожалуйста, безобразницу, - продолжала лепетать в обиженно-шутливом тоне дочь, помогая матери одеваться.

Схватив мать за руку, чмокнув в щеку, потащила ее на палубу.

Мать Светланы, Ольга Николаевна, действительно в то утро проснулась не в духе. Ни шторм, ни качка прошлой ночью не давали ей спать, а назойливые печальные мысли не покидали ее. Лишь под утро уснула, когда шторм уже миновал, дождь прекратился и яр-

ко светило летнее, горячее южное солнце.

Особенно взволновал ее, вновь пришедший в голову, оставивший неизгладимый след в ее душе, инцидент с отцом, когда еще они все вместе жили в Ленинграде... Прийдя в партию из комсомольской организации, еще совсем юной девушкой, Ольга Николаевна, будучи по натуре идеалисткой, честная и прямая, искренно поверив в догму марксизма, со всей своей пылкой душой и работоспособностью, отдалась партии. Отец ее, Николай Иванович Гордеев, балтийский моряк, старый большевик с орденами "Ленина" и "Красного Знамени", искалеченный в гражданскую войну, вдруг, к крайнему удивлению дочери, стал все холоднее и холоднее, а порой даже явно враждебно, относиться к делам коммунистической партии.

Инцидент произошел зимой 1932 года во время уже начавшихся массовых арестов советских граждан органами ГПУ (НКВД, позднее КГБ). "Черные вороны" начали хватать тысячи тысяч старых партийцев и беспартийных и увозили их безвозвратно в неизвестность... По всей России прокатилась волна массовых арестов "кулаков", разразился страшный голод... Как-то утром, за завтраком, Ольга Николаевна стала обвинять за происходившие бедствия "врагов народа", за чинимый ими вред Советскому государству. Отец, молчал и временами бросал мрачный взгляд на дочь. А потом, побуждаемый отцовским чувством, медленно с растоновкой, глядя дочери в глаза, сказал:

- Гляди, доченька, чтобы и тебя за твою "правду" (он с сарказмом подчеркнул слово "правду") не объявили тоже "врагом народа".

Вспыхнув, Олыша Николаевна, отрезала:

- "Врагами народа" в Советском государстве за правду не клеймят!

Отец, опустив голову, немного помолчал, бросил есть и встав, направился к двери.

- Папа, так за что же народ боролся? За что ты боролся? Ведь за правду же? - дрожащим от волнения голосом, бросала вслед отцу дочь.

Николай Иванович, остановившись у двери, не смотря на дочь, тихо ответил:

- Поживешь с мое, Оленька, тогда может поймешь за что народ боролся - и вышел вон.

Затем, вдруг, распахнул дверь, смотря дочери в глаза, с искаженным от злости и горечи лицом, почти истерически крикнул:

- И на что напоролся!

Рывком захлопнув дверь он, прихрамывая на искалеченную ногу, заковылял в сарай. Схватив рубанок, стал строгать доски, мастера салазки для любимой внучки...

Вскоре, после этого инцидента, Ольга Николаевна, по долгу службы мужа, должна была расстаться с отцом. Прощаясь, позабыли все возникшие между ними неприязни. Нежно обнимая и целуя отца, Ольга Николаевна прослезилась. Отец нежно погладив голову дочери, к ее удивлению, перекрестил ее и с трудом сдерживая рыдания, пожелал всей семье благополучия и счастья...

Ольга Николаевна часто, из разных мест, где ей приходилось жить, писала отцу ласковые, наполненные дочеринской любовью, письма. Радовалась, получая от отца письма, проникнутые отцовской любовью и заботой. Отец просил приехать погостить, повидаться, хотелось ему схватить в объятия внучку; низко кланялся Николаю Александровичу, в кото-

ром он души не чаял со дня знакомства с ним и за которого отдал свою единственную красавицу дочь, хотя Ольга Николаевна была на целых десять лет моложе его. Часто думала об отце Ольга Николаевна, часто задумывалась над его словами, сказанными им в "ТО" утро... Матери Ольга Николаевна не помнила, она умерла, когда маленькой Оленьке было всего три годика, воспитывалась бабушкой - матерью отца...

- Фу! Замучила ты меня, Светка! Да не тяни меня, растянусь еще на палубе... Вот, шалунья неугомонная!

- Коля, куда ты нас на сей раз привез? И что это за Петровский бастион? А?

- Оленька, иди-ка сюда, - привлекая жену к себе, обняв ее за талию, приветливо заговорил Николай Александрович.

- Ну ты же знаешь - Таганрог!

- Знаю, но я этого города раньше не видела.

- И я тоже, папастый! - целуя в седую голову отца присоединилась к матери Светлана.

- Ну, ладно, расскажу вам, что сам знаю: смотрите и обратите внимание - город, как бы рог в море врезался, за городом на материке с левой и правой его сторон казачьи станицы облегли. Это местожительство древних греков, так называемый Тмутаракани. К этой местности около пятисот лет принадлежал город Таганрог, в то время носящий название Таган. Из этой местности стало Войско Донское. Теперь смотрите вправо - в этом направлении стоит город Азов.

- Что то я читала об этом знаменитом

городе, папа.

- Ну, так вот это и есть знаменитый в истории России горд-крепость Азов. Как раз в этом месте и впадает река Дон в Азовское море, возможно получившее свое название от знаменитого Азова.

- А чем знаменитый этот город, папа?

- "Азовским сидением", доченька. Это длинная знаменитая Российская история. Расскажу о ней в другой раз. Сейчас только коротко ознакомлю вас с нашим новым местожительством. В старину река Дон носила древнее греческое название - Танаис. Да и вообще на юге России вокруг побережья Азовского и Черного морей, много городов, сохранивших свои старые названия, ну, к примеру: Мариуполь, Севастополь, Ставрополь и другие.

- Так ты нас, папка, в гости к казакам привез? - пошутила Светлана, перебив рассказ отца.

- Упрямый народ, - скривясь молвила Ольга Николаевна.

- Я бы сказал - доблестный, - отрицательно качнув головой, сказал Николай Александрович.

Ольга Николаевна промолчала.

- А вот, гляньте влево от нас остался маленький островок. Его местные жители "Черепухой" называют. Исходя, не знаю я из истории официальной, или же из преданий, но таганрогцы с гордостью рассказывают, как турки, несмотря на то, что высадились на "Черепухе" и со всех сторон окружили город своим флотом, Петр Великий сам руководил боем, так и не отдал туркам Таганрога! Вот он! Смотрите, стоит собственной персоной русский грозный царь со своими пушка-

ми! - указывая резко протянутой рукой на памятник Петру Великому, сказал не без гордости Владимиров.

- Интересно, просто чудесно, папочка! - восторгалась Светлана, помахивая платочком, приветствующим пассажиров парохода, людям, стоявшим по обе стороны молон-ворот Таганрогской бухты...

Инженеру Владимирову в Таганроге была предоставлена коммунальная квартира с наилучшими удобствами, какие только имелись в городе. Ольга Николаевна заняла должность в секретариате горкома партии. Светлану определили, в так называемую "Первую образцовую школу" (здание дореволюционной гимназии). Вскоре все семья посетила достопримечательные места города: Городской Сад, Яхт-клуб, Музей, Домик А.П.Чехова, а также знаменитые "Дубки" - огромнейшая дубовая роща, служащая местом народного отдыха, веселья и спортивных состязаний, устраиваемых в советские праздники местными властями.

Позднее семья Владимировых преприняла поездку в Ростов, Новочеркасск, посетив также все достопримечательные места этих городов и объехала почти всю нижнюю часть территории Войска Донского, переименованную Советской властью в Ростовскую область...

Стояла летняя пора 1936 года. Рано утром город озаряло яркое, горячее солнце. В городе пустынно и тихо. Лишь на пляже, на желто-сером песке пестрела бесчисленная издающая пронзительный несмолкающий до самой темноты, разнозвучный гул голосов, масса купающихся людей...

С заходом солнца во дворах прибрежных хатенок, распускала свои лепесточки ночная

красавица, тянуло сладко-пряным запахом цветущего табака, петунии. Ветром сдувало густой цвет с яблонь. Теплый приятный воздух убаюкивал, наводил на сон утомленный тяжелой и, казалось, совсем безнадежной жизнью, чернорабочий люд...

По Ленинской* нешумно, монотонно прохаживалась публика. Лишь ярко освещенный городской сад громко гудел и копошился, как пчелиный рой. Среди общего шума разко выделялись звуки оркестра: романтично тягуче пел саксофон, высоко взметались звуки трубы, неугомонно свистела флейта, спорили между собой тромбоны и бас, гулко ударял барабан, лязгали бронзовые тарелки, напрасно стараясь перекричать всех, пискливо выкрикивало пикколо... Молодость брала свое - советская молодая "голытьба", пользуясь теплотой лета, разодетая кто в чем горазд, отплясывала на танцплощадке фокстрот - "Эх, Андрюша"! Молодые парни в широченных белых брюках из рогожки** но зато по моде сшитые - "чарли", с азартом выписывали ногами замысловатые фигуры. Парусиновые, стоптанные туфли, густо намазанные, маскирующим все трещены и даже дыры, разведенным в воде зубным порошком, выглядели на их взгляд, прекрасно! Заглядывая им в глаза, улыбаясь, в дешевеньких ситцевых платьях, в дешевых, и то чудом добытых, туфлях, танцевали девушки. По красивым аллеям парка, между, повсюду шныряющей "голытьбы", в добротных из япон-

* Главная улица в Таганроге - Петровская, была после революции переименована в Ленинскую.

** "Рогожка" - самый дешевый материал.

ского коверкота костюмах, дорогих нарядных платьях, неспеша, важно прохаживались советские сановные персоны, вполне созревший и почувствовавший свое положение — **НОВЫЙ КЛАСС**.

В этом году Светлана уехала учиться в Московский медицинский институт...

Х Х Х

VI

У Веры Григорьевны в руках дрожал лист бумаги. Неужели на самом деле?

Да, это было написано на самом деле: капитану 2-го ранга И.А.Рудакову представлялась квартира в Городке Водников. С помощью соседей и близких друзей, помогших перебраться, Вера Григорьевна, охваченная радостью, уже на другой день находилась в довольно комфортабельной квартире, да еще с тремя спальнями, прихожей и небольшой кухонькой. Была в доме также и просторная общая кухня. Жалко было расставаться, хотя и с крошечным, только с одной спальней, но своим домишкой, а главное с полисадником, где красовалась березка, по весне расцветал куст сирени, а летними вечерами веяло ароматом петунии, ночной красавицы фиалки и других цветов, посаженных заботливой хозяйкой маленького домика.

Но вот дети стали взрослыми, им необходимы были теперь свои отдельные спальни (отдельные спальни для детей в 30-х годах, да это же в высшей мере комфорт!)

Соседями оказались: инженер-строитель Абрам Моисеевич Гофман с женой Генриетой

Исааковной, инвалид гражданской войны Иван Фомич Плотников с женой Агафьей Василиевной. Вера Григорьевна в этот же день написала письма и Ивану Алексеевичу и Ларе и Марку. От крепости до города водников — рукой подать, так что старые друзья оставались так же, под боком.

— С новосельем вас, Вера Григорьевна!

Капитан Таганрогского порта Петр Григорьевич Яблоновский пожал руку ликующей новоселке.

— Да, да новоселье, новоселье и не-медленно, извольте устраивать! — шутил Петр Григорьевич, но уже на другой день, на самом деле, капитан Спасательной станции Георгий Максимович Честяков с женой и дочерьми явились справлять новоселье.

Какая же ты красавица, Любушка! — целуя одну из дочерей Честяковых, восхищенно проговорила Вера Григорьевна.

— Я не Люба, я Катя, — черноокая красавица смущенно улыбнулась.

— Я Люба! — хихикнув и подставляя щеку, задорно отозвалась бойкая сестра застенчивой Кати.

— Да вас разве различишь, когда вы как две капли воды одинаковы. А ну-ка, давайте помогайте мне на стол накрывать.

— Верочка, да ты давай-ка сюда скартеть, а сама иди зови начальство. Мы с собой вот тут все притащили для новоселья.

Анна Дмитриевна принялась выкладывать из сумки привезенные блюда. На столе появились и осетровый балык и паюсная икра и соленые огурцы и помидоры квашенные и грибы.

— Ну и удачливый вы рыболов, Георгий Максимович, — улыбнулась Вера Григорьевна.

- Под покровительством партийного начальства "по блату" разрешается рыбу ловить даже в строго запретных зонах - "блат" выше СОВНАРКОМА и это точно! - с хитрицей улыбаясь ответил Честяков, ставя на стол поллитровку водки и бутылку с вином.

- Иди, Григорьевна, капитана порта, да нашего водницкого инженера кликай, - добавил он и принялся помогать жене и дочери накрывать на стол.

Когда явились гости и за столом завязался оживленный разговор, Яблоновский спросил Гофмана:

- А что, Абрам Моисеевич, судостроительство у нас прогрессирует?

- О да! Присланный нам на помощь инженер Владимир, как я вижу, мастер своего дела. Можете быть уверены, суда нашего выпуска очень даже скоро появятся в наших водах, а то и дальше.

- Это папа моей подруги Светланы! - поспешила доложить Катя.

- Вот как? Где же ты с ней познакомилась, Катюша?

- В спортивном зале Первой Образцовой школы. Светлана гимнастка и акробатка на редкость. Она и меня подучивает, да куда там мне до нее.

- Ах, вот оно что. А мы с Генриетой Исааковной были недавно в гостях у Владимировых и тоже знакомы со Светланой. Очень серьезная девушка и надо сказать пребоольшая умница и будущий доктор, это вне всякого сомнения. Так что подругу ты себе нашла очень даже хорошую, Катюша. - Абрам Моисеевич одобрительно закивал головой.

- Чудная девушка! - одобрила Генриета Исааковна.

- Точно! - подтвердила Катя и засияв черносливами своих больших глаз с увлечением стала рассказывать о новых разучиваемых акробатических упражнениях группой спортсменов спортивного общества "Зенит".

- Григорьевна, слышу, как гарцует с кобылом в общей кухне Иван Фомич - старый моряк - партизан, пригласи, пожалуйста, и его в нашу компанию, - попросил капитан Яблоновский хозяйку.

- Ой! Какое же я невежда! Просто в попытках не успела обо всем подумать, вылетело из головы. Сейчас я! - Вера Григорьевна метнулась в общую кухню.

Иван Фомич, смущенно раскланиваясь перед начальством, усиленно подмигивая большим глазом, вместе с супругой сели за стол.

- Ну-ка, Иван Фомич, выпьем водочки за здоровье наших новоселов. А вам, Агафья Васильевна, разрешите винцом стаканчик ваш наполнить. А уж барышням нашим вот бутылка сельтерской с вишневым соком, - приподнося гостям стаканы, приговаривал капитан Яблоновский.

- Оно, конечно, товарищи, это значить, полагаеца, вопче за здоровье добрых людей выпить, - поднимая свой стакан, начал приветственную речь Иван Фомич, - а выпить за здоровье моряков нам морякам тем более полагаеца, И так выпьем за здоровичко семьи капитана Рудакова! - Иван Фомич опрокинул и одним махом высушил до дна свой стакан.

А через час, он сильно захмелев и, как обычно с ним бывало, входил в особое красноречие. В первые годы после захвата власти большевиками в России он, когда находился под "газом", очень любил рассказывать с огромным преувеличением, как красные моряки-

партизаны били "беляков". Но советская действительность очень скоро отбила у него всякое желание к таким рассказам. А к 1936 году, бывший красный матрос-партизан, равно, как и весь трудовой народ, стал ненавидеть власть, за которую воевал и в которую верил и отдал свое здоровье. Иван Фомич любил выпить, но никогда не был пьяницей. Выпивал для лучшего настроения, но это ставило его в огромную опасность, ибо он во время нахождения "под газом", не мог, как ни старался, не высказывать бушующие в нем чувства и слова весьма нелестные по адресу Советской власти, частенько вырывались из его уст, особенно в присутствии бывших однокашников матросов-партизан, которые из добрых побуждений, постоянно предупреждали его быть поосторожнее в его речах.

- Гляди, Фомич, а то и нас за твои словечки за проволоку забросят, - поговаривали друзья.

Однако, его никто не выдавал и он за проволокой все еще не находился. Сидя за столом Иван Фомич прекрасно знал, что перед ним начальство, да не партийное начальство, а трудовое, которое в тайне боится и ненавидит начальство партийное - власть имущих партийных деляг. И радостно было Ивану Фомичу находиться среди таких людей.

Только поздно вечером гости стали расходиться. Катя и Люба, целуя Веру Григорьевну, просили, чтобы она в письмах своих передавала приветы Ларе и Марку.

- Тетя Вера, мы с Марком на следующее лето на студенческом концерте собираемся новый акробатический номер продемонстрировать. Вот посмотрите, я сейчас со стойки

на руках учусь с места сальто делать. Да я вот Марка со Светланой познакомлю, а она акробатка - будьте уверочки, это точно! - доложила Катя...

Х Х Х

VII

К осени 1936 года, после голодного мора и поголовного "раскулачивания" казаков, опустевшие курени станиц вновь заполнились жильцами (далеко не все, конечно). Сумевшие избежать массовую ссылку казаки, постепенно вернулись в станицы. За последние три-четыре года народились дети, росло новое поколение.

Рыбные колхозы обязаны были отправлять богатые уловы рыбы в руки вышестоящего партийного начальства, а дальше все шло по-советски - "по блату", все поглощал новый класс. Однако, рыболовов властям нужно было как-то кормить, дабы они трудились. И кормили, да впроголодь.

- Власть боица, чтобы у нас заворот кишок не случился, - с сарказмом поговаривали казаки.

Алексей Гаврилович, плавая в Донском пароходстве, старался раздобыть все, что только можно, чтобы одевать внуков. С одеждой и обувью в стране было положение просто катастрофическое. В городах тысячные очереди стояли у магазинов ширпотреба в ожидании, когда "подбросят" и будут "давать" то ли обувь, то ли ситец, то ли вообще что либо из "барахла", "жрачки", "будут ДАВАТЬ" -

стало обычным выражением во всей ТЮРЬМЕ
НАРОДОВ СССР.

Отец Марии, когда-то в Ростове имел свою лавку. Торговал кислыми огурцами и капустой (собственник - капиталист!) Во время раскулачивания покинул Ростов, скрылся вместе с женой в неизвестном направлении. В середине 1936 года отец написал дочери письмо, "живы - здоровы". Но обратного адреса не указал. Маша и Алексей учились в Ростовской средней школе и ютились у чужих людей в бедной хижине, за что нужно было платить и, конечно, одеть и обуть внуков. У Маши, ставшей уже барышней, от радости огнем засияли лучистые глаза при виде поднесенного дедом Алексеем подарка, это были новенькие туфельки, да еще и на высоких каблуках. Когда же дед, вынув из мешка, (где для всех лежали подарки) насвозь светящиеся фельдикосовые телесного цвета чулки и преподнес их внучке, Маша, повиснув у деда на шее, расплакалась от счастья и целуя деда, сквозь слезы, приговаривала:

- Дедуня мой родненький! Дедуня мой золотой!

Растроганы были и Алексей и хозяйева хижины дорогими добротными подарками.

- Дедуня, я думаю, что и Ларе точь в точь такие самые туфли купил? Угадала? - спросила Маша, заглядывая деду в глаза.

- Нет, Машенька, не угадала ты. У них там сосед живет, а сосед этот большой мастер обувного дела. Он и обшивает обувью не только начальство городское, но и своих хороших друзей. Так что Ларе я не купил туфель - у нее есть. А вот у тебя - это первые туфли для барышни. А ты у нас... м-гу...

Дед Алексей, улыбнувшись, моргнул усом и добавил:

- А ты у нас городская барышня, шляпки носить зачала, так ведь?

- Я, дедуня, как каникулы настанут, в платочке явлюсь, - пообещала внучка.

Она и на самом деле в платочке заявилась в хутор, да никак неожиданное потрясение в курень родной с собой привезла...

- Папаня, дочь моя замуж выходить решила.

- Да ну? - Алексей Гаврилович удивленно смотрел на невестку, - за кого же?

- За Щеглова Димитрия. За политрука! За безбожника! Тяжко мне, папаня, - утирая хлынувшие из глаз слезы, невестка скорбно смотрела на деверя.

К ним подошла Людмила Ивановна.

- Ты погоди то плакать, Мария. Расскажи толком, как это могло так скоро получица, да так ли это?

- Не скоро, маманя, не скоро. Призналась, рассказала мне все дочь моя. Она с ним уже давно тайком встречается. В Ростов к ней он все время ездил. Я ей говорю, как будешь то жить с безбожником? А она говорит: "я буду за него Богу молица. Вот слово тебе даю мое перед Богом. Умен он и сердцем человек добрый он. Это, говорит, лукавый ему разум помутил. А я буду, говорит, беспрестанно молиться за него и Господь услышит молитвы мои. Люблю я его, маманя, а он, я думаю, не пережил бы отказ мой". На коленях ползала передо мной, дочь моя, прося благословения. Да нет у меня благословения на брак с безбожником! Нет! - сверкнув азиатскими глазами, Мария вышла на баз, кормила кур, утира-

ла завеской слезы.

Алексей Гаврилович и Людмила Ивановна, потрясенные рассказом невестки, крайне удрученные, не знали, что предпринять, как помочь невестке и внучке.

- Гаврилыч, я думаю, отца Василия надобно бы сыскать и у него спросить совета, как быть то.

- Ищи ево, когда советская власть запрягала на сей раз батюшку нашего далеко, да и жив ли он? - моргнув усом, понуря голову, горячо, растеряно разводя руками, проговорил дед белокурой, норовистой, но любимой им внучки Маши.

Через две недели Маша и армейский старший политрук Дмитрий Щеглов расписались в Ростовском ЗАГСе (Запись актов гражданского состояния). За свадебным столом в хуторе присутствовало всего несколько военных, строевых командиров и политруков Кавдивизии - сослуживцы Дмитрия. Никто из приглашенных казаков не переступил порог куреня Щегловых. Отец, на посланную телеграмму дочерью, не ответил. Одна лишь старушка-мать Дмитрия, пряча мокрое лицо от слез, подавала на стол. Рано овдовевшая, она тяжело переживала трагедию единственного сына.

- Казак ведь, да еще от какова отца и вот, безбожник - политрук! - плача и молясь за сына, думала несчастная мать.

Через неделю, Маша, не молвив ни слова, насупясь, ни на кого не глядя, забрала свои вещи и ушла жить в курень мужа.

Не прошло и полгода, как долгие годы болевшая почками и сердцем, умерла мать Дмитрия. Молодая хозяйка сама проворно справлялась по хозяйству. Дождая мужа, она подол-

гу сидела у окна с рукоделием в руках, лишь изредка появлялась на улицах хутора. Тайно остро скорбела, зная, что переживает ее мать. Перед сном долго стояла перед иконой, шептала молитвы, с надеждой смотрела на образ Донской Богоматери.

- Ты, что так долго молишься, жена? - иногда спрашивал муж.

- За тебя молюсь, муж мой. Тебе Бог дал ум, чтобы ты его для доброго дела применял, а ты этот ум для злого дела применяешь. В речах твоих перед бойцами и командирами ты восхвалишь богоборческую советскую власть. Как же мне не молиться за тебя?

Очень часто Маша, идя к мужу в кровать подолгу поясняла ему горячо и убедительно, что все живое и мертвое - это творение Божье, и никак не могло оно без Творца само собой образоваться. Он не протестовал, слушал молча жену, напрягал ум, силился вникнуть в ее пояснения, однако, никак не мог прорвать сотканную лжеучением Маркса преграду, стоящую на пути понятия действительности, столь легко и ясно понятной самым малограмотным и совсем безграмотным, с самым малым умом людям. Не в силах был сразу выбраться Димитрий из вгрызшегося в него марксистского лабиринта...

Шло время и натянутые отношения между матерью и дочерью не налаживались. Приблизился 1937 год. В начале учебного года Алексей уехал учиться в Харьковский индустриальный институт...

Х Х Х

На трапах у перил толпятся любители водного спорта, наблюдают за курсирующими по заливу яхтами. Катя, опершись на перила, часто оглядывается, смотрит на ворота в яхт-клуб. Подошли Ваня Пирожков и Женя Попандополос, а за ними Борис Шапошников, а затем целая гурьба, прибывших на летние каникулы домой, девушек и парней - "ребятток-крепостян".

- А где же наша Любушка-голубушка? - спросил Пирожков.

- Дома она. Кавалер у нее в гостях сидит. Инженер какой-то к ней повадился. Да так, ничего себе, но староват немного. А там не знаю, кому что нравится. Я вот, Светлану и Марка жду, - доложила Катя.

- Два вот они шагают. И Ларка с ними, - Женя помахал рукой друзьям.

- Где вы застряли, скоро начало. Пробивайтесь ближе к перилам, а то, как хлынут все. Из-за спин тогда выглядывать придется, удовольствие ниже среднего.

Попандополос и другие ребятки потеснились и втиснули друзей в первый ряд зрителей. Вскоре появилось спортивное начальство. Жюри заняли свои места, начались гонки-соревнования "на лучшего рулевого" между яхтсменами. "Болельщики" зорко следят за маневрами яхт, искусство, осторожно обходящих разбросанные по заливу буи. Раздаются громкие радостные возгласы, когда одна из яхт опережает другие, это торжествуют симпатии этой яхты, но тут же положение меняется, только что радостно восклицающая часть зрителей с тревогой умолкает, а другая громко восклицающая выражает радость.

Марк наблюдает за своей любимой яхтой "Наядой", на которой он долго ходил юнгой. Яхту ведет совсем молодой яхтсмен Коля Снегурков. Вот он ловко "обрезал по носу" яхту соперницу и осторожно обойдя последний буй, устремился к финишу. Марк, охваченный радостью, крепко сжимает руку Светланы, срывает бескозырку, размахивает ею над головами друзей, на ветру вьются черные ленты с поблескивающими в них золотившимися якорями. Светлана блестит синевой глаз, по детски подпрыгивает, заглядывает в васильковые глаза своего "капитана".

После гонок, ребята, как обычно, собрались у пушек на бульваре. Усевшись, увлеклись рассказами о пройденном учебном году и только поздно вечером разошлись по домам.

Х Х Х

Всего лишь шесть недель прошло с тех пор, как Катя познакомила Светлану с Марком, но за это короткое время молодые люди сами не знали, когда наступил момент, когда они стали чувствовать и понимать, что жизнь их крепко спаяна первой горячей и чистой, как кристал, любовью. Наблюдательная "учительница" очень скоро после знакомства со Светланой узнав о их взаимной любви, сказала брату:

- Это твоя девушка, братец мой. Другую такую трудно будет тебе найти.

- Я знаю, - тихо молвил Марк и застеснявшись, розовея в щеках, бросил на сестру благодарный взгляд.

Дед Алексей, познакомившись со Светланой, сказал внуку:

- Девушка, кубыть с добрым сердцем.

Вскоре же, этим летом инженеру Владимиру была предоставлена квартира в Городке Водников. Обе семьи сразу же сдружились. Николай Александрович любил говорить с Ларой, видя в ней девушку с незаурядным умом. Любил поговорить по-французски с Верой Григорьевной. А уж когда приезжал в отпуск Иван Алексеевич, то тут друзья не могли наговориться, просиживая в разговорах частенько до поздней ночи. Ольга Николаевна ценила семью Рудаковых только как интеллигентных, добрых, отзывчивых людей, но главную ценность не в состоянии была понять. Не могла выбраться из вгрызшегося в нее марксистского лабиринта. Тогда, как Николай Александрович, сразу же понял и прежде всего...

Х Х Х

С появлением у пушек Петра Великого Светланы, среди ребяток появились и ее подруги по Первой Образцовой школе: Эрика Шварценберг, Наташа Петрова, Кира Гольцман и самая любимая подруга Светланы - Катя Честякова. Все пять девушек увлекались спортом. Все пять были отличные гимнастки. Однако, Светлана к тому же была на редкость искусной акробаткой. Марк впервые стал заниматься акробатикой в военном училище. Несколько курсантов занимаясь этим видом спорта, увлекли его в свою компанию, видя в нем очень подходящего акробата для работы "внизу", где нужно не только искусство, но и природная большая физическая сила. Приехав домой на каникулы, Марк принялся

тренировать для работы "вверху" Катю, но вот Светлана оказалась акробаткой, уже с большой практикой. Однажды, этим летом вся компания собралась на пляже и Ваня Пирожков - Ванька-Шиша потребовал от имени "ребятки" от Марка и Светланы продемонстрировать "цирковой" номер.

- А ну-ка, Марк, Светка, давай-те-ка нам продемонстрируйте свои кандибоберы и без всякого там жеманства и запускательства!

Ребятки уже слышали, а некоторые и видели "кандибоберы" объявившихся акробатов в их компании и все громогласно потребовали выступления.

- Ну что же, Света, придется демонстрировать, ведь не отделаешься иначе от них, - улыбнулся Марк.

- Давай, "доктор" (приставка Светланы) не запускайся нам тут! - категорически потребовал Пирожков.

- Не запускаюсь я, а ты не ори и не подгоняй, Шиша Иванович! - Светлана блеснула синевой глаз, - давай Марк, руки, да смотри повыше, как можешь подбрось меня, я двойное сделаю, понял?

- Знаю, давай, и... раз... два... и...

Светлана вышла на стойку на руках у партнера. Затем перешла на стойку на одной руке и опять, подав руку партнеру, приготовилась к сальто. Раз, два и... и... и партнер мягко и высоко подбрасывает партнершу, два воздушных сальто и партнерша, улыбаясь стоит перед зрителями. Ребятки восхищаются, громко говорят, одобряют номер, ждут следующий. Марк занимает определенную позицию, а Светлана, отойдя метров десять, сильно разогнавшись, делает прыжок и сложив руки по швам,

спиной вниз летит "рыбкой" в воздухе. Партнер ловит ее на лету...

- Номер опасный, если партнер промахнется - партнерше "кости не собрать", - определил Женя Попандоролос.

Ребятки приняли во внимание и единогласно номер назвали "пляжным", так как песок все же, сравнительно грунт мягкий и в другом месте такой чрезвычайно опасный "канди-бобер", по их мнению, делать не следует. Накупавшись, ребятки разошлись по домам, но вечером опять собрались у пушек. Ваня Пирожков явился со своей гитарой. За последние два года он стал виртуозом в игре, а гитару ребятки, придя к единогласному решению, назвали "мученицей", так как игрок, входя в азарт при игре, нещадно "резал" по семиструнной, и подбрасывал, и крутил инструмент во все стороны, так что стонали струны и трещала вся гитара.

Пирожков, при этом, притоптывая ногами, изо всех сил крикливо пел частушки и новые, появившиеся "блатные" песни.

Этим вечером пришла большая компания ребят из "Нахаловки". ("Ребятки познакомились с ними в городском саду и пригласили их к себе в гости). Атаман этой компании Леонид Карпов в широченных из белой рогожки брюках - "чарлях", в парусиновых, набеленных зубным порошком туфлях и с гитарой в руках, раскланиваясь во все стороны, приветствовал "ребяток-крепостян" от имени всех пришедших с ним ребят. И как только обе гитары зазвучали, атаман в широченных брюках, пошел в присядку и вскидывая чубом, отчаянно стал выкрикивать:

"Когда Ленин умирал
Сталину приказывал,
Чтобы хлеба не давал,
Сала не показывал"!

Хихикая и удивляясь смелости атамана из "Голодаевки-Нахаловки", ребята-крепостяне, осмелев, принялись, подхватывая слова, подпевать ему. А он продолжал:

"Едет Коля на тарани,
Две селедки у кармане
И цебулей погоняет,
Пятилетку выполняет"!

- Эй-гей! Давай, ребята-а-а! - кричал атаман и ударив по струнам, еще громче застрочил словами:

"Пузо голо,
Штаны в клетку,
Выполняем пятилетку"!

- Эй-гей!

"Вставай Ленин,
Вставай, детка,
Замучила нас пятилетка"!

- Эй-гей! Наворачуй, реж, ребята! Эй-гей!

Проявление такой смелости ребята-крепостяне еще никогда не видели и не слышали. Шел 1937 год, по улицам всей страны мотались "черные вороны", а тут такие песни! Было чему дивиться ребятам-крепостянам и признать ребят из "Нахаловки" ПОДЛИННЫМИ ГЕРОЯМИ, РОЖДЕННЫМИ В РАБСТВЕ.

Веселье разгорелось, когда выбравшись по крутой тропинке на бульвар, перед всей компанией появился помаргивая близорукими глазами Ваня Семенов - Ванька-Слеп. В руках

он держал с виду небольшой чемоданчик с блестящей металлической ручкой.

- Тю! Никак патефон настоящий? - рассматривая редкостную вещь, удивился Женя Попандополос - Женечка-Носик.

- Да, патефон и настоящий, - басовито пробурчал обладатель патефона, - пахан из Одессы припер в подарок мне, это значит, м..гу... за хорошую учебу, м..да, - добавил он и открыл патефонную коробку, вложив пластинку, стал накручивать патефон.

Все прихли, слушая мелодичную музыку симфонического оркестра. Даже гитаристы Шиша и атаман с "Нахаловки", отложили в сторону свои инструменты. Слеп принес с собой с полдюжины пластинок и ребятки, когда раздались звуки танго, не замедлили начать "выписывать" на лужайке, возле пушек замысловатые фигуры. Последовавшая мелодия новейших фокстротов привела ребяток в особо приподнятое настроение. С этого вечера, обладатель патефона, стал весьма важной и даже необходимой персоной в обществе ребяток и их гостей-компаний ребяток с разных концов города. Вначале стали устраивать "танцульки" в доме Эрики Шварценберг. Папаша Эрики был директором военного завода и имел довольно хорошую квартиру, хотя и с небольшим, но все же залом-гостинной, где можно было танцевать. А позднее патефон стал кочевать по всему городу, где только "ребятки" устраивали очередные "танцульки".

Однажды, после особо веселого вечера, обладатель редкостной вещи, собираясь домой, удивленно заморгал близорукими глазами, на патефонной коробке отсутствовала металлическая блестящая ручка.

- Что, Слеп, открутили, все-таки, голову ручке ребятки? - спросил с сожалением Женечка-Носик.

Ванька-Слеп, заморгав учащенно близорукими глазами, покачав сокрушенно головой, пробасил:

- Да, открутили... Я давно ожидал этого, ну и кам-па-шка!...

Вскоре Марк привел к собравшимся у пушек ребяткам, своего старого друга по яхт-клубу, Константина Грекова, только за несколько дней до этого, переселившегося жить в Крепости.

- Ага - Греков, значит и "приставка" - Грек, - сразу же решили ребятки.

Грек был плясуном и танцевал при любительской театральной группе клуба Водников. Не прошло и месяца, как ребятки-крепостяне мячиками с шашками прыгали, по ходором ходящей сцене клуба Водников. Марк по затее балетмейстера, ставившего танец "казачок", во время "рубки", должен был танцевать в центре и держа шашку в зубах, подбрасывать ее высоко в воздух, ловить на лету зубами и опять подбрасывать. И так три раза подряд. Шашка была деревянной, искусно подделанной под настоящую. Светлана, принявшая участие в ансамбле, как искусная акробатка, бросала незаметно для публики шашку через головы плясунов и Марк, поймав шашку зубами, приступал к своему соло, а затем Светлана в костюме лихого донского казака, разогнавшись делала большой прыжок через головы плясунов и застыв на плечах у Марка с шашкой в каждой руке отбивалась вместе с Марком от наседавших на них с шашками противников. Танец шел в бешеном темпе. Всего

два месяца тренировки и балетмейстер, покачав головой, восхищенно сказал:

- Не ожидал, не ожидал, ребята. Благодарю за старание.

Однажды, придя домой после занятий, Марк достал, подаренную ему крестным отцом боевую донскую шашку, покрутив ее в руках и присев, стиснул шашку зубами. Сосредоточившись, очень осторожно подбросил шашку с таким расчетом, что она сделала всего один оборот. Удачно поймав раз зубами шашку, он проделал это еще несколько раз и потом каждый день, так, чтобы не перепугать мать и сестру, стал тренироваться тайком, когда никого не было дома...

Два месяца из летних каникул пролетели незаметно, настал август месяц. Приехал на побывку домой Иван Алексеевич, но прошло всего два дня, как в три часа утра, раздался резкий стук в дверь капитана второго ранга Ивана Алексеевича Рудакова.

Как обычно вошло двое чекистов в сопровождении завдома... Обыск, а затем "Вы должны проехаться с нами"... "Черный ворон", приняв свою очередную жертву, помчался к зданию НКВД...

Вера Григорьевна, всхлипывая, лежала на кровати, лицом зарываясь в подушку. Лара, прижимаясь лицом к спине матери, стояла над ней на коленях... Марк, понуря голову, ходил по своей комнате... Целый день никто не выходил из квартиры Рудаковых, но весь Городок Водников уже знал о случившемся. Вечером постучала тихонько в дверь Светлана... Всхлипывая на груди у Лары, подняв голову сосредоточенно-задумчиво, сведя черные шнурочками брови, тихо спросила:

- Что же это творится в нашей стране, Ларушка?

- Не знаю, когда это кончится, но вижу, да кто не видит? Творится страшное преступление, Светочка. Родину нашу оскверняют и разоряют. Превратили ее в полегон преступных экспериментов.

В серых глазах Лары стояли крупные слезы, вздрагивали длинные черные ресницы. Подошел Марк, обнял сестру и Светлану. Прижавшись к его широкой груди, они обе, подняв головы снизу вверх, вопросительно смотрели на него, ожидали, что он скажет.

- Преступление это, мы не можем теперь остановить и оно будет продолжаться. Меня теперь выбросят из военного училища - это точно! и это будет их следующим преступлением! - васильковые глаза Марка метали молнии гнева и презрения к преступникам, разоряющим его Родину.

- Ну и пускай выбрасывают! От такой власти и ждать ничего другого не приходится. Что тебе жалко расстаться с военным училищем? Ведь я же с тобой! - Светлана, подпрыгнув, повисла на шее у Марка, жадно обцеловывала его лицо.

- Да, жалко, жалко, потому что я нужен нашей Родине, именно в военноморском училище, а не в институте механизации или в другом каком, Светочка. Сломали враги России основной хребет русского народа - мужикам-кормильцам России, а теперь уже только доламывают хребет вооруженным силам нашей страны. Это как раз то, чего ждут вражеские страны и если атакуют они нас, обезглавленная наша армия защищать Родину нашу не в состоянии будет. Вот в чем дело, Светочка! -

целую синие глаза Светланы, сказал Марк.

- Точно! - подтвердила Лара.

Утром, Вера Григорьевна позвала к себе в спальню детей. Дрожа всем телом, с трудом сказала:

- Сходите, дети, к дедушке. Мне кажется, что и дядю Алексея тоже заодно с нашим папкой арестовали. Спросите у дедушки, как нам быть теперь? Я не в состоянии ничего делать, ни думать даже. В висках стучит, голова разваливается от боли. Да будьте осторожны, тетю Марусю не перепугайте. С дедушкой поговорите.

Узнав, что Лара и Марк идут в Синявку, Светлана решила тоже идти.

- Подожди меня, Ларушка, как только мама моя уйдет на работу, сразу же и мотнемся. Мама уже мне сказала, чтобы я прекратила дружбу с сыном "врага народа". А папе я сказала, что пойду с вами, он позволил...

Через час, они шагали по Ленинской, но дойдя до здания Горсовета, где работала Ольга Николаевна, Светлана сказала:

- Я побегу по Греческой и на углу буду вас ждать.

Не успела Лара с Марком достичь следующего квартала, как Светлана, запыхавшись, уже ожидала их на углу Ленинской и следующего переулка.

- Ну и бе-гу-нья ты, Светочка, тебе бы на всесоюзных состязаниях по бегу участвовать, - скорбно улыбнулась Лара.

- А я вот и участвую, только не на всесоюзных спортивных соревнованиях, но на всеобщей трагедии, Ларушка, - также скорбно улыбнувшись, проговорила Светлана.

Миновав пригород города, они вышли в

степь, Светлана бежала впереди, собирала тюльпаны. Тюльпанная радость моя!

- Тюльпанная радость моя! - сказала она, глядя в степную даль.

Х Х Х

Дома у кровати Веры Григорьевны суетились Агафья Васильевна и Генриэта Исааковна. Тяжело дыша и сильно подмаргивая больным глазом, охваченный страшным гневом, в общей кухне, мотался с костылем Иван Фомич...

Х Х Х

Желанных гостей встретил сам хозяин куреня.

- Стало быть ты доктором у нас скоро будешь, синеокая, а? Рад тебя видеть! Да вы, чай, пешки и так скоро хутор достигли? Время то еще раннее! - оглядывая гостей удивился дед Алексей.

- Пешки, дедушка, пешки! Вот Светлана нас марафонскому бегу обучала. Она у нас и акробатка и бегунья прекрасная, ты же знаешь. Поэтому и тридцать пять километров мы так быстренько позади себя оставили, - целуя Светлану в щеку доложила Лара.

- Ну, ну, знаю. А теперича, давайте-ка присажуйтесь на отдых, а вот тетя Маруся зараз вас обедом кормить будет после марафонского то, - открывая дверь на баз, улыбнулся дед Алексей.

- Мария! Ходи, дочка, сюда. Тут вот молодежь в гости пожаловала, - окликнул невестку дед.

Услышав голоса внуков, вышла из спальни

Людмила Ивановна, поцеловала внуков и Светлану, присела за стол. Людмила Ивановна побаливала последнее время, слабость и боль в ногах одолевали ее. Невестка сама суетилась у печи с кастрюлями.

- А где же Алик, тетя Маруся? - спросила Лара.

- В Ростове он, гостит у друзей своих. У него там своя компания.

- А Маша?

- Спроси у меня, а я сама не знаю! Дмитрий теперь комиссар целой дивизии стал. Забрал Машу с собой. А где дивизия? Кто общит тебе? - мать сокрушенно махнула рукой, тяжело вздохнула и стала подавать на стол.

Когда хозяйева и гости увлеклись разговором, Марк незаметно подал знак деду и вышел на баз.

Глубоко затягиваясь, обдавая себя табачным дымом, дед Алексей ни слова не молвил, терпеливо выслушал внука, а потом, пряча в глазах тревогу, сказал:

- Оно видишь, казак, этова несчастья отец твой и дядя Алексей, да и я с ними с двадцать первого года ожидали, а случилась беда вона когда. Я думаю ты прав - дядю твою тоже арестовали. И, конечно, ни слова об этом бабушке говорить покаместь не следует. Она и так хворает. Марии тоже ни слова. Она враз крик подымет. А што тебя с училища погонят, так это ты к сердцу дюже не принимай. Жись, она, видишь, казак, бывает часом человека в дугу согнет, а потом глядишь и наладица опять, как шторм морской минет горе.

Дед Алексей скрутил еще одну самокрутку, присел на круглый, отпиленный от бревна чур-

бак, у кучей наваленных свежих напиленных дров, и опять задымив табаком, спросил:

- А как твоя синеокая, чай цураца тебя теперича станет? Ведь "прокаженные" мы все теперича враз стали, а? - дед прищурил глаза и еще больше, пряча в глазах плескавшую тревогу, глянул на внука.

- Не думаю. Хотя мать ее уже "наказ" дала, - уклончиво ответил Марк, опуская глаза.

- Да-а-а, - дед Алексей тяжело вздохнул и поднявшись на ноги, помолчав, моргнув нервно поседевшими за последние годы усами, приглушенно сказал: - Ну что же, казак, устрою тебя плавать на донском судоходстве, коль стряслось несчастье такое у нас, а сейчас идем в курень, а то секреты наши бабушка заподозрить может...

За столом дед Алексей вел разговор со Светланой о прошлом России. О славе и величии Отечества в прошлом.

- Мама говорит, что крепостное право в старой России - это самая печальная страница нашего Отечества. Да так у нас в школах учат, а я думаю, что не совсем это так, - задумчиво, глядя через окно на баз, сказала Светлана.

- Оно вовсе не так, дочка! - возразил дед Алексей: - хозяева крепостных крестьян были людьми набожными, боялись Бога и сытыми и одетыми своих мужиков держали. А по праздникам подарками одаривали. А вот красные хозяева - безбожники, они муками и ссылками на смерть мужиков одаривают. Понаписали писатели критики России царской, да не знали, как писать то справедливо нужно было. А теперича власть советов и использует ошиб-

ки этих писателей и из правды кривду делают, так чтобы дела свои преступные прикрыть как то, затуманить молодежи головы ихние неискушенные, невинные. И удаеца это им, и даже очень! Видят это люди, понимающие, што творица в стране нашей. Ведь видят все, как хозяева сегодняшних, на самом деле, крепостных мужиков и всиво народа нашава кутят и гуляют за счет народнова труда. Да, как кутятя то! Не слухай, дочка, чему в школах учат вас - ложь это! - дед Алексей нервно моргнул усом и скорбно глянул на Светлану.

- Правду говорите, дедушка. Поняла я.

- Умом стало быть, одарена ты немалым, дочка, коль уразумела, - просиял лицом дед Алексей: - Мама твоя хорошая и честная без упрека женщина, да вот разум ей лукавый помутил. Не сетуй на мать свою, дочка, а молися Богу за нее. Таких, как твоя мать у нас немало несчастных людей найдеца, - добавил дед Алексей.

- В западных странах, во время крепостного права у нас в России, негров, законных в кандалах, везли в рабство и плетьюми стегали. Нечем похвастаться из своего прошлого этим странам. А басни о крепостном праве в России не стоит принимать во внимание, липа это гнусная, с целью опорочить Россию распространяется, - сказала Лара.

- Точно! - подтвердили Марк и Светлана, одновременно.

- Правильно, дети! - подтвердил старый, видевший жизнь, русский боцман дальнего плаванья.

Дед организовал подводу для гостей. Хотя и с большим опозданием, но вечером этого дня Лара, Марк и Светлана были уже дома...

Предположения деда Алексея и Марка, к их удивлению не оправдались. Алексей Алексеевич, как всегда в положенное время, присылал жене посылку и обещал скоро приехать на побывку домой. Людмила Ивановна, охваченная радостной восточкой, торопила Марию Александрону:

- Пиши живее, Марусенька, пиши, дочка, мужу, а я уж припишу слова материнские. Гляди и прилетит поскорее сокол донской в курень родной...

Хорошая новость всех подбодрила и обнадежила. Дед Алексей подолгу сидел один на базу со своими мыслями: "Што бы это значило" - думал старый боцман. Приехавший ничего не знал об аресте брата. Поразмыслив, сказал отцу:

- Недохваток очень большой сейчас офицеров профессионалов, десятки тысяч их уже выкосили, заменить их некем. Обезглавили армию и флот, а случай война грянет, крах будет! А Иван, прямо сказать, просто незаменим на своем посту. Так что, гляди, поддержат его и выпустят, не журишь, батя...

Х Х Х

Светлана утирая слезы, молча выслушивала очередное требование матери, прекратить дружбу с сыном репрессированного органами НКВД "врага народа" капитана Рудакова. Отец приходил с работы поздно и только с его приходом домой, мать умолкала. Светлана с нетерпением ждала, когда за дверь в коридоре послышатся шаги отца. Семейные сцены происходили каждый день. Однако встречи продолжались без перерыва тоже каждый день. Они, держась за руки, уходили в степь. Свет-

лана возвращалась с большим букетом тюльпанов, раздавала цветы соседям.

Однажды Ольга Николаевна с яростью постучала в дверь к Рудаковым и категорическим тоном потребовала от Веры Григорьевны содействия ей в прекращении дружбы между Светланой и Марком.

- Извините, Ольга Николаевна, но мой сын больше не мальчуган, а взрослый молодой человек. Не думаю, что я смогу на него подействовать. - Вера Григорьевна беспомощно развела руками.

Ольга Николаевна, всхлипнув, хлопнула дверью и удалилась. Светлана наблюдала через окно, как мать, через весь большой двор Городка Водников, шла к дому, где жили Рудаковы и обратно. Вернувшись, мать ни слова не молвила дочери, зло надувшись ходила по комнатам, что-то искала. Светлана, сидя за роялем машинально перебирала клавиши и бессмысленно смотрела на ноты, думая совсем о другом.

Х Х Х

Светлана сидела под тенистым деревом на "их" скамье и с волнением наблюдала за входящими в парк людьми... "В чем дело"? - мелькали тревожные мысли. Но нет, вот он у ворот парка. Бескозырка с белым летним чехлом и черными лентами с якорями хорошо видна издалека - это он!

- Жарко сегодня. - Марк присел с ней рядом.

- Очень, а август на исходе.

Светлана прислонилась к его груди головой, сведя черные шнурочками брови, сосре-

дотоchenно что-то думала... Молчали...

- Ты давно ждешь?

- Нет, не очень, - не сразу ответила она.

А потом, обняв его шею руками, заглядывая в глаза сказала:

- Я хочу поехать за город в степь, в посадки. Туда, где мы были прошлый раз с компанией нашей. Там так тихо и прохладно. Поедем?

- Если ты желаешь, конечно. Это, что пятым номером, кажется?

- Да, пятым. Пошли! - Светлана встала.

- Зачем ты пальто взяла? Жара ведь! - удивился он, увидя в ее руках пальто.

- Так... взяла... идем... - Светлана блеснула синевой глаз, нахмурясь свела брови, что-то сосредоточенно думая.

Они сели на пятый номер трамвая. Вскоре позади остался город, трамвай стал, последняя остановка и степь. Тут же невдалеке начинаются и далеко тянутся густые и просторные, с кустарниками и лужайками посадки разнообразного сорта деревьев. Они шли в обнимку по обочине, толстым слоем покрытой пылью, дороге... Но вот повеяло приятной лесной прохладой и еще несколько шагов и роща, где всю ночь напролет заливаются нескончаемыми трелями голосистые соловьи, тщательно скрыла их, спрятала...

Х Х Х

Было после четырех пополудни, когда они также в обнимку по обочине пыльной дороги, шли к последней остановке трамвая. Оба молчали. У него через руку было брошено ее бежевого цвета измятое и испачканное зеле-

ным соком травы, пальто.

- Это я виноват, - глухо, понуриив голову первым молвил Марк.

- Нет, я!

Светлана, сдвинув брови, утирая струившиеся по щекам слезы, остановившись, блестя синевой глаз и дрожа всем телом от волнения, сказала:

- Я сама этого хотела. Поэтому я и взяла с собой пальто. У меня не было другого выхода, как только так поступить. Теперь я скажу о случившемся своей маме. Пускай знает, что потеряв девичью честь, я ни за кого другого замуж не пойду, но только за того, кому ее отдала, понимаешь?

Он понял ее тайный план, но потрясенный таким отчаянным ее поступком, не мог произнести ни слова. Он привлек Светлану к груди, прижав ее голову к своему лицу и сжимая в руках ее косы, жадно вдыхал их запах. И казалось ему, что косы ее цвета спелой ржи, издают несказуемо-тонкий аромат цветов донской степи, как бы были обильно напитаны запахом родной степи и еще казалось ему, что вся она, его беспредельно любимая синеокая девушка, все, всем своим существом слилась с донской казачьей степью.

- Да я тебя, понял, Света, - наконец проговорил он, - но как мы будем жить после женитьбы? У меня нет специальности. А из военного училища меня наверняка погонят теперь. Вот проблема еще одна.

- Ерунда! Пускай гонят они тебя из училища, будешь плавать в местном судоходстве, как дедушка тебе сказал. А я кончу институт, найду себе работу в одной из наших городских больниц. Не бойся, проживем, с голоду не умрем. Другие же люди живут, а мы, что хуже

других? - Светлана с укором глянула на Марка. - Вот тебе и весь мой план, ясно?

- Да, ты права, - согласился Марк...

Лара, увидив через окно, в каком виде явилась домой молодая пара, пронаблюдав, за их выражением лиц, сразу же поняла, что случилась беда большая, но не подала виду. Лара, подавляя тревогу, старалась вести себя совершенно спокойно, очень боясь, что о происшедшей трагедии узнают обе матери. Но на другой день в десять часов утра, вся в слезах, с незаплетенными косами появилась Светлана. Вера Григорьевна, охваченная испугом, пошатнулась на стуле, смотрела на кроваво-синюю полосу на лице Светланы. "Очередная семейная неприятность" - подумала про себя Вера Григорьевна и взяв Светлану за руку, усадив на диван, стала заплетать ей косы.

- Успокойся, детка, успокойся. В жизни много неприятностей бывает. Успокойся. Вот скоро Лара с Марком придут. Я их на базар послала. Они арбуз принесут, будем кушать, - ласково приговаривала Вера Григорьевна, целуя в обе щеки Светлану.

- Я... Я... Я нехорошая, Вера Григорьевна... Я скверная... плохая, - заикаясь проговорила Светлана.

И рассказала весь свой "секретный план".

- Я сказала маме моей всю правду, а она ударила меня линейкой по лицу и ушла на работу. У меня так стало тяжело на душе, так больно, что я решила вам все рассказать... Я... Я ищу защиты. Правда, мне так страшно больно.

Светлана с надеждой глянула на Веру Григорьевну, но она вся потрясенная рассказом

Светланы, не могла найтись, растерено смотрела на плачущую несчастную, обиженную девушку, рассказавшую ей свое девичье горе и ища у нее защиты. За дверью послышались шаги и вошли Лара с Марком.

- Ну и арбузину купили мы, пря... - Лара умолкла на полуслове.

Марк с огромным полосатым арбузом застыл на месте.

- Прямо таки целый пуд весу, - (моментально поняв, что произошло) договаривала Лара и тут же распорядилась: - Давай-ка, Светочка, клеенку, вон там на полке возьми, а я тарелки подам. - Лара резала арбуз и раскладывала на тарелки рассыпчато-сахарные скибки. - Мамочка, Света, присаживайтесь, будем кушать. - Лара говорила наигранно весело.

Мать и Светлана сели за стол. Но взяв скибку арбуза с тарелки, Светлана не донесла до рта. Упустив голову на стол, она громко расплакалась.

Лара встала из-за стола, подошла к Светлане, ласково обняла ее и тихо, но внятно-убедительно заговорила:

- Твое горе, твои слезы, Светочка, да и не только твои, а многих и многих миллионов наших людей, есть прямой результат преступных действий власти, в плену которой мы находимся. Я не боюсь говорить тебе такие слова. Я знаю, что твой разум свободен от марксистского лабиринта и тебе доступно понять, что советская власть принуждает рожденных детей в ее рабстве, в их борьбе за жизнь, прибегать к разным поступкам. Вот, ты знаешь Ваню Саркисьян принудила прибегнуть к воровству и даже хуже. А вот тебя принудила

к твоему поступку. Согласна? Правду говорю я? - Лара ласково поцеловала Светлану в щеку.

- Ты такая умница, Ларуша. Как же не согласна, правду говоришь ты! - подымая голову и с благодарностью смотря на Лару, быстро отозвалась Светлана и облегчено вздохнула.

- Ну вот видишь. Утри свои слезы и кушай арбуз. Поступки грешные омываются покаянием. И мы еще поговорим с тобой на эту тему и ты совсем успокоишься, - пообещала Лара.

Все время сидевший с опущенными глазами Марк, с благодарностью посмотрел на сестру. А Вера Григорьевна, уже в который раз, восторгалась умом своей дочери...

Х Х Х

Этим днем с вечера подул легкий ветерок, а позднее ночью стало слышно, как по крышам барабанит дождь. Вера Григорьевна, обуреваемая тревожными мыслями, никак не могла уснуть. Включила ночную лампу, глянула на часы, было после двух. Отсчитывая валерьяновые капли, вдруг услышала чьи-то осторожно-медленные шаги в коридоре дома, потом у самой двери. Насторожилась, оставила стакан с валерьяновыми каплями, прислушалась... Последовал осторожно-тихий, как и перед этим шаг, стук в дверь... Вера Григорьевна, набросила халат, вышла из спальни, с испугом смотрела на вышедшую из своей спальни дочь. Марк, припав ухом к двери, стоял в полусогнутом положении, замер на месте, не шелохнувшись...

- Кто это может быть, Ларушка? - шепотом спросила, трепеща всем телом, Вера Григорьевна, - "не за нами ли на сей раз "гости" пришли"? - полыхнула у нее страшная мысль.

Лара подошла ближе к двери, посмотрела на брата, оглянулась на мать, а потом спросила:

- Кто там?

- Это я, Лариса, папа.

Марк повернул в замке ключ, сильным рывком распахнул дверь. На пороге стоял отец. Иван Алексеевич приложил палец к губам, подавая знак не шуметь и качнувшись всем телом, перешагнул порог. Жена и дети с ужасом смотрели на его все в ссадинах желто-серого цвета лицо...

Х Х Х

В конце августа, в начале учебного года, студенты и курсанты разъехались по своим заведениям. Лара и Светлана уехали в Москву. Марк в Ленинград. Иван Алексеевич всего несколько дней был дома. Ему нужно было по повелению начальства НКВД, прежде, чем вернуться на свой эсминец, отправится в санаторий "для поправки здоровья".

- Били и били каждую ночь на допросах. Били до потери сознания, отливали водой и опять били. Требовали подписать обвинения меня в заговоре против советской власти. Я выдержал все муки и не подписал, в противном случае, или "шлепка", или к "белым медведям" на десять, пятнадцать, а то и всех двадцать пять лет. Откуда возврат почти немислим, там медленная мучительная

смерть ждет, подписавших обвинение, - рассказывал Иван Алексеевич.

- Как ты мог выдержать муки? - содрагаясь спросила Вера Григорьевна.

- Выдержал я. Рядом со мной в камере одиночке сидел армейский полковник. Он своей кровью написал на кальсонах письмо Молотову, обжаловал свой незаконный арест. Белье он хотел передать жене. Чекисты обнаружили это письмо и полковника расстреляли.

- Алексей говорил, что тебя выпустят, нужен ты им очень, Ваня.

- Какой там! Маршалов пошлепали, а я что?

Многое другое рассказал Иван Алексеевич жене, творящееся в застенках ужасного заведения, какое только знала история человечества. К удивлению всего Городка Водников, вернулся домой также и капитан порта Петр Григорьевич Яблоновский. Видели его жители городка каждый день, идущего по утрам через весь двор, на работу. Весьма высокого роста, стареющий капитан держался по-прежнему спокойно-сдержанно, но лицо его было желто-серого мертвецкого цвета. С таким цветом лица выходили единицы из застенков НКВД, где бьют и бьют и бьют свои жертвы чекисты-садисты, упиваясь людскими муками...

Х Х Х

Летом 1938, а потом 1939 годов, собирались приезжающие "ребятки" на летние каникулы, у пушек Петра Великого, но не все. Первый раз собралась вся "компашка" летом 1940 года. Теперь среди студентов и курсантов появились профессиональные командиры -

лейтенанты и первый из всей компании крепостян, педагог - Лара Рудакова, учительница, на сей раз без ковычек. Лара привела с собой в компанию тоже молодую учительницу Лидию Петрову, с которой подружилась еще в Москве в институте. Подруга рассказала Ларе трагедию, постигшую ее семью во время мора людей арестами и расстрелами в 1936-1938 годах. Отец Лиды - Иван Васильевич Петров, майор Красной армии, после того, как его реабилитировали и он был послан "для поправки здоровья" в санаторий, но однако вернулся домой не поправившись. Избиения на допросах настолько подорвали его здоровье, что у него открылся туберкулез. Мать Лиды была из бедной еврейской семьи, образование имела очень малое. После ареста мужа в 1937 году, устроилась сиделкой во Вторую советскую больницу. На гроши, заработанные матерью, дочь продолжала учиться. Больному отцу требовалось особо усиленное питание, а его не было. Отец угасал с каждым днем. Мать и дочь знали отца, как атеиста, но вот перед самой смертью, он стал умолять жену и дочь, найти и попросить прийти к нему священника.

- Никогда не забуду ту страшную ночь, Ларушка. Мама и я мотались по всему городу, ища священника, а их уже в то время, где искать было? Когда я была еще маленькой девочкой, мы жили на Греческой улице, вблизи греческой церкви. Я вспомнила и помчалась в греческую церковь. Добрые люди указали мне, где живет батюшка. Я нашла его и он сразу же пошел со мной. Отец страшно боялся умереть до прихода священника, и когда увидел батюшку, заплакал от радости. Мы с

мамой вышли из спальни отца. Батюшка папу исповедовал, причастил и долго потом еще утешал его. А мы с мамой проводили батюшку до самого его дома. На другой день, папа мой скончался, а через два дня арестовали батюшку. Это было как раз во время поголовного погрома всех наших таганрогских греков равно, как и во всей стране, да ты помнишь эти дни, Ларушка.

Лидия однажды рассказала трагедию своей семьи Ивану Фомичу. Старый моряк калека, усиленно подмигивая больным глазом, заплакал и обняв Лиду сказал:

- Ну вот, дочка, теперь я твой папа. Хотя и калека старый, но папа!

Расплакалась и "дочь". С тех пор, как только приходила Лида к Ларе, обязательно заходила к своему "папе", поцеловать его. Всегда приносила, хотя и скромный, с трудом добытый, подарок семье Плотниковых...

X X X

Евгений Попандополос - Женечка-Носик, за прошедшие два года, остался круглой сиротой. Отца поглотил погром греков, заболела и умерла мать. Осиротевший сын устроился работать в порту, грузчиком. Копил день-деньги на жизнь в новом учебном году. Другая увидев его у пушек Петра Великого, выразили ему свое соболезнование. Борис Шапошников подкармливал друга. А однажды сказал:

- Пойдем, Женя, мое хозяйство посмотришь.

- Какое хозяйство? - удивился Евгений.

- Говорю же, посмотришь, пошли!

Попандополос был настолько удивлен виденным, что невольно воскликнул:

- Чудо, Борька!

Мало того, что небольшой садик и огород находились в примерном порядке, обрабатываемым заботливыми руками молодого хозяина, по двору ходили куры и утки, а в небольшом сарае повизгивали поросята, толкаясь у вымени огромной похрюкивающей свиньи-матки. Борис стал с увлечением рассказывать, как нужно выращивать наилучший сорт овощей и фруктов, а также, как нужно смотреть за домашним скотом и птицей.

- Откуда ты это знаешь? - удивился Евгений.

- Вычитал в специальных книжках. Так случайно мне попались под руки, - объяснил Борис, - но больше я сам, из своих соображений делаю, - добавил он.

Попандополос долго молчал, что-то размышляя, а потом спросил:

- А если бы тебе, Борис дали бы большой участок земли и сказали, "на, Борис Иванович, землю тебе и воздвигни на ней примерное хозяйство"! Взялся ли бы ты за такое нелегкое, но очень и очень трудное дело? Стал бы мужиком, а?

- А то нет! Да ведь тут только нужно знать, как интересно хозяйством заниматься, ведь удовольствие тут сплошное! Эге-е-е, браток, дали бы мне землю, я за два года самым богатым помещиком стал бы, и это ни что там, а точно! Верить?

- Верю! - Попандополос опять помолчав, поразмыслив, сказал:

- Ты, Борис, родился с умом, который на очень уж большие знания претендует. А за эти знания, за тенденцию применять их к делу, у нас к "белым медведям" на снежок,

посушиться отправляют. Так, что молчи лучше, что любишь хозяйство. Теперь я понимаю, почему ты математику не любишь. Ты родился для другой науки - той, которая людей кормит, Боренька. Пятнадцать миллионов укукошили мужиков. Ты, вот передо мной стоишь - мужик, родившийся, да много ли теперь их родятся? Вот вопрос трагический, друг мой. Да, а где мать твоя, Борька? - спросил Евгений, когда друзья вошли в дом и уселись за столом, собираясь "пошамать".

- А что ты не знаешь? - ставя на стол тарелки, спросил Борис.

- Нет, не знаю.

- Вижу что не знаешь. Умерла моя мать прошлой зимой. Пахан на другой женился. Молодую взял. Стерва такая баба. Пришла раз в огород ко мне и давай указывать, что и как. А я схватил дрын, да хорошо, что улепетнула, а то бы я ей горб перебил.

Борис поблмыал глазами, подтянул сползающие брюки с жирного живота и, тяжело вздохнув, спросил друга:

- Ты с большим опозданием вернулся из института, что так?

- Не хотелось мне в пустой дом ехать. А в Мариуполе меня друзья пригласили на побывку к себе. Вот и вернулся я домой с опозданием.

- Ясно, Женя. А у нас тут несчастье за несчастьем атакует нас. У Кости Грекова пахана "черный ворон" хапнул - поплыл к "белым медведям", так, как и твой. А у Марка бабка умерла. Не успели похоронить бабу, как тетка Марка, мать Алика - двоюродного брата Марка и Ларки. Знаешь ты Алика?

- Да так, пару раз встречал.

- Ну, да вот, мать его получила сообщение от начальства Черноморского военного флота, в котором было с выражением соболезнования сказано, что ее муж погиб при несчастном случае - судно случайно налетело на подводную мину и взорвавшись, потонуло.

- Да ну? - Евгений вскочил на ноги.

- Я тебе говорю! Мы только позавчера узнали, когда вся компашка наша у пушек собралась. А до этого мы несколько раз собирались и Слеп свой патефон притаскивал и веселились мы. А этого самого Алика Рудакова, Марк и Светлана с Катюшей Честяковой познакомили. А они, глядим, сразу и спаровались, втрескалась наша недотрога в этого Алика. Пошли мы в яхтклуб на радостях, ведь новая любовь в компашке нашей объявилась. Пришли мы в яхтклуб, Марк стал на яхте своей любимой катать, на "Наяде". А Христю, капитана "Наяды" помнишь?

- Как же, конечно!

- "Черный ворон" хапнул. Сестра ходила с передачей к брату. Сказал Христя, что он сидит за то, что его дед мельницу свою имел. Вообще "враг народа", оказался наш Христофор. А парень то какой! Стою это я на трапе с Аликом и Светланой рядом, наблюдаю за "Наядой". Когда кто-то из яхтсменов, как заорет: "На "тапочках" подойдите к трапу"! "Что это за странное название у яхты"? - спрашивает меня Алик. Ну и, конечно, пришлось ему объяснять, что означает такое поветение странное. Говорю, что есть у нас один яхтсмен, у которого страшно огромные ноги и ни один размер туфель ему не подходит и он где то добывает по размеру своих ножищ тапочки, чуть ли не такой величины,

как сама яхта его. Вот говорю поэтому и команда такая странная по рупору часто в яхт-клубе раздается. Хохочет мой Алик и все другие, а что уж трагедия страшная стряслась, ни он и никто из нас не знал. К вечеру, когда вернулись мы к пушкам и стали думать и гадать, как нам еще повеселиться, вот тут смотрим, бежит к нам тетка какая то из Городка Водников и голосит о случившейся беде. Ларка, как стояла, так и бухнулась на землю. Пришлось нам тянуть ее на руках до самого дома. Что дальше было, не знаю. Вот навалил тебе гамузом наши тяжкие новости, Женя, да оратор из меня никудышный, как могу, так и леплю. А сейчас, давай шамать борщ. Свеженький с курочкой из собственного хозяйства. Борщик - будьте уверочки!

Евгений был голоден, не не доев, отодвинул тарелку, положив ложку.

- Борщ отменный, Борька, да сейчас не идет. Пойдем-ка, браток, к пушкам.

- Да, пойдём.

Хозяин тоже отодвинул свою тарелку и поблывав глазами, подтянул сползающие брюки, шагнул к двери.

- Ну, как Ларка? - спросил Борис у сидевших на пушках ребяток.

- Ничего ей, очухалась, поехала с матерью в Синявку к деду, - пробасил Ванька-Слеп.

- Капитан Честяков был на похоронах со всей семьей. Марк подводу нанял. Я Любу видел - рассказала, - добавил Ванька-Шиша.

- Новости у нас печальные, - молвила Наташа Петрова, обнимая Эрику Шварценберг.

- Да, печальные, - тяжело вздохнула Эрика.

Скрипя хромовыми сапогами, подошли чет-

веро военных. Подтянутые, с военной выправкой, они вежливо, чеканно расшаркались перед девушками, всем пожали руки, присели у пушек, молча выслушивали тяжкие новости.

- Должно быть судно на мину, еще с Первой мировой, оставшуюся, наскочило, - выразил свое мнение лейтенант Кузнецов - Ванька-Кацап.

- Возможно, - соглашаючись кивнул головой лейтенант Сербов - Ванька-Серб.

- Пожалуй так, - поддержал их мнение лейтенант Морозов - Ванька-Лапоть.

- У нас бывают зачастую такие случаи, что разгадать их также тяжело, как армянскую загадку, - поблескивая иссиня-черными бархатными глазами, проговорил лейтенант Саркисян - Иванос-Длиннонос.

- Точно, - поддержала его Эрика и положила голову на его спину.

- Сиди, не крутись, Ваня!

- А что я тебе, подушка?

- Послужи подушкой, набегалась я сегодня, устала. На вот тебе веточку сирени.

- Где взяла? Белая и пахучая у-у-у!

- В домике, где раньше Рудаковы жили. Я проходила мимо, похвалила сирень, а тетенька - хозяйка отломала веточку и подарила мне. Этот куст сирени Вера Григорьевна растила, я знаю.

- У нас тоже есть сирень, только не белая, темно-красная, махровая, персидская. Еще мама моя садила, я помню. - Саркисян тяжело вздохнул и стараясь отвлечься от нахлынувших тяжелых воспоминаний, пощекотал лицо Эрики веточкой сирени, сказал: - Какая же ты раскрасивая, наша немочка белобрысая с косами!

- Почему ты считаешь меня немочкой? У меня мама русская - кацапка, да и дело не в этом. "Русский" - слово со-би-ра-тель-ное! Под этим словом уже собралось много народов и впредь еще больше собирется. Не-русские люди, ставшие русскими ничего не потеряли, но обрели! Ясно вам, товарищ лейтенант? Бум-бум!

- Ишь ты какая зрячая! Глубоко зришь ты белобрысая. Точное слово влепила! Можно тебя за это в щечку поцеловать?

- Ну, целуй, армяшка Иванович. - Эрика хихикнула и подставила щеку.

- С меня, армяшка, такой же, как из тебя немка. Бум-бум!

- Угу, а теперь сиди и не крутись, я отдыхаю.

- Сижу и не кручусь, отдыхай...

Ребятки просидели у пушек весь этот день, переговариваясь, скудно улыбаясь, ощущая печаль и тревогу за близких друзей. Поздним вечером, окутанные наступившей темнотой, сидели неподвижно, задумчиво смотрели в открытое море. Маяк бросал лучи света навстречу идущим судам в порт. Горели фанари на "Спасалке", вспыхивали и исчезали огоньки на бакенах. Слышно было, как у Северного мола, громко споря, плещутся набегавшие с открытого моря волны, а по закрытой бухте взъерошивая гладкую глянцевую поверхность воды, пискливо перекликались, курсировали маленькие, подобно игрушечным, портовые дежурные катера. Доносимый, срывающимся "кустами" ветерком, пряный запах сирени и белой акации, забивал приносимый обратным дуновением ветра, острый и сырой запах моря. Стоял на исходе июнь 1940 года...

Х Х Х

Тяжкое горе окутало и пронизало курень Алексея Гавриловича. Придавленный горем, сутуля могучие плечи, склоня низко голову, стоял над могилой супруги, одиноким и сирым, нервно моргал седым усом, смахивал нет-нет, да набегавшую слезу...

Отпевал Людмилу Ивановну, привезенный казаками, сильно за последнее время постаревший после ареста и побоев, священник отец Василий. Болен был очень батюшка, но благодаря помощи любивших его казаков, прибыл в Синявку с большим риском, опять попасть в тюрьму. На похороны пришли все хуторяне, уложили могилу горой цветов. Рядом с дедом Алексеем стоит, срочно прибывший на похороны матери старший сын Иван Алексеевич и внуки. Веру Григорьевну поддерживают под руки Марк и Алексей; рядом с ними стоит вся в слезах Лара. После погребения Людмилы Ивановны, отец Василий отслужил заочное отпевание по сыну Алексея Гавриловича - Алексею Алексеевичу...

В курене и на базу суетятся женщины, готовя поминальную трапезу, а в спальне, у кровати над лежащей в бессознательном состоянии, неожиданно овдаевшей младшей невестки Алексея Гавриловича, склонилась Светлана. Прикладывая к груди больной стетоскопом, прислушивается к биению сердца, нащупывает пульс. На тревожно-вопросительные взгляды, стоящих у кровати Кати и Любы, отрицательно качает головой, велит подложить под ноги больной подушки, повыше приподнять ее ноги. Светлана подносит к носу больной нашатырный спирт и, когда она приходит в себя, осторожно приподнимает ее голову, дает отпить несколько глотков воды с бромом...

Х Х Х

В начале июля разъехались военные по своим частям. А в начале учебного года, начали разъезжаться и студенты. Светлану и Марка пришла провожать целая гурьба "ребятков". Катя Честякова сообщила друзьям удивившую всех новость: Люба преподнесла неожиданный сюрприз всей семье - вышла замуж. А Абрам Гасс, знакомя друзей с кареглазой девушкой, сказал:

- Моя невеста, Соня.

Из компании "крепостяны", в городе оставались только двое студентов института механизации: Ваня Пирожков и Абрам Гасс. Эрика Шварценберг, Наташа Петрова и Катя Честякова, отменили свое прежнее решение ехать учиться в Москву в мединститут. Поступили учиться в местный городской Планово-экономический техникум. Лара Рудакова и Кира Гольцман были первыми девушками из всей компании, обретшими специальность. Первая - педагог, а вторая - фармацевт...

Х Х Х

Оставалось всего два дня до учебного года, а Алексей все еще оставался дома, присматривая за разболевшейся после потери мужа, матерью. Подолгу просиживал он у кровати матери, склоняясь над ней, что-то утешительное говорил ей на калмыцком языке. Дед Алексей одобрительно кивал головой внуку и сам старался, как мог, утешить ее. Изредка Мария Александровна поднималась с постели и сутулясь ходила по комнате, еще реже выходила на баз, тоскующе смотрела вокруг потускневшими глазами. За три месяца, еще будучи молодой женщиной, превратилась в сгорб-

ленную старуху, с бугрящимися буро-синими скулами на бледном болезненном лице.

- Поезжай, сынок, учиться, поезжай. Не волнуйся за меня. Вот дедушка за мной посмотрит, да тетя Вера с Ларой навещают. Не одна я, да и мне уже много лучше, поезжай, - подбодряя сына проговорила мать.

- Поезжай, Алексей, - поддержал невестку дед Алексей.

Поехал Алексей, тая в душе тревогу за мать. Знал он, что мать не только переживает потерю мужа, но и неизвестность, где находится дочь, также тревожит материнскую душу.

Х Х Х

После вероломного захвата Польши, друзья "социалисты" Гитлер и Сталин, разделив добычу, держали в Польше свои войска. Дивизия, где служил Димитрий Щеглов комиссаром, была перебросена в Польшу, и с тех пор не было ни одного письма от Маши. Одни тревожные мысли, сменялись другими у несчастной матери и ища спасения, присоединилась она к деду Алексею, изучающему Евангелие. Бабка Мария была русской. Она своего сына - калмаченка, крещенного именем Александр, вырастила в церкви. Вначале малыш-калмаченок был прислужником, но прошли годы и тонкий, стройный и красивый юноша Александр стал чтецом. Женившись, тоже на православной калмычке, он жене и родившейся у них дочери Марии, передал свои знания. Мария, будучи еще отроковицей, уже могла свободно читать псалтырь, знала церковно-славянский язык. А семнадцатилетней девушкой, Мария сменила на клиросе отца.

Алексей Гаврилович удивлялся знанию толкования Евангелия невесткой и частенько обращался с просьбой:

- Объясни, дочка, будь добра, как правильно слово Божие понять, - и зачитывал из главы стих.

Минула желтолистая осень, за ней бело-снежная зима. В зазеленевшем мае, на улицах хутора появилась впервые вдова Мария Александровна Рудакова. Впервые, после столь долгого времени, хуторяне видели ее улыбающейся. Она показывала всем и уж в какой раз перечитывала письмо от дочери. Маша описывала свою жизнь и сулила вернуться домой - в хутор. - "Диме уже давно отпуск полагается. Скоро приедем домой, маманя"...

Мария Александровна особенно громко читала вслух слова дочери, сулившие возвращение домой. Сильно постаревшую, с отцветшей преждевременно красотой, больше никто не называл ее, как это было раньше, когда маленькая Лара, удивляя всех, гарцевала на коне по хутору: - "нашей лихой наездницы Ларки, тетка - красавица калмычка" - нет! Теперь говорили: - "нашей учительницы Ларисы тетка-калмычка" или же "тетка Маруся". Слово "красавица" больше не применял никто, осталось оно позади с минувшей молодостью, преждевременно стерлось тяжким горем...

Х Х Х

В апреле 1941 года Косте Грекову пришла повестка из городского военкомата с оповещением о призыве на службу в Красную Армию. Явившись в военкомат, Греков встретил там всех своих друзей, у которых отцов "черный

ворон" похитил. Призванные на службу, оказались "бойцами" Особого Отдельного Батальона и необмундированные в военную форму, вскоре приступили к строительству аэродрома в Западной Белоруссии, вблизи города Сарны. "Бойцы Особого", очень быстро поняли затею Сталина - они являются, по сути дела, заключенными, как и их отцы, только под другим названием. Оружие от "бойцов" власть за сто километров держала, а вручила им лопаты и кирки; тачки и молотки. "Особый" строил аэродром, тоже и "особым" способом: щебенку для бетона изготовляли вручную, огромные камни разбивали на мелкие кусочки и в конце концов, действительно щебенка получалась, а потом смешивали бетон и заливали летные дорожки. Спали на нарах, ни то, что там без матрацев, а и без единой соломинки. Ни то, чтобы купаться или умываться, но и для питья воды достаточно не было.

"Вкалываем... воши, гады, жрут нас, да топить их не в чем, воды нету"... - писал Евгений Попандополос Костя Греков.

- И как это тебя, Носик, вместе с паханом твоим и другими греками не хапнул "черный ворон", да и вот в "Особый" ты не попал? - удивляясь спрашивали ребятки друга.

- Проглядел "мудрый отец народа" самого хитрого грека, - шептал на ухо, почесывая с горьбинкой свой греческий нос и с хитрецей улыбаясь, Евгений своим верным друзьям.

В это время в городе не было видно ни одного грека, скосила красная коса, потомков тех, кто уже тысячу лет жил у реки Танаис и город Таган-Таганрог построил, как и многие другие города на юге России...

В начале июля у пушек Петра Великого, вновь собрались ребята. На этот раз не было между ними Светланы и Марка (Светлана должна была остаться в Москве для прохождения практики в больницы, а Марк задумал навестить ее и увидеть сердце всей России - Москву). Зато, впервые, между опять сговорившимися и получившими одновременно отпуск военными, появился лейтенант артиллерии Владимир Еремин.

У танкиста Саркисяна, в петлицах прибавилось еще по одному "кубарю". Военные ребята, соблюдая военную субординацию, первые цокая каблуками, отдавали ему честь. Старший лейтенант Иван Саркисян, отвечая на приветствие друзей, крепко, радостно пожимал им руки. Иван Семенов - Ванька-Слеп принес свой патефон, а Иван Пирожков - Ванька-Шиша, гитару. Ребята размышляли, где им поудобнее такой большой компанией устроить "танцульки", как среди прогуливающихся по бульвару людей появился Алексей Гаврилович в сопровождении Веры Григорьевны, Лары, тетки Маруси и Алексея с Катей под ручку. Лара уже издали замахала платочком друзьям. Военные из-за уважения к старому боцману, первые щелкая каблуками, протягивали ему руки, принимали положение "смирно".

- Ополчение, вижу, внушительное у вас, дети! Уж не по туркам ли собираетесь палить из пушек царя Петра? - моргнув седым усом, с любовью оглядывая молодежь, улыбнулся дед Алексей.

- А кто первый подступит, по тем и ша-рахнем из пушек, Вот у нас артиллерист есть, он знает, как без промаха по врагам палить, - вскинув белобрысым чубом, доложил Ваня Пирожков.

- Молодец! Самый, что ни есть правильный ответ дал, - похвалил дед Алексей.

- Правильный со всех сторон: и с военной, и с политической, и с дипломатической. Турок, немец и поляк, все у нас затанцуют краковяк. Только, конечно, вверх тарамашками. О таких "танцах" говорит нам история России, - дополнил ответ Пирожкова лейтенант Кузнецов.

- Ишь ты, какой знаток!

Дед Алексей бросил внимательный взгляд на бойко выглядевшего курносого лейтенанта пехотинца и хотел уже двинуться дальше со своей семьей, но его остановила Катя Честякова:

- Дедушка, пожалуйста, расскажите нам об "Азовском сидении", - прикрывая рукой от солнца глаза, смотря через Азовский залив в сторону Азова, обратилась с просьбой к деду Алексею Катя.

- А ты сваво кавалера спроси, он расскажет. Я ему много раз поведал историю Азова - города.

- Не-е-ет, Алик не может так, как вы. Он мне уже рассказывал, да, говорит, дедушка лучше знает. А я хочу, чтобы все ребята наши знали, правда, ребята? - Катя блеснула черносливами глаз.

- Правда, правда! - отозвались дружно ребятки, - расскажите, Алексей Гаврилович, мы хотим знать, - попросил старший из военных, Ваня Саркисьян.

- Расскажите, папаня, - поддержала молодежь Вера Григорьевна.

Дед Алексей, моргнув усом, обвел молодежь заботливым отцовским взглядом и присев на лежащие ядра пушек, закурил само-

крутку и начал рассказ.

- История Азовского сидения, очень большая и рассказать вам, дети, я полностью не могу. Об истории этой, написаны большие книги и большими историками. Расскажу коротко, что знаю из рассказов дедов наших. А главное, что уразуметь вам, дети, нужно, это - какое значение имело раньше и теперь и в будущем Азовское сидение для России нашей. Вот тут то и мы посмотрим, кто какой из вас сметкой обладает.

Дед Алексей, заговорчески улыбаясь, оглядел молодежь и продолжал свой рассказ:

- Борьба за Азов город у казаков с турками особо разгорелась во время очень тяжелого положения для Московской Руси, а после, я думаю, вам известна "Смутная времена". В школах то учат и теперь вас, я знаю.

- Как же, учат, конечно, хорошо мы знаем историю этого времени. Это, когда поляки двинулись на Москву, чтобы русского православного царя убить, а на престол, наш русский, своего польского короля - католика посадить и, конечно, Русь, надо полагать, католизировать. Да только обломилось им. Иван Сусанин - русский наш мужик "помог" полякам так дорогу на Москву найти, что они не только вверх тармашками полетели, но и кости свои оставили в русском лесу. Знаем мы эту историю, дедушка, будьте уверены, это точно! - запальчиво зачеканил словами лейтенант Кузнецов и, разгорячившись, добавил: - поляки в восемнадцатом году на нас ринулись, воспользовавшись борьбой между красной и белой армиями - русскими, с лозунгом: - "от моря до моря". Да только конница нашего лихого маршала Буден-

ного, быстро оседлала поляков и вспять повернула их войска. А теперь, вот, опять, наши войска в Польше.

- Ты, што это на польский народ ополчился, лейтенант? Напрасно это ты, народ хороший то.

- А я и не говорю, что плохой. Это я вождей их имею в виду. А народ, поляки, конечно, хороший. Народ храбрый, воинственный и трудолюбивый. Наша дивизия стоит в Польше. Я оттуда и приехал в отпуск, и знаю. Нет, поляки, народ заслуживающий уважения.

- Насчет вождей польских, то тут, ты прав. А то, што войска Красной армии сегодня в Польше, так это прямой результат предательства польским правительством вождей Белого Движения, Польское правительство, тогда, в самый што ни есть, критический момент, порвало союз с вождями Белого Движения и заключило союз с вождями коммунистического красново движения. Маршал Буденный, тогда снял свою конницу с польскова фронта и враз, всю силу своих войск, бросил против русской армии генерала Врангеля. Вот теперича и оседлали Польшу красные войска, это как результат делов польских правителей. Это ты прав, не отрицаю, насчет правителей то, - одобрил мнение Кузнецова, насчет вождей Польши дед Алексей, и опять бросив внимательный взгляд на курносого лейтенанта, добавил:

- Конница маршала Буденного, али какова другова русскава маршала и впредь оседлаит любой народ, какой против нашей православной национальной России выступит. Не в первый раз это будит. Так то, дети. Отклонились мы от темы разговора нашева. Так вот, зна-

чить, к Азову - городу вернемся. Случилось это "Сидение" казаков в Азовской крепости в акурат во время страшно обескровленной войнами с Польшей и шведами Московской Руси в годах шестисотых. Турки в это время были в самой своей силе большой, флот у них особо был сильный. Азов-город, ставший турецким, они держали, как передовую свою не только крепость, но и место, откуда они намеривались напасть и захватить ослабшую Московскую Русь. Высокая каменная стена с одиннадцатью башнями вокруг Азова стояла. Были также укрепления и земляные. Турки выкопали глубокие рвы вокруг и наполнили их водой. Гарнизон воинский у турков в крепости Азове был большой - четыре тысячи и из лучших их войнов подобранный, а двести орудий турецких из крепости глядели. И замкнули турки крепостью Азовом вход из реки Дона в море Азовское казакам. А раз казакам, то и всей России, вестимо.

Для воинских успехов крепость Азов для Московской Руси была нужна также, как и туркам. Крепость была ключем в Азовское море, но войну начинать против могучей в те времена турецкой империи, царь Михаил Федорович Романов, никак не мог. Силы Руси были, как я уже сказал, в войнах со шведами, да с Польшей, измотаны. К тому же и договор был подписан с турками о ненападении. Султан турецкий вел войну с Персией и ему тоже нужно было время выиграть и он подписал договор с Москвой. Положение обеих сторон и заставило подписать договор. Казаки в те времена не находились в официальном подчинении царя, но добровольно подчинялись ему. Пользуясь таким положением, казаки и реши-

ли сами, без разрешения на то царя, отобрать у турок крепость Азов. И вот в апреле месяце тысяча шестьсот тридцать седьмого года, казаки, под водительством сваво атамана Михаила Татаринова, взяли Азов. Турецкий султан написал царю Михаилу Федоровичу протест, дескать, твои казаки войну против меня зачали. А царь и ответил турку, што казаки вольные люди и его приказов не слушают. А такое послушание царю у казаков иногда було и султан это знал. Так што дипломатия туркам не помогла, Азов-город был у казачьих руках и загородил туркам дорогу на Москву, куда они замышляли двигаться после того, как Персию завоюют, да казаки смекнули эту турецкую хитрость, и впоследствии турецкий план на нападение на Москву взятием Азова, провалили. А крепость Азов казаки взяли совсем малыми силами, так што султан сразу и не поверил, што такое несчастье у него произошло. Крепость Азов была неприступной. Штобы ее узять, на это нужна была огромная армия и хорошо вооруженная. Ни таво, ни другова у казаков не було, а взяли Азов малыми силами, да зато при большой казачьей сметке. Пять лет казаки держали Азов в своих руках. Но вот султан победил Персию и всю силу своих войск направил на Азов, с приказом немедленно вернуть крепость турецкой империи. И вот двадцать четвертого июля тысячу шестьсот сорок перваго года турецкий флот и огромное двести пятьдесят тысячное войско осадило Азов.

Турецкий главнокомандующий осадой, адмирал Дели Гусен-Паша привел в составе своей армии тринадцать национальностей, которые находились в составе турецкой империи. Силы

у врага были огромные, а в Азове было всего пять тысяч казаков и восемьсот жен - казачек. Но турки, зная боеспособность казаков, не сразу набросились на малочисленных защитников Азова, а прислали парламентариев с предложением сдать Азов без боя, за што обещали большую награду. Казаки ответили туркам, што они Азов-город узяли у турков головами молодецкими, да еще и малым количеством, што и на самом деле було так. И што пускай теперича они турки, если хотят иметь Азов-город, пускай возьмут его из рук казачьих головами турецкими, каких много у турок есть, то есть у стен Азова стоять. Ответ, конечно, для турков был вызывающий их на бой и турки пошли всеми силами на приступ, но откатились от стен Азова с такими огромными потерями, што стали просить у казаков перемирия временова, штобы трупы своих убитых войнов подобрать. Турки предложили казакам за труп каждого война-янычара по червонцу, а за командира по сто червонцев.

Казаки согласились на перемирие, но оплату трупов отклонили. И написали, што казаки николи мертвова трупу не продовали. И што не дорого им, казакам серебро и золото, но дорога казакам слава вечная. И еще написали так: "То вам от нас-казаков, игрушка первая, лишь мы молодцы, оружие свое прочистили. Всем вам, бусурманам, от нас то же будет".

Получив от казаков такой ответ, турки зачали насыпать земельные валы, с тем, штобы установить на них свои пушки и бить по Азову. Казаки видели затею турок, но ждали, когда они закончат работы, а потом неожиданно вылазкой напали на место в турецкой обороне, где турки собрали запасы пороха. Их же поро-

хом, казаки заминировали склад турецкого пороха и как только пришла на помощь туркам, охранявшим склад пороха, их многочисленная пехота, казаки взорвали его вместе с турками. Но турецкое войско, пользуясь своей многочисленностью, под руководством французских инженеров, насыпает новые, высокие, выше городских стен Азова, валы и установив на них свои бесчисленные пушки, зачали непрерывную бомбардировку Азова. Четырнадцать дней не переставали греметь пушки турецкие и сбили, как говорица, "до самой подошвы" городские стены, да и усе дома Азова. Но казаки не растерялись, им сметка казачья подсказала, што учинять надлежит в такой ситуации. Казаки очень быстро заменили разрушенные каменные стены города земляными валами и от турецких ядер беспрестанно сыплящихся, укрывались в подземных, ловко устроенных убежищах.

Еще до того, как были разрушены стены, казакам пособляли отбивать атаки турок казачки. Они лили горячую смолу и кипяток на головы взбиравшимся по лестницам на стены крепости туркам. Одни казачки топили смолу, другие подносили, третьи - "угощали" турок, четвертые оказывали помощь раненым казакам.

Но вот минул третий месяц непрерывного боя. Сил у казаков осталось мало. За девяносто три дня боев у казаков из пяти тысяч и триста шестьдесят семь человек, убито четыре тысячи триста, казачек вовсе мало осталось. Да и все живые были поизраненны и физически обессиленны, турки же имели потери в двадцать раз больше, чем казаки. У них было девяносто шесть тысяч убитыми. Но собрав всю свою огневую мощь, турки решили непрерывной пальбой из пушек вымотать последние

силы казаков. Выбились из сил своих вовсе казаки, без сна. На што турки и рассчитывали, непрерывной бомбежкой спать ни минуты четырнадцать дней не давали. "А теперево от турок видим смерть свою лютую", - писали казаки царю Михаилу Федоровичу в Москву, - "поморили нас бессонием - четырнадцать дней и ночей, беспристанни мучимся. Уж ноги под нами погнулися и руки наши уже не служат нам. От истомы уста наши не глаголят, от беспрестанной стрельбы, глаза наши выжгло, в них стреляючи порохом, язык наш уж во устах наших на бусурман закричать не воротится. Такое бессилие, не можем в руках своих никакова оружия держать. Почитаем себя, теперича, за мертвый труп".

Это донесение казаков царю и все другие их донесения, историки точно приводят из документов исторических. Читать, мне лично самому, частично пришлось. В книгах же, какие историки написали, есть усе подробно.

И вот, при полной потере всех своих физических сил, казаки, все одно, не утратили свою боеспособность. Они бросили против огромных сил врага, другие свои силы. В Азове, с казаками был священник, и после общей исповеди, атаман решил вести казаков в открытый бой, штобы на страже веры Христовой, умереть не в убежище, а в открытом бою с врагом. Когда же казаки вышли на поле боя, то на нем турок не оказалось. Турки прошлой ночью, когда казаки молилися, сняли осаду и ушли. Это явление, во всей истории человечества, произошло в другой раз, в аккурат, накануне праздника Светого Покрова Пресвятой Богородицы, в ночь на первое октября, турки ушли.

- А где же в первый раз в России произошло такое явление, дедушка? - спросила Наташа деда Алексея.

- Первый раз произошло не у нас в России, а в Греции, в городе Константинополе, который осадили многочисленные турецкие войска, а также войска языческих славян, наших предков. В то время Русь была языческой. Були и другие там большие войска, других народов с турками. Видя, што им не удержаца, греки стали молица, прося защиты у Богородицы. На молебне присутствовал сам император и императрица. И вот, у самый критический момент, когда многочисленный противник навалился всей силой на город и греки не имели уже никаких сил ево удержать, присутствующий в храме на молебне Христа ради юродивый, Андрей, ему имя, вдруг увидел, как в храм вошла Богородица. Она сняла с головы Омофор, што значить платок или шаль свою и прикрыла шалью молящихся. Юродивый Андрей увидел первое явление Богородицы и спросил отрока, ученика сваво, какой был при нем на молебствии. И спросил так: "Видишь, чадо"? - Отрок ученик ответил: - "Вижу, отче"!

Все другие молились и никто ничего не видел и не знал, што произошло. Но вот, Богоматерь вышла из храма и появилась в небе. Видение Богородицы в небе ширилось и заступница христиан православных прикрыла весь город Константинополь своим Омофором. Бусурманы, страшно испугавшись явлению Богородицы, в панике бежали. А после этого случая греки установили праздник, который назвали: Покрова Пресвятой Богородицы. После крещения Руси князем Владимиром, Россия наша завсегда вы-

соко чтила и праздновала этот праздник. Вернемся опять теперича к Азову-городу, где произошло такое же явление Богородицы вторично, но уже у нас в России. Когда казаки увидели бегство турецких войск и при этом знали, што они - казаки обороняли, сразу же сочли бегство врага и свою победу над врагом - Божьим Промыслом. В преданиях говорица, што казаки сами не видели явления Богородицы, но турки увидев, испугавшись, сняли осаду Азова и ушли. С тех пор казаки установили праздник Покрова Пресвятой Богородицы, праздником Войска Донскова. А еще до этова с истари казаки верили, што Богородица после сваво Успения, избрала Домом своим приазовские степи и, как же було казакам не оборонять Дом Богородицы, обороняли и победили! Вот вам, дети, короткий рассказ об "Азовском Сидении". А теперича мы послушаем, кто из вас, какую сметку имеет как ответить на вот какой вопрос. Какая главная сила владела казаками, выдержавшими бой, один против шестивесяти? Ну-ка, вы военные, отвечайте! - дед Алексей глянул на курносого лейтенанта.

- Долголетняя боевая практика и, конечно, несомненно, доблесть, - не задумываясь ответил лейтенанат.

Другие военные коротко подтвердили:

- Так точно!

- Нет, не боевая практика, ни доблесть, ни даже казачья сметка, не были главной силой, хотя они и были проявлены казаками в высшей мере, - отклонил дед Алексей ответ на его вопрос военными и подав знак Ларе и Алексею молчать, продолжал вопросительно выжидаючи смотреть на военных, но все мол-

чали.

- Главной силой, поднявшей казаков-защитников Азова на недосыгаемую никем высоту, была сила казачьего духа, который создавала глубокая вера казаков в истинного Бога Христа Спасителя. А казаки, как раз, эту веру и защищали от бусурманов в боях за Азов-город. Помните это, дети!

Дед Алексей обвел молодежь суровым наставительным взглядом и встав, намеривался идти, но Наташа Петрова остановила его вопросом:

- А что же после было с Азовом, дедушка?

- А после турецкий посол в Москве затребовал вернуть и стал угрожать войной, на што Москва, как я уже сказал, не была готова и царь Михаил Федорович Романов, повелел казакам оставить Азов. Казаки царского повеления не ослушались и оставили Азов. И турки опять в нем укрепились.

- А что же потом? - последовал вопрос.

Катя Честякова выжидающе смотрела на деду.

- А потом, - дед Алексей, моргнув усом, указал рукой на пушки и поразмыслив, сказал: - а потом царь Петр Алексеевич Романов, хозяин вот этих пушек, какие и по сей день по всей Руси стоят, подошел с флотом своим к Азову-городу и донскому атаману нашему, Флору Минаеву, перед боем и так сказал: "Мы завтра на заре, чем свет, суда с помощью окружим лодками казачьими. Судам врага в Азове не бывать и крепости немного уж времени стоять. Сейчас же снаряжай все сорок лодок мне на бранную забаву и двадцать человек на каждую сажай. Я сам вас поведу на битву и на славу. Да, с завтрашнева дня по-

бедою морскою впервые озарю свою отчизну я. И с восходом солнечным, с дня новаво зарею флота русскова засветица зря"!

Отобрал царь Петр Алексеевич у турок Азов. А позднее и всю Кубань и Кавказ, наш донской генерал Яков Петрович Бакланов со своими казаками у турок отобрал. Вот как было дело, дети!

- Основной ударной силой, конечно, были казаки, это да. Но участвовали в этом деле и солдатики, не только казаки одни, Алексей Гаврилович! А главнокомандующим всеми войсками русскими был генерал Ермолов. Тот самый генерал, который Москву от Наполеона оборонял. А наместником императорским потом князь Воронцов стал! - протестуючи, зачеканил словами, блестя иссиня-черными бархатными глазами старший лейтенанат Иван Саркисьян.

- В этом ты прав, соглашаюсь с тобой. Вот и бульвар наш по сей причине, наверное, Воронцовским с тех пор зовеца, - согласился дед Алексей.

Когда же он распрощавшись с молодежью, хотел уже продолжать путь, Катя Честякова, взяв под руку деда Алексея, остановила его и заблестев черносливами глаз, сказала:

- Подождите меня, дедушка, я сейчас, - подбежав к пушкам и ласково обняв дуло одной из пушек, Катя поцеловала, грозно глядящую многие и многие годы в открытое море, чугунную пушку великого русского полководца и первого императора Всероссийского Петра Великого...

Х Х Х

Историю Войска Донского, а также "Азовско-го Сидения" смотри:

В.А.Беляевский, "Дон и Россия".

П.Н.Краснов, ген., "Исторические очерки Дона".

С.Т.Сватиков, проф., "Донская Летопись".

М.Н.Залесский, "Слава казачья", и другие.

Ч А С Т Ь П

Н Е Ж Д А Н Н А Я В С П А Ш К А

"Кто на землю русскую
с мечом ступит - тот
от меча и погибнет".

Александр Невский

Светлана стояла на Ленинградском вокзале, наклонив голову, широко открытыми глазами смотрела, ощущая биение сердца, ожидая, когда вдали, где рельсы впираются в синеву небосклона, появится черная точка курьерского поезда Ленинград-Москва.

Уже давно примчалась "Красная Стрела", но его не было...

Но вот теперь, вот... вот... Да вот он! На небосклоне зачернела крошечная точка, мчится курьерский!

С едва остановившегося поезда, повалили пассажиры, заполняя густыми толпами, пестрой цветной массой вокзал. Светлана следила только за выходящими из вагонов военными в морской форме, но нет, нет его среди них... Черные, шнурочками брови строго-нахмуренно сдвинуты, в синих глазах сквозят досада и тревога... Но вот синие глаза Светланы ярко вспыхнули, бросая потоками густые брызги счастья... Она все просияла, на белоснежном лице загорелся яркий румянец, красуется, углубляются в щечках ее милые ямочки, ярко горит белый оскал зубов... Она бросается к нему навстречу, прильнув, недвижно, ощущая биение своего и его сердец, застывает на его груди.

- Здравствуй, товарищ лейтенант! - Наконец произносит она и, забросив за спину косы, восхищенно качает головой, рассматривая его новую, не ту, что была раньше, фор-

му, любясь им.

Ее пышные косы никак, ни насколько, не потерявшие цвета спелой ржи, прыгают, танцуют в воздухе. Красные сафьяновые спортыменки едва касаются, сильно нагретой горячим июньским солнцем платформы вокзала. Она выглядит совсем маленькой, шаловливой девочкой в простеньком горошковом ситцевом летнем платье. Обвив своими косами его шею, приподняв фуражку, она все еще рассматривает его и кажется ей другим он, без любимой ею безкозырки, с черными лентами, с золотыми на них якорями. Фуражка офицера красива, но не то! А, все же, это он!

- Здравствуй, студенточка! Здравствуй, моя маленькая! - Марк поднимает ее еще выше, так, что красивые спортыменки вовсе повисли в воздухе.

Они долго безотрывочно целуются, а вдоль всей длинной платформы вокзала, подобно им, стоят многие и многие другие молодые пары, молодые командиры и солдаты, пехотинцы и артиллеристы, танкисты и моряки, ненасытно жадно целуют своих, терпеливо ожидавших их приезда, любимых девушек. Та же картина и на других вокзалах - сердце всей России - Москвы белокаменной.

Ликующие возгласы, громкие сочные поцелуи молодых людей, веселый смех и суета. На Казанском вокзале преобладают лица с азиатским обликом - это представители азиатской России: скуластые узбеки, казахи, киргизы. Таджиков и туркменов легко распознать, у них азиатские, но не скуластые лица. Слышны громкие возгласы и разговор на чистейшем русском языке, а также на языках этих народов. Каждая из этих национальностей любит свою нацию,

свой народ, но у всех у них над местным патриотизмом преобладает общероссийский великодержавные патриотизм.

Великая Россия проглотив их всех в свое время, с любовью родной матери, бережно сохранила и дала им всем наравне с великороссами, все свои ценности. Эта материнская любовь России выковала детей Азии равными со всеми другими народами, преданных ей родных детей. Они азиаты - да! Но они и все русские, тоже да! Ибо у них одна мать - Великая Россия, величие которой они все чтут и будут защищать свою мать от любого врага, не жалея своей жизни. Они это уже давным давно своими делами доказали...

- Ну, что же, товарищ лейтенант, пойдем, а то там тоже тебя ждут.

- Кто это?

- Другие студенточки и студенты, конечно, мои соученики-друзья. А тут вот еще двое у нас гостят лейтенантов. Один артиллерист, а другой пешатия. Да, дело в том, что они оба местные - москвичи, калякают по-кацапски, страшно! Да я уже, надо сказать и сама тараторю во всю ивановскую на этом диалекте, будьте уверочки! Так вот я им сразу же обом "приставки" вlepила.

- Ду, ну! Какие? - удивился Марк, стараясь идти в ногу с мелко семенившей ногами Светланой.

- А вот, расскажу. Есть у нас одна студенточка, подружка моя, хохлушечка черноокая, распрелестная,этакая красавица. Галочка, зовут ее. И вот, однажды пришвартовался к ней по пути артиллерист этот и участил к нам в общежитие, так, что ничем его не выкуришь. А потом другой прицепился - пешатии лейте-

нант и этого тоже и метлой не вышибешь. Оба на Галочку, то и дело баньки свои таращат. А она обоим им головы крутит, так, что и не поймешь, какого из них любит. Да дело то в том, что оба они Ваньки, да еще и оба Ивановичи. Ну так вот, один раз, при большом стечении ребятки-студентов наших и гостей, я и говорю во всеуслышание артиллеристу: - вы, говорю, Иван Иванович, отныне зоветесь Ванька-Кацап! А пехотинцу говорю: - а вы, Иван Иванович, отныне зоветесь Ванька-Лапоть! Оба Ваньки смутились и даже рты разинули от этаких "комплементов". Все тоже приутихли в недоумении. Но как только я им рассказала о наших таганрогских Ваньках, они со смеху стали покатываться. А артиллерист, важно напыжившись, говорит мне: "Вы, Светлана Николаевна, ежели начнете всем Ванькам московским лепить "приставки", так у вас "приставка" то на всех не хватит, в Москве Ванек и при помощи высшей математике, не сосчитаете"!

Тогда все сообща решили, что в Москве водятся Ваньки домоседы, а на Дону и в других местах - Ваньки странствующие.

- Вот и неправильно.

- Что это?

- А то, что первые Ваньки не в Москве, а в Киеве пребывали, когда россы еще Москву строить не помышляли, да и на Дону Ваньки тоже с покон веков водятся, так что в других местах России Ваньки вовсе не странствующие.

- Но, а Москва, все же коренной России град! - сдвинув брови, недовольно сверкнула синею глазом, Светлана.

- А это другое дело, - улыбнулся заговорчески с хитрецей Марк, - в Москве живут Ваньки-тыловики, а на окраинах России живут

Ваньки - передовики-сторожевики. Они границы российские расширяли с покон веков эти Ваньки. Вот такое определение будет более правильное со всеми нашими Ваньками.

- М-гу! Душком Стеньки Разина от таких слов несет, - усмехнулась Светлана.

- Нет, не душком Стеньки Разина, а духом князя Сибирского Ермака Тимофеевича - завоевателя Сибири; духом Донского генерала Якова Петровича Бакланова - покорителя Кавказа; Донского атамана, графа Матвея Ивановича Платова, разгромившего императора французов Наполеона; духом самого мудрейшего малороссийского гетмана - Богдана Хмельницкого и других строителей Великой России.

- Истории ты не знаешь, вижу я, Российской, студенточка мединститута, - деланно сердито, бросил Марк.

- Ладно уже! Тебя все равно не переспоришь, весь налитан духом деда своего, упрямый казак!

Светлана с любовью заглядывала в васильковые глаза Марка, деланно сердито, хмурила черные шнурочками брови.

- Пускай будет так. Да ты давай веди меня и показывай мне, какие тут в нашей Москве Ваньки-тыловики водятся.

- Ага, говоришь - в нашей Москве! - просяла Светлана.

- А то, в чей же? Не говорю же я в французской или китайской, а говорю, в нашей, в русской. Москва наша, Светлана Ни-ко-ла-евна! И не видать Москвы врагам России, как своих ушей! - Марк весело рассмеялся и крепко поцеловал в губы, прыгнувшую к нему на грудь Светлану.

- Попрыгунья-стрекоза, моя ненаглядная!

Турник не бросаешь?

- О нет! Времени мало, но все одно прыгаю, то на турник, то на брусья, без этого не могу! - сверкнула синевою глаз Светлана.

Целая вереница такси спешно подбирала толпившихся пассажиров.

- Вот он, катит, наш студенческий таксист, дядя Ваня. Давай за мной, бегом, Маркушка! Дядь Ваня-а-а-а!

Светлана машет обеими руками, подает знаки, а такси, ловко лавируя между суетившимися машинами и множеством пассажиров, мягко остановилось у самых ног Светланы, тянувшей за руку Марка.

- Пожалуйста, прошу, молодежь! - Пожилой таксист приветливо улыбнулся. - Вижу сегодня не только студентов, но, но и повыше званием, - проговорил он, поглядывая с интересом на Марка.

- Это мой кавалер, дядя Ваня, зовут его Марк Иванович Рудаков. Он лейтенант нашего Балтийского флота. Прикатил он к нам в Москву из Ленинграда. А вы нас, пожалуйста, мчите поскорее к ребяткам нашим, а то они за столом уже сидят, ждут не дождутся!

- Это, конечно! Сейчас мы подкатим к вашей компашке, это точно, будьте уверочки, - копируя жаргон, сказал таксист.

- А где же знаменитая Красная Площадь находится и сам Кремлевский холм-богатырь? Как это у Глинки сказано, в его стихотворении Москва: "Кто силач возьмет в охапку холм Кремля - Богатыря"? - спросил Марк поглядывая через ветровые стекла автомашины.

- Коммунисты! - шепнула ему на ухо Светлана.

- Руками обманутых русских мужиков! А то

бы Ленину, Троцкому и всяким там свердловым не видать Кремля, как своих ушей! - также на ухо шепотом ответил Марк Светлане.

Она хихикнула и заблестев глазами, зажимая рот своими нежными пальчиками, подавив смех, громко спросила:

- Хочешь увидеть Красную площадь?

- Конечно!

- А ну-ка, дядя Ваня, прокатим мы гостя вокруг Красной площади. Пускай он полюбуется, а ребятки наши позлятся и подождут немножко дольше.

- С удовольствием! - отозвался охотно шофер, круто сворачивая авто, объезжая Красную площадь.

Дядя Ваня очень охотно и с заметным вдохновением отвечал на вопросы Марка, жадно с интересом смотревшего, на первый раз виденную в его жизни, Москву.

- Ох, какой огромный храм! - удивился он.

- Это храм Василия Блаженного. Стоит он на площади вот этой Красной - Красной, надеюсь вы знаете, что это значит красивой, вроде, как у нас говорят - красная девица.

- Да, да, конечно знаю, - отозвался быстро гость, - но когда вот ее строили?

- О-о-о! Это давно. Еще, думаю, в пятнадцатом столетии, а если не ошибаюсь, площадь имя свое получила в семнадцатом столетии. Знаю, что величина площади - семь тысяч квадратных метров. В длину - шестьсот девяносто пять метров, а в ширину - сто тридцать метров.

- А храм, когда строили?

- Храм построен в 1555 году, по приказу, если не ошибаюсь, царя Ивана Грозного. Это для отметки побед России над ханством Казан-

ским и Астраханским.

- Да неужели в то время были такие архитекторы? Вы гляньте на украшения, чудо просто.

- Эге-е-е, молодой человек, - дядя Ваня покачал головой и бросив взгляд на гостя, продолжал, - были, были, да еще и какие! Имя этому умельцу-строителю - Посник-Яковлев. Называли его еще в то время московляне - Бормой, это как прозвище его. А вон там, глядите, у храма, стоит памятник русским национальным героям - Князю Пожарскому и его сподвижнику Минину. Это в, так называемое, смутное время - в 1612 году. Они то Россию на ноги тогда поставили! - дядя Ваня с любовью посмотрел на памятник.

- Они то, они - это да. Но без атамана Войска Донского Межакова, приведшего на Земский Собор пребольшой отряд вооруженных казаков с Дона, еще вопрос, как дело кончилось бы. Атаман Межаков подал князю Пожарскому, как раз во время возникшего разногласия и шума, "Писание", да еще, говорят, и прикрыл его, это "Писание" своей кривой шашкой. А когда князь Пожарский спросил: "Что это за писание подал ты, атаман"? Межаков ответил: "За природного царя Михаила Романова". И еще атаман добавил и весьма внушительно: "Это не только я хочу, но и мои казаки"! А отряд казаков был не мал и все знали, на что способны казаки со своими пиками предлинными и шашками преострыми. Так что все бунтари враз притихли. И вынесено было решение: "И быть единогласен совет - на престол был избран - юноша Михаил Романов"!

- Ишь ты, какой знаток! - восхитился дядя Ваня, - этот сказ я тоже слышал, он

верен!

- А царя Михаила, все же, русский мужик Иван Сусанин от поляков спас, когда они шли его убить! - запальчиво проговорила Светлана, хмуря черные шнурочками брови.

- Правильно - мужик Иван Сусанин спас русского царя от шедших поляков убить его. Он, взявшись быть проводником у поляков, завел их в такой дремучий русский лес, что они никак не могли найти дорогу, чтобы хотя бы, самим спастись. Тогда то Сусанин им и сказал, что он их обманул и намеренно завел в ловушку, из которой невозможно было найти выход, и все они должны были замерзнуть или умереть от голода. И сказал еще полякам, что он спас русского царя Михаила. Поляки изрубили на куски спасителя царя Михаила, русского мужика Ивана Сусанина. Это верно, мужик, не казак, спас тогда царя! - поглядывая на довольно просиявшую Светлану, утвердительно проговорил Марк.

- Что касается царств Казанского и Астраханского, то тут опять заслуга принадлежит уже казакам донским, ибо они одержали победу в войне с этими царствами. Забайкалье также было заваено казаками донскими. Вот, в результате ряда завоеваний и возникли: Сибирское Казачье Войско, Астраханское Казачье Войско, Забайкальское Казачье Войско, а позднее и все двенадцать Казачьих Войск, построивших, а затем и охраняющих Русскую Империю! - Марк беззлобно улыбался, поглядывая на Светлану и дядю Ваню.

- И это правильно, - согласился дядя Ваня, - спорить не буду, общеизвестна история эта, - добавил он.

- А вот там, - дядя Ваня указал рукой

на ворота Кремля, - у златоглавой колокольни Ивана Великого стоят: Царь-пушка и Царь-колокол, а в Москве во всей, м-да, во время, значит, - дядя Ваня замялся, - раньше стояло тысяча шестьсот храмов, сорок сороков московляне говаривали. То тут уже должен доложить вам, молодой человек, мужики без казаков обошлись! - дядя Ваня беззлобно улыбнулся, с насторожкой поглядывая на Марка.

- А кто же это соорудил Царь-колокол и Царь-пушку? - поинтересовался Марк.

- Расскажу, молодые люди, расскажу: Царь-колокол, а он не один был отлит, еще раньше были отлиты подобные два колокола, да не знаю, кем и когда. А вот этот, какой стоит у Ивана Звоноря, отлили Хитрицы-Розмыслы, так в старину называли опытных мастеров-умельцев. Имена их: Иван Федорович и его сын Михаил Иванович Моторины. В те времена их уже по всей Руси знали. Они в пятьсот восемьдесят шестом году отлили Царь-колокол. Вес его около или даже больше двухсот тонн. Во время пожара в Москве, а пожары в те времена были частыми, ибо все строения были из дерева, Царь-колокол накалился и московляне, туша пожар, быть может, нечаянно, плеснули воду на колокол, отчего у него отломился кусок, какой и сейчас лежит рядом. Вес этого куска одиннадцать с половиной тонн. Высота колокола шесть метров и четырнадцать сантиметров. Вот вам какие сведения о Царе-колоколе. Теперь скажу, что знаю за Царя-пушку. Пушку эту наибольшую во всем мире отлили другие Хитрицы-Розмыслы: Андрей Чехов и его друзья мастера пушечного дела в тысяча шестьсот восемьдесят шестом году. Вес ее две тысячи четыреста пудов, то

есть, тридцать девять тонн, а калибр восемьдесят девять сантиметров. Поставили эту пушку богатырскую московляне, предки наши на возвышенном месте для защиты Спасских ворот Кремля у моста через реку Москву, откуда ожидалось нападение татарской орды. Но татары, тогда не дошли до Москвы и не пришлось горожанам увидеть, как бьет картечью орудие, которое за величину прозвали - Царь-пушка.

А вот перед вами, молодой человек, Спасская башня, а на ней часы - Кремлевские куранты, - дядя Ваня сбавил скорость и остановил авто. - Башня эта начала строиться еще в тысяча четыреста девяносто первом году. Умелец прибыл такой в Россию - Петро Антонио Соларно. Но настоящий вид своей Спасская башня приняла гораздо позднее, это уже в тысяча шестьсот двадцать червертом и пятом годах, когда русский архитектор Огурцов добавил восьмиугольную надстройку. В старину народ наш любил и очень почитал Спасскую башню. Всегда, когда старинные Кремлевские куранты начинали играть "Коль славен наш Господь в Сионе" и марш Преображенского полка, находящиеся на площади люди, сразу же снимали шапки. Если находились какие нарушители, их сам народ строго наказывал. Через Спасские ворота всегда отправлялись в поход русские полки. И как было положено, проходили торжественные народные процессии, а также встречались знатные иноземные гости и послы. Всех событий, какие повидала на своем веку Спасская башня, не перечтешь!

Часы на Спасской башне были установлены еще в тысяча восемьсот пятьдесят первом и втором годах. В башне они занимают три эта-

жа, а приводятся в движение тремя гириями от сто шестьдесят до двести двадцать четыре килограмма весом. Сам механизм боя состоит, если хотите знать, из девяти колоколов! Часы отбивают каждые четверть часа. Большой колокол - это часовой и вес его две тысячи двести шестьдесят килограммов, а вес каждого из девяти колоколов - триста двадцать килограммов. Диаметр у часов очень большой, шесть метров и двенадцать сантиметров. Высота цифр на циферблате - семьдесят два сантиметра, а длина часовых стрелок огромна - два метра и девяносто семь сантиметров, а минутных еще больше - три метра и двадцать восемь сантиметров.

Кремлевские куранты - это знаменитость, о которой знают многие жители заморских стран. Да! Люди иноземных государств, увидев знакомый им силуэт Спасской башни и Московские куранты на ней, на разных языках, с уверенностью говорят - Москва! Весь мир теперь слушает бой часов на Спасской башне. - Дядя Ваня помолчал, поглядел на Марка и на Светлану и опять стал поведать о тех же часах: - Да, с давних пор, дети мои, звучат в Кремле Кремлевские куранты, люди теперь в наше время считают часы самой обычной вещью и вспоминают о часах тогда, когда надо узнать время. Но не так было раньше. Если мы с вами перенесем мысленно в далекую старину, когда часы представляли необыкновенную редкость, да, просто этаким удивительным чудом, то увидим другую картину. В те времена, когда появились на Спасской башне Кремлевские куранты, люди и взрослые и дети, собирались в большом количестве посмотреть и послушать часы дивные.

Даже сам Великий князь Василий Дмитриевич приходил на площадь полюбоваться на чудо чудное, диво дивное. Когда же мы, москвичи коренные, слышали звон Кремлевских курантов, то невольно думали, что это не просто сигналы точного времени, но это голос минувших веков. Вот этот голос Кремлевских курантов заставляет нас зорче смотреть в грядущее. — Дядя Ваня опять помолчал, а потом сказал приглушенно-подавленно: — В Кремль теперь не разрешается заходить, а там можно увидеть красоту необыкновенную. Храмов златоглавых много даже и теперь. Красив Большой Кремлевский дворец. В нем царь Петр Великий построил большой тронный зал в честь ордена Святого апостола Господнего Андрея Первозванного еще в тысяча шестьсот девяносто восьмом году. Ну вот, кажется, самое основное из знатных мест в Москве нашей, рассказал вам — гостю нашему с Дона казацкого! — улыбнулся дядя Ваня доброй улыбкой и как-бы с отцовской любовью ласково оглядел Марка и Светлану.

— Пребольшое спасибо вам, дядя Ваня. Знания я приобрел весьма важное для каждого россиянина. Вы, наверное, служили в армии еще до революции?

— А как же! Всю Первую Мировую отслужил, а потом и в коннице Буденного пришлось послужить немало. Награжден был орденом Красной Звезды я в свое время, а теперь старость нагрянула, этак незаметно подкралась, в этом году уйду на пенсию. Теперь работать, служить, а если нужно и воевать вам, молодежи надлежит, вы смена наша.

— Да, это правильно. А где же знаменитый Большой Московский театр?

- Тут он, близко, - отозвалась Светлана, - да уже нет времени, Маркушка, потом, завтра покажу тебе и театр и Третьяковскую галерею и Исторический музей и другие достопримечательности Москвы. Кройте, дядя Ваня и институт, а то ведь ребятки уже там в большом волнении, а меня кроют во всю ивановскую самыми лестными словцами!

- Есть такое дело!

Дядя Ваня повел быстро и ловко, лавируя между мчавшимся множеством машин, свое такси-авто и вскоре, сбавив ход, мягко остановил машину у дверей общежития Мединститута.

Приехавшего гостя первыми вышли встречать военные. По положенному воинскому этикету, представились, крепко пожали руки. Гурьба ребяток-студентов горохом посыпала из дверей общежития института, где гостя ждал накрытый стол. На перебой спешили познакомиться с гостем, о котором им много пришлось слышать от их общей любимицы, синеглазой студентки Светланы Владимировой.

- Наконец-то! - подавая руку Марку, блестя огромными черносливами красивых глаз, и поглядывая на Светлану, проговорила, облегчено вздохнув, Галочка Кравченко.

- Это почему же так? - улыбнулся Марк.

- Ну знаете, каждый своему другу сочувствует и совместно переживает, - черноокая красавица метнула взгляд на Светлану.

- Это потому, что у Галочки уши болеть стали от моего надоедливого жужжания, - пояснила Светлана, блеснув игриво синевой глаз.

- За стол, ребята, за стол! - раздался повелительный голос, на пороге появился бе-

локурый, с приветливым веселым нравом, сиявшей на его типично русском лице, парень.

- Ванька-Шиша номер два! - шепнула Светлана на ухо Марку.

- Да ну?

- Точно!

- И на гитаре дует!

- Нет, на балалайке режет. А орет частушки, еще похлеще Шиши!

- А "приставка"?

- Есть - Петька-Баламут.

Баламут тут же стал проявлять свои способности. Он, повелительно покрикивая, подгоняя, рассадил ребяток по заранее установленным им лично местам, с удивительным умением обращаться в самой вежливой форме, с ловкостью наилучшего официанта-шаркуна из шикарнейших ресторанов Москвы, попросил Марка сесть на предназначенное ему место.

- Товарищ лейтенант, вам полагается, как нашему общему гостю, сидеть вот здесь - в центре внимания.

- Благодарю вас, но стоит ли? - улыбнулся Марк, в уме сравнивая Баламута с Ванькой-Шишей.

А Светлане распорядитель указал садиться рядом с гостем.

- Откуда такие явства? - наклонясь к уху Светланы, удивился Марк, рассматривая стол, густо уставленный различными блюдами, включая кетовую и паисную икру.

- А ты думаешь в Мединституте учатся только дети колхозников и рабочих, или инженеров? Баламут - сынок, чуть не самого заместителя наркома пищевой промышленности. А с его способностями можно и птичьего молока добыть, по-блату. У нас, благодаря Ба-

ламуту, да еще пару ребяток, стол всегда с шиком, это точно, будьте уверочки! - зашептала Светлана, дотягиваясь к уху Марка.

- Ясно, - улыбнулся Марк.

- С чего начнем, ребятки? - когда все усевшись, притихли в ожидании дальнейших распоряжений, спросил Петька-Баламут.

- Избранием тамады, - хитро улыбнувшись предложил маленького роста, толстенький студент в огромных очках.

- Ну вот, сам и назвался. Давай, заворачивай, Миша. Товарищи, тамада у нас сегодня Михаил Мартыкян.

- Снимаю свою кандидатуру, - запротестовал очкастый малыш, армянин Мартыкян.

- Давайте Гогу Кипанидзе. Он нам пару самых сильных анекдотов заодно завернет! - предложил другой студент, тоже в очках, но только в крохотных, как бы специально сделанных на заказ по его маленьким близоруким глазам. И роста он был другого - длинный и сухой, как палка.

- Чего это вы за меня расписываться взялся, сам и тамади, кашей сухопарый! - огрызнулся грузин Кипанидзе, блеснув иссиня-черными глазами.

- Да ну вас всех, м-гу, не говоря плохого слова, подальше! Не нужны нам тут никакие кавказские обычаи. Тут вам не Еревань и ни Тбилисси, но Москва! Слушай мою команду, студенты-медики, будущие помощники смерти! - громкогласно провозгласил самоназначением себя руководителем веселья, Петька-Баламут

- Так бы давно!

- Молодец, Петюньчик! Закатывай, давай речугу!

- Bravo, наш Баламут, порядки наводящий, - отозвались с похвалой ребятаки.

- Обычная процедура! - шепнула Светлана на ухо Марку.

- Товарищи! Разрешите мне от имени студентов Московского мединститута, от вашего имени, друзья, приветствовать у нас в гостях лейтенанта Советского Балтийского флота - Марка Ивановича Рудакова! - Баламут тряхнул белокурым курчавым чубом, сделал поклон в сторону гостя и медленно обвел присутствующих строго серьезным взглядом. Погрозил пальцем строещему из-под тишка смешные гримасы сухопарому студенту "Кашею" и продолжал: - Дорогой товарищ лейтенант Рудаков! Без всякой излишней похвалы, могу с полной уверенностью сказать, что Советский флот, и вообще, русский флот, если мы оглянемся назад и посмотрим на историю нашей Великой Родины, то ясно увидим, какой исключительной доблестью во всех войнах, во всех сражениях, против всех врагов России, отличились русские моряки. В настоящее время Советский флот стоит на страже границ наших, и я верю, нет, я знаю опять и опять, если наша Великая Родина потребует, моряки наши покажут, как и прежде наши предки, доблесть русского флота! М-гу, да... - Баламут немного замялся, но сразу же нашелся и продолжал: - Я хочу сказать, доблесть Советского флота! И так, выпьем, друзья, за здоровье нашего дорогого друга, лейтенанта Марка Рудакова! - Баламут первый опрокинул стакан "Московской", закинув далеко назад белобрысую свою голову и стараясь не скривиться, обвел всех приветливым взглядом и тут же с задором, глядя на Марка,

спросил:

- Правильно я загнул словцо, товарищ лейтенант, насчет флота нашего, а?

- Должен сказать, да! Петр, простите, не знаю вашего отчества.

- Петр Иванович я! Это по батюшки, величайте меня, как хотите, конечно, только не по Волге мамушке, разумеется. Да зовите меня просто Петр, или Петька, или Баламутом, как все эти (Баламут бросил взгляд на ребятки), будущие помощники смерти меня величают. Я не из гордых... Так что... - Баламут схватил бутылку с водкой, вновь наполнив стакан, продолжил свою мысль: - дело вовсе не в том, как меня называть.

- А как почитать! - завершил мысль Баламута Марк, беря из его рук стакан с водкой.

- Зови меня Петя, Марк, а по батюшки мы оба с тобой Ивановичи. Дай пять, Иванович! Выпьем заодно и за здоровье наших батюшек! - потрясая Марку руку, предложил Баламут. - Ура! а-а!, ребятки, выпьем за всех наших бесчисленных русских Ивановичей и, конечно, за Ивановых! - Баламут сделал низкий поклон женскому полу.

После нескольких выпитых подряд тостов, ребятки, и без того никогда не унывающие, пришли в состояние бурного веселья. Девушки пили вино и тоже не отставали в начавшем разгораться веселье. Кто-то сунул Баламуту в руки балалайку, откуда ни возмись, появились в руках "будущих помощников смерти", у одного двухрядка, а у другого гитара. И без задержки, сразу же полилась залихватская русская музыка и песня.

Баламут орал во всю глотку частушки и

отчаянно "резал" на балалайке, гитарист не жалел струн семиструнной, а гармонист рвал, что есть сил на двухрядке. И вдруг оттолкнув стул, лейтенант артиллерист, выпячивая грудь и высоко неся голову, напыженным молодым петухом, выбивая мельчайшую дробь, блестя голенищами боксовых офицерских сапог, пошел по кругу.

- Гей, давай! Давай, артиллерист! - сразу же усиленно притоптывая ногами, заорал Баламут.

Учащая темп, он бросал балалайку в воздух, ловил ее на лету и опять "резал" с такой силой, что казалось, несчастный инструмент вот-вот треснет и полетят с него щепки.

- Это какой Ванька? - наклоняясь к уху Светланы, спросил Марк.

- "Кацап"... Подожди, вот сейчас "Лапоть" разойдется, соперник его, - так же шепотом ответила Светлана, поглядывая, как пехотинец, как на иголках сидит.

И лишь только черноокая красавица Галочка появилась на середине круга, приплясывая и кружась с платочком в руке перед расходившимся артиллеристом, пехотинца со стула, как ветром сдуло. Он, идя в присядку, на ходу сбрасывая пояс и портупей, лупил ладонями по голенищам и подошвам сапог. Он неожиданно высоко подпрыгивает, делает воздушные пируэты и падает на колени, низко приклонив голову и широко разводя руками у ног его черноокой обворожительницы, а артиллерист старается не отстать от удали своего соперника, ползунком волочит следом у самой юбки плясуньи, умоляюще не сводит с нее глаз. А Лапоть, куверкнувшись через голову (кульбит), а потом подпрыгнув,

на секунду застыл в положении стойки "спички" на руках, отчаянно задрогал ногами в такт музыке, плясал в воздухе...

Соревнуются в бешеной русской пляске два русских Ваньки, перед русской красавицей, а она, кокетничая, влечет их за собой. Но чур, она сердито хмурит брови, бросает негодующий капризный взгляд и оба Ваньки как мячики отскакивают от нее, скорбно-печально смотрят на нее, настороженно просяще смотрят ей в глаза и, плясунья опять просияет лицом, ласковой, снисходительной улыбкой, заманчиво поведет черными бровками и в тот же миг, оба Ваньки, мячиками летят в обратном направлении и опять у ее ног преклоняют головы.

- Этот Лапоть - плясун! - восхищается, строго следя за правильностью и чистотой движений плясунов, Марк и заглядывая в синеву глаз Светланы, с досадой и сожалением проговорил:

- Эх, бы шашку мне сюда подать.

- Есть шашка, Маркушка!

- Откуда?

- Как откуда, что ты думал, я зевак ловила тут, что ли?

- То есть как?

- Да очень просто: знала, что приедешь, знала, что будет веселье; знаю, что выдержать тебе невозможно, а тут, вот у нас в Москве такой мастер объявился, будьте уверочки! Смастерил шашку, закачаешься!

- Смастерил? "Театральную"?

- Ну, говорю же, "театральную" точь в точь и по весу и по виду, как у нас дома, не различишь! Сейчас притащу.

- Давай, тащи скорей, сейчас мы покажем

москвлянам, как у нас на Дону пляшут!

Через минуту, пряча шашку за спиной, Светлана уже стояла в кругу зрителей. Предупрежденный гарминист, понимающе подмигнув глазом, резанул пару сильных аккордов и с задором тряхнув чубом, стал "дуть" во всю ивановскую "казачка".

Мелодия из другой "оперы" вначале сбила с "курса" плясунов, но Лапоть сразу же нашелся, схватив Галочку за руку, увлекая плясунью за собой на середину круга пошел в присядку, а потом боченочком (прируэт на полу), покатился вокруг черноокой красавицы.

- Ого! Молодец! - удивился Марк.

"Кацап" стоял с растерянным видом, а потом лихо гикнув, стал с такой силой топтать и шаркать ногами о пол, что казалось вот-вот провалится пол в здании общежития студентов Московского мединститута. А "Кацап" еще принялся отчаянно лупить руками то по полу, то по всем частям своего, добро сложенного тела и со свистом пускался в присядку.

- Ишь ты, и этот не уступает! - опять восхитился Марк плясунами-москвлянами, сбрасывая с себя морской китель. Выждав такт, он вскочил на стол, укрытый спинами зрителей, высоко через их головы, прыгнул на середину круга и с ходу пошел "боченочком", чередуя движение с воздушными пируэтами.

Пройдясь по кругу пару раз, выйдя на середину, стал взлетая в воздух, делать по два за один взлет воздушных пируэта и падать на оба колена и опять...и опять..., а потом по над самыми ногами зрителей, заставляя их ширить круг, пошел секущим "щупочком". Светлана теперь ждала, когда он

выйдет на середину. Прячась за спинами зрителей, она в наступивший момент, изловчившись, привычно умело бросила через головы зрителей ему шашку. Поймав шашку на лету зубами, он уже с шашкой в зубах прошелся еще раз по кругу, а потом выйдя на середину круга, сильно сжав шашку зубами, резким движением головы, метнул шашку высоко в воздух, а когда шашка, подобно ветерану, быстро вертясь, летит вниз, он хватает ее на лету зубами и опять бросает высоко в воздух и так пять раз подряд, затем, с быстротой молнии, шашка со свистом сечет воздух, то у него под ногами, то над головой, то рубит с одной, то с другой стороны танцора, серебрянной змеей блещет, мелькает в глазах завороченно, неподвижно молча наблюдавших бешенный танец, зрителей.

Сухопарый студент в пенсне, охваченный экстазом, вдруг издав сильный выкрик, прыгнул на середину круга и пошел, было, в присядку, но другой здоровенный толстяк студент с рыжим густым чубом, схватил его за воротник рубашки, потянул вон из круга.

- Оставь, Кашей, рассыпешься ведь, да и гляди башку отсекут тебе, шашка не игрушка! - наставительно проговорил рыжий, вырывающемуся у него из рук, сухопарому студенту.

- Да пускай, потрясет костями, дух русский разыгрался в нем! - покровительственно отозвался кто-то из зрителей.

Ошеломленная черноокая плясунья Галочка неподвижно стояла на месте, рассеянно поглядывала на отскачивших в сторону Ваньку-Кацапа и Ваньку-Лаптя, со вниманием наблюдавшим движения танцора. Зрители не шевелились, не издавали ни звука. Но вот, наконец, тан-

цор, высоко взлетев в воздух, сделал два подряд воздушных пируэта и упал на колени, аккуратно покорно положил шашку к ногам черноокой красавицы и низко склонив голову, застыл на месте.

Ребятки некоторое время, как замороженные, не издали ни звука, а потом разом грянули: Браво-о-о! Браво-о-о!

Ваньки-москowlяне схватили Марка в охапку и вместе с хлынувшими к нему ребятками, стали его "качать", подбрасывали высоко и дружно изо всех сил.

- Хватит, ребята, хватит! А то вы еще подбросите и разойдетесь, костей не соберете потом.

- Качай, качай его! - кричал Баламут.

- Пол вам поломаю, коль упустите меня, вы, помощники смерти!

- Смирно!-о-о, ребятки! - орать начал Петька-Баламут, требуя тишины и порядка.

Но ребята были в таком состоянии, что команда мимо их ушей летела. Тогда Баламут схватил со стола бутылку с водкой, наливая стаканы, начал тыкать каждому в руки.

- Держи стакан и заткнись! - урезонивал он ребяток, - заткнись, прошу хоть на минутку, что-то важное объявляю.

- Запускаешься, Баламут!

- Долой твои команды! - орали ребятки, вдруг отвергшие всякое подчинение руководителю веселья.

- Да нет же, дело хочу сказать!

- Стоп, ребята, цыц!

- Пускай скажет...

- Валяй, Баламут, что там у тебя, давай, заворачивай, брешу, - наконец стали соглашаться ребятки.

- Да я вовсе брехать не собираюсь, а вы давайте мне сюда Светку. Сюда ее немедленно! Пускай она выкинет кандибобер акробатический, а то побежденными мы оказались, москвляне то.

- Как так?

- Не сердись, товарищ лейтенант ленинградский, но мы, москвляне, так легко не сдаемся ни в чем. С покон веков мы поражения не терпим, понимаете ли? - Баламут просто умоляюще смотрел на победителя.

- Хорошо, в таком случае устроим состязание: Ленинград - Москва, - согласился Марк, незаметно подмаргивая Светлане.

Она же, смекнув в чем дело, швырнув под стол "театральную" шашку, деланно закапризничала.

- Нет, ребята, нет - не могу сегодня.

- Не запускайся! - заорал Баламут, - всегда ты можешь, коль хочешь.

- Да чего это ты, Светка, запускаться вздумала, брыкнись через голову, да хоть покажи, какого цвета трусики у тебя натянуты, брось, не запускайся, - кричали ребятки.

- Ладно, не шипите, заткнитесь и не шумите. Я сейчас пойду трико надену, - наклонившись к сидящему у дверей Марку, тихо спросила, - "Пляжный"?

- Это тебе не песок, - так же тихо, незаметно ответил он, указывая глазами на пол.

- Ничего, не бойся!

Ребятки потеснили столы, расширили круг. Насторожились, ожидая знакомые им "кандибоберы" их соученицы, лихой акробатки, пребывавая в полной уверенности, что она сейчас одержит победу над танзором из Ленинграда. Светлана выскочила из-за круга зрителей на

пальчиках, подобно балерине, замерла на месте на секунду, а потом разогнавшись сделала сальто, одно за другим и ребятки теперь уже ждали знакомые им дальнейшие "кандибоберы", но нет, она вновь разогнавшись, высоко, с сильным толчком прыгнув, полетела, сложив руки по швам, спиной вниз "рыбкой". Ребятки замерли, кое-где раздались испуганные возгласы... Марк ловко привычно, поймал ее тело на лету, понес вытянутой "рыбкой" в круг зрителей и выйдя на середину, поставил ее на ноги, взял за обе руки...

- И-и-и раз! - Светлана делает мягкий толчок и выжимая "силовую", плавно, в то время, как он равномерно, умело опускает свое тело вниз, ложась на пол, вышла на стойку "спичка". Выключив локти он несколько секунд держит ее над собой...

- И-и-и раз! - Светлана, сложив тело, скользнула между его рук, мягко спрыгнула на пол... Секунда. Другая. На короточках, выпрямив тело с наклоном вперед, мягкий подтяг партнершей тела партнера вперед, вверх - и партнеры стоят рядом. Руки обоих сомкнуты у партнерши на брюшном прессе. Секунда. Другая. Она резко наклоняясь вперед, бросает партнера через себя... Едва тело партнера вновь лежит на полу, она опять выжимает "силовую", выходит на стойку "спичка"... Еще пару секунд и она отводит одну руку в сторону, стоит на одной руке на его вытянутой руке, делает ногами "ножницы".

- И-и-и раз! - Она уже стоит на другой его руке, "перепорхнула" на другую руку его и отводит свою другую руку в сторону. Опять секунда, другая и подав ему руку, задержи-

вается на месте, стоя на двух руках на месте намертво, не шелохнувшись. Потом резкий бросок в воздух и партнерша, сделав два воздушных сальто, вместе с поднявшимся с пола партнером, стоит перед зрителями, улыбается, низко, по театральному оба кланяются...

Ребятки с такой силой ликующе орут, аплодируют, что кажется на столах от их шума прыгают бутылки с Московской водкой и тарелки пляшут трепака...

- Кто же выиграл? Москва? Ленинград? - стараясь перекричать всех, допытывается растерянный Баламут.

- Я не Ленинград, это Света скорее Ленинград, она родилась в этом городе, она вовсе не москвичка, а я с Дона - казак донской. Как хотите, так и решайте.

- Как так? - возмущается Баламут, - калякает по-нашему, по-московски, какой там Ленинград, на что он тут сдался!

Ребятки стали громко спорить, разбирая, за кем победа.

- Да вместе они демонстрировали "кандибоберы", какой же тут может быть суд? - доказывает рыжий толстоватый студент, резко жестикулируя руками.

После долгих спорных выкриков и суждений, наконец, приходят к общему решению: поскольку у них одинаковые успехи, а состязание происходило в Москве, следовательно, вне всякого сомнения, победу одержала Москва! Все довольные решением с радостными ликующими выкриками возвращаются к столам. Баламут спешит наполнить всем стаканы. Ему дружно все помогают, ведь 35 стаканов, не шутка наполнить. И опять пьют и едят ребятки с аппетитом - здоровой, да еще закален-

ной, выкованной тяжким млатом, рожденной в рабстве, молодежи, пережившей Великий мор голодом, устроенный их врагами в тысяча девятсот тридцать втором и третьем годах, в их стране.

(Много убили сталинские заговорщики этих ребят, да всех не убили, и никогда не убьют. Иллюзии строили себе враги России! Ибо "так тяжкий млат дробя стекло, кует булат"!)

- Братцы, девчата! Помощники смерти! Долой танцы! Давай песни! Долой музыку! Долой к ядерной палке и мою балалайку! Кроем анекдоты! Навейшие, наимудрейшие! Гога, грузин ты наш преумнейший, давай ты первый, заворачивай! - орет и командует Баламут.

- Нет, пускай Кащей начинает, он спец!

- Тебе приказ первому, ты и начинай! - настаивает худой, как палка, в маленьких очках, студент, - давай грузинский, насчет великого открытия Дарвина, - предлагает он.

- Не нуждаюсь я в приказах Баламута, да ладно уж, расскажу для наших работодателей, для гостей наших военных, - соглашается грузин Кипанидзе.

- Почему работодателей? - удивился лейтенант артиллерист.

- Как почему? Совсем ясно и точно: вам военным надлежит калечить людей, а нам, докторам, лечить их. Разве не так?

- Не так! - орет Баламут. - нам докторам надлежит докалечивать искалеченных.

- Заткнись, Баламут, окончи сначала институт, а потом докалечивать будешь. Давай, Гога, начинай, заворачивай! Хотите слушать, товарищ лейтенант?

- Ну, ну, конечно, интересно. Особенно

грузинский анекдот, - улыбнулся Марк, приветливо поглядывая на грузина Кипанидзе.

- Так вот, значит, так было дело, один наш дорогой товарищ, преумнейший английский ученый Дарвин, сделал величайшее научное открытие: все люди произошли от обезьян. Только разные люди, произошли и от разных обезьян. К примеру, возьмем такой очень красивый обезьян, какой называется Шимпанидзе. От этот очень красивый обезьян, произошел очень красивый народ - грузины! Пойдем дальше, есть такой очень большой и совсем некрасивый обезьян, называется Гаврил. От этот обезьян произошел большой, толстый и некрасивый народ - русский. Пойдем дальше, - есть такой не совсем большой и некрасивый обезьян, заведца Аронутанг. От этот обезьян произошли все евреи. Пойдем дальше, - есть один такой совсем маленький и совсем страшный обезьян, называется Макаян. От этот сильно страшный обезьян произошел совсем маленький и совсем страшный народ - армяшка! Вот вам совсем точное великое открытие великого английского ученого Дарвина о происхождении людей.

Кипанидзе с хитрецей покосился на низкорослого студента в огромных очках, армянина Мартыкяна. Ребятки покатывались от смеха, хватались за животы. Но маленький Мартыкян несколько не смущен и хохочет вместе со всеми.

- Стоп, ребята! Дайте теперь рассказать мне армянский анекдот о "красивом" грузинском народе! - кричит он, поднимаясь во весь свой низкий рост и поправив очки, под усиленное рукоплескание ребяток, также, как и грузин Кипанидзе, коверкая русские слова и произношение, начинает заворачивать:

- Одын раз в грузынском колхоз, заболэл коров. Прэдседатэл колхоз приказал нэмэдлэн доставит доктор-спэциалыст. Пришли нэ одын, а два доктор-спэциалыст грузынский, за рогатый скот. "Што такой случилса с ваш коров"? - спрашует одын спэциалыст прэдседатэл колхоз. "Нэ знаю", говорит прэдседатэл. "Лежит коров, вот уже другой дэн и нэ подымаеца и ничего не кушайт"!

Хорошо, сичас мы опрэдэлым болезн коров ваш, заявляет страший специалист и командуэт своему помощнику: - Кацо! Я буду смотрэт коров в рот, а ты смотри хорошенко с другой стороны, прямо в это самое место, што делаэт трам-тара-рам. Давай, дэйствуй! - Помощник стал внимательно заглядывать корове под хвост, в самое трам-тара-рам. - Кацо, ты мэня видишь? - спрашивает старший специалист своего помощника, заглядывая корове в рот. - Нэт, совсэм нэ видим! - отвечает помощник. - Пиши, у коров засорэние желудка! - приказывает старший грузынский специалист. Так што, обэзын Шимпонидзе - красивый обезян, да спэциалыст с него совсэм болван болшой! - заключает пояснение анекдота армянин Мартыкян, с хитрецей поглядывая на грузина Кипанидзе.

Последний, ничуть не обижен и покатывается от смеха вместе со всеми ребятами.

- Моня, а ну-ка, ты теперь заверни, чтонибудь из происхождения от обезьян Аронутанг, - предлагает Баламут.

Еврей, Моня Рубинштейн, охотно соглашается и заговорчески, с хитрецей посматривая на друзей, начинает заворачивать:

- О происхождении человекот от обезьян, пускай продолжает и дальше доказывать шибко ученый, английский ученый Дарвин, а посколь-

ку здесь уже упомянул Мартыкян корову, то и я кое-что о ней расскажу. А дело было так: два еврея - Абрам и Мойша решили перейти советскую границу и определили, что самым лучшим способом будет, если они натянут на себя шкуру коровы и вроде корова эта песется у самой границы, а потом незаметно перейдет границу, а Абрам и Мойша, тогда дадут тягу. Устроили все, как нельзя лучше, не подкопаешься, живая корова песется у самой границы. Мойша выглядывает из отверстий, где у коровы бывают глаза, а Абрам выглядывает из отверстия, где у коровы была трам-тара-рам. Корова была уже у самой границы, осталось сделать ей пару шагов, как вдруг Абрам, выглядывавший из трам-тара-рам, орет, что есть мочи: Мойша, бросай и тикай! Что, стражник? - испуганно спрашивает Мойша. Нет, хуже, бык!

Моя с довольным видом поглядывает на, покатывающиеся со смеху, друзей.

- Стоп, ребята, стоп! Заткнитесь, пока не гогочите. Сейчас я вам анекдот заверну, - громкогласно повелительно объявляет Баламут, и сразу же заворачивает:

А было, значит это, вот в таком порядке. Съехались к нам в Москву представители - специалисты по выращиванию картофеля со всех сторон СССР, для докладов, какими новыми способами им удастся выращивать картофель и какие у них успехи. Украинский специалист начал запускаться первым и доказывать, как у них на Украине закапывают картофель по весне, а потом при помощи особенно изобретенных удобрений и главное, применение промфинплана, они через 3-4 месяца, выкапывают картофель с большим приростом каждый год. За

украинцем, выступил белорусский специалист и запускаясь доложил, что они в Белоруссии таким же способом растут картофель, только прирост у них, в Белоруссии, больше, чем у украинцев на 20 процентов, ибо они обращают внимание больше всего на выполнение пятилетнего плана в четыре года. Специалисты других республик СССР еще больше стали запускаться со своими успехами и, вот дошла очередь до Армянской Советской Социалистической Республики. Председатель этой республики, специалист Макакаян, категорически заявляет: - "А ми совсэм иначе картошку растым. Ми ютром картошку за-ка-пи-ва-ем, а вечером ви-ка-пи-ва-ем, и опять ютром картошку за-ка-пи-ва-ем, а вечером ви-ка-пи-ва-ем"!

Все специалисты республик, разом запротестовали, с азартом доказывать стали, что картофель у них растет несколько месяцев, а за один день, как говорит Макакаян, никак не может вырасти, даже при применении пятилетки в четыре года! Что армянский специалист всякие планы перехлестывает, просто невероятно запускается. А товарищ специалист Макакаян, встал и свысока, с презрением говорит: - "А ви, что, товарищи, хотыте из меня такого же, как и сами ви, брюхуна сделать? Четыре месяца ждаты, пока картошка виростит, а сегодня, что жрать бу-дэ-м"?

Баламут вылупил глаза и очень умело разыграл докладывающего армянского специалиста по выращиванию картофеля. Ребятки, хватаясь за животы, покатывались со смеху, а маленький Миша Мартыкян, подскочив, свалился со стула, слетевшие с глаз очки, покатылись по полу. Мигая близорукими глазами,

задыхаясь от душившего его смеха, он силился что-то сказать и никак не мог, весь трясясь и ловил беззвучно, широко открывая рот, воздух. Черноокая Галочка, прыснув, схватилась за живот, помчалась в туалет, за ней последовало, на полных парах, несколько других ребяток, с теми же симптомами в желудке.

Довольный достигнутой целью рассказанного анекдота, Баламут расхохотался, поглядывая на покатывавшихся со смеху ребяток, сказал:

- Вот как надо анекдоты заворачивать, чтобы и будущие доктора на себе испытали, отчего иногда бывает расстройство желудка.

- Не баламут, а герой, - восхищенно шепнул Марк на ухо Светланы.

- Еще и какой! Он иногда еще и покруче заворачивает. Хотя его папаша и снабжает паюсной икрой лиц власть имущих, но ведь все равно этакая защита равна нулю. Не Баламут, а чудо какое-то у нас в институте. Власть по всем швам кроет и, как с гуся вода. - Светлана удивленно округлила глаза.

А Баламут, между тем, схватив свою балалайку-мученицу, потрянул белобрысым чубом, застрочил пальцами по струнам, притоптывая ногами, принялся отчаянно горланить самые нецензурные частушки. В это время в дверях появилась большая компания студентов, личных друзей Баламута из другого какого-то института Москвы.

- Петюньчик! Рви! Рви! Дуй, чтобы всем чертям тошно стало! - заорал, очевидно, предводитель ввалившейся компании, с гитарой в руках.

Подойдя к Баламуту, он быстренько подстроил гитару и все разом грохнули:

"Гоп со смыком"!

Веселье затянулось за полночь. Но вот Баламут влез на стол, бесцеремонно шарахнул ногой по пустым бутылкам, сбросив их на пол, подал знак, требующий безоговорочного внимания, и четко, со смаком произнося слова, чистым, звучным голосом, подавая знаки всем встать и петь вместе, громко запел:

"Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается сорассветом
Вся советская страна.

Москва моя, страна моя,
Никем не победимая,
Москва моя, страна моя,
Ты - самая любимая!

и все дружно подхватив песню со светящейся любовью в глазах, пели с вдохновением песню о их Москве, о их стране, вовсе и не думая, и не придавая никакого значения словам "советская страна", ибо все знали, что слова эти - "липа", сугубо нелепые, не имеющие ничего общего с русской национальной культурой, с русским национальным патриотизмом, с русской душой, с русским духом.

Душами этих "ребятков", рожденных в советском рабстве, владели слова:

"Москва моя, страна моя,
Никем не победимая,
Москва моя, страна моя,
Ты - самая любимая!

Ибо они все знали, что Москва, именно их, и что Москва могучая, что она кипучая и никем не победимая и действительно беспредельно ими всеми любимая! Многие понимали и многие знали дети в России, рожденные в полоненной их Родине, врагами рода человеческого. Зна-

ла мысли "ребятки" и старавшаяся исковеркать их души, вытравить русских дух, заменить его советским (смешная, глупая попытка) и преступная богоборческая советская власть.

Марк остался ночевать в общежитии, вместе с Ванькой-Кацапом и Ванькой-Лаптем. Ребятки их определили на ночевку на места студентов, уехавших на каникулы к своим родным. Улегшись в кровать, Ванька-Лапоть стал расспрашивать Марка, как нужно ловить шашку зубами, чтобы не порезать и не ушибить лицо.

- Пляшу с детства. Люблю, страсть, как, пляску. Да вот таких фокусов с шашкой не видал еще. Ты покажи мне, Марк. Растолкуй секреты движений этаких!

Лапоть, просяще ожидаючи, смотрит на собеседника, лежащего напротив с запрокинутой головой кверху и что-то мысляще. В голосе его звучит нотка искренней, настоящей любви к русской пляске.

- Если шашка такая, какую ты сегодня видал, - поворачиваясь лицом к новому другу, медленно, устало, зевая, говорит Марк, - так это ерунда, она ведь деревянная.

- Не может быть! - восклицает удивленно Лапоть.

- Я тебе говорю, - улыбается Марк.

- Здорово подделана! Но, а если настоящая, боевая?

- А тут, браток, другая музыка, техника нужна пребольшая. И, все равно, очень рискованно, да оно, конечно, умеючи, все можно. Завтра я покажу тебе секреты техники этой. Ты, Ванек, вижу я, по твоему выговору, местный?

- О, да-а-а! Прадед мой, часом, как разойдется словцом красным, да с таким вкусом

еще, любит рассказывать, как наши пра-пра-прадеды Калачевы, Москву строили. Ты, говорит, Ванек, не знаешь, Москва то ведь вначале не белокаменной была, а из бревен наши с тобой предки ее построили и обороняли от врагов несметных Москву то нашу. Во, как обороняли!

Марк наблюдает за жестами Ванька и внимательно слушает лейтенанта - пехотинца Красной армии и видит, что и он не без удовольствия пересказывает рассказы своего прадеда о прадедах-москвлянах, строивших и оборонявших от всех врагов Москву.

- Дедуно моему то за девяносто пятый перевалило, а еще старина не гнется и выпить не дурак, - растягивая слова, улыбается Лапоть.

- А за службу свою рассказывает?

- Ой-ей! Нет конца рассказам этим! Говорит, что это у вас за служба, теперича? Ерунда какая то бессмысленная! Вот, в мое время, говорит, бывало наш Преображенский полк с великой почестью проходил через Спасские ворота. Сам Государь - император со свитой своей, встречал наш полк! А офицеры были, как одеты? С плюмажами и ординами царей русских, великих полководцев русских. Груды у солдат и офицеров крестами Святого Георгия победоносца украшены были! Я уже было и слушать не слушаю дедуна, устал слушать его. А он заворачивает дальше. Тогда, говорит, Ванек, в Москве был русский дух и русью пахло! А теперича что? Посмотри, говорит, на себя то! Хихикает, смеется дедун мой над кубарями моими. Говорит, и что это за офицерское отличие, квадратики какие то иноземные, да еще красные нацепили. И

где же золотые погоны, ежеле в офицерском звании ходишь? Я ему свое доказываю, а он только рукой махнет, отворачивается, кривится и опять свое гнет. Я было как-то иду с ним по Красной площади и гляжу дедун со злостью большой кругом поглядывает. Остановился против Спасской башни, поглядел на звезду на башне. А звезда то эта у нас из чистого красного рубина и двухметровая по величине то! Ты знаешь это, Марк?

- Да, слышал и уже видал.

- Ну, так вот, дедун поглядел на звезду эту рубиновую и головой сокрушенно покачивает. Что ты, дедушка, спрашиваю я его, ты там такое интересное увидел? А он, как пыхнул, лицом весь красный, как кумач вспылал и говорит: "Врага лютого народа русского православного"! и рванул ходу, не оборачиваясь, и под нос себе что-то слышу зло бурчит. И так всю дорогу домой бурчал, да головой возмущенно вскидывал.

- И не боится твой дедун речей таких?

- Какой там, заводной дедун у меня. Что мне бояться, говорит, за девяносто пятый перевалило, а антихриста я усю жись не боялся, крест у меня на груди православный, говорит. А у тебя есть дед, Марк?

- Есть и тоже заводной и речами тоже твоему дедуну не уступит, Ванек. Говорит дед мой, что звезды, которые мы носим, вовсе не русского происхождения. Я спрашивал, да откуда же они к нам в Россию забрались? А он пальцами тычет мне в лицо и гремит голосиной своей морской с хрипоцей, вроде как катер, когда на месте буксует. В Америке, говорит, я видал эти звезды. Только они тамочки белые, в тут, вот, говорит, вы их под-

красили! Из Америки, говорит, звезды родом ваши! Дедун мой матрос дальнего плаванья. Боцманом плавал до самой старости. Бывал во многих странах и, конечно, многое старина знает. Запад страшно не любит, а за звезды и не напоминай, целый день бурчать будет.

- Американцев акулами буржуйскими кроем мы, а их звезды носим, да еще на Спасской башне у всех на виду она у нас, хи-хи-хи!

Ванек раскатисто, беззлобно смеется, а потом, помолчав, спросил:

- А ты, Марк, что думаешь, на самом деле американцы-капиталисты эти, враги нам?

- Так пишут в газетах наших, враги самые, что ни есть потенциальные, ибо коммунизм и капитализм на самом деле враги, непримиримые, смертельные враги, это верно!

- Пожалуй, - соглашается Ванек и опять помолчав, сказал, в раздумии поглядывая на Марка, - национал-социализм, пишут газеты наши и вождь этой немецкой партии, Адольф Гитлер самый верный по духу и социальному порядку нам. Как думаешь?

- У немцев социализм и у нас социализм, получается так. Это тоже верно. Гитлера газеты наши и вся печать самым верным другом и соратником в борьбе с англо-американскими акулами капиталистическими, называют. Думаю, что по сути это так и есть, родственное у нас с гитлеризмом-фашизмом происхождение. Молотов был в Берлине и их министр Рибентроп у нас в Москве. Дружбу заключили крепкую мы с Гитлером, Ванек, да давайка, мы подзаснем с тобой, москвлянин молодой. а то, гляди, уж светает, а мы тут с тобой права качаем. Я с дороги, да прямо вот на такое веселье попал, устал немного. Света мне

обещала сегодня всю Москву показать.

- А-а-а это хорошо, Марк, посмотри, посмотри, браток! Полюбуйся Московской нашей. Один на свете этот город то такой - Москва! Не што там-нибудь. А?

- Да, Москва! Иван Иванович Калачев, только давай дрыхнуть. Еще наговоримся, я буду у вас две недели гостить, отпуск у меня.

- Добре, Марк Иванович, добре, давай храпанем, - соглашается Ванек и, перевернувшись на другой бок, он опять у уже засыпающего Марка, как бы с украдкой, осторожно, спросил, - а ты, как думаешь, Марк, кто из нас черноокую красавицу победит, я или артиллерист?

- А ты знаешь, что ответил Хаджи Мурат, когда его спросили, кто будет наместником стареющего Шамиля-Имамма?

- У кого шашка остра! - улыбнулся Ванька-Лапоть москвлянин коренной.

- То-то же! Зевак не лови! Спи! Суббота минула, воскресенье стучится в окно, гляди совсем светло! Сегодня 22-е июня, - засыпая, глухо проговорил Марк...

Только около двенадцати часов дня, после шумного веселья прошлой ночки, стали просыпаться крепенько заспавшие ребятки. Потянулись, к умывалке стали постепенно приводить себя в порядок. Как вдруг из черной бумажной глотки посыпались ошеломляющие всех слова: "... среди ночи, без объявления войны, фашистские орды внезапно вторглись в пределы нашей страны..."

Ванька-Лапоть, протирая глаза, ошеломленно мигая, молча смотрел на вскочившего с постели Марка.

- Вот и показал ты мне, как с шашкой в

танце нужно управляться! - подавленно приглушенно проговорил лейтенант Иван Калачев.

- Покажу после "игры". Не унывай, Ванек, - глухо ответил Марк.

- "Игра" то эта не из скоросрочных, - затягивая портупеи и поглядывая изподлобья на Марка, проговорил в раздумье Ванек и пожимая новому другу руку, добавил: - Вот тебе и родство социалистическое с Германией! Вот тебе и лучший друг наш, Адольф Гитлер! А? Ведь всего шесть часов прошло, как ты мне поведал об этих социалистических синонимах, что теперь скажешь?

- Что скажу! А ты, как, ожидал такое чудо?

- Никаки нет!

- То-то же! Подожди, еще похлеще чудо, нежели с синонимами социалистическими произойти у нас может, с акулами кровожадными, капиталистическими сватами заделаемся мы. Дед мой, Алексей Гаврилович, такой прогноз давно поведал - вот это будет чудо, так чудо!

Ванек промолчал, а потом сказал:

- Выживем, значит еще попляшем, товарищ лейтенант Балтийского флота! А сейчас воевать отправляться нужно - война.

Х Х Х

Правительственное сообщение привело столицу и всю страну в небывалое и истории человечества в таких случаях состояние. Народные многомиллионные массы трудового народа, придавленные властью советского сапога, затаив дыхание, буквально тряслись от охватившей их радости, конец советской власти! Ко-

нец нашим мучениям! Мелькали радостные мысли в их головах.

Вместе с трудовым обездоленным народом, речь Молотова слушала и холенная, откормленная советская элита - новый класс. Высокопоставленные партийные деятели с испугом и трепетом, наспех, без всякого аппетита, а только механически уминали за вторым завтраком паюсную икру, чайную колбасу с белым хлебом. Трясущимися руками, обжигая губы, расплескивая пили ароматный знаилучший кофе со сливками, получаемый ими в специальных закрытых распределителях. Со страхом поглядывали они через окна своих комфортабельных привелигированных квартир на густые бесчисленные массы рабов - обездоленного чернорабочего люда, молча таившего великую радость, шагавшего по улицам города.

Знали упитанные красномордые, толстомордые красные буржуи - советские деятели, что это они, да именно они, суть угнетения, паразиты и кровопийцы этого трудового люда, что живут они в роскоши, построенной на несчастьи, на муках великих обездоленных народов России. Знали партийные сталинские деятели, что их благополучие, роскошь давит больно, нетерпимо больно, выжимает все соки, жизнь из тел, голодных их рабов.

"Выскочит теперь русский мужик, выскочат все рабы наши из под сапога нашего, беда нам будет, на куски рвать живыми нас начнут, живыми в землю затопчат"!!! Полыхали страшные мысли у партийной советской элиты...

Х Х Х

Светлана с незаплетенными распущенными косами бежала по коридору общежития, Марк шел ей навстречу, застегивая китель неслухавшимися руками, шел думая, о разлуке с ней в этот момент.

Учащенно дыша, она остановилась перед ним, бледная, крайне потрясенная. Синие глаза горели нездоровым блеском, сочилась растеренность и страх перед неизбежной разлукой. Бросившись в его объятия, вздрагивая всем телом, зажимая до боли зубами губы, тихо плакала. Они долго стояли на месте. Он молча заплетал ей косы.

- Дождались, - тихо проговорила она, пряча на его груди лицо и опять трясаясь всем телом, обливая китель слезами.

- Не плачь, моя крошка, не плачь... Не мы одни ведь. Смотри, вон там ваша черноокая красавица Галочка тоже плачет. Смотри ка, вот когда выясилось, какого она из двоих любит.

- Пихотинца? - удивилась Светлана и, по детски углубляя ямочки на бледных щечках, ласково улыбнулась подруге, махнула мокрым от слез платочком.

Шли среди многочисленной, беспорядочной текущей массы людей по мостовым и прямо по дорогам. Светлана не успевала за шагавшим широкими шагами Марком, семенила ногами, стараясь не отставать и цепко держалась за его руку.

- Здесь, - Светлана указала на здание Военкомата.

Он поставил у ее ног свой небольшой чемодан. С трудом, стоя в очереди, вошел внутрь здания. В Московском Военкомате Марк получил приказ, немедленно возвращаться в уже дей-

ствующий Балтийский форт... Опять шли среди суетливо-шумного моря людей к Ленинградскому вокзалу. Вдоль длинного эшелона можно было видеть и понять, что радость великая, охватившая огромный народ, огромной страны, сопряжена с глубоко потрясающей мукой разлуки несказуемым страхом материнским за своих уезжавших сынов на фронт, туда, где ранят, калечат, убивают... Плачут девушки, провожая своих любимых парней, долго прощаясь, безотрывно целуются, взволнованными с надрывом голосами, выкрикивают прощальные слова ласки, любви..

На вокзале, Марк наспех написал несколько строчек матери, сунул в конверт свое фото в форме лейтенанта и бросил в почтовый ящик, пошел вдоль платформы к своему вагону... Светлана стоит у окна вагона. Они держатся за руки, крепко, подолгу безотрывно, как бы подражая другим, целуются, потом смотрят друг другу в глаза и опять их уста сливаются.

Поезд мягко двинулся с места, едва заметно для глаз, пополз вдоль платформы... Вся масса провожающих, идет следом за удаляющимися от них вагонами, машут руками... Слышны тяжкие вздохи, всхлипывания, плач матерей, прощальные пожелания, предупреждения беречь себя, быть осторожным, обещания ждать, хранить любовь в своих сердцах. Но вот поезд стал набирать скорость, оставляя позади убегающую от него платформу... Светлана с протянутыми руками жадно и ненасытно смотрит в его васильковые глаза...

- Марк, если мы потеряемся, ищи меня!
А я, - резкий свисток паровоза заглушил ее слова...

Она идет следом за поездом... Черные,

шнурочками брови строго сдвинуты, в синих глазах, грусть и тревога... А на Спасской башне, заглушая звуки людских голосов и гул моторов, забили, заиграли Московские куранты, свидетельствуя новое, страшное событие на тернистом пути Святой Руси...

На одной из станций, по пути к Ленинграду, Марк вместе со многими другими чинами Балтийского флота, неожиданно были направлены в Главный штаб центрального советского Западного фронта. Марк получил назначение в спешно формулируемый батальон морской пехоты. Прибыв в распоряжение батальона, был назначен командиром взвода. На другой день, батальон выступил и уже вечером этого дня вступил в бой с победоносно катящимися немецкими войсками.

Х Х Х

В то время, когда с самого раннего утра шли бои, "отец народов", растерявшись, до 12 часов дня, ни слова об этом не оповестил народ.

Маршал Г.Жуков пишет в ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ, изд-во Москва, 1971 г. стр.238

"С.К.Тимошенко позвонил И.В.Сталину и попросил разрешения приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации в стране и образования Ставки Главного Командования, а также ряд других вопросов.

В девять часов, мы с Наркомом прибыли в Кремль. Через час нас принял И.В.Сталин. Осведомившись об обстановке, он сказал: "В 12 часов, по радио будет выступать Молотов".

Выплеснутые атакой 22-го июня 1941 года немецкие войска, под командованием фельдмаршала фон Браухича, полились тремя рукавами:

на Северо-Восточном направлении - группа армий "Север", под командованием фельдмаршала А.Лееба;

на Восточном - группа армии "Центр", под командованием фельдмаршала фон Бока;

на Юго-Восточном - группа армий "Юг", под командованием фельдмаршала Г.Рундштета.

Немецкие войска, включая войска сателитов Германии: Финляндии, Румынии и Венгрии (90000 человек), в общем количестве составляли 5 миллионов 500 тысяч человек.

Немецким силам противостояли войска Красной армии:

на Северо-Западном направлении - под командованием маршала К.Ворошилова;

на Западном - под командованием маршала С.Тимошенко;

на Юго-Западном - под командованием маршала С.Буденного.

В общей сложности, войска Красной армии исчислялись 5 миллионов человек.

Немецкая армия, располагая своим новейшим по тому времени оружием и снаряжением, была также еще и обильно насыщена оружием и средствами, отнятых у захваченных стран, раздавленной Европы. Все экономические и военные ресурсы покоренных государств полностью использовались. Немецкая армия к моменту вторжения в Россию представляла собой неслыханную раньше в истории человечества военную машину. 181 дивизия и 18 бригад при 47260 орудий и минометов, с 2800 танков,

при поддержке с воздуха 4950 самолетов, про-
рвав фронт, быстро растекались по захвачен-
ной территории.

Обезглавленные, лишенные своих полковод-
цев сталинским террором, войска Красной ар-
мии по триста тысяч человек, и больше, оста-
вались в замкнутых котлах победоносно шагав-
шего противника. Подготовленное террором Ста-
лина население Советского Союза, буквально
бросилось в объятия вероломно ворвавшегося
врага, принимая его за друга и освободителя.

"Уже 16 июля 1941 года Сталин должен был
установить в своем тайном приказе №0019:
"На всех фронтах имеются многочисленные
элементы, которые даже бегут навстречу
противнику и при первом соприкосновении
с ним, бросают оружие.., в то время,
как число стойких комиссаров и команди-
ров не слишком велико..."

Александр Даллин, "Германское
правительство в России", 1941-
1945 гг., стр.76. Цитировано у
С.Штеенберга, стр.26(немецкий
текст) стр.28(русский текст).

Народы России пребывали в полной вере -
культурный Запад в лице Германии, ее войск,
решил уничтожить мировое зло - коммунизм!
Наконец то поняли западные страны, что и до
них рано или поздно доберется это страшное
зло - кровавая месорубка, пропускающая че-
рез свою ненасытную утробу миллионы жизней!
Запад уничтожит это зло!

Вне всякого сомнения - коммунизм погибает,
тонет, нет у него даже и соломинки, что-
бы ухватиться! Все кончено! Так мыслил народ
и в это верил, встречая немецкие войска цве-

тами и традиционным русским обычаем - хлебом-солью. Народ с гневом бросился рушить памятники идолов коммунизма - Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и всех других мракобесов. Теперь обездоленные, измученные террором Сталина народы России жаждали узреть полных крах тирана.

"В одном селе Рязанской области 3-го июля 1941 года собрались мужики близ кузницы и слушали речь Сталина по репродуктору. И как только доселе железный и такой неумолимый к русским крестьянским слезам, сблажил растерянный и полуплачущий батька: "Братья и сестры"! - Один мужик ответил черной бумажной глотке: - А, б..дь, а вот это не хотел? - и показал репродуктору излюбленный грубый русский жест, когда секут руку по локоть и ею покачивают. И загоготали мужики. Если бы по всем селам, да всех очевидцев спросить, десятки тысяч мы таких бы случаев узнали, еще и похлеще. Вот таково было настроение русской деревни в начале войны..."

Александр Солженицын, "Архипелаг ГУЛАГ", 1978 г. стр.29 (карманный размер издания).

"Американец Чарльз В.Тейер описывает реакцию крестьян в деревне в 160 км. юго-западнее Москвы на известие о немецком нападении:

"Наконец то! - сказали они. - Пусть Кремль только даст нам оружие. Мы знаем уж, в кого будем стрелять! Если Гитлер появится на мосту перед деревней, мы все выйдем ему навстречу с хлебом-солью".

Чарльз В.Тейер, "Партизаны",
изд-во Рютен и Ленинг, Мюнхен,
1965 г. стр.67
С.Штеенберг, стр.36 (немецкий
текст).

"В истории вряд ли найдется еще другой пример, чтобы такая значительная часть населения какой-нибудь страны, так боялась и ненавидела свое правительство, как народы России ненавидели Сталина. Только этим можно объяснить, что миллионы людей, живущих в России, которые безусловно, любили свою Родину не менее, чем другие граждане любой страны, были готовы вступить в союз с нападающим противником, чтобы бороться против собственного правительства. Как велико было число противников режима, свидетельствуют бесчисленные примеры уже с самого начала Восточного похода..."

С.Штеенберг, стр.39 (русский текст).

Гостеприимно встречаемые немецкие фронтовые части, вдохновленные, подхлестнутые одерживаемой столь легкой победой, в которую они уже твердо верили, рвались к сердцу России - Москве.

В те дни окончательный разгром Красной армии и захват всей территории России для немецкой армии, а также для большинства населения России, представлялся только вопросом очень и очень скорого времени. Крах сталинского коммунизма, был неизбежным, ничем неотвратимым. Война уже в самом начале была проиграна Сталиным и его сатрапами.

И вот "власть советов" во главе со Сталиным в предсмертных судорогах, в панике бросилась лицемерно призывать на помощь русские национальные и даже духовные силы. Вспомнила и обратилась с присущей ей хитростью и лицемерием к прославленному русской Христианской Православной Церковью имени Святого Александра Невского. К священным для русского народа именам национальных героев: генералиссимуса А.В.Суворова, фельдмаршала Кутузова, князя Пожарского, Минина и многих других и, наконец, к самому Богу.

Война против гитлеровской Германии была объявлена Великой Отечественной и Священной войной.

Отступая с лихорадочной поспешностью, меняя лозунги на ходу, Сталин распускает "коминтерн", вводит ношение попранных коммунистами в революцию погонов. "Зазвучала в эти дни изумительная по своей силе и суровой красоте песня "Священная война":

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашисткой силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война."

"Великая Отечественная война Советского Союза 1941-45 гг."
Военное изд-во СССР, Москва,
1970, стр 59

Однако уловки Сталина не помогли, вторжение немецких войск продолжало быть для на-

родов России великим торжеством. В панике Сталин, через черезвычайного уполномоченного Рузвельта, Хопкинса, заявил, что он будет приветствовать войска США на советской территории, на любом участке советского фронта...

(см. Роберт Шервуд, "Рузвельт и Хопкинс", изд-во Вольфганг Крюгер, 1950, стр.268)

В сентябре 1941 года Черчилль получил от Сталина паническую телергамму:

"По моему мнению есть только один выход - создание второго фронта на Балканах или во Франции еще в этом году, который был бы в состоянии оттянуть 30-40 дивизий с Восточного фронта. Одновременно должна быть обеспечена поставка 30000 тонн алюминия, начиная с октября и ежемесячная поставка 400 самолетов и 500 танков. Без этой помощи Советский Союз или потерпит поражение, или будет до такой степени ослаблен, что на долгое время лишится возможности оказывать поддержку союзникам собственными операциями на фронте в борьбе против гитлеризма".

В ответной телеграмме Сталину, Черчилль указал, что по техническим причинам, создание второго фронта, в данный момент, невозможно.

Сталин поспешно телеграфировал:

"Я не сомневаюсь в желании британского правительства видеть победу Советского Союза... Если оно считает, что создание второго фронта на западе невозможно, то нельзя ли найти другой путь, чтобы ак-

тивно поддержать Советский Союз на поле брани? По моему мнению, Великобритания могла бы безопасно высадить от 25 до 30 дивизий в Архангельске, или направить их в Южную Россию через Иран. Таким образом, на территории СССР могло бы быть установлено совместное сотрудничество между советскими и британскими вооруженными силами..."

Винстон Черчилль, "Воспоминания",
изд-во Парнас, Штуттгарт, 1951
стр. 304

Пораженчество стало принимать небывалые прежде в истории России размеры и формы. Уже в самом начале войны, коммунизм стоял обеими ногами в могиле.

В течении нескольких месяцев войны в руках немцев находилось четыре миллиона советских военнопленных. Фактически, это была кадровая Красная Армия, и уж конечно, остаток ее командного состава, недобитого сталинским разгромом армии в 1937 году.

Х Х Х

III

В начале июля 1941 года, разбитые и разрозненные советские войска на южном крыле советско-германского фронта поспешно отступали в районах Ровно, Дубно, Кременец.

Обстановка дел советских войск особенно осложнилась, когда немецкие войска, совместно с румынскими нанесли сокрушительный удар с территории Румынии, углубившись в стыке Юго-Западного и Южного фронтов на 60 км.

вперед. Одновременно нанеся сильный удар на правом крыле Юго-Западного фронта, немецкие войска овладели Житомиром и сразу же развернули наступление на Киев. Но неожиданно быстро продвигающиеся немецкие войска были остановлены советскими войсками, которыми командовал весьма молодой талантливый генерал Андрей Андреевич Власов. Усиленные атаки немецких войск оставались безуспешными. Молодой русский генерал не сдавал позиций без приказа на то Кремля, заставив немецкие войска топтаться на месте до 18 сентября 1941 года.

"...Сентябрь 1941 года... В течении двух суток генерал-майор Андрей Андреевич Власов пытался установить связь с Москвой, но Кремль отозвался только вечером 18-го сентября. Радиограмма заключалась только в двух словах: "Отступить - Сталин". В тот же час Власов отдал приказ об уходе из Киева, который он удерживал против всех атак германской армии... Власов - человек громадного роста, с простым крестьянским лицом, высоким лбом, умными глазами за толстыми стеклами очков, командовал танковым корпусом во Львове ко времени германского наступления на восток. После тяжелых боев, он вынужден был отступить до Бердичева. В конце июля Власов, которому было всего 40 лет, был назначен командующим 37-й армией и стратегически важным Киевским округом. Это было доказательством доверия высшего командования советской армии к способностям молодого генерала. Его армия последней оставила позиции на Днепре, уже после того, как немцы в двухстах километрах

к востоку, провели крупнейшее окружение в истории этой войны..."

С.Штеенберг, "Власов предатель или патриот"? стр.9 (немецкий текст)
стр.11 (русский текст)

Х Х Х

"Андрей Андреевич Власов, родился первого сентября 1900 года в семье крестьянина села Ломакино, Нижегородской губернии. Дед его был крепостным. Отец Власова стремился дать своим детям образование - "Грамоту не за плечами носят: самый, что ни на есть правильный капитал у человека"! - любил говорить он".

Осокин, стр.12

"Революция застаёт Власова оканчивающим духовную семинарию. В 1918 году он поступает на агрономический факультет Нижегородского университета. Весной 1919 года, его призывают. Начинается военная жизнь, ставшая его стихией..."

Протопресвитер о.Александр Киселев, "Облик генерала А.А.Власова, стр.41

"Весной 1919 года Власов был уже призван в 27-й пехотный полк Красной армии. Началась одна из самых успешных, но и самых трагических карьер в русской военной истории..."

С.Штеенберг, стр.10 (немецкий текст)
стр.13 (русский текст)

В боях между "Белой" и "Красной" армиями, Власов прошел от рядового бойца до помощника начальника штаба дивизии, а затем начальника разведки. После победы Красной армии, принятый на действительную службу, Власов проходит вторую свою военную эпопею. Будучи ротным командиром, за особые отличия, награжден начальником штаба Красной армии Лебедевым, именными серебрянными часами. В 1924 году Власов - начальник полкового училища 26-го стрелкового полка. В 1928 году проходит в Москве добавочный офицерский курс.

В 1929 году Власов - командир батальона. В 1930 году назначен преподавателем тактики в офицерской школе в Ленинграде и вскоре послан в Москву на курсы повышения квалификации. После блестящего окончания учебы, назначен заместителем начальника курсового обучения офицерской школы. При этом ему было предложено вступить в партию. Вскоре, заместитель командующего военным округом Примаков поручает Власову отстающий в обучении 2-й стрелковый полк 4-й Туркестанской дивизии, привести в порядок, а затем назначает командиром 137-го стрелкового полка, ставшего потом лучшим полком округа и вскоре был назначен начальником штаба 72-й дивизии. На этом посту его застают "Ежовщина", приведшая его к пониманию, какую роль, на самом деле, играют строевые командиры в СССР.

"Когда его дивизионный комиссар показав на висевшую в кабинете Власова фотографию маршала Блюхера, сказал: "На вашем месте я бы убрал этот портрет". "Уже" - спросил Власов. "Уже", - ответил комиссар. На снимке была собственноручная

подпись маршала Блюхера, знавшего Власова по военной академии. Власов рассказал об этом эпизоде в апреле месяце 1943 года зондерфюреру Клейн".

С.Штеенберг, стр.14 (немецкий текст)
стр.16 (русский текст)

В эти ужасные дни, Власов не только не был арестован, но и в 1938 году был послан в качестве военного советника в Китай. Такой случай в те времена считался чудом. Будучи с февраля по май 1939 года советником у маршала Иен-Цай-Шан, Власов отличился исключительной тонкостью в весьма сложной политической игре, которую проводил в Китае красный Кремль.

Получив назначение на пост начальника штаба группы советников, Власов в ноябре 1939 года был отозван в Москву.

Назначенный командиром 99-й стрелковой дивизии, самой отсталой во всей Красной армии, где служило множество нацменов, неговорящих даже по-русски, Власов за короткое время превратил эту дивизию в лучшую и примерную дивизию, за что 4-го июня 1940 года был произведен в чин генерала-майора. Власову в то время не было сорока лет. В воинской газете "Красная Звезда" появилась статья, в которой, между прочим, писалось:

"Он умел обеспечить себе уважение подчиненных, руководить людьми, возбуждать их привязанность и, вместе с тем, усиливать их уверенность в своих силах..."

Газета "Красная Звезда",
21 ноября 1940.

"В десятках номеров "Красной Звезды" и "Правды" упоминалось его имя. Тимошенко писал 27-го сентября, что Власов и его дивизия "показали свою способность решать тактические проблемы при особо затрудненных обстоятельствах". Генерал Мерецков, начальник генерального штаба Красной армии, также хвалил дивизию, после личного посещения. В издававшемся политуправлением Киевского военного округа журнале "Новое в подготовке войск", Киев, 1940 г., Власову воздавалось должное, как командиру образцовой дивизии, как солдату и человеку. В особенности подчеркивалось его способность "добиваться совместной работы всех родов оружия и обучения солдат. 21-го ноября "Красная Звезда" предложила всем дивизиям, брать пример с 99-й дивизии..."

С.Штеенберг, стр.19-20 (немецкий текст) стр.21(русский текст)

В эти дни Власов опубликовал свой очерк: "Новые методы боевой учебы". Вскоре его имя знал каждый боец Красной армии. Как содокладчик начальника генерального штаба Мерецкова, Власов показал насколько он способен вложить свои знания другим. В январе 1941 года Власов был назначен командиром 4-го танкового корпуса, стоявшего во Львове. В феврале этого же года, он был награжден орденом Ленина.

Х Х Х

Хаос, с которым отступала Красная армия, непрерывные тяжкие поражения, а главное - явное нежелание сопротивляться противнику, которое нельзя было не видеть, Власов тяжело переживал. В это время, он не видел и не имел никакой другой цели, как только бороться и защищать Родину и Отечество от наседавшего врага, хотя его также сильно удручало сознание, что в столь неслыханном в истории России пораженьестве виноваты, несомненно, как и сам красный деспот Сталин, так и советская коммунистическая система.

После тяжелых боев на Днестре, где (уже в который раз!) выявилась бездарность Сталина, Власов с трудом вывел свои войска из окружения, ведя их на восток, в то время, как другие военачальники не в состоянии были справиться с ужасным хаосом.

"Командование вышло из строя, армии развалились, число перебежчиков росло.

Сталинский террор мстил за себя: чистки, концентрационные лагеря, насильственная коллективизация, потребовавшие миллионы жертв, не были забыты народом.

Значительная часть населения приветствовала немцев, как избавителей. 600 тысяч солдат сдались в плен. Среди рассеянных, блуждающих без командиров воинских частей, Власов шел ускоренным маршем на восток с немногими тысячами солдат и ему все же удалось прорваться..."

С.Штеенберг, стр.9-10 (немецкий текст) стр.12(русский текст)

Вывавшись из окружения, Власов перенес тяжелый грипп. По выходе из лазарета был на-

значен маршалом Тимошенко на пост командующего тыловым военным округом, но вскоре Сталин вызвал его в Москву.

Х Х Х

IV

Темнело... 155-я стрелковая дивизия, 61-го стрелкового корпуса, едва выскользнув из окружения в районе Погоста, догоняла отступающие части своего корпуса...

Уже какой день, обуреваемый окончательно созревшим решением, приступить к действиям задуманного им акта, еще в войну Советского Союза с Финляндией, командир 436-го стрелкового полка, майор Иван Никитович Кононов, слегка наклонив голову, щупая своими колючими соколиными глазами бойцов, пропускал проходившие части своего полка. В этот же вечер, после короткого отдыха, он отдал приказ, явиться к нему командирам подразделений полка...

Указка быстро скользила... Склонившись над картой, командиры внимательно слушали боевую задачу.

- Успех зависит от неожиданности и стремительности удара, ясно?

- Так точно, товарищ майор, ясно!

- Выступаем, желаю успеха!

Уже через два часа, после короткого боя, 436-й полк, нанеся поражение передовым частям немецкого пехотного корпуса, глубоко вклинился в линию, казалось бы, незыблемого фронта противника. Далеко оторвавшись от своей дивизии, полк окопавшись, ждал распо-

ряжений своего командира...

Кононов Иван Никитович, родился 2-го апреля 1903 года в семье донского казака, в станице Новониколаевской. Службу в Красной армии начал в 1920 году красноармейцем 14-й кав.дивизии 1-й конной армии Буденного. В 1922 году окончил школу младшего комсостава. В 1924 году поступает в Объединенную военную школу имени ВЦНКа (Москва) и, в 1927 году, окончив эту школу, направляется в 5-ю кав.дивизию, в которой служит до 1934 года, занимая должности: командира взвода, эскадрона, начальника полковой школы, командира полка. В 1935 году поступает в военную академию имени Фрунзе (Москва). В Финскую войну назначается командиром 436-го стрелкового полка, 155-й стрелковой дивизии. Участвует с полком в боях против финских войск. За боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды. Кононов был членом комсомола с 1924 года. Членом коммунистической партии с 1927 года. Начать открытую вооруженную борьбу против Советской власти задумал еще во время Финской войны, но видя неминуемое поражение Финляндии, отложил свое решение, до более приемлемого случая. Кононов понимал, что свергнуть усовершенствованный сталинский аппарат насилия, невозможно никакой внутренней революцией, т.к. народ был лишен всякой малейшей возможности к совершению таковой. Оставалась единственная возможность свергнуть власть Сталина, используя удар извне. Кононов сразу же при первом ударе немцев - 22-го июня 1941 года решил осуществить задуманный план свержения и уничтожения коммунизма в России. Наконец пришел момент, но Кононов еще за долго до этого момента под-

готовлял своих подчиненных солдат и офицеров придти к решению начать открытую вооруженную борьбу против Советской власти. Зная, какой жгучей ненавистью ненавидят люди советский режим, зная, как понимают народы России этот чудовищный режим террора и страха; веря в то, что народ бросится на борьбу против этого режима при первой возможности, Кононов за два месяца до войны, очень осторожно и искусно подобрал и окружил себя особенно верными людьми... Не только Кононов и его солдаты и командиры, но и все народы России уже давно поняли и знали, что сбросить усовершенствованный сталинский аппарат насилия можно только и только при ударе извне, при помощи других государств.

"Эти люди, пережившие на своей шкуре 24 года коммунистического "счастья", уже в 1941 знали то, чего не знал еще никто и мире. Что на всей планете и во всей истории не было режима более злого, кровавого и вместе с тем более лукаво-изворотливого, чем большевистский, самоназвавшийся "советским". Что ни по числу замученных, ни по вкоренивчивости на долготу лет, ни по дальности замысла, ни сквозной унифицированной тоталитарностью не может сравниться с ним никакой другой земной режим, ни даже ученический гитлеровский, к тому времени затмивший всему Западу глаза..."

А.Солженицын, Архипелаг ГУЛag,
часть пятая стр.31(русский текст)

Х Х Х

Командиру пехотного немецкого корпуса, генералу графу фон Шенкендорфу доложили о необычайном событии на передовой, — с советской стороны явился офицер с исключительно секретной миссией, но по приказу своего начальства, смеет говорить только с командиром корпуса. Шенкендорф приказал доставить к нему советского офицера.

— Можете говорить, господин лейтенант, генерал вас слушает, — переводчик любезно улыбнулся

— Да... Да... Я, — Новиков смущенно растеряно посматривая на сидящего за столом и с заметным интересом рассматривающего его немецкого генерала, замялся, но сразу же взяв себя в руки доложил, что он является посланником командира 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии Красной армии, майора Кононова.

— Командир этого полка, который дрался с нашими частями вчера? — Шенкендорф бросил быстрый с заметным удивлением взгляд на Новикова.

Переводчик перевел вопрос.

— Да, да! Так точно! Скажите, пожалуйста, генералу, что я являюсь посланником командира именно этого полка, — поспешил с ответом Новиков.

— Да, да, мне все понятно, пожалуйста, сядьте.

Учтивый жест. Генерал с еще большим интересом и с явной симпатией смотрит на русского офицера.

— Генерал просит вас сесть, господин лейтенант.

Переводчик опять приветливо улыбнулся и как бы покровительственно ободряюще заки-

вал головой, как раз в тот момент, когда Новиков сетовал на себя за необдуманый (как ему показалось) ответ, связанный с нанесенным поражением немецким частям. Но к его удивлению, на лице генерала нет и тени негодования, генерал приветливо улыбается, и опять просит его сесть. А переводчик, как бы зная волнующие мысли Новикова, продолжает его подбадривать, наставительно подмигивает, приветливо улыбается. Ободренный Новиков с охватившим его вдохновением, запальчиво убедительно говорит, что командир его полка, майор Иван Никитович Кононов пришел к решению перевести весь свой полк на сторону немцев, для того, чтобы организовать русскую освободительную армию, которая совместно с немецкой армией очень скоро и с очень малой потерей, уничтожит мировое зло - коммунизм; что Кононов, его офицеры и солдаты и он сам лично, совершенно уверены, что вся Красная армия, все народы России, немедленно примут участие в борьбе против коммунизма; что народы России измучены и не в силах больше переносить чудовищное иго коммунизма; что теперь, когда Германия выступила против коммунизма, для народов России, и для всего человечества наступил наилучший момент, уничтожить его при помощи германской армии; что майор Кононов, его офицеры и солдаты уже предприняли все необходимые меры, предохраняющие действия полка от вмешательства Особого отдела и политкомиссаров; что Кононов теперь ждет ответа на его решение от немецкого командования.

- Поверьте, господин генерал, - сказал Новиков, - мы, русские, искали бы поддержки и участия на нашей стороне, если бы не

немецкая армия, а американская или английская или какая бы то ни была другая была теперь перед нами. Но, к сожалению, эти армии, ввиду разных политических авантюр, дерутся на стороне Сталина. Они когда нибудь поймут насколько близоруки их правительства, но это дело будущего, а сейчас перед нами войска доблестной, показавшей на деле свою боеспособность, немецкой армии, и это достаточно, если они примут нашу руку дружбы и вместе с нами - русскими покончат раз и навсегда с врагом всего человечества - коммунизмом!

На лице Шенкендорфа, горячая речь молодого русского офицера, вызвала отражение чувств его души. Он просто был потрясен словами рядового строевого офицера, говорящего ему то, что не могли и малейшей доли из всего им сказанного понять государственные мужи свободных государств, а тем более (как уже за два месяца войны увидел и понял Шенкендорф) правительство национал-социалистической партии во главе с Гитлером, его собственной родины - Германии. Сочувственно слушая Новикова, Шенкендорф одновременно размышлял, как отнесутся "там", "на верхах", к тому, что задумали не только командир 436-го советского полка, но совершенно очевидно, буквально все народы России, примет ли правительство Германии протягиваемую русскими руку дружбы и союза в борьбе против мирового зла? Как поступить с русским полком, желающим перейти в организованном порядке, еще предлагающий не только союз, но и требующий гарантии на этот союз? А ведь в официальной политике германского правительства ни слова не сказано о какой

либо дружбы с русскими. Наоборот, Шенкендорф неоднократно уже видел в мерзких отвратительных действиях немецких властей, совершенно противное, власть немецких нацистов под корень рубила всякие, не то что действия, но и мысли о дружбе или даже хорошее человеческое отношение к русским... Шенкендорф размышлял дальше, в немецком плену, уже находятся сотни тысяч солдат и командиров Красной армии, но все они или были взяты в плен, или же по одиночке, или же массами, неорганизованно, просто не оказывая сопротивления, сдались в плен, положение совсем другое, а тут вот перед ним, совершенно необычный, неприглядный и никогда небывалый в истории многих минувших войн акт! Акт, как сразу понял Шенкендорф, твердо целеустремленный и тщательно продуманный! Как поступить? Отвергнуть протягиваемую руку дружбы, от которой зависит судьба Германии? Ведь оттолкнуть от себя народы России, значит толкнуть их опять в руки Сталина и натравить на себя! Несомненно так! Фельдмаршал фон Бок безусловно будет солидарен... да... вне всякого сомнения! Да и "там", "на верхах" поразмыслят, поймут, одобряют, - мелькала ободряющая мысль...

Нет... Нет! Фюрер, партия не одобряют, воспротивятся... - мелькала протестующая мысль... И, наконец, рыцарская душа немецкого генерала графа фон Шенкендорфа поборола все другое - нет, он не смеет пренебрегать дружбой людей, ищущих помощи в их благородном деле от немецкого народа, нет - он не смеет!

- Скажите лейтенанту, что я приветствую решение командира его полка, и обещаю ему

помогать в борьбе за свободу его народа.

Шенкендорф опять одобрительно закивал головой, сочувственно с симпатией любезно улыбался.

Переводчик перевел слова генерала, и тут же был разработан план принятия полка немецкой стороной, а уже через пол часа, Новиков, вернувшись из "разведки", достиг передовых окопов обороны 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии Красной армии...

Х Х Х

Обед давно уже был готов... Гаврик иско-са с недовольством поглядывал на склонивше-гося над картой Батьку, намеренно тарыхтел тарелками, передвигал без надобности кастрю-ли, хотел уже было сказать, что давно пос-пело время наполнить желудки, да вспомнив, в каком положении находится полк, сдержался.

- Гаврик!

- Я Батя.

- Сходи, славный, позови начштаба, да так, чтобы тихонько - ясно?

- На одной ноге, Батя!

Гаврик вестовой, коновод, и в то же вре-мя повар Кононова, весьма расторопный дон-ской казак, всегда успевал везде и всюду в исполнении своих и даже не своих обязанно-стей. Его то и имя было вовсе не Гаврик, да из-за сложной и очень уж заковыристой его фамилии, и за ухарьскую ухватку, всё разом прозвали Гавриком, - так и укрепилось за ним имя - Гаврик.

Не успел Батька оглянуться, как Гаврика уже не стало в комнате.

- Ну как? - Батька кинул соколиный взгляд на вошедшего начштаба.

- Ждем. Все на чеку. Вот, вот должен явиться.

- Особый отдел? Комиссар? Политруки?

- Небеспокойтесь - не ворохнутся, конечно, если будет нужно... Да уж что там, ребята наши глаза не спускают, все не мушке!

Начштаба склонился над картой. Стук в дверь. Батько и начштаба устремили взгляды на дверь. Дежуривший за дверьми Гаврик, просунул голову.

- Батя, майор из штаба корпуса, принесла его лихая не во-время! - зашептал Гаврик.

Из подкатившего авто вышел начальник химической части корпуса, майор Поздняков.

- Поздравляю, поздравляю, товарищи! Зацепили немножко немцев по носу! А? Давно пора уже! Пускай знают наших! - пожимая руку Кононову и начальнику его штаба капитану Росткову, шутливым тоном проговорил Поздняков, - но смотрите теперь, чтобы немец не зацепил вас, так что... м-гу... сами знаете, - тем же тоном продолжил он, а потом уже серьезно сказал: - комкор обеспокоен, Иван Никитович, полк ваш оторвался от корпуса, да и как бы в мешке оказался. Смотри и захлопнут немцы вас, они мастера на этикие дела!

- Мы сейчас с начштабом как раз обсуждали положение. Выслали разведку. Думаю, что управимся - выскользим мы, Владимир Владимирович!

- Ну, смотрите, а к награде вы, Иван Никитович, уже представлены!

Поздняков отказался от предложенного обеда, спешно отбыл в штаб корпуса. Не про-

шло и получаса, как уехал неожиданный посетитель и Гаврик, все время наблюдавший за всем происходящим вокруг расположения штаба полка, скрипнув дверью, поспешно просунул голову, зашептал:

- Батя! Вернулся "министр иностранных дел", совсем тепленький и невредимый, наше вам с кисточкой! - Гаврик изобразил смешную гримасу, демонстративно расшаркался и скрылся за дверью.

- Ну и вестовой у вас, Иван Никитович, - начштаба покрутил головой.

- Ну, что же, славный, рассказывай.

Лейтенант Новиков, заметно взволнованный и в то же время с сияющим лицом, не сразу заговорил, переводил взгляд с командира на начальника штаба полка, и искал слов, чтобы начать доклад.

- Чудо, Батя! - наконец произнес он и зажмурил глаза, удивленно пожал плечами.

- Говори, какое там чудо, сынок, а мы вот послушаем! - Батя бросил задорный взгляд на начштаба.

- Принимал меня сам генерал, Батя. Да еще граф он, буржуй какой-то с виду, а человек сам - душа человек! Да не в этом дело, а в том, как принимал! А принял меня он, как посла какого государственного, как министра важного, вот оно чудо! Вот вам и фашисты! А? - У молодого лейтенанта на лице крайнее удивление и восторг.

- Вот как раз тебя Гаврик, и определил на должность министра! - улыбнулся Батя, - ты говори толком, славный, как, что и главное, каков, конкретно, ответ на наше предложение?

Новиков подробно доложил о ходе и резуль-

тате переговоров. По договору полк должен будет парадным маршем, рота за ротой, пройти мимо генерала Шенкендорфа и командира полка майора Кононова. Немецкой стороной, все соответствующие условия будут предприняты с полной тщательностью и аккуратностью. Генерал Шенкендорф гарантирует такого рода почетную встречу в приеме полка в ряды союзных немецких и русских антикоммунистических сил...

Получив ответ от немцев, Кононов сразу же, не откладывая ни на минуту, приказал всем командирам и политработникам полка, явиться к нему. Офицеры, бывшие в заговоре, приказали своим бойцам окружить офицерское собрание. Встав перед командирами своего полка, Кононов, с характерной ему твердостью и ясностью сказал:

- Мои славные командиры! Совершенно сознательно и откровенно вам заявляю, что я советскую власть ненавижу! Сейчас я перехожу на сторону немцев для организации русских вооруженных сил, которые будут бороться против тирана - Сталина, потопившего в крови русского народа нашу Родину. Мои славные командиры! Вы прошли со мной славный боевой путь, вы не посрамили имя русских командиров в борьбе с противником, но настал час, когда вы должны во имя свободы Отечества, обратить свое оружие против главного врага нашего народа. Вы все знаете, что Сталин, для сохранения своей личной власти, замучил тысячи лучших командиров Красной армии, миллионы нашего народа голодны, раздеты, измучены террором Сталина. Миллионы ваших братьев и сестер, которых истязают в застенках НКВД, требуют от вас их ос-

вобождения. Лично я, твердо стал на путь борьбы против советской власти и не сойду с этого пути, пока буду жив. А сейчас, мои славные, я вас прошу, те, кто сознательно желает идти со мной, пусть отойдут вправо, а те, кто желает остаться, пусть отойдут влево. Предупреждаю, всем желающим остаться, ничего не угрожает!

Впоследствии, комиссар полка Панченко, также перешедший с полком, рассказывал, что у него волосы стали дыбом от слов командира полка.

Закончив разговор с командирами и политработниками полка, Кононов с той же речью выступил перед бойцами. На вопрос: "Кто со мной"? Солдаты Красной армии громогласно кричали: "С тобой, Батько"!

22 августа 1941 года, 436-й стрелковый полк, 155-й стрелковой дивизии, под командованием майора И.Н.Кононова, вступил в открытую борьбу, против советской власти, перейдя на сторону немцев.

(См. фотокопию из дневника Кононова, помещенную в 1-м томе - К.Черкассов, "Генерал Кононов" стр.128)

Как рассматривать свершившийся акт, как предательство Родины и Отечества? Или же признать его неудержимым стремлением народов России избавиться от нетерпимо больно грызущего их души и тело сталинского - коммунистического смертельного рака?

Историки должны также признать и отметить совершенный акт 436-м стрелковым полком и его командиром, не только, как акт единственный по своим действиям (организованный переход

на сторону немцев при советской системе надзора - чудо!) во всей 2-й Мировой войне, но и главное, полк начал свою борьбу против коммунизма, отнюдь не на немецкой, но на советской стороне. Само смелое решение, прибегнуть к такому поступку, а затем подготовка к задуманному акту - это уже борьба, да еще какая!

Х Х Х

Генерал, граф фон Шенкендорф внимательно, и в то же время с заметным волнением сосредоточенно что-то думая, смотрел на проходившие мимо него парадным маршем роты 436-го стрелкового полка Красной армии, временами поглядывая на стоявшего рядом с ним Кононова. Немецкий генерал и русский майор представили собой: первый с немецкой, второй с русской стороны, подлинных союзников, подлинных борцов, стремящихся уничтожить, в пришедший наконец, момент, угрожающее зло всему человечеству - красный коммунистический рак. Но если у Кононова, всегда были скованные руки сталинским режимом, из которого ему, наконец удалось вырваться, то Шенкендорф был скован по рукам и ногам гитлеровским режимом, вырваться из рук которого, он в то время не представлял никакой возможности. А бороться надо, думал Шенкендорф, надо, во что бы то ни стало, отмежеваться от преступной политики Гитлера, по крайней мере, предпринять попытку, иначе история осудит его, немецкого генерала. Да, все правильно, пускай он будет первым сделавшим шаг в этой попытке, а там посмотрим...

Шенкендорф после парада устраивает дружескую встречу между его офицерами и офицерами Кононова. За накрытым столом, изобилиющим разными явствами и напитками, сидят немецкие и русские офицеры. Сияющие лица выдают их настроение. Почти все молодые русские офицеры, хотя и очень слабо, но говорят по-немецки, ибо учили этот язык еще в средней школе. Это радует еще больше немецких офицеров, и они стараются высказать свою симпатию к русским офицерам, они первые провозглашают тост за дружбу с русским народом, за успех победы над Сталиным, над коммунизмом. Русские офицеры, восторженно протягивают им руки, крепко жмут, ликуют, радуются, веселятся... Батяко произносит зажигательную речь, генерал Шенкендорф, достойно отвечает... В своей речи Кононов говорит, что он совершенно уверен, что германское правительство, безусловно, в самом скором времени, разрешит ему формировать Русскую Освободительную армию, ибо германское правительство безусловно понимает, что совместно с русской армией, коммунизм, который угрожает Германии, равно как и всему миру, будет легко и с малыми жертвами, уничтожен.

Генерал Шенкендорф в своей ответной речи говорит, что он сделает все, что только сможет, чтобы желание, высказанное майором Кононовым, в скором будущем сбылось. Кононов предлагает выпить за боевую дружбу немецких и русских солдат. Все дружно подхватывают это предложение. Немцы и русские пьют, радуются, веселятся. Шенкендорф назначает своим офицером связи при полку Кононова, лейтенанта графа фон Ритберга.

После переговоров с вышестоящим фрон-

товым командованием Шенкендорф говорит Кононову, что главное командование центрального немецкого фронта приветствует цели Кононова, но предлагает, "пока что" полку дать наименование 102-й Казачий полк, и пополнить полк природными казаками из лагерей военнопленных. Кононов, будучи сам донским казаком, зная боеспособность казаков, охотно соглашается, принимая во внимание - "пока что". Уже 1-го сентября, выступая с речью в лагере военнопленных в Могилеве, а затем в Бобруйски, Орше, Смоленске, Пропойске, Гомеле и других местах, где находились сотни тысяч военнопленных, Кононов отбирает для своего казачьего полка добровольцев. На вопрос, кто желает вступить в полк, все (за малым, ничтожным исключением) желают немедленно вступить в полк. На просьбу, всем казачкам отойти вправо, вся многолюдная масса потоком стремится вправо. Оказывается все "казаки". Приходится всех строить в одну колонну, из которой каждый доброволец, по очереди должен подойти к столу, за которым сидит Кононов со своими офицерами, и немецким офицером связи. Местный диалект, сразу выдает неказаков, но прозорливый Батько хорошо видит, на что способен стоящий перед ним солдат или офицер, и он берет самых боеспособных и из числа неказаков, ибо хочет сразу же в первых боевых действиях полка, как можно лучше и нагляднее, показать немцам на деле, стремление народов России, уничтожить власть тирана Сталина. К 15-му сентября, в Могилев, - место формирования полка, прибыло 1061 добровольцев. Полк разместился в прекрасно оборудованном (по приказу генерала Шенкендорфа) немецким саперным

батальоном казармах. К 19-му сентября, Кононов переформировал свой 436-й стрелковый полк, насыщенный казаками. Новый полк, в составе 8-ми сотен (сотня - рота - 200 человек каждая) представлял собой крепко спаянную и сильно вооруженную боевую часть.

19-го сентября полк был выстроен для парада, в новом обмундировании: русскую форму с советскими знаками различия, заменила немецкая форма с русскими знаками различия. Казаки - в высоких червоноверхих донских папахах с русскими национальными какардами, с алыми донскими лампасами, с петлицами малинового цвета. На петлицах выделяются перекрещенные казачьи серебряного цвета пики. Русская форма желто-зеленого цвета; немецкая зеленого, но в общем, цвет формы терялся и выстроенный полк имел вид подлинного русского казачьего полка царской России.

Выстроенный казачий полк, окружила хлынувшая масса жителей города Могилева. Слышались радостные, восторженные крики из толпы: "Вот, наконец то поистине наша русская армия! Смотрите люди, чертячьи звезды коммуняков ребята наши скинули! Bravo! Вот это то да"! Но вот, на сером в яблоках англо-арабе, перед казачьим полком появился его командир - Батько. Раздается команда:

- Смирно! Равнение на середину, господа офицеры!

Кононов объехал фронт полка. Батько обладает особо зычным мужественным голосом. Остановившись в центре, громко поздоровался:

- Здравствуйте, мои славные сыны!

- Здравие желаем, господин майор! - грянул полк.

В это время подъехали несколько немецких

автомашин. Из первой вышел в сопровождении своей свиты генерал Шенкендорф. С ним прибыли также немецкие корреспонденты и бугромистр города Могилева. Выслушив доклад Кононова, Шенкендорф обратился к полку с краткой речью:

- Казаки и господа офицеры! Приветствую вас, как союзников в войне, с нашим общим врагом - большевиками. Я позволю себе выразить уверенность в том, что ваш полк, под командованием майора Кононова, окажется на должной высоте при исполнении поставленных ему задач. Поздравляю всех вас с вступлением в ряды вооруженных борцов с коммунистической советской властью!

Тут же был зачитан приказ Шенкендорфа, отданный им на основании распоряжения германского генерального штаба:

"19-го сентября 1941 года, гор.Могилев. Штаб армейского тылового корпуса группы армии "Центр".

1. На основании распоряжения генерального штаба, казачий отряд, формирующийся в гор.Могилеве, именовать - "102-й Донской казачий полк". Командиром полка назначается казачий майор Иван Кононов.
2. Все порядки, обучение, офицеры, унтер-офицеры, должны быть установлены усмотрением и распоряжением майора Кононова.
3. Все части казаков и неказаков зачисляются на полное довольствие, равным немецким частям.

Шенкендорф, генерал-лейтенант,
начальник штаба Кревель - майор.
(Перевод с немецкого)

После объявления приказа, Батько произносит речь, которую заканчивает словами:

- Я рад вас видеть, славные сыны казачества. Слава вам, сыны мои! Да пошлет Господь Бог вам сил и здоровья для подвигов и славы казачьей. Не посрадим наших славных предков своими ратными делами! Пусть дрожит палач Сталин! Пусть знает весь мир, что казаки были, есть и будут передовым отрядом в борьбе с коммунистическим террором. Вы, мои родные, первый камень в фундаменте Российского Освободительного Движения. Россия не забудет вас и золотыми буквами запишет ваши подвиги! Да здравствует Великая Свободная Россия! Вечная слава казачеству!

Полк прошел парадным маршем перед генералом Шенкендорфом.

Х Х Х

Тщательно подготовленные и отлично вооруженные солдаты и офицеры 102-го Казачьего полка почувствовали свою силу и они теперь еще больше жаждали, чтобы все солдаты, офицеры и генералы Красной армии слились с ними в одну монолитную силу, которая бы смела тирана Сталина, отрубилась бы ему голову и закончила бы с коммунизмом навсегда.

"И вот пришла пора. Оружие давалось этим людям в руки, и неужели они должны были смириться себя, дать большевизму пережить свой смертельный час, снова укрепиться в жестоком угнетении и только тогда начинать с ним борьбу (и по сегодня ненамного почти нигде в мире)? Нет, естественно было повторить прием самого большевизма: как он сам вгрызся в тело Рос-

сии, ослабленное Первой мировой войной, так и бить его в подобный же момент во Второй..."

А.Солженицын, "Архипелаг ГУЛag",
часть 5-я, стр.31

Х Х Х

Вечерело. Задумавшись, Батько один сидел за столом, в штабе полка. Начштаб еще утром выехал в Могилев, должен был вот-вот вернуться. Вдруг стук в дверь, на пороге дежурный офицер:

- Пополнение, Батя, к нам прибыло - трое перебежчиков из советского десанта и при полном боевом!

- Давай их сюда, сынок, и при полном боевом.

- Слушаюсь!

Советские бойцы - десантники, переступив порог, стеснительно улыбаются. У каждого автомат и по несколько гранат.

- Садитесь, славные, садитесь, - приглашает Батько, - да давайте сначала познакомимся. Я майор Кононов Иван Никитович.

Бойцы пожимают протянутую руку, называют себя.

- Очень рад вас видеть, славные, чем могу вам помочь, говорите не стесняйтесь, вы находитесь среди своих людей, будьте нашими гостями.

Гости стеснительно, с нерешительностью преглядываются, не решаются.

- Говори ты, Андрей, - наконец проговорил самый молодой из них паренек.

- Да вот, як воно сталося, товарищ майор, - начал Андрей, - то туточки треба все

сказать.

Андрей Верба говорит с сильным украинским акцентом. Волнуясь, он то заикается, делает долгие паузы, то вдруг, как из пулемета сыпется его трогательная взволнованная речь. За Вербой ввязывается молодой боец и уже спокойно повествует, а потом и третий. Из рассказа Кононов узнает, что перебежчики принадлежат у сброшенному недавно советскому парашютному десанту диверсантов. Десант сильно вооружен автоматным оружием, включая минометы, противотанковую и противоздушную артиллерию. Кононов также узнает место расположения обороны десанта, его главные опорные точки и место нахождения штаба.

Андрей Верба еще более взволнованно и смущенно говорит:

- Пришлось мне, товарищ майор, с нашими десантниками сделать наскок на одно село, и слышим мы и видим, да как же не слышать, коли вокруг плач и стон стоит страшный, да стрельба с автоматов.

- Поняли мы, товарищ майор, уже давно и своими глазами видим, как народ наш к немцам сам навстречу бежит, защиты у немцев от власти Сталина ищет, - заговорил, перебивая Вербу, молодой боец - вот Сталин и придумал как ему народ заставить перестать немцев встречать с хлебом-солью, с цветами. А мы, десантники вроде, да что там вроде, так и есть, являемся по сути грязным оружием в этом грязном преступлении Сталина. За это время, как мы крутимся вокруг расположения вашего полка, мы многое разузнали от местных людей и решили, что вы стоите на правильном пути и что наше место в ваших рядах!

Молодой боец хотел еще что-то сказать,

но стук в дверь остановил его. Вошел немецкий офицер связи, лейтенант граф Риттберг. Увидев вооруженных красноармейцев, он с недоумением остановился у двери. Кононов поднялся ему на встречу.

- Прошу, прошу заходите, не стесняйтесь, граф... Познакомьтесь, вот трое нашей друзей, их товарищ Сталин прислал к нам для пополнения нашего полка!

Поняв шутку, Риттберг пожал руки перебежчикам и доложил, что завтра в полк придут обещанные генералом Шенкендорфом две совершенно новые батареи. (Риттберг усиленно учил русский язык и старался обходиться без переводчика)

- Ну, ну, благодарю вас, граф, можете идти.

Отдав честь, Риттберг вышел.

- Как я понял вас, славные, вы желаете стать в наши ряды, так?

- Так точно, товарищ майор!

- Я вот туточки, Батя, - Гаврик, чуть стукнув в дверь, просунул голову, с хитрецей улыбался.

- Да я уже вижу чего ты "туточки", давай лучше мотай и зови всех офицеров, а познакомится с ребятами успеешь!

Гаврик мгновенно исчез, а дежурному офицеру, Батюка приказал сопровождать перебежчиков и определить их в 1-ю сотню полка.

Х Х Х

Быстро, как всегда, скользит указка... Склонившись над картой, сосредоточенно слушают задание офицеры...

- Удар нанести необходимо, немедленно, обнаружив исчезновение трех бойцов, командо-

вание десанта готовится к обороне. Вопросы?

- Все ясно, Батько!

- Выступаем! Желаю успеха!

В ночь с 27-го на 28-го октября 1941 года 102-й казачий полк выступил... Удар был сокрушительным, окруженный, расчлененный и растерянный противник, был разбит и пленен. В 16.00 часов 28-го октября, советский диверсионный отряд в районе Могилева, перестал существовать. Этот день, день первой победы 102-го Казачьего полка, стал считаться полковым праздником. Позднее был учрежден по этому поводу полковой знак - белый крест, в центре дата - 28 октября 1941 года и имя командира полка - КОНОНОВ.

"Вот здесь лежат общественные корни тех добровольческих сотен тысяч, которые даже при гитлеровском уродстве, отчаялись и надели мундир врага. Тут приходит нам пора, снова объясниться о власовцах... В 1-й части, я говорил и тех власовцах, которые взяли оружие от отчаяния, пленного голода, от безвыходности... А теперь, отодвигать дальше некуда, надо же и о тех сказать, кто еще до 41-го ни о чем другом не мечтал, как только взять оружие и бить этих красных комиссаров, чекистов и коллективзаторщиков... Вот настроение того времени: 22-го августа 1941 года, командир 436-го стрелкового полка, майор Кононов открыто объявил своему полку, что переходит к немцам, чтобы влиться в Освободительную армию для свержения Сталина, и пригласил с собой желающих. Он не только не встретил сопротивления, но весь полк

пошел за ним! Уже через три недели, Кононов создал на "той" стороне добровольческий казачий полк (он сам был донским казаком). Когда он прибыл в лагерь военнопленных под Могилевом для вербовки желающих, то из 5000 тамошних пленных - 4000 тут же выразило желание идти к нему, да он их взять не мог. В лагере под Тильзитом, в том же году, половина советских военнопленных - 12 тысяч человек подписали заявление, что пришла пора превратить войну в гражданскую..."

А.Солженицын, "Архипелаг ГУЛаг",
стр.32-33

Х Х Х

V

В конце июня 1941 года, командование советского стрелкового корпуса, попыталось заставить отход своих частей, батальоном морской пехоты. Марк со своим взводом долго удерживал господствующую высоту. Моряки били по подползавшим немецким танкам из противотанковых ружей, бросали под стальные гусеницы танков зажигательные бутылки, связи гранат. Немцы накрыли батальон ураганным навесным огнем, а через четверть часа, прилетевшая стая немецких "штук", пикируя, как хищные коршуны, набросились на окопавшийся батальон и в несколько минут, глубоко перекопав землю, смешав ее со щепками деревьев, ветками кустарников, травой и кусками человеческих тел, гуськом один за другим, построившись звеньями, удалились.

Марк бросил на неожиданно вылезший из-за кустов танк связку гранат и с десятком своих, оставшихся в живых бойцов, едва успел ускользнуть в густой заболоченный лес. Только через два дня остатки батальона морской пехоты, успевшей выйти из замкнутого немецкого кольца, собрали, а вскоре и пополнили, едва доведя людской состав до батальона.

Марку была поручена рота, и уже на другой день, батальон был брошен в бой. Рота моряков, под командованием храброго своего молодого командира, отчаянно дралась, и к удивлению своего командования, под ураганным огнем немцев, удерживала свои позиции двое суток. Батальон морской пехоты на третий день, вместе с другими частями, получил приказ отступать. Легко раненный в руку, после трехнедельного пребывания в лазарете, Марк вернулся в батальон. С большим похвальным предисловием, вручил ему комиссар батальона, орден и тут же предложил вступить в партию.

Частями морской пехоты невозможно было остановить катившуюся военную немецкую машину и в конце августа 1941 года, батальон оказался в глубоком тылу немецких войск. В окружении "котел" попало до трехсот тысяч человек, масса снаряжения и вооружения.

Советское командование, наблюдая явное нежелание своих солдат и командиров воевать и даже добровольную массовую сдачу своих войнов к немцам в плен, однако не в состоянии было остановить налетевшее катастрофическое поражение не только на Центральном, но и на Северо-Западном, Юго-Западном советских фронтах. Столь чудовищное явление в

истории России было прямым результатом сталинского террора...

Раненный в ногу в последнем бою, поддерживаемый двумя своими матросами, прихрамывая, Марк шел в многотысячной колонне советских военнопленных. По утрам, когда немцы с лающим криком, поднимали и гнали дальше пленных, престарелый матрос (из запаса), коренастый крупный детина, здоровяк, обычно говорил Марку:

- Подымайтесь, товарищ лейтенант, похрамваем дальше. А то, ведь, немцы... того... сами видите, пристреливают у кого ноги то перестают двигаться.

И брал руку Марка, поднимал его тяжелое свинцовое тело и опять шли они в обнимку по пыльным дорогам, обессиленные голодом и томимые жаждой, с сохшимися потресканными губами, с изможденными лицами.

Когда на дороге попадалась лужа воды и пленики, падая на землю карабкались к ней, стремясь глотнуть грязной серомутной жидкости, немецкие конвоиры, угрожающе крича, стреляли из автоматов, гнали дальше.

Мученический поход с раненой ногой окончился в одном из лагерей военнопленных вблизи города Могилева, где голод и жажду дополнять стала еще и мука, причиняемая налетевшими на несчастных пленников вшами. Кровожадные паразитические насекомые, высасывали кровь и пожирали тело. А затем начался страшный массовый мор от голода. С наступлением первых холодных осенних дней, окончательно истощенные, обескровленные пленники оставались лежать на земле, были мертвы. Каждый день, сотни мертвецов немцы подбирали и бросали их на кучи, громоздили горы

трупов. Мор людей голодом Сталиным, продолжал его соратник по убийству людей - Гитлер.

Позднее, когда ударили морозы, выпавшей исключительно суровой зимы 1941 года, из четырех миллионов советских военнопленных, попавших к немцам в плен, три миллиона были скошены повальной смертью. Трупы людей лежали повсюду в лагерях военнопленных, лежали прямо на голой глубоко промерзшей земле, большими грудами, обезображенные скелеты, истощенные, обезкровленные мучительным голодом еще до того, как они не стали больше ни видеть, ни слышать, ни чувствовать...

Оставшиеся в живых были люди только особого склада. Их можно было видеть в виде каких то раздутых шарообразных чудовищ, в виде странных чудовищных видений. Это были люди из той части военнопленных, которые обладая невероятной силой воли, умением приспособливаться к жизни в любых условиях, и отчаянно бороться за жизнь. Они еще до наступления холодов заталкивали под лохмотья остатков из обмундирования, сухую траву, сено и солому, сухие листья, все, что только могло оградить их тела от проникающего до костей холода. А затем в лагерях советских военнопленных началось людоедство. Ночами несло запахи паленного человеческого тела. Это озверевшие с обезображенными страшными лицами, со злым звериным взглядом люди, поджаривали на кострах куски кожи и тела, которые они вырезали у своих же товарищей, не имеющих сил защищаться. Эти людоеды стали еще одним бичем несчастных пленников. Но людоеды жили и их по утрам немцы на груды мертвых не бросали. Немецкие лагеря с советскими военнопленными стали представ-

лять из себя кладбища мертвых, те же, которые были еще живы, ожидали смерти. Эти многочисленные кладбища не были украшены зеленью деревьев, кустарников и цветов, нет! Эти кладбища выглядели жуткими черными пятнами, где слышались стоны и пресмертные глухие звуки умирающих людей, где ветром несло зловонный запах разлагающихся трупов... Столь страшное чудо было не только делом рук Гитлера, но и, опять-таки, его соратника Сталина. Это он — Сталин отказался от помощи Красного Креста советским военнопленным, это он презрительно бросил, что у него нет военнопленных у немцев, а есть только изменники Родины. Все чудовищные преступления, творимые Гитлером во 2-й Мировой войне, тесно сплетаются с преступлениями Сталина. А затем, позже, к этим преступлениям Гитлера и Сталина, присоединились и лидеры Западных демократий, они ретиво усердно взялись продолжать убийство советских военнопленных путем насильственной репатриацией, отдавая Сталину людей на муку и смерть.

Х Х Х

Попавшие к немцам в плен солдаты, командиры и политработники Красной армии, теперь знали, что их ждет неминуемая смерть от голода в лагерях военнопленных и вместе с этим они знали: возврат назад к Сталину — тоже смерть.

Марк лежал, закрыв глаза. Справо назойливо жужжал глос, подружившегося с ним старшего лейтенанта танкиста, казака Бесергеновской станицы Дмитрия Черкашина:

— Слышь, Марк, не спи. Гляди на солныш-

ко, пока оно еще светит, слышь, Марк? - толкает говорун приятеля в бок, молчавшего соседа.

- Прошлой ночью припомнилась мне картина страшная, так что аж мороз по коже пробежал у меня. Я, браток, эту картину забыть не могу, страшная трагедия произошла! - Черкашинин помолчал и начал поведать, тоскливо упершему в него глаза, соседу: - Гнали это нас немцы, что-то около двадцати тысяч пленных нас было. Слышим выстрелы впереди и сгрудилась колонна и стала, вроде ходу дальше нет. В чем дело, думаю? Когда же двинулась колонна опять и мы подошли к месту, где заминка нам неизвестная произошла, узнаем и видим: оказывается, что какая-то добродушная тетушка нажарила пирожков, зная, что мимо будут немцы гнать пленных, вышла с тазом, горой наполненным пирожками. И тут страшное, браток, стряслось! Тысячи голодных насмерть пленных, разом бросились на эти пирожки. Когда немцы конвоиры скосили многих из автоматов, колонна наша двинулась дальше, увидел я раздавленную, просто расплюснутую, как лист кровельного железа эту сердобольную русскую тетушку, растоптанную ногами десятков сотен пленников. Пустой таз валялся тут же, а колонна наша стала обходить, лежащих побитых из автоматов, наших ребят. Гляжу я, а у одного пристреленного, как раз я мимо его головы проходил, торчит кончик пирожка изо рта. Так, бедолага, и не успел проглотить пирожок. Голод меня тут такой взял при виде этого кончика пирожка, что я было хотел уже нагнуться и вынуть изо рта покойного пирожок этот и самому проглотить его. Я, было уже нагнулся, да гляжу, конвоир авто-

мат на меня наставляет! Едва, брат, успел отскочить, а то бы рядом лег с парнем этим с пирожком во рту. Вот и сейчас вижу, как бы фильм мне кто страшный показывает. Ты слышишь, Марк?

- Слышу... Помолчи, Митя, голова у меня ходором ходит, сосет под ложечкой и морозит меня.

Рассказчик замолчал, но через пару минут, ближе придвинувшись, быстро, жужжащим шопотом затрепал:

- Бежать, браток, нужно! Бежать, пока не поздно! Понял? Ноябрь кончается, ударят морозы, подохнем!

- Как и куда бежать? Кругом степь вылезанная за проволокой то, а леса и на горизонте не видать. Чудишь ты, Митя, - запротестовал Марк.

- Не так, как ты думаешь, Маркушка. Совсем не так!

- А как же иначе? - Марк удивленно глянул на друга.

- А вот что у меня на думке: я уже в какой раз слышу, что немцы берут из лагеря этого пленных добровольцев к себе на работы и даже на службу в их армию, дают оружие! Разве это не побег?

- А где ты слыхал, что берут?

- Говорю, что слыхал! Басни не стал бы тебе говорить. Ребята рассказывают, что приезжал еще до того, как мы с тобой в этот лагерь попали, бывший наш советский майор или полковник и набирал в свой полк казаков добровольцев. Он, говорят, этот майор казак донской и ему немцы разрешили формировать казачий полк. Говорят уже этот полк стоит в Могилеве.

- Ну и как ты до этого полка доберешься? Маршевый приказ тебе немцы вправят, что ли?

- Никак не думаю ерунды я, Марк. Вчера подошли к проволоке лагеря двое казаков из полка этого. Я сам с ними говорил. Как узнали, что я казак и говорят: "Смотри, станица, в оба, завтра Батько наш приедет набирать добровольцев казаков, да много ему не разрешают немцы набирать. Старайся быть первым, а то весь лагерь хлынет записываться в полк, каждый, говорят, ведь жить хочет, не проморгай случая, а то загнешься здесь". Понял?

- Ну, а если на самом деле в этот полк попадем, тогда что?

- Как что? Жрать получим. Кости телом опять обрастут. Оружие, браток мой, получим в руки и до леса тогда можно будет добратся, вот он на уме, какой план побега, паря!

- Да, это толковые мысли. Иначе из лагеря нам не выскочить, а значит хана нам здесь. Только... - Марк помолчав, поразмыслив добавил: - только вряд ли товарищ Сталин примет нас "чистыми" к себе, даже если мы в партизанах десяток лет провожем и самого Гитлера в плен возьмем. В плену были, а за сдачу в плен - расстрел! Чай знаешь?

- Знаю, да что будешь делать? Умереть без попытки спастись? Так, что ли по-твоему?

- Нет, конечно. Спасаться надо. Испробуем твой план, Митя.

- То-то же, - обрадовался Черкашинин и лег на спину, широко разбросав руки и ноги, уставившись глазами в синеву неба, долго лежал молча без движений, морща лоб, что-то напряженно думая.

- В плен нам не нужно было попадать, товарищ старший лейтенант, вот оно что. Вот

в чем трагедия наша! - после долгого молчания, тяжело вздохнув, молвил Марк.

- А ты, что сам сдался в плен? Один ты или триста тысяч в кольце оказались. Кто в этом несчастье виноват, ты или я? А?

- Не ты и ни я, конечно, но иначе рассматривает такое положение правительство наше, товарищ Сталин!

- Пошел он к....., коль он так рассматривает свои же дела. А мы молоды. Нам жить нужно! Да мы, если на то пошло, и жить то не жили еще по-людски! Муки одни видели и тот же голод, вспомни 33-й! А? Сколько миллионов жмуриков тогда в общие ямы сбросили?

- С десяток миллионов, Митя.

- С десяток? Не досчитываешь, паря, ты капитала, тридцать пять, сорок миллионов, не точнее цифра будет? - Черкашинин нервно подрожал бровью, зло сверкая иссиня-черными глазами, встал с земли, прошелся молча вокруг лежавшего Марка.

- Может быть, - отозвался Марк.

- Не может быть, а точно, - присев на корточки, советский танкист, заглядывая в глаза Марку, опять застрочил словами:

- Уйдем в лес с оружием, создадим Третью Силу и начнем войну и против Гитлера и против Сталина. Охотников на это дело найдется немало, в достатке, думаю. Ты слышишь, товарищ лейтенант? Что молчишь и голову задрал?

- Слышу.

- Если слышишь, то слушай внимательно. Я ведь серьезно, понимаешь, такие мысли у меня... Как только сколотим солидную силу, сразу же предложим союз англо-американцам. Ведь ты только подумай! Сталин, коммунизм -

враги капиталистам. Так ведь?

- Да, с этим согласен. Дружба у них со Сталиным наигранная, вынужденная. Капитализм и коммунизм, естественно, - смертельные враги. Гитлер их принудил, пойти на союз со Сталиным, - в раздумии проговорил Марк, поднимаясь с земли и подавая руку танкисту, - а впрочем... - Марк вспомнил рассказы деда Алексея, но ничего больше не сказал.

- То-то же! Умница ты, Марк Иванович! - Черкашинин довольно улыбался, крепко пожимая руку друга и еще с большим вдохновением опять застрочил словами: - Если хочешь знать, англо-американцы, по сути, наши, я хочу сказать, нашего народа естественные друзья и союзники. Союз со Сталиным у них, действительно, противоестественный, лицемерный, вынужденный.

Рассуждая дальше, оба друга решили вступить в казачий полк добровольцами, подкрепившись физически, уйти с оружием в леса Белоруссии, приступить к созданию ТРЕТЬЕЙ СИЛЫ...

В лагере поднялась суматоха, спор и крик, как только две автомашины с казачьими офицерами въехали в лагерь. Из первой вышел Кононов, двое его старших офицеров и немецкий офицер связи, старший лейтенант граф Ганс фон Риттберг. Сели за приготовленный посреди лагеря стол, от которого началась пятитысячная очередь пленных, желающих вступить в казачий полк. Марк и Черкашинин стояли среди первых. Кононов, как обычно, каждого коротко спрашивал и говорил отойти в право или влево. Когда подошел к столу Марк, прозорливый Батько, как то особенно пристально посмотрел на стоящего перед ним молодого

командира в морской истрепанной форме. Неспрашивая, казак он или нет, спросил:

- Какой станицы, сынок?

- Город Таганрог, - выдержав пристальный испытывающий взгляд казачьего Батьки, ответил приглушенно Марк, хмурясь, блестя злым огоньком, вдруг загоревшимся в его васильковых глазах и, к своему же удивлению, со злой иронией уже громко добавил: - смерти испугался, врагам России решил идти служить.

Батько метнул соколиный взгляд, - отойди вправо, сынок.

Черкашинин, на вопрос какой станицы, тоже с явным сарказмом, ответил:

- Помирать мне еще рановато, да и бессмысленно в лагере этом, а делов у нас в России еще очень много повернуть надобно, товарищ майор! А станицы я Бесергеновской.

- Отойди вправо, сынок, - последовало спокойное решение Батьки.

В этот день, Кононов выбрал 50 человек самых, как он был уверен, отъявленных лихачей для своего полка.

Через месяц, Марк Рудаков и Дмитрий Черкашинин с оружием ушли в Белорусские леса, присоединившись к отряду советских партизан, именовавшему себя "Белорусский партизан" и уже через две недели с тем же оружием вернулись в казачий полк, стали перед принявшим их у себя на квартире Батькой.

- Ну, что же, рад видеть вас, славные. Докладывать, рассказывать ничего не нужно, все и так ясно. Ступайте в свои сотни. - Батька ласково, по-отцовски похлопал по плечам смущенных, стоявших перед ним беглецов и зевая, с добродушной усмешкой, добавил: -

Разбудили вы меня, сыночки, да меня это не беспокоит, а вот Гаврик будет теперь сердито бурчать и на меня и на вас. Не любит он, когда ему сон нарушают, барин он у меня этой. Идите, сыночки, с Богом, потом расскажите, что вас волнует, а теперь давайте дозарюем в постелях, а не в разговорах.

- Никак нельзя, Батя! - возразил Марк, сурово сдвигая брови.

- Это же почему, сынок? - удивился Батько.

- Дело такое, Батя, что нельзя откладывать ни на минуту.

- Говори, в чем дело, - насторожился Батько.

- Прошлой ночью, в расположение партизанского отряда, где мы с Черкашининым были, прилетел комиссар, думаю не малого ранга. Темно только уже было, не видали, как выглядит он. Комиссар этот, проходя с комиссаром отряда мимо кустов, где мы совершенно случайно с Черкашининым сидели, обсуждая свои планы, слышим прибывший комиссар говорит: "Да вы, товарищ комиссар, особенно этим изменникам, наймитам немецким не доверяйте. Все они бежали навстречу немцам. Эти люди несоветские люди! Они пропитаны русским духом черносотенцев, русским шовенизмом. Дали им немцы как следует по затылкам, вот они и к нам опять бросились. Они, конечно, пускай повоюют теперь, использовать их нужно, но не до-ве-рять им! Мы с ними после войны счеты сведем, в расход всю эту гадость и только! В каком чине эти перебежчики?" "Один лейтенант, другой старший лейтенант". "Завтра я с этими субчиками поговорю". Как мы услышали с Черкашининым речь этого

субчика-каμισсара, сразу же, долго не думая и мотнули. Но дело не в нас, а в отряде партизанском. А их человек двести пятьдесят, не меньше. Девяносто девять процентов из них, в самом деле, советские люди, все бывшие партийные деятели, заправилы и чекисты. Есть немного беглецов из лагерей военнопленных, это, конечно честные люди и русские патриоты. Ясно, что этому типу, комиссару, они по духу своему, враги ему. Сволочь то какая! "Всех в расход пустим"! - Марк гневно заблестел васильковыми глазами и продолжал: - Третью Силу создавать на стороне советов, путем советских партизанских отрядов - утопия! Комиссар правильно сказал, всех в расход шлепнуть и не упустят момента, знаем мы советскую власть. Я хорошо подумал и решил, - враг внешний - немцы, можно сказать, честно поступают, коль ненавидя нас, русских, открыто это нам говорят и открыто убивают нас. Враг внутренний - Сталин, советская власть - враг умело маскирующийся, враг хитроизворотливый, коварный, от которого без войны невозможно избавиться. А посему необходимо, используя войну, прилагать все силы и возможности и уничтожить коммунизм. Использовать внешнего врага - Гитлера, а от этого явного, а не скрытого врага, мы имеем больше шансов избавиться. Гитлер, это можно сказать, наш враг номер два, уничтожение его, мы отложим на второй план. Так я рассуждаю. Батя?

- Совершенно логично, сынок. Сталин убил шестьдесят миллионов нашего народа, еще до войны и без войны. Гитлеру с ним не сравниться, это точно да, ты, сынок, толком говори, как надумал поступать с отрядом

этих советских партизан, а какие мы тары-бары будем разводить с Гитлером, после победы над Сталиным, это мы потом будем иметь время обсудить.

- Разгромить этот партизанский отряд можно очень легко. Главное - схватить командование. План мой таков: немедленно, сейчас же, пока не обнаружилось наше с Черкашининым исчезновение из отряда, идти и схватить комиссаров и весь их штаб. Я знаю проход в заболоченный лес, а он только один. Карту бы мне, Батя.

- Есть такое дело, сынок. Вот карта, - Батя склонился над картой, внимательно следил за скользящей указкой.

- Смотрите, вот здесь в лесу, на возвышенной лужайке приземляются их самолеты и здесь же, вот тут, - указка уперлась в точку местонахождения землянки - штаба партизанского отряда.

- Дальше оборона, как видите, очень искусно устроена, она лавирует между заболоченных мест, но в то же время, является замкнутым кольцом, ловко, правда?

- Ясно, сынок. Оборона, конечно, толково устроена. Ты мне говори, как думаешь сейчас действовать?

- Десять - пятнадцать казаков дайте мне, Батя. Самых смелых и ловких казаков, Батя, мне! И я приволоку этих комиссаров, это точно. А потом, окружив полком отряд, обратимся к ребятам через рупор или листовки бросим, Объясним им, что они все обречены Сталиным на смерть, и объясним наш план борьбы между двух врагов России, как мы его намерены осуществить. Я уверен, все партизаны беженцы из немецких лагерей военнопленных, немедленно

но перейдут к нам. Что касается советских партийных делегатов-паразитов, то они вряд ли сдадутся живыми. Они грабят местное население, терроризируют, мстят за то, что народ, убегая от их власти, бежал навстречу немцам с хлебом-солью и цветами. Повторяю, сдаваться они не будут. С ними придется драться.

- Ясно, сынок.

Батько поднял телефонную трубку. Через десять минут, у стола над картой склонились начштаба полка и старшие офицеры полка... Марк с Черкашининым и десятью казаками-ухачами пробирался по извилистой, теряющейся в густом лесу, тропинке...

- Сюда, за мной, здесь спрятано бревно, берите его, - это "мост".

Казачья подтащила длинное и довольно широкое бревно и перекинула через вырытую и заболоченную глубокую канаву, скрытую в густых зарослях леса. От серо-черной топкой трясинны разлило гнилью болота. Оступиться, соскользнуть с узкой лесной тропинки, значит завязнуть ногами в засасывающую в себя все, что только в нее попадает, трясину.

Марк подал условный знак - заквакал лягушкой, протяжно, негромко свистнул и сразу же постовой ответил такими же звуками.

- Это ты, Рудаков?

- Я. Тут вот двое ребят к нам перешли, оба из полка из которого я бежал. Офицера казачьего ребята наши ухлопали и с оружием бежали к нам.

- Да ну?

- Да, вот они! Давай, ребята, сюда, да осторожно, а то завязнете в болоте, тут кругом трясина.

Двое казаков выползли из-за кустов, подошли к постовому.

- Знакомьтесь, товарищи. Это Михаил Слесаревич. Он тоже беглец от смерти из лагеря военнопленных, - приветливо весело проговорил Марк, держа сигарету в зубах, наклонился к постовому, прося прикурить. Постовой отвел руку от пулемета, чиркнул спичкой... Несколько секунд и у постового связаны руки, рот заткнут тряпкой, ему приказано лежать, нешевелиться... Один казак остался возле него.

- Не вздумай брыкаться, паря, заколю, - предупредил казак.

Девять казаков последовали дальше за Марком. Черкашинин замыкал потянувшуюся цепочку казаков. У входа в блиндаж, где находился штаб партизанского отряда, стоял еще один постовой. Марк знал - это был бывший чекист Плюшкин, страшный, красный зверь. О нем партизаны многое говорили и побаивались его. Подав условный знак, Марк один вышел из кустов, подошел к постовому.

- Товарищ Плюшкин, доложите скорее товарищу комиссару - перебежчики. Двое их из казачьего полка.

- Где они?

- Там, постовой с ними. Говорят, что-то важное хотят доложить, но только непосредственно, начальству нашему. Офицера убили казачьего и какие то документы принесли.

- Погоди. Спят они. Я сейчас.

Едва Плюшкин повернулся спиной, намериваясь сойти в блиндаж, Марк рушит сильный удар по голове Плюшкина рукояткой автомата, одновременно срывает с его плеча карабин. Секунда, другая... и Черкашинин с девятью казаками возле Марка. Еще секунда и в рас-

пахнутую дверь в блиндаж врываються казаки... Дула автоматов направлены на тарашившееся спросонья, в одном белье, начальство отряда.

- Цыц! Ни звука!

Девять автоматных дул смертью маячат перед помертвевшими лицами красных зверей. Все они здесь: два комиссара, командир отряда, начштаба и радист отряда... Две-три минуты и со связанными руками, с заткнутыми ртами, привязанных один к другому, начальников советского партизанского отряда, казаки подгоняя уколами штыков, вывели из кольца обороны отряда и уже через час, они предстали перед казачьим Батькой и старшими офицерами полка...

Через двадцать минут, последовал приказ генерала Шенкендорфа:

"Ввиду того, что партизанский советский отряд состоит из явно бывших советских партийных начальников - убийц и мучителей народа, в боевой операции против них ни одного казака в жертву не приносить; Окружить отряд и потребовать немедленной сдачи в плен, в противном случае, отряд будет уничтожен с воздуха..."

Долго взывали рупора сдаться красных зверей. Вышли с поднятыми руками 18 человек, бывших военнопленных, из них, двое армейских политруков. Тут же, на месте, после того, как оба политрука и 16 человек - бывших бойцов Красной армии изъявили желание присоединиться к казакам. Батько приказал их немедленно переодеть в казачью форму, распределить по сотням полка, участвующих в операции.

До полудня все еще продолжали взывать казаки в рупоры сдаться, но партийные дея-

ги знали наверняка, что со стороны немцев им пощады не будет. В половине третьего, стая немецких бомбардировщиков типа "Штука" появилась в воздухе и развернувшись, пикируя набросилась на обозначенную оборону советского партизанского отряда, смешав землю, щепки деревьев с болотной грязью. При проческе леса и бывшего местонахождения советского партизанского отряда, казаки подобрали всего 24 человека, оставшихся в живых советских партизан...

Через две недели после последовавшей очередной операции 102-го казачьего полка против советского десанта - отряда диверсантов, Рудаков Марк был назначен командиром взвода. А через неделю Батяка вызвал его к себе, поздравил с производством в чин хорунжего. А еще через неделю Батяка одобрил предложение Марка сформировать Отдельную конную сотню, на вооружении которой должны быть шашки.

- Дело говоришь, сынок. А откуда у тебя наука шашками владеть, товарищ лейтенант Балтийского флота? - любопытствовал Батяко.

Марк подробно рассказал историю, почерпнутого искусства владеть шашкой.

Внимательно выслушав, Батяко помолчал, поразмыслил и сказал:

- Коль так, сынок, то тебе я поручаю отобрать казаков самых гожих к делу с шашками. Сформируй сотню и прими под свое командование, хорунжий Рудаков!

Уже через месяц, вновь сформированная Отдельная конная сотня, с удивительным искусством, стала выполнять боевые задания. Окруженные полком советские партизанские отряды

прижимались к намеренно оставленным проходам, где их в засаде поджидала сотня Марка. В наступивший нужный момент, сотня неожиданно вылетала вихрем из укрытия и проскокав наметом, оставляла за собой вырубленных до единого человека советских партизан.

- Этаким работой и сам Яков Петрович Бакланов восхитился бы! - блеснув соколиными глазами, молвил, не без радости за своих питомцев, казачий Батько.

Однако, война с оплотом советской власти, с партизанскими отрядами, состоящими из бывших советских партийных деляг - паразитов, приходила к концу. Казаков впереди ждала вынужденная трагическая, братоубийственная война со ставшими возникать и разрастаться с каждым днем партизанскими отрядами, состоящими из истинных патриотов своей Родины, бежавших в леса в партизаны из немецких лагерей военнопленных - лагерей массового убийства пленных людей голодом.

Да! - Ждала казаков страшная братоубийственная война...

Х Х Х

VI

Костя Греков в недоумении смотрел на разбужившего его Жорочку Шандурского.

- Ты, что сдурел, трясешь меня так!

- Влезай в свои лапти и дуй за мной, война, брат!

- Какая война? - Костя протирал глаза, окаймленные вьемшимся в тело цементом.

- Вот болван. Говорю же война! Комиссар

приказал явиться немедленно к нему всем комсомольцам. Давай за мной!

Собравшимся в штабном бараке "бойцам" - оборванцам в зацементированных лохмотьях, комиссар, лязгая от волнения металлическими протезами, прыгающими во рту, сказал:

- Товарищи бойцы! Гитлеровские фашистские орды напали на нашу страну. Наш Строительный батальон не имеет оружия, вы это знаете. Мы ждем приказа на отход в тыл, а пока что, вам - комсомольцам, передовой молодежи советского народа, я поручаю охранять наш штаб и в случае появления противника, приказываю мне доложить.

Комиссар вручил каждому "бойцу" - оборванцу зацементированному - по палке, наломанной из вблизи от барачных стоящих сосен. Пятнадцать человек "бойцов", вооруженных сосновыми палками, утопая по пояс в зеленом жите, заняли линию "обороны" в 200 метрах от барака, в сторону запада.

- Слышь, Костя, - окликнул Жорочка Грекова.

- Что такое?

- Вооружил нас комиссар до зубов, так что с танками немецкими мы легко справимся, а вот с камарами проблема. У меня уже нет сил отбиваться от неприятелей, грызут, гады, немилосердно.

- Так тебе и надо, не нужно было в комсомол вступать, - усмехнулся Костя.

- А ты вступал?

- Так, как и ты, "вступили" меня в котлостроительном техникуме.

- То-то же! А меня в плановоэкономическом.

Целые сутки простоял на месте Особый

Отдельный Строительный батальон, не решаясь отступить без приказа. Комиссар звонил во все стороны, но советскому командованию в это время было не до "Особого". Наконец, на другой день, построенный в колонну батальон, бросил палки, кирки, лопаты, молотки и прочее "оружие", двинулся от города Сарны в направлении Коростыля. Начальство подгоняло "бойцов" так, что вначале просто бегом бежали, а потом перешли на шаг, а потом стали еле-еле волочить ноги - отмахали без остановки десятки километров. "Бойцы" побаивались отставать, ибо начальство могло пристрелить каждого отставшего, прекрасно зная, что все "бойцы" Особого ждут немцев, как своих избавителей от советского концлагеря, получившего по затее "мудрого учителя и отца народов товарища Сталина" название "Особого Отдельного Строительного батальона". Осталось уже всего пять километров до станции Коростыль, но никто из "бойцов" не знал, как долго их еще будут гнать.

- Дохожу, братцы, пускай гады стреляют, не могу больше идти, - заявил Вася Петров и сел на песок.

Разбросав истерные до крови ноги, он, опираясь на руки, запрокинул голову, то-скливым обреченным взглядом смотрел не верхушки высоченных сосен, стоявших рядами десятками километров вдоль всей дороги Сарны-Коростыль.

Вася Травкин, подав знак Грекову, взял под руки Петрова.

- Поднимайся, тезка! - повелительно проговорил Травкин и, подняв Петрова, друзья повели под руки, потерявшего силы "бойца", дальше.

- Беда сама подсказывает, как из нее выбираться, товарищ "боец". Так вот ну. Раз... два... и еще шаг, все дальше от смерти! - комадовал Травкин.

Так они и шли. Если кто падал, все оставались, подняв упавшего, делали еще несколько десятков шагов. Падал другой, опять остановка и дружная команда:

- Поднимаем, братцы, и-и раз, два взяли! И шатаюсь, как пьяные, передвигали в кровь избитые ноги, шли дальше. Когда голова колонны достигла станции Коростыль и подана была команда: "Привал", грохнулся длинющей грудой весь батальон на горячий, после жаркого июньского дня, песок. Измученные чудовищным переходом, батраки "Особого Отдельного" погрузились в сон мертвецкий, не ощущая усталости и щемящей боли в растертых ногах. Когда заскрипели, подъехавшие полевые кухни, "бойцы" потянулись с котелками за баландой. В полдень подали эшелон с вагонами и открытыми пульманами. Батальонный врач бросал беглый взгляд на подходившего к нему батрака и указывал кивком головы, взбираться наверх в вагон, или же отойти в сторону. На открытых пульманах лежали перевернутые подводы. Костя Греков заметил, что под подводы уже успели залезть и спрятаться все урки. Отчаянный урка с кличкой Ястреб подавал ему знак:

- Давай руку, дуралей!

Ястреб и еще другой урка втянули Костю на пульман и скрыли под торчащими вверх колесами подводой.

- На, грызи, - урка сунул в руку Косте жменю пиленного сахара и кусок сухаря.

Сахар хрустел на зубах урков, они посмеивались, глядя на сортирующего батраков док-

тора, страшно сквернословили и показывали ему и рядом с ним стоящему комиссару батальона грубые жесты.

- А вот не хотел, товарищ комиссар?

Один из уроков сделал грубый жест и довольно хихикая, высывая голову из под опрокинутой подводы, сложив руки рупором, тихо, так, чтобы звук не долетел до комиссара, нараспев прошипел:

- Придурок я-зы-ка-тый, шел бы ты...

Урки приглушенно рокотали, грызли ворованный из склада сахар и сухари. Вскоре эшалан тронулся, потянулся через Белоруссию, Украину к Донбассу. Стал в городе Юзовка, (в то время Сталино), на станции Путиловка. Выстроенных по четыре человека в шеренгу батраков "Особого Отдельного" погнали через степь к баракам, расположенным в густых посадках молодых деревьев.

Увидя ангары, Костя Греков, поглядывая с горькой усмешкой на друзей, сказал:

- Те же гости, в те же двери...

В Юзовке уже было начато строительство аэродрома заключенными, к ним и присоединили "бойцов" Особого Отдельного батальона. К великой радости зацементированных оборванцев, по всему огромному, упирающемуся в небосклон полю, оказалось множество ставок и повсюду видна была ботва недоубранной свеклы и моркови. Жадно грызя корневые плоды, зацементированные оборванцы, растелившись бросались в прохладную воду ставок, издавали визгливые, радости полные, выкрики.

- Мойся, братцы! Купайся сколь хошь! Топи вшей, братцы, они плавать, кровносы, не могут! Топи их! - торжествовали "бойцы", однако, вьевшийся в тело цемент, не отмывал-

ся. Мыло попрежнему никто из них не видел, но они приспособились извлекать цемент из тела при помощи песка. Загребали жменями мокрый песок и беспощадно терли свое тело. Это приносило страшную боль, ибо вши местами проели тело до крови. Однако, радость великая - сколько хочешь воды и свежие, прямо из земли, овощи.

Бараки - не бараки, а роскошь сполшная! Никаких четырехэтажных нар и в помине нет. Вокруг огромного барака устроены были сплошные одноэтажные нары. Восхищенные оборванцы застелили нары толстым слое травы, забросали сверху остатками лохмотьев, оставшимися от когда то их бывших домашних пальто, улеглись отдыхать. К вечеру, новое чудо - оборванцы несли в котелках суп из перловой крупы, да дело в том, что кусочки мяса, не из "конницы Буденного", а настоящего коровьего мяса, плавали в перловой крупе.

- Живем, братцы! - орал во всю глотку, урка Ястреб, и опрокидывая котелок в широко открытый рот, пошел "фокстротом" по бараку. На другой день, новое чудо - выгнанные на работу оборванцы, тарачили от удивления глаза, перед ними высились горы готовой щебенки и красуясь стояли самые настоящие бетономешалки, значит отпала катаржная работа делать бетон вручную. Через неделю сверхчудо: "Придурок", ("приставка"), - старшина роты, вызывая по списку оборванцев, выдает по комплекту нового с иголочки, из темно-синего ситца белья: трусы и соколки и тут же протягивает, хотя второго срока, потертое и старое, но самое настоящее воинское обмундирование: гимнастерку и галифе, а в придачу тычет новые рабочие ботинки и обмотки.

Через час бывшие зацементированные оборванцы стояли, построенные поротно, в полной воинской форме. Отсутствовали еще, на выданных пилотках, красные звезды, но прикативший на легковом авто комиссар батальона, закатив речугу, "выполним с достоинством задание партии и правительства", объявил, что знаки различия вскоре будут получены и что всем командирам отделений следует иметь в петлицах по одному треугольнику, а комвзводам, по два треугольника, И это чудо исполнилось, - у самого "придурка", закрасовались вскоре в петлицах по целых четыре треугольника - старшина.

По утрам, чуть свет, поротно вышагивали на работы. Заливали бетоном летные площадки, "вкалывали" под напутствующие речи политруков рот. По вечерам, вернувшись с работы, "умяв" по селедке, по куску хлеба и баланды, заваливались на нары, и тут же, по затее комиссара, приходили "повеселить" "бойцов" Особого, музыканты: Ванэк Какаян со скрипкой, худой и тщедушный бывший ростовский ресторанный скрипач и пятипудовый верзила, (тоже ростовский), Володя Балашов с баяном. Какаян "наяривал", что есть силы на скрипке фокстрот "Эх Андрюша", а верзила Володя рвал, вторя ему, на баяне. Обычно, на середине барака, появлялся урка Ястреб, а за ним и другие урки и начинали выписывать ногами фокстрот, строя комичные рожи. Урки вовсе не уставали от дневной работы, совсем нет, они знали, как нужно "филонить" (хитрить, делать вид, что работаешь, а на самом деле, ничего не делать). Ястреб, расходившись, орал во всю глотку:

"Грязной тачкой, рук не пачкай,

"Это дело перекурим как-нибудь"!

А потом снова пускался, петляя ногами, фокстротом. По ночам, когда уже ротный "придурок" засыпал у себя, в пристроенной в бараке, кабине, отчаянный таганрогский урка Ястреб, высунув голову из-под лохмотьев своего пальто, орал:

- Старшина, сахару давай!

Едва он замолкал, в другом конце раздавался голос другого урки:

- Старшина, хле-ба давай!

"Придурок" мчался с фонарем в руках, подсакивал к Ястребу или к кому другому и угрожающе кричал, но урка шел в контратаку и злобно тоже орал:

- Чего разбудил, мне на работу утром!

Только "придурок" укладывался спать у себя в кабине, немедленно раздавался вопиющий крик:

- Старшина, сахару! Старшина, хлеба!

Такую смелость изводить "придурка", проявляли только урки. Все другие молчали и давясь от смеха, прятали головы под свои лохмотья. Тише всех были немцы из Поволожья, они и работали лучше других и исполняли старательно всякое приказание "придурка".

К осени закончили строительство аэродрома. Весь батальон взялся за изготовление железобетонных балок для фронтных укреплений. Вязали арматуру и заливали бетоном. Изготовленные балки ночами грузили на пульманы, отправляли на фронт, все быстрее и быстрее подкатывающий к Донбассу.

В конце сентября, командир отделения, в котором находился Костя Греков, Николай Ремизов, каким то образом, получил отпуск и съездив домой, вернулся в батальон.

- Что у нас там нового, Коля? - спросил Костя друга.

- Ничего хорошего, - уклончиво ответил Ремизов.

- Видел кого из наших?

- Ларку видал, был у них. Марк воет, на Балтийском, а отец, на Черном. Мать их все хныкает. Длиннонос прислал письмо, - воет. Был у Кацапа, не пишет, говорит мачеха его.

- А Лапоть?

- Не знаю, не был у них. Эрику видал, говорит, что мотать придется всему заводу, скорее, а значит и ей с отцом, мать мобилизовали - военврач, - Ремизов поскреб стриженную под машинку голову и приглушенно, поглядывая по сторонам, добавил: - и нам, браток, скоро сматываться придется, немцы к углю спешат добраться, готовься в новый поход...

Только в последних числах сентября прибыли "пехотинцы" Особого Отдельного батальона, прошедшие пешком от Сарны до Сталино.

- А где же Вася Петров? - спросил Костя Греков Жорочку Шандурского.

- Тут он.

- Яша Райнхарт?

- Шлепнули за побег. Объявили перед строем. И дружка его Яшу Вайбаума заодно впридачу. Немца и еврея под одну статью подвели. Так-то дела у нас идут, ребятки, - глухо закончил Жорочка и утерев с грязного, серо-черного лица пот, прихрамывая, пошел к становившимся в строй прибывших "бойцов" Особого Отдельного батальона.

- Говорят, евреев немцы стреляют, а тут еще и свои в расход пускают, - с ноткой горь-

кой обиды и сарказма, проговорил ростовский еврей Саша Гросман и понутив голову, пошел к строю.

- Так у нас заведено - пятилетка в четыре года во всем, а в расстрелах особенно, - зло и довольно громко, проговорил отчаянный ростовский урка.

В ноябре, когда обращаясь к выстроенному Особому Отдельному батальону, комиссар сказал, что батальон отступает походным порядком к Сталинграду, тот же ростовский урка, зло прищутив глаза, сказал "бойцам":

- Настала пора обрываться, братцы, путь далек лежит, по дороге всех выстреляют, сволочи, вот так, как этих двух Яшек.

Однако отступающий "Особый" вскоре оказался в тылу быстро наступающих немецких танковых дивизий.

Х Х Х

VII

Лара прислушивалась к приближающимся звукам, кипевшего за городом на материке боя. Вера Григорьевна поглядывала через окно на мчавшиеся в порт грузовики. Некоторые везли наспех притороченные недостроенные фюзеляжи самолетов типа И-16. На полном ходу, круто сворачивая к спуску в порт, мчалось на мотоциклах местное партийное начальство, вперемешку с небольшими группами чекистов.

- Слышь, Григорьевна, бегут кровососы, - скрипнув дверь, зашептала старуха Плотникова.

- Вижу, да куда им убежать то?

- То-то же, немец припер со всех сторон,

нехай теперь в воду, гады прыгают!

Так как окна у Рудаковых выходили на улицу, вот и потянулись к ним соседи по двору, посмотреть на бегство ненавистных местных партийных деляг.

Иван Фомич, опираясь на костыль и придерживая одной рукой его и кастрюлю, он другой с азартом зачерпывал полную с верхом ложку недоваренной перловой каши и, как вытасченный из воды окунь, открывая рот, проталкивал ложку, отчаянно трещал зубами, ворочал возбужденно сверкающими глазами. Кто-то другой тарахтел посудой в общей кухне.

- Ты, што это за еду взялся, Иван Фомич? Гляди, со страху, штоль? Погляди лучше как начальство то наше ходу дает! - Степан Терентьевич Горшков указал обрубком руки на окна.

Был он тоже, как и Плотников, старым партизаном - моряком и инвалидом. Перед самой войной вселился, после долгих хлопот, в дом Водников. Будучи веселого нрава, он любил подшучивать над другими, но и в то же время был беззлобным добряком. Степан Терентьевич подтянул Ивана Фомича к окну.

- Да, вижу, вижу отшвартовываются, стало быть на всех парах, паразиты! А ем я не со страху, а с радости, стало быть аппетит у меня по такому случаю напал! - Иван Фомич зло покосился на проезжавших у самого окна чекистов.

Пришла Генриэта Исааковна. Ее знобило. Она присела возле Лары у окна. В ее глазах видна растерянность, страх и мучительная тоска... Сына не послушала, отказалась наотрез эвакуироваться. Долго уговаривали ее сын и невестка, да и соседи тоже советовали

не рисковать, а уходить вглубь страны, а то, вдруг, предупреждения многих людей не напрасны. Генриэта Исааковна всегда отмахивалась от таких речей, оставаясь твердой в своих убеждениях, немцы - народ культурный, да и вообще то, нет никакой надобности у них убивать евреев. Это наглая, сугубо ложная советская пропаганда - уверяла Генриэта Исааковна.

- Мужа, у вас Сталин съел! За што же еще теперича немцы вас убивать станут? Они же, немцы, против советов войну начали. Пораскинь умом, вы правы, брешут, сволочи, - поддерживал убеждение Генриэты Исааковны, возмущенно потрясывая костылем и учащенно нервно помаргивая слезившимся больным глазом, Иван Фомич.

Но несколько дней назад пополз слух, что кто-то видел, сброшенные немецкими самолетами листовки со зловещим содержанием:

"Бей жида политрука,
Рожа просит кирпича"!

Вот и засомневалась Генриэта Исааковна в своих убеждениях. Страх и печаль засквозили в ее иссинячерных, несмотря на старость, все еще красивых глазах. Белое лицо оделось нездоровой серой пеленой.

- Что теперь будет, Ларочка, а? - тихо спросила Генриэта Исааковна, заглядывая в глаза Лары с надеждой, ища утешительных слов. Лара покрыла ее теплой шалью, опустила свои длинные ресницы, искала утешительные слова и не находила.

- Не знаю, Генриэта Исааковна, не знаю, дорогая. Я сама и радуюсь и боюсь, ведь папа хотя и ведь не комиссар и не политрук, но партиец, вы знаете, - Лара бросила печальный, растерянный взгляд, неопределенно

пожала плечами.

- Ха, партиец! А мне, што тогда сказать, старому партизану то? Партийный то стаж поболе у меня нежели у твою папашу. Зря пужаешь нас, Лариса, бояца то нечего! - отозвался Иван Фомич и учащенно замигал больным глазом.

И вдруг, в этот момент, страшный по силе залп сразу же доброго десятка орудий шархнул со стоявших в порту советских судов. Сильно содрогнулись стекла. Иван Фомич первый упал на пол и с невероятной быстротой, схватив с дивана подушку, засунул под нее голову. За первый залпом последовали второй и третий подряд. Вера Григорьевна как раз из кухни несла горячий чай для Генриэты Исаковны, споткнувшись о порог, она упала навзнич, сильно ушибла голову. Стекла разбитого стакана разлетелись вдребезги. Несколько минут, припав к полу, все молчали лежа, не шевелясь. У всех создалось впечатление, что уйма снарядов врезались в их дом, а выстрелы выбухнули прямо под самым окном.

- С порта, с бортового быт наши по немцу, не пужайтесь, женщины, - первый нашелся Степан Терентьевич. Он даже, встав, выглянул в окно, но сразу же отшатнулся, сделав отчаянный прыжок к дивану. Зашатавшись, потяряв равновесие, свалился на пол, махнув пустым рукавом кителя. За окном рычали моторы большой группы чекистов.

- Асмадеи! Бабайкой бы их по рогам, - зло прохрипел Степан Терентьевич, поднимаясь с пола и почесывая ушибленный остаток руки, оторванной в революцию 1918 года.

Однажды, в молодости, выпавшею непогодой, его товарищ, с трудом пригребая к бе-

регу на углу каюке, нечаянно сильно ударил его по голове, выскочившим из уключины веслом. С тех пор Степан Терентьевич и стал вменять в свою речь весьма неприятное пожелание к "асмадеям", (чертям), как он клеймил чекистов, у которых, как он шутя заверял, растут, хотя и невидимые, на голове рога. Сконфуженный проявленной трусостью перед чекистами, Степан Терентьевич, чтобы замять свой испуг сразу же набросился с укором на Ивана Фомича,

- Да ты чиво это в укрытие забрался, Фомич? Аль подушкой амбразур орудий заткнуть задумал, што ль? Вымай из-под подушки голову и не пужай понапрасну женский пол, матрос-партизан!

- Да как тут не укрыца, вроде в самый дом угодили, сукины сыны, - оправдывался Иван Фомич.

У него судорогой сводило правую щеку и учащенно подмигивал больной правый глаз. Лишь усохшая правая нога, как всегда, оставалась безучастной в волнениях калеки старого матроса - партизана.

- Не иначе, как из дальнобойных смалют, сукины сыны! - Иван Фомич опять ругнул артиллеристов и учащенно стал подмигивать больным глазом.

- Зря ты ругаешь, Фомич, наших артиллеристов! Хвалить, стало быть, за умение владеть оружием надо, - запротестовал Степан Терентьевич и, помолчав, подумав, добавил: - да, оно, конечно, коли б артиллеристы наши не только в немца, а вона в этих чертей, в асмадеев метили бы, вот тогда бы был полный толк! - Степан Терентьевич кивнул в сторону окна, а потом в раздумии, почесывая обрубок

искалеченной руки, сказал: - робята наши по немцу бьют, а немец ишо под вопросом... может быть прицел правильно берут наши робята... кто его, немца то знает, а?

Никто ничего не ответил на размышления Степана Терентьевича и он, помолчав, продолжил свое замечание Ивану Фомичу.

- Дальнобойные тучочки непричем, тут то рукой подать. Аль не слышишь, как пулеметы немецкие с русскими переговариваются?

- Слышу, не иначе, как у окраин города бьютца, - отозвался Иван Фомич.

- То-то же. Не сегодня, завтра, ждуть нам гостей, - согласился Степан Терентьевич.

Перепуганные орудийными залпами, женщины постепенно пришли в себя, поднялись с пола и опять прильнули к окнам. С чувством радости, смешанной со страхом перед неизвестностью, смотрели, как в панике улепетывают из города надменные и безжалостные к людским слезам, местные властители их города. Вера Григорьевна и Лара принесли из кухни чайник и стаканы. Старуха Горшкова разливала чай, приговаривала:

- Пейте, пейте чаек, родимые, на радостях, а немца не пужайтесь, партейцы - партизаны наши, - она укоризненно глянула на мужа, - немцы то ить тоже люди и власть советская не от них, стало быть, к нам забралася.

- Стало быть ты, Ульяновна, не знаешь, што гутаришь. Как раз от немца и заявила она к нам в Первую мировую. С самого Берлина в запломбированном вагоне к нам прикатила, проклятуца! Лысого Ленина немцы к нам в Россию, стало быть, под большим секретом спровадили. С целью, стало быть, революцию

эту самую устраивать, чтобы, это значить, наступление на него, немца, наших войск ослабить, чтобы в русской армии и народе смуту сделать. Немец - он хитер!

- Стало быть, и ты, Терентич, не больше меня знал, коль за этого лысого Ленина воевать взялся. Я в гастрономии этой не дуже разбираюсь, да вот двадцать пять лет на своей шкуре попробывала, што она нам принесла, - парировала Степана Терентьевича его жена.

- И опять же ты полное незнание дела проявляешь, Ульяновна, - не унимался муж, - не гастрономией такие фокусы-мокусы называются, а политикой. А политика советская, красная, это самая, што ни есть на свете этом грешном, наипоследняя блудница, а блудники красные, они - ой-ей, какие лукавые! Стало быть, знают, как честных людей с панталыку сбивать. В партизанах красных не один я был, и за лысого этого чорта Ленина, миллионы людей воевать взялись, да вот, слава Богу, настало, стало быть, время при помощи тех же немцев распрощаца, стало быть, с партией лысого чорта, бабайкой бы ее по рогам!

Степан Терентьевич со злобой потряс в воздухе пустым рукавом истрепанного морского кителя.

- Бросьте браниться, супруги честные! Ни к чему это сейчас, - вмешался в спор супругов Иван Фомич и учащенно стал подмигивать большим глазом.

- Ларушка, сходи ко мне, пожалуйста, принеси к чаю банку с вареньем, на полочке у кровати Абрама Моисеевича, смотри, для него берегла, да не вернулся он и по сей день после ареста. Сходи, голубушка, у меня

ноги дрожат и просто встать не могу, боюсь, что свалюсь.

Генриэта Исааковна скорбно улыбнулась, нежно пригладила дрожащей рукой черные, отливающие глянец, локоны Лары. Лара метнулась и банка с абрикосовым вареньем загуляла по рукам.

Пили чай с вареньем со вкусом, прихваливали. Иван Фомич, неимоверно громко чавкая, облизывая буро-черные прокопченные пальцы, за каждым глотком совал в рот огромную самокрутку из газетной бумаги "Правда", жадно затягивался, поглядывая на Генриэту Исааковну, сказал:

- Оно вишь, Исааковна, ежели што к делу применишь, завсегда польза получица. Как разделили мы, это значить, абрикоски с дерева нашего дворовово - опчиво, вы, это значить, варенье, - оно какое из этой хрукты чудесное сварили. А моя благоверная супруга, не то штобы, это значить, к делу добро применить, варенье сварить, сушить абрикосы на крышу под солнышко уложила, а птицы, это значить, начали и прикончили пайку нашу.

Иван Фомич бросил на жену сердитый взгляд.

- Помолчал бы ты, Фомич, - посоветовала жена.

Грянувший опять залп, а затем еще несколько подряд, остановили начавшуюся перебранку между другими супругами. Иван Фомич опять потянулся к подушке, да Степан Терентьевич остановил его.

- Ты што это, Фомич, никак в укрытие опять забраца хочешь, пустое дело. Подвинти свои гайки покруче, старый матрос - партизан, дисциплина у тебя воинская, вижу, вко-

нец расшаталась, а еще партиец с восемнадцатого, срам один!

Иван Фомич, как бы не замечая насмешки, в испуге пару раз сыпанул пепел с самокрутки себе в стакан с чаем, пододвинул стул к Генриэте Исааковне, глотнул чаю и хотел было что-то сказать, да разразился сильным кашлем, крутил гловой, утирал рот рукавом изношенного, так же, как и Степан Терентьевича, морского кителя.

- Я опять к тому же хочу сказать, Исааковна, - откашлявшись, заговорил Иван Фомич, - вы вот нас вареньем угощаете туточки, а там, гляди, ктось из добрых людей Абраму Моисеевичу нашему кусок хлеба подать!

- Ой ли, Иван Фомич, через колючую проволоку решится ли кто руку подать? Люди и смотреть боятся на заведения такие.

- Оно то так, Исааковна, заведения энти с проволокой колючей партией и правительством сооружены, во вред страшный государству, стало быть, обернулись. Вона каких нужных людей за проволоку посадили, к примеру, скажем: Абрам Моисеевич, инженер первоклассный, можно сказать, очень даже нужен государству, а его за проволоку. Ну, к чему такие дела вредные партия и правительство своему государству устраивает? Есть на свете ишо што подобное? Срам один!

- А ты што, рази не партия, Фомич? А?

- Я то?

- Да, ты то, старый матрос-партизан!

- Да я то, как и ты зараз, Терентич, последняя што ни есть спица в этом чертовой колиснице партийной, да и то ни к чемушня теперича стала. Дело другое в восемнадцатом было. А теперича обузой ненужной мы, парти-

заны старые, стало быть, для вождей сегодняшних обернулись, да так нам и надо! Но вот тут то мы и команду подадим: "стопорить и полный назад"!

- Бачилы очи, що купувалы, ижтэ, хоч повылазтэ - как это хохлы наши говорят, - усмехнулся Степан Терентьевич, - так нам и надо! Ты прав, Иван Фомич, заслепило нам, стало быть, в восемнадцатом!

- Да вот в том то и дело, Терентич, што не видали глаза наши, што покупали. Мы вроде котят слепых, стало быть, были, каких кошка на свет приводит. А когда глаза у нас открылись и увидали, што купили, так туточки уж якорь брошен был, и на лебетках всех надежные замки асмодеи успели повесить. Попробуй, вытяни якорь без лебетки то, а якорь, воно какой, злодеи бросили. Так-то, старый матрос-партизан!

Степан Терентьевич и Иван Фомич долго рассуждая, также прибежали к шуткам, как бы старались подбодрить себя, да и других тоже. Но ни у кого их шутки не вызывали ни веселых улыбок, ни горьких. Все, напрягая слух, прислушивались к приближавшемуся кипящему бою на подступах к городу, гулу мотоциклов с чекистами за окном дома, да ожидали каждую секунду, удрученно, действующих очередных, страшных по силе оружейных залпов...

Скрипнув дверью, просунув голову, вдова боцмана Федорова, пучеглазая "Устя-Брехня", ставшая после смерти мужа еще более отчаянной сплетницей и лгуньей, усиленно выпячивая глаза и, как всегда "по секрету", зашептала:

- Немец прет! Страшная махина, увесь город чисто заполонили, яблоку негде упасть!

Спрятав голову, хлопнув дверью, чуть было не зацепив по носу Ивана Фомича, Устя-Брехня метнулась дальше с "последними известиями"...

- Брешет, шалава, - возмутился Иван Фомич, - немцем ишо в городе и не пахнет, за городом бьюца. А вот глянь ка, Терентич, - Иван Фомич указал глазами на окно.

Из-за угла вывернула большая группа чекистов на угрожающе рычащих мотоциклах.

- Во оно ишо кем воняет, а она, стерва, брыхливая, немцами пужает нас.

- Гляди, Фомич, оно б кабы и немец не запах так приятно, што от ева запаха на блювотину потянет нас! А?

Иван Фомич стал учащенно подмигивать больным глазом и отчаянно отрицательно замотал головой, трясаясь кашлем, задыхаясь ловил воздух, по-рыбьи широко открывая рот.

- Не может быть! - Наконец выпалил он.

- Подавай Бог. Я не супротив немца, - соглашаючи проговорил Степан Терентьевич и, помолчав в раздумии, добавил: - коммунизм, он ведь и немцу не поддуше придется - так царапнет усех, што аж тошно станет всему свету, коль зараз ево начисто не изничтожить. А теперича, как раз в аккурат, што ни есть, наилучший пришел момент! - заключил свои размышления Степан Терентьевич.

Поздно ночью разошлись соседи Рудоковых по своим куткам, лишь Генриэта Исааковна осталась. Сидела поджав ноги тесно прижавшись к спинке дивана, по-прежнему вздрагивая при очередных оружейных залпах. Лара вставала, прикладывала бутылку с горячей водой к стывшим ногам Генриэты Исааковны, компресс к вспухшему ушибленному месту на голове ма-

тери, выглянув в окно, опять забиралась с ногами на диван. Вера Григорьевна думала о муже, о сыне, со страхом представляя, какой должен быть ужас творится в боях на море. В последнем письме Иван Алексеевич сообщал, что эсминец его немцы немного повредили, что враг силен, идут горячие бои, но тут же подбадривал: "Черноморский флот выстоит против любых сил врага... Произведен в чин капитана 1-го ранга... Назначен командиром крейсера". Марк ограничился в письме краткими, наспех написанными фразами: "Был в Москве у Светланки... Отбываю срочно в действующий Балтийский флот... Произведен в лейтенанты". Вера Григорьевна тяжело вздохнула, стала кутать одеялом ставшие зябнуть под утро ноги. Вспомнив, что Лара была в Синявке, спросила дочь:

- Ларушка, а что дед говорит?

- Да ничего, посмотрел на меня из-под очков и опять взялся за чтение Евангелия. Я же тебе уже рассказывала.

- Я спрашиваю, что он о войне говорит?

- Ничего. Я его поцеловала и спрашиваю, как ты, деда, чувствуешь себя, что в хуторе нового? А он только буркнул что-то и опять стал читать. Тетя Маруся жаловалась, что Алик совсем перестал писать, а Маша, как всегда в неладах со всеми, из-за Дмитрия. Надувшись ходит, грубит матери, да и с другими себя не лучше ведет, ведь ей вся Синявка замужеству с комиссаром перечила. Да, забыла я тебе сказать, мамочка, - спохватилась Лара, - я у Писаревых дядю Андрюшу встретила.

- Да ну?

- Да, веселый такой и вроде помолодел

с виду. "Здравствуй", говорит, "учительница! Как там мой крестник и кумушка поживают"? Распросил все, а потом проводил меня до ворот и строго сказал: "Смотри, Ларушка, ты меня видеть не видела и слова ни одного от меня не слышала, ясно"? Ни минула я еще и одной улочки, как бабка Хоритонова, заметив меня, как молодая, просто бегом ко мне подскочила и, конечно, "под строгим секретом" зашептала: "Куманек ваш заявился в Синявку, казаки не нарадуются, скажи мамане, Ларка". Только я отошла от бабки Хоритонихи, как дед Афанасий, сияющий как именинник, навстречу мне с той же новостью: "Андрей Тимофеевич, Ларушка, - говорит, в хутор явился. Как раз к делу поспел атаман наш лихой! Есаул он и кавалер Георгиев всех четырех. Ничего ты не знаешь, Ларка, ступай, да смотри - цыц, ни того", погрозил дед Афанасий мне корявым своим пальцем, дохнул вонючей самогонкой и пошел, приплясывая. Так что можно не сомневаться, наверняка уже вся Синявка "по секрету, по всему свету" новость знает.

- Ой, затевают что-то казаки, да казаков всего горсть, - молвила Вера Григорьевна.

- И этого хватит. Советская власть, когда ей счет представляют, жидка становится. Чекисты - герои только по ночам, с "черным вороном" беззащитных людей хватать! Абрам Моисеевич так вот часто говаривал дома у нас. А теперь мы сами видим, когда идет сильный противник, куда им там, - с уверенностью заговорила Генриэта Исааковна и даже, казалось, оживилась, и опять пришла к своему твердому убеждению, слух, что немцы убивают евреев - гнусная советская ложь!

К утру не стало слышно стрельбы за горо-

дом, лишь изредка, по-прежнему били из порта из бортовых орудий. Когда совсем рассвело, в общей кухне зашевелились жильцы дома, и опять явилось "живое радио" - ОБС, (одна баба сказала). Устя-Брехуня, заглядывая в кухню, забарабанила:

- Прошлой ночью НКВД двести пятьдесят тысяч людей рестоовало энтих, што от акуации позапрятались, всех к стенке.

- Брысь отсель! Брехня ходячая, - цыкнул на "радио ОБС" Иван Фомич и захлопнул дверь так, что со стен и потолка штукатурка посыпалась. - Ну-ни, паскуда! Вы только поглядите, люди добрые, двести пятьдесят тысяч! А? Откель в городе столько рабочему люду взяца?

Иван Фомич еще долго поглядывал возмущенно на собравшихся в кухню соседей, вприпрыжку мотался по кухне, грозил костылем вслед умчавшемуся "ОБС", отчаянно подмигивал больным глазом...

- Сбегай, Ларушка, к Яблоновским, узнай, что у них слышно.

Лара перебежала через дорогу к дому, где жил капитан Яблоновский.

- Ничего не знаю, Ларушка, ничего. Петр Григорьевич увел судно еще на прошлой неделе, а от Аркашки, ни звука. Где то воюют наши моряки, - провожая Лару, с грустью проговорила жена капитана Яблоновского.

И в этот момент раздались со всех сторон громкие выкрики, в которых звучала явная радость: - немцы, немцы!

По улицам города, стуча гусеницами, ползли многочисленные немецкие танки. Засучив по локти рукава, улыбаясь высыпавшим на улицы жителям, шли высоченные, хорошо сложен-

ные и красивые молодые немецкие солдаты. Первая СС-овская имени Адольфа Гитлера немецкая дивизия заняла город. За ней следом вошли части немецкого Вермахта. Первые же танки, въехавшие на Воронцовский бульвар, открыв беглый огонь, потопили неуспевшие уйти в море советские суда. Одно судно врезалось прямо в "Черепашу", что спасло от неминуемой смерти, находившихся на борту его людей. По всему городу большими толпами жители, особенно рабочий люд, с великой радостью, традиционным русским обычаем - хлебом-солью, с цветами встречали входившие в город немецкие войска, пребывая в полной уверенности, что немцы пришли в Россию уничтожить мировое зло, нависшие над всем человечеством - коммунизм. Можно было видеть, как на танках, свесив ноги, приветливо улыбаясь, сидели немецкие солдаты. Многие, угощая, протягивали окружающим их танки жителям города загадочно-ароматно пахнувшие, невиданные никогда раньше сигареты. Люди брали из рук немцев сигареты, закуривали и с явным восторгом рассматривали добротное и красивое обмундирование немецких солдат и офицеров, тут же с острой печалью сравнивая с отцами, братьями, сынами и внуками, обмундированными в блеклую советскую форму.

Не прошло и двух часов, как под руку с немецкими солдатами, зашагали по Ленинской улицы русские девушки. Шло также множество молодых русских парней и людей разного возраста. Многие из молодежи довольно хорошо говорили по-немецки. Повсюду были видны приветливые улыбки, слышен дружелюбный веселый разговор и веселый смех.

К великому удивлению немцев, русские

выглядели совсем не так, как описывала официальная печать - "унтерменшами", (подчеловеками), а наоборот зачастую даже лучше, чем сами многие немцы. Молодежь, хотя и крайне бедно одета, но достаточно всесторонне образована, красива и к тому же говорит на их, арийцев, (сверхчеловеков), языке - чудо!

Веселился весь город... Был осенний солнечный день, стоял ноябрь 1941 года.

Заняв Таганрог, немецкие войска, развивая наступление на всем южном участке фронта, стремительно продвигались к Харькову, Донбассу. На правом крыле этого участка, немецкие передовые части, выбив части Красной армии из станицы Бесергеновской, приостанавливая наступление, устремились к станице Приморской и хутору Синявскому, стремясь с ходу овладеть Ростовом.

X X X

VIII

Андрей ползком пробирался через густые заросли, останавливался, прислушивался к звукам, долетавшим с дороги. Гудели проезжавшие, поспешно отступающие советские автоколонны, рысью проходили небольшие группы конников. "Отступают... Спешат... Видно сильно поднажали германцы... Вот так... Так", - думал Андрей, - Здорово, те самые германцы, которые пропустили запломбированный вагон с Лениным, те самые германцы, с которыми большевики в 1918 году якшались, посылая им вагоны с хлебом, салом, золотом, просили у них, германцев, помощи и защиты

от украинских сепаратистов! Те самые германцы, которым Ленин предлагал союз против белой армии! А сколько Сталин посылал русского добра Гитлеру? Ну так пускай же германцы и бьют большевиков! "Вашим салом, по вашей же шкуре"! - Андрей улыбнулся пришедшей в голову поговорке... Да, и разве можно не воспользоваться случаем при помощи тех же германцев уничтожить коммунизм! "Нет, нет, ни в коем случае"! - думал Андрей... "А вдруг германцы захватят Россию и не уйдут"? - мелькнула у него мысль. "Вытряхнула Россия татар, вытряхнула французов с их непобедимым Наполеоном, вытряхнет и германцев. В первую очередь нужно освободить Россию от впившегося в ее тело смертельного рака! Это прежде всего"! - решил Андрей и уверенно кивнул головой поплз дальше... Мозг его ясно и четко работал. Чувствовал прилив душевных и физических сил, хотя и пришлось ему хлебнуть через край мук и страданий: аресты, побои, побег... скрываться, скитаться вдалеке от родного Дона и вот, наконец, пришел час, когда он может и должен отдать все свои оставшиеся силы борьбе за свободу России. Наконец, он опять на родном казацком Дону, опознанный старыми уцелевшими казаками, сумел, несмотря на всю большевистскую "бдительность", подготовить казаков на восстание еще до прихода немцев. Он был твердо уверен, что задуманный им план восстания удастся, что казаки не подведут!

Вдали виднелось белое пятнышко, вырисовывающееся в ночной темноте. Это была старая покосившаяся хатенка, прилепившаяся у крутого обрыва к Дону, словно ласточкино гнездышко. Бесшумно подобравшись к хатенке,

Андрей легонько стукнул три раза в запотевшее, касавшееся одним углом земли, окошко. Слегка скрипнула дверь...

- Это ты, Тимофеич? - приглушенно прохрипел голос старого Рудакова.

- Я.

За проскользнувшим в хатенку пришельцем, осторожно, опять слегка скрипнув, закрылась дверь. На улице ни зги, темная, пасмурная, осенняя, беззвездная ночь.

- Ну, что, как у вас тут?

- Все в порядке! Вас ждали, Андрей Тимофеевич!

- Хорошо. Вот что: казаки уже все на своих местах. Бабы и дети тоже заняли свои позиции. Нам нужно спешить. Сухоткин может успеть проскочить. С ним человек пятнадцать его личной охраной - чекистов, да несколько местных, все вооружены автоматами, есть несколько ручных пулеметов. Все это оружие должно быть сегодня в наших руках. Сухоткина взять живым! Ясно?

- Так точно! - приглушенно ответили из темноты голоса казаков.

- Где тросс?

- Вот он.

- Берите, марш за мной!

Гуськом по одному, казаки выползли из хатенки, вооруженными топорами, вилами, матыгами, бесшумно последовали за Колосовым. Хозяин хатенки, крежистый старый казак, Мирон Нечаев сжимал в жилистых руках железный лом. За Синявкой, по обе стороны дороги, ведущей на Ростов, замерла скрытая в кустах, казачья засада. Стальной тросс, переброшенный через дорогу, искусно скрытый притрушенной пылью, держали в руках самые здоровые и сильные ка-

заки... Светя фарами, изредка проезжали одиночные армейские грузовые автомашины, проскочило несколько конников.

Казачья засада не издавала ни звука, терпеливо ждала сигнала. Наконец, издали долетел едва слышный голос "кукушки" и с нарастающим звуком стал приближаться все ближе и ближе, и, наконец, совсем близко и ясно раздалось, ку-ку! И сразу же стал слышен гул моторов, - шла колонна мотоциклов с чекистами.

Покачиваясь, в прицепной коляске переднего, тучный, выглядевший откормленным боровом, сидел начальник ростовского НКВД, полковник Сухоткин, прибывший лично своей важной персоной в прифронтовую полосу. Сухоткин был крайне перепуган и обозлен событием, происшедшим в Таганроге, - несколько десятков тысяч рабочих-специалистов, работавших на заводах, выпускающих военную продукцию, забронированных от мобилизации в армию, при подходе к Таганрогу немцев, игнорируя его приказ, немедленно эвакуироваться в тыл, скрылись от властей, прячась кто где. Высланный Сухоткиным карательный отряд чекистов с заданием произвести поголовные аресты "дезертиров изменников", не успел ничего сделать, был неожиданно отрезан подоспевшими немецкими частями. Такая страшная неудача бесила Сухоткина и предвещала большие неприятности с вышестоящим начальством НКВД.

С нарастающей быстротой приближался гул моторов, быстро мчались мотоциклы... Резкий рывок, взметнувшийся стальной трос сорвал передних седоков и опрокинул их мотоциклы. Натыкаясь и опрокидываясь в кучу,

сбилась вся колонна чекистов... Глухие удары топоров, матыг, лопат... Несколько вскриков и снова тишина... Успевшего отскочить в сторону чекиста и припавшего, было на колени с автоматом, железный лом Мирона Нечаева вбил в землю, не дав чекисту издать ни звука. В несколько минут все было кончено. Побитых чекистов и мотоциклы быстро убрали с дороги и скрыли в кустах. Со связанными руками и заткнутым бабьим платком ртом, полковник НКВД Сухоткин лежал в темноте у дороги.

Быстро переодевшись в форму, снятую с чекистов, казаки поспешили к зданию местной милиции. Подавая сигналы, их уже ждала, успевшая справиться с местной милицией, другая группа казаков. Теперь Колосов, оставив в тылу небольшой заслон, приказал сделать засаду у въезда в Синявку со стороны фронта; отступающие советские автоколонны, не трогать, пропускать.

- Кони нам нужны, станичники. Не гоже нам зараз ихняя танки и машины. Быть может в степь, в плавни придется нам уйти, - пояснил Колосов.

Поспешно, теснимые немцами, отступающие в беспорядке, советские отряды конников, останавливались у въезда в хутор "полковником НКВД" и вооруженными автоматами "чекистами". Перепуганные советские солдаты и командиры, послушно подчинялись, бесцеремонно повелительно спешивающим их и отбирающим у них оружие "чекистам".

На рассвете Колосов объехал, выстроенных в конном строю пятьдесят казаков пристариков, стариков, десять инвалидов среднего возраста (здоровых казаков среднего возра-

ста не было, все были мобилизованы в Красную армию), и семьдесят пять человек, казаков - малолеток от двенадцати и старше, вооруженных карабинами, автоматами и красноармейскими клинками, стоявших в полном образцовом воинском порядке. Построены рядом, в пешем строю глубокие старики, бабы-казачки, старухи и совсем молодые девчушки и мальчуганы, вооруженные частично карабинами, а больше косами, лопатами, мотыгами, вилами и, наконец, дети всех возрастов, вооруженные только палками, напоминали картину борьбы казаков в годы образования казачества и их борьбы со степными хищниками еще до 1959 года, когда разрозненные казачьи ватаги, объединились в одно Войско и осели на землю...

Казалось история повторяется!

Колосов приказал вернуть форму всем взятым в плен красноармейцам и их командирам и построить их. Полковника Сухоткина, одетого опять в его форму, приказал поставить у всех на виду.

- Дорогие братья, я думаю, мне нет необходимости объяснять вам, что произошло в прошлую ночь, - обращаясь к пленным, сказал Колосов. - Все вы дети закабаленных, измученных родителей советской преступной властью. Все вы знаете не хуже нас, казаков, на чем построена советская власть. Вы знаете все ее преступления. Объяснять мне вам ничего не нужно. Я вас всех с вашими командирами отпускаю. Вы можете, если желаете, вернуться в Красную армию.

Ряды пленных заволновались, послышались недогудящие возгласы:

- Зачем нам возвращаться. Не нужна нам советская власть! Не пойдем мы к Сталину!

Колосов молчал, что-то размышлял.

- Разрешите, Андрей Тимофеевич, слово сказать, - обратился к нему дед Алексей Рудаков.

- Говорите.

Старый боцман, справив свой морской бушлат, тронул коня, выехал вперед и стал рядом с Колосовым. Трофейный карий строевик послушно повиновался опытному седаку, лишь изредка косо поглядывая на нового хозяина. Рудаков опустил голову, окинул взглядом смотревших на него повстанцев и пленных красноармейцев.

- Дорогие хуторяне, думается мне, что пришла мне мысль добрая в мою седую голову, - начал он речь своим хриплым морским голосом, обращаясь к казакам, - а мысль эта не моя, а наших мудрых казачьих предков. Эта мысль всегда была любя им. Вот она, - всех пленных нежелающих идти обратно к красным, не принуждать к этому, а желающих принять зараз же в казаки и зачислить в нашу сотню! В этом залог нашей победы! Вот это и весь мой сказ, - закончил он, окинув всех бодрым взглядом и улыбнувшись, лихо взмахнул плетью.

- Ай да, молодец, Гаврилыч! Ай да, умница, морской волк! Любо! Любо, Андрей Тимофеевич! - раздались другие восторженные голоса казаков.

Колосов, когда утихли возбужденные голоса и все взгляды, выжидаючи, обратились на него, протянул руку Рудакову и громко сказал:

- Вижу я, Алексей Гаврилович, не оскуднел Дон головами умными. Правильно и любо твое предложение! - Пожав руку Рудакову, он еще громче сказал: - Эти мои слова относятся и ко всем вам, хуторяне! Рад я, что вижу

и слышу, казаки остались казаками после всех "перевоспитаний" советской властью! Честь вам всем и слава вечная, дети Тихого Дона! - Обращаясь к пленным, Колосов сказал:

- А вот вы, братья, кому любо наше казачье решение, прошу встать в ряды казаков.

Пленные рывком бросились к казачьему строю. Поспешно потеснившись "старые" казаки, мгновенно слились с "новыми" казаками в один образцово построенный воинский строй.

- Сорвите с головных уборов, хуторяне, сатанинские знаки! - обращаясь к "новым" казакам, сказал Колосов.

"Новые" со смехом, стараясь подальше бросить, бросали сорванные красные звезды. Колосов приказал казакам - малолеткам передать карабины и автоматы новому пополнению. Окинув, с нескрываемой радостью, своих войнов, Колосов глянул на Сухоткина, стоявшего с багровым, налитым кровью, лицом.

- Ну-ка, братья, подымите руки, кто из вас члены компартии? - обращаясь ко всем спросил Колосов.

Более трети "новых" и несколько "старых" казаков подняли руки.

- Опустите руки, братья. Поднимите руки, кто из вас политрук или комиссар? - еще попросил Колосов.

Двое "новых" подняли руки.

- Опустите, братья, руки... Ну, что, полковник Сухоткин, превоспитала советская власть русских людей на свой лад? А? Что скажешь, полковник?

- Изменники! Предатели! Я вас всех перевешаю, я вас всех перестреляю! - багровея и задыхаясь от злобы, захрипел Сухоткин.

Подскочившая к нему казачка с искажен-

ным лицом, со страшным гневом и ненавистью, прищуриив впалые глаза, процедила:

- Перевешаешь, говоришь, перестреляешь, гад! Это ты расстрелял моего мужа! Это ты умертвил детей моих голодом! Ты... Ты... Кровопиец поганый!

- Я! Опять я вас всех буду вешать! - с налитыми кровью глазами, хрипел Сухоткин.

- Нет, не будешь, поганец, больше вешать, не будешь больше стрелять нас, - приближаясь к Сухоткину, цедила казачка.

Она за спиной держала топор. Поняв намерение казачки, казаки бросились и перехватили уже на лету, не успевший обрушиться на голову Сухоткина, топор. Упавшая на землю казачка, билась в истерике, хватая широко открытым ртом воздух, она, задыхаясь, пыталась что-то кричать и не могла. Ее подняли и отнесли в курень.

- Успокойся, Христофоровна, оттяпать голову мы этому злодею успеем, а зараз его еще нужно за язык потянуть, успокойся! Испей водицы, - держа кружку у рта, успокаивали ее казаки.

Но казачка в бессознании крутила головой, выкрикивала что-то несвязное, страшное. Ужасный фильм крутился в ее голове: захват красными Верхнедонского округа и затем восстание казаков в родной станице, налет на станицу красных карательных отрядов, сраженной пулей чекистов упавший муж, взрывы, бомбы, стрельба, лай овчарок... Она с двумя детьми бежит, бежит, бежит... Вдалеке от дома умирают от голода дети, слезы, слезы, несказуемое словами материнское горе, страдания. Как в тумане скитание вдалеке от дома еще долгие годы... Вернулась на покорен-

ный казацкий Дон, поселилась в хуторе Синявском. Вернулись, подобные ей, уцелевшие другие... Работала с опущенной головой, с сухими выплуканными глазами в рыбколхозе. От второго мужа, родила двух детей... Муж ушел по мобилизации в Красную армию... Дети стояли у кровати, маманя, маманя! В отчаянии старалась удержать материнскую голову, вкрикивала малолетняя дочка. Сын опустив голову, исподлобья смотрел на мать. Он знал, что казак не смеет плакать, что стыдно казаку плакать, его детские рученки были зло сжаты в кулачки, нет, он не склонит свою голову перед врагом! В его душе заложено семя свободы, в нем течет нержавеющей казачья кровь, он должен всегда бороться против врагов Бога и всего человечества, так учил его отец. Так учили деды и прадеды - вольнолюбцы, сыны донских степей, своих детей...

Со стороны развалившегося советского фронта, заплыли по дорогам немецкие танки. Вышедшему из авто, престарелому немецкому полковнику, Колосов доложил, по положенному воинскому этикету, подчеркнув, что казаки - повстанцы желают быть союзниками Германии против большевистской коммунистической власти. Приложив руку к козырьку, сопровождаемый несколькими своими офицерами, полковник с явным удивлением и восхищением, обошел ряды повстанцев. Он хорошо помнил, что в Первую Мировую войну был приказ не брать казаков в плен, слишком много поражений они тогда нанесли германским войскам. Перед ним стояло воинственное вольнолюбивое племя - потомки Ермака, Чепиги, Платова. Через переводчика, он поблагодарил за преподнесенные казаками "хлеб и соль" и пожелал дальнейших

успехов казакам в общей с немцами борьбе, против коммунистов.

Сухоткин тут же был передан в распоряжение немецкого командования. На другой день повстанческая казачья сотня, под командованием есаула Колосова, вошла в оперативное подчинение 4-го немецкого велосипедного полка и зачислена на все виды довольства.

Х Х Х

IX

Костя-Грек только на третий день после того, как немцы заняли Таганрог узнал, что все его друзья, растерявшиеся во время бегом отступающего Особого Отдельного Строительного батальона, благополучно добрались домой. Саркисян и другие друзья из военных, попав в плен, тоже пришли домой. Утром к нему явился Ванька-Серб и Женечка-Носик.

- Здорово, "боец Особого", - приветствовал Костю Иван Сербов.

Женя Попондополос, почесывая свой огромный с горбинкой греческий нос, расплываясь довольной улыбкой, поглядывая с хитрецей на друзей, сказал:

- Нам, ребятки, на радостях полагается "по кале дать"! (кала - по-гречески - хорошо).

- А где ты эту "калу" сейчас добудешь? - усумнился Костя, - где?

- Да ты, что это зевак вчера ловил, что ли. - удивился Носик. - Вчера народец наш, как только советская власть стала ходу давать, так взялся "государственное имущество" потрошить, что только перья летели и дым

столбом стоял. В складах и магазинах, я думаю, и мышам на завтрак ничего не осталось на сегодня. Мы с Абрамом ящик московской утянули из универмага и с десятков ящиков всякой жрачки, ешь - не хочу, - заверил Носик, - Пошли к Абрашке. У него в погребе от "партии и правительства", а теперь и от немцев все это добро скрывается. Немцы у всех складов уже везде своих "лягавых", (лягавый - милиционер - блатное выражение), поставили. Кто вчера прозевал, тому сегодня кукиш под нос, пошли!

По дороге к Абраму Гасс, встретился Саркисян - Иванос-Длиннонос, Ванька-Кацап и Ванька-Лапоть.

- Здорово, братцы! - приветствовал Ванька-Кацап друзей, - вы куда претесь?

- К Абраму, "по кале дать".

- А есть что?

- Крой с нами, увидишь.

Мать Абрама, увидев целую толпу друзей сына, догадавшись в чем дело, усмехнувшись с иронией, спросила:

- Вы, что это, ребятки, случайно не на Всесоюзный ли съезд комсомола ехать такой гурьбой собрались?

- Никак нет, мы туда своих делегатов, самых отъявленных бездельников выделили, а сами к Абраму по... по серьезным, м-гу, делам прибыли, Софа Ароновна, - ответил за всех, тоже с иронией Ванька-Лапоть.

- Да, уж знаю, по очень даже серьезному делу, ступайте, у себя он там.

Компания направилась через двор во флигелек, куда перебрался жить Абрам и его младший брат Арон, все еще носивший кличку "Румба", за кривые колесом ноги, данную ему ре-

бятками после того, как появилась модная, блатная песня:

"Румба - кривые ноги,
Румба - большой живот,
Румба танцует плохо,
Но хорошо поет!

- Привет, Зениту!

- Привет, футболисту! - приветствовали ребята Арона.

Румба перед войной досрочно был переведен из юношеской футбольной команды, во вторую команду взрослых, спротивного общества "Зенит". Гости посмотрели, подивились, как кривые, колесом ноги Румбы, удивительно ловко жонглируют футбольным мячом и, недождавшись ответа на их приветствия, прошли мимо, молча сосредоточенно продолжавшего свое занятие, заядлого кривоногого футболиста, зашли во флигель.

- А, а, а, га, га, приветствую, ребята!
С важной оказией, вижу, а?

Абрама и Румбы отца, Ефима Моесеевича, гости застали в очень хорошем, приподнятом настроении. Он тут же, во флигеле, в мудро пристроенной мастерской с особо усиленным темпом, кроил, заказанные ему немецкими офицерами, несколько пар сапог.

- Повалили ко мне заказчики с самого раннего утра! И откуда только узнали, что мастер здесь обитает, не знаю, - восхищался и удивлялся, довольно потеряя руки, Ефим Моисеевич.

Шил он многие годы модельную обувь и особенно сапоги, фасона "джими", весьма модные, советским тузам по блату, конечно, чтобы никто не знал и не ведал. А женам "тузов",

Ефим Моисеевич, шил чудотворные, с замысловато-красивыми узорами, изящные туфельки из наилучшего товара, какой только был в стране "мирового социализма и равноправия".

Друзья Ефима Моисеевича, из добрых побуждений, частенько предупреждали его:

- На "черную" работаете, поймаетесь, "десяткой" обеспечены!

- Ерунда, буржуйам все дозволено! - усмехаясь, говаривал мастер обувного дела.

- Вы к Абраму, ребятки? Там он, в своей комнате, книжками своими занимается. Да вы проходите, проходите, ребятки.

Ефим Моисеевич, дружелюбно похлопывая ребяток по плечам, подтолкнул их в комнату своего старшего сына, и опять схватив сапожный нож, принялся кроить и точать сапоги, заявившимся новым "буржуйам" - это он сразу определил, только не мог еще установить, чем "пахнет" господство новых хозяев, сменивших смотававшихся красных хозяев.

- Здорово, инженер! - приветствовал Абрама, протягивая ему руку Женечка-Носик. - Комбайны, сеялки и всякие там веялки скоро будешь строить?

- Наверное тогда, когда ты сталь зачнешь лить! - пожимая руки друзьям, парировал шутку Абрам.

- Сталь, пускай пока что грузин Иосиф Джугашвили сам льет, а мы греки, - Женечка-Носик почесал свой греческий с горбинкой нос, - "по кале" пока что решили дать! А оканчивать институты отложили на неопределенное будущее. Вытаскивай-ка, Абрам, поскорее лучше московскую, отбитую у "партии и правительства".

Выпив, друзья пришли еще в более веселое

настроение.

- Премся, братцы, к девчатам нашим! А? - предложил Ванька-Кацап.

- А здесь ли они? Может тягу дали? - усумнился Длиннонос.

- Все по домам. Я сегодня утром заскочил к Эрике Шварценберг, дома она. Рассказывала мне, что отец ее, как директор завода, должен был с заводом умыться, а мать, говорит, заскочила на минуту домой, да уже в военной форме и шпалы капитанские у нее в петлицах улыбаются - военврач! Мобилизовали и все тут! Эрика хозяйка всего дома их буржуйского, дом то директора завода, ни что там! И еще Эрика рассказала, что все девчата наши дома остались. Только Светланка Владимирова отсутствует, в Москве она, в медицинском институте застряла, а мать ее ходу дала со всем Горкомом партии. Да, вот Честяковы тоже смотались. Любушка-голубушка, ни дна ей, ни покрышки, с мужем своим стариком, смоталась. А Катюшу с матерью, капитан Честяков на борту своего судна за моря и океаны куда-то увез. Вот это и все наши потери, - отрапортовал Костя-Грек.

- Марк Рудаков в Ленинграде застрял, а Алька в Харькове, но это уже мужской пол, - добавил Костя.

- Премся, братцы, к Эрике! - за всех решил Женечка-Носик.

Друзья высыпали на улицу. Абрам прихватил пару бутылок московской - трофейной, как он называл добычу при общем грабеже "государственного имущества".

Только вышли со двора, появились идущие им навстречу Боренька Шапошников и Ванька-Слеп с патефоном подмышкой.

- Куда курс держите, ребятки? - пробасил Слеп, намеренно перебрасывая патефон под другую руку и изображая важный вид на лице, снизу вверх посматривая на друзей.

- К Эрике, - ответил за всех Женечка-Носик.

- Меняйте курс! Она у Дворца пионеров с девочками нас, мг-гу, поджидает.

Слеп опять перебрал патефон под другую руку, хотя на коробке патефона была ручка и патефон этот был вовсе не тот, что у него раньше был.

- Когда же успел договориться? - удивился Иванос-Длиннонос, заморгал бархатными глазами.

- Успели! - важно пробасил Слеп. - Право на борт и полный вперед! - подал он команду и решительно зашагал впереди всей компании.

Проходя мимо городка Водников, Ванька-Серб, поглядывая на окна квартиры Рудаковых, в раздумии сказал:

- Как там наш Марк в Ленинграде, окончили училище?

- Лейтенант! Не шути, брат! - отозвался Абрам.

- Откуда такие известия?

- Наташа сказала, Светлана ей в письме сообщила.

- А-а-а, ба-ба вот и Ларка наша! - радостно воскликнул Женечка-Носик, увидев появившуюся у открытого окна кудрявую голову Лары.

- Привет, ребята! Куда это такой компанией?

- На комсомольское собрание, чистку будем производить! Вот Борис собрания злоумышленно перестал посещать, подлежит исключению!

- Вот как! Ну, тогда и меня заодно, ис-

ключите! Я с тобой, Боренька, а чистки ты не бойся, все партийные чистки теперь в неактуальный акт переименованы. Да, куда это вы, на самом деле, ополчились, ребятки? А? Да еще, вот вижу, с патефоном! Танцульки, что ли затеяли?

- Точно! И ты с нами, пожалуй, педагог, если, конечно, тебе не унижительно быть в компании, м-гу, недоучек, а впрочем, давай, мотай с нами, не пожалеешь! - за всех ответил Женечка-Носик.

Лара, хихикнув, тряхнула смолисто-черными кудрями.

- Мамочка, я иду на танцульки с друзьями Марка, тут вот: - Абрам, Костя Греков и целая компания, - крикнула Лара матери, что-то стряпавшей в общей кухне и стала сбегать вниз по лестнице, стуча о цементные приступки каблучками изящных модельных, бежевого цвета, туфелек.

Подхватив под руки Женечку-Носика и Абрама, стройная, грациозная, как всегда зажигательно веселая и очаровательно красивая, зашагала вногу со всей компанией "недоучек".

- Тю! - в крайнем недоумении, тараща глаза и силясь прочесть, появившуюся странную надпись на патефоне Ваньки-Слепа, произнес Носик, - что за чу-до, - никак новый патефон?

- Новый! Пахан, откуда то, из дальних плаваний, припер! - объяснил Слеп появление у него крайне необычной собственности.

- Из каких же эта штукавина царств-государств происходит? Лариса, глянь-ка, пожалуйста, что накалякано на этой скриньке-самограйке.

- Манчестер, из Англии родом эта штукавина, - установила Лариса.

- Буржуй патефон, - воскликнул Длиннонос.

- Нет, капиталист, - запротестовал Ванька-Капац.

- Одна социальная категория, шлепке подложит, - решил Носик.

- Сейчас нет, союз у нас с капиталистами - буржуями, да и танки и жрачка их нужна нам, - произнес капитан-танкист Длиннонос.

- Пожалуй так, тогда подождем, к стенке их поставим после "игры", - согласился Носик. - Сейчас при помощи капиталисто-буржуев счета сведем с вчерашним нашим союзником комратом Гитлером, а потом, м-гу, начнем разводить тары-бары растабары с капиталистическими, всепожирающими акулами, только, конечно, уже, разумеется, в другой плоскости.

- Чудаки вы, греки, реальности не разумеете в сегодняшней игре, - злобно взвизгнул опять Длиннонос.

- А что, вы, армяне, в реальности сегодняшней видите? - Носик презрительно покривил горбатым носом.

- А то, что союзники наши западные, как и всегда раньше, при Наполеоне, к примеру, за счет миллионов жизней наших ребяток от комрата Гитлера отделаться стараются, вот тебе и танки и жрачка их буржуйская у нас появилась, а то бы дулю под нос приподнесли они нам. Да, плата то, плата какова, за эти подачки? А? Ты, грек соленый, в институте отсиживался, на фронте не был, не видал, что творится там.

Иссися-черные бархатные глаза советского пленного капитана-танкиста армянина Саркисяна загорелись страшным огнем.

- Зря спорите вы, греки и армяне, - вмешался Костя-Грек, - ситуация сегодняшняя диктует нам, прежде всего, отделаться от "отца народов" - комрата Сталина, а все эти капиталисты всякие, так Рокфелеры и комрат Гитлер и прочие враги России есть щенки беззубые, против матерого волка Сталина. Волку первому, следовательно, и голову долой! Так мы - казаки полагаем. А этим западникам? Ерунда одна, да не наш ли донской атаман граф Платов и, конечно, все ребятки наши, этим западникам культурным с виду, да духовно выхолощенным, так прикурить давали, что они едва ноги из России уносили! А? Что касается сегодняшнего союза Сталина с Великобританией, то тут можно наверняка сказать, не будь на свете сем России, слова "Британия, Британия- владычица морей", сейчас бы злой насмешкой казались бы, Наполеон эту Великобританию с костями бы проглотил. А короли всех европейских держав продолжали бы руки целовать корсиканскому чуду, когда он в карты играл! Что скажешь, Длиннонос?

- Точно.

- Можешь не сомневаться! Думаю, что и думать не нужно долго.

- Кое-кому нужно, - заметил Кацап.

- Историю не мешает провести и посетившим нас "гостям", - заблестел бархатными глазами, сказал Саркисьян.

- Думаю, что "гости" эту историю очень даже хорошо знать должны, - заметил Лапоть.

- Что скажешь педагог? - Грек дернул за локоны, молча шагавшую Лару.

- Вне всякого сомнения, - шлепнув по руке Грека, потряхнув кудрями, отозвалась Лара.

- Однако, Британия со своими союзниками

была однажды врагом нашим, и даже попавшие ей пушки наши увезла с собой, как трофеи - это исторический факт, - заметил Грек.

- Заткнитесь вы, политики доморощенные,
- запротестовал Носик, с хитрецей поблески-
вая глазами. - Это при царях было и при бур-
жуев, а теперь при "мудром отце народов",
нужно повыше превозносить и Британию и
Америку, дескать

"Ой вы, буржуйчики родненькие,
капиталистики добренькие,
Мы вас всех акулами кровожадными
обругивали бедненькие.

Это мы от любви нашей пребольшой
к вам разумеется.

Мы вот и товарищу нашему бывшему
дорогому Адольфу Гитлеру
Изо всех сил в любви объяснялися,
а теперь изо всех сил ругаем его.

Это у нас переверташкой этакой
совсем безобидной называется.

Вы уж, буржуйчики сердобольные,
простите нам переверташку нашу,
Подавайте нам поскорее, да побольше
таночек ваших быстроходненьких,
А главное, подавайте побольше свинок,
да телячьей превкусной тушоночки.

А мы вас во век не станем
акулами звать больше!

Поклон вам земной от нашего любимого
комрата, тьфу, лукавый попутал гад,
Вот беда, опять тут переверташка наша
одолела вождя нашего!

Извините, пожалуйста! НЕТ! НЕТ! не от
комрата, а от мистера Сталина

Поклон земной примите,
буржуйчики наши, родненькие!

- Вот что сейчас нужно, неумолкая петь и декламировать, а вы кормильцев дорогих наших критиковать и обругивать взялись, да старые дела вспоминать. Нет у вас, вижу, греческой смекалки, ребятки мои!

Женечка-Носик с деланной озорной гордостью, почесывая свой огромный нос, поглядывал на друзей. Абрам Гасс, присев на корточки, держась за Ларину юбку, багровея от душившего его смеха, силился что-то сказать. Все другие, тоже покатывались со смеху.

- Я же говорил не раз, один соленый грек, трех жидков самых прехитрых стоит! - с трудом, подавив смех, проговорил Абрам.

Но Иванос-Длиннонос, изобразив насмешливо-презрительную гримасу, с пафосом заявил:

- А один арменин, десяти греков! Наш дорогой товарищ Микоян пережил все чистки партии и сам "мудрейший из мудрейших" товарищ Сталин признал - нарком торговли товарищ Микоян, незаменим! Куда там вам, всем грекам, евреям и, особенно, русским до нас - армян, торговцев и дипломатов виртуозов!

- Bravo, Иванос-Длиннонос! Bravo, армяшка наш преумный! - захлопали в ладошки ребятки.

И даже Женечка-Носик, хотя и покрутил неуверенно головой, но все же, соглашаясь, проговорил:

- М-да, пожалуй, армяшка Микоян серьезный соперник нам, грекам.

Протестуя зачеканил словами Борис Шапошников:

- Заткнитесь! Грузин Сталин всех перекрыл, а армяшка Микоян под ногтем у него пребывает и лопнуть в любой момент может, нарком хитрый, как клоп, людской крови насосав-

шись. Прав ты, Костя, сначала от грузина Еськи Джугашвили отделаться нужно, используя помощь его друга товарища Гитлера. Благо, что друзья эти социалисты между собой задрался, ведь от этой драки выгода только их общему врагу - капиталистам. А по сути и не Сталину и не коммунизму друзья капиталисты, а нам, это точно!

- Борька, болван ты наумнейший, дай пять, - кричал, удивленно-восхищенно ворочая глазами Женечка-Носик.

- Не болван ты больше, Борька, а просто пророк объявившийся, - взвизгивая, ворочал бархатными глазами Длиннонос, тотчас же позабыв мудрость армянина наркома Микояна.

Но Борька, блымая глазами, вдруг опасно предостерегаючи добавил:

- Беда будет если хитрый грузин Сталин на самом деле умело в капиталиста перекрасится и нашим друзьям западным демократам так на мозги накапает, что они с курса сойдутся и, рано или поздно, на мель сядут. Вот тогда наступит и им, а вместе с ними и всему свету "каюк", тогда выйграет Сталин - коммунизм, ведь это точно! А?

- Не думаю, что западные демократы, англо-американцы действительно верят вору Сталину, знают они прекрасно с кем дело имеют. Обстоятельства заставляют их каркать по-вороньи до поры, до времени, полагать нужно, - запротестовала Лара и помолчав добавила: - а самое главное, что нужно всему миру понять и хорошо помнить, на чьей стороне наш народ, на той стороне и победа, и никак не иначе!

- Вот это совершенно точно! - громко воскликнул, все время молчавший Ванька-Кацап.

А Ванька-Лапоть молвил только одно слово:

- Точно!

Притихнув, шагали молча почти до самого "Дворца пионеров". Саркисьян шел задумавшись понуриив голову, нечаянно наступил Ларе на пятку.

- Ты, что это, не в ногу шагаешь, товарищ капитан?

- А ты не семени ногами, педогог, штатская вы публика, недисциплинированная! - огрызнулся Длиннонос и опять все зашагали молча.

Как вдруг Ванька-Кацап заорал, что есть силы:

- Ба, ба, ребятки, никак Вовка прется?

- Он самый! - обрадовались все.

- Куда это ты, товарищ лейтенант дальнебойной артиллерии, путь держишь и каким ветром тебя домой занесло? Как немцам попался?

- Длинная история, братцы. Да куда это вы все маршируете?

- Поворачивай назад свои батареи, товарищ лейтенант, и ни гу-гу! Я, хоть, пехота несчастная, да без пехоты города не берут! - приказательно шутливым тоном заговорил лейтенант Иван Кузнецов - Ванька-Кацап, поворачивая друга лицом к "Дворцу пионеров", - смотри, вон там!

- Девчата наши! - округляя удивленно глаза, радостно воскликнул Володя Еремин.

У "Дворца пионеров" стояла большая гурьба девушек, все приветливо машут руками, весело смеются, посылают воздушные поцелуи, радуются, видя живых и здоровых близких друзей, которых могло быть и вовсе никогда не пришлось бы увидеть - ВОЙНА!

Звучат радостные возгласы, приветствия, звучат громкие, дружеские поцелуи, руки сжи-

маются в крепких рукопожатиях.

- Ребята! Право на борт и полный вперед ко мне! - подает команду Эрика Шварценберг.

- Да, что ты, Эрика! Такая орава! Не повернемся мы в твоём зале!

- Куда там!

- Конечно, нет, - усумнились ребятаки.

- Кроём к нам! У нас хотя и хибара, старая завалюха, да зал, сами знаете, амбар! - предложила Ада Люстигман.

- Пожалуй так, да все равно, можно и там и там, поместимся, поместимся, - нерешительно заговорили ребятаки.

- Премся к Аде, комсомол в отставке, ша-а-а-гом марш! - подал команду Ванька-Слеп и перебросив патефон (самый большой козырь) под другую руку, зашагал впереди всех, громкоговорившей "гопкомпани".

В доме Александра Борисовича Люстигман шумно и весело. Его старый приятель Арон Абрамович Рознер читает, сочиненные им анти-советские стихи. Гости аплодируют, дивясь остроте насмешек, адресованных советской власти и персонально самому "отцу народов" Сталину. Хозяин переводит на немецкий язык, стоящим у него на квартире двум немецким эсэсовским офицерам. Александр Борисович в Первую Мировую войну был в плену в Германии и довольно хорошо владел немецким языком, весьма схожим с еврейским. Немцы слушают, покатываются со смеху, хвалят автора стихов.

Ввалившаяся компания молодежи, перебила чтение стихов неожиданно-негаданно выявившегося из неизвестного подполья, поэта...

"Эх, Андрюша, нам ли быть а печали!

Не прячь гармонь, играй на все лады!

Загорланил с сильной хрипотцой заграничный патефон Ваньки-Слепа и сразу же с выкрутасами отчаянно задвигались, зашаркали по полу ноги танцующих пар. К стоящим на квартире у Люстигмана эсэсовским офицерам, пришли еще несколько их друзей. Танцульки стали принимать темп полного разгара.

- Александр! Александр! - стараясь преодолеть общий шум, обращается к хозяину эсэсовец, - что говорит мне вот это прелестное создание? Не понимаю ее я! - спрашивает он, очарованно глядя на Лару.

- Что ты ему говоришь, Лариса?

- Скажите этому медведю, Александр Борисович, что он тянет меня, танцевать не умеет и вот уже два раза наступил на мои туфельки, слон неуклюжий!

- Что она говорит? - опять спрашивает немец.

- Говорит, что вы прекрасно танцуете и, и очень деликатный молодой человек! Она у нас англичанка, немецкий не понимает, - смеется Люстигман.

Немец с большим восхищением посматривает на лицо Лары.

- Я думаю, что англичанки все очень красивы, не правда ли? - немец заискивающе улыбается.

- Что такое? - Лара вопросительно смотрит на Александра Борисовича

- Говорит, что все англичанки, как на подбор, такие красивые, как ты.

- Скажите ему, чтобы он зря не запускался!

На лице Лары строгая гримаса.

- Что она говорит?

У немца любопытно горят глаза, он тянет-

ся в сторону Александра Борисовича, подставляет ухо.

- Говорит, что действительно англичанки все подряд красивы! - кричит на ухо немцу "переводчик"

У немца радостно сияют глаза. Он изо всех сил кивает утвердительно головой. Танцующие рядом Наташа и Абрам, покатываются со смеху.

- Вы что это хохочете? - недоумевает Лара.

- Папаша Ады оказывается прекрасный переводчик, - задыхаясь от хохота, выдавлиывает Абрам.

- Ваша партнерша не англичанка, а русская, она только преподает английский язык - учительница она. А милый хозяин дома, хотя и превосходно говорит по-немецки, но он немного глуховат и всегда все путает, - объясняет Наташа Петрова немцу.

- Was? - Немец удивленно таращит глаза, (что?)

- Кислый квас! - хохочат ребятаки.

Патефон вдруг страшно затрещал и стал делать перебои, а затем совсем умолк. Вдребезги изношенные, с глубокими царапинами, пластинки отказались издавать звуки.

- В чем дело, Слеп? Что стряслось с твоим заграничным патефоном? - заволновались ребятаки.

- Да, ничего особенного, это у него заграничные, демократические повадки выявляются, последнее время, забастовки, мерзавец, начал учинять. Протестует, дескать, слишком много работы задаете мне. Пахан рассказывает, что там, за границей в этих самых капиталических буржуйских странах, рабочие моду

этакую курьезную придумали, требуют больше платы от своих работодателей. а если не то, не выходят на работу и все тут!

- Ну и что же, работодатели эти, буржуи самые, наверное, к стенке этих своих бунтарей должно быть? А?

- Нет. Пахан говорит, что скорее наоборот. Работодатели, говорит, у них там ушами хлопают, недотепы какие то, просто. А органы их государственной безопасности, просто, бездельничают, никому ребра не ломают, никому зубы не выбивают, просто дармоедством занимаются. У нас бы их всех за проволоку, вместе с пятьдесят восьмой, за антипартийные делишки! А вообще, говорит пахан, там у буржуев этих, какой то непонятный шухер происходит, чудеса капиталистические! Чудеса эти, демократией называются. Рабочий класс может даже самого премьер-министра по морде заехать или тухлым яйцом по башке кокнуть, а министр этот должен еще извиняться, кланяться любезно и приговаривать усердно: извините, господа рабочие, меня за неспособность государством управлять, но я, вот вам прибавлю зарплату, пожалуйста, не кричите на меня и не бейте меня тухлыми яйцами. Ну, а рабочие это и говорят: ну, смотри ты у нас, а то, дескать, мы тебя на следующих выборах по шапке дадим, другого министра выберем!

- Ну, это ты уже заливаешь, Слеп. Цирк просто закатываешь, - хохочат ребятки и опять отчаянно начинают шаркать ногами в такт, наконец, опять захрипевшему патефону-буржую.

- Да ты подкручивай, подкручивай патефон, Слеп, а то мы ему, этому самому заграничному твоему патефону-буржую сейчас же такую

забастовку устроим, что он не только запоет, а и завоюет, дескать, караул, ратуйте, господа капиталисты! А то я вот в страну передового социализма попал, насильно завезли меня, а тут чуть зашухаришь и к стенке, в расход пускают! Страна передовой свободы, вот оно что!

Ванька-Лапоть с хитрецей улыбнулся и погрозил кулаком патефону-буржую.

- Ба, ба, Ванька-Шиша, и с гитарой, долой забастовочного заграничного буржуя, от своих буржуев еле-еле отделались, - заорал Жечка-Носик.

- Привет, ребятки!

Пирожков сделал общий поклон и начал подстраивать "мученицу". Гитара начала издавать звуки классической музыки, но ребята сразу же запротестовали.

- Мурку давай нам, Шиша, М-у-р-к-у!

Ванька-Шиша подстроил гитару, подкатив романтично глаза, запел:

"Здравствуй, моя Мурка,
Здравствуй, дорогая,
Здравствуй, моя Мурка и прощай!
Ты зашухарила всю нашу малину,
А теперь маслину по-лу-чай"!

- Вы слышите, Мария Петровна? А? Куда докатилась наша молодежь, песни у них бандитские, манеры и разговор их того же "общества" заимствованы! А ведь они же все студенты - интеллигенция, по сути, нынешняя! А?

- Это результат экспериментов постройки "бесклассового общества", Евдокия Дмитриевна, удивляться тут не проходиться! Все мы в одном лагере живем, все мы заключенные - от кого же им научиться лучшему, коль

родители у власти советской не имеют прав на детей своих. Вытягивайте лучше следующий кубик, мне еще один номер и карта крыта.

- Пускай уже там забавляется молодежь, время теперь исправит ее, - заметила Александра Львовна Кадушкина.

- Время, время. Много времени нужно для исправления такого, души детям искалечили, сволочи! - слышались негодующие голоса старшего поколения, гостей Александра Борисовича Люстигмана, засевших играть в лотто, в соседней комнате.

Лара обрадованная, что танец с "медведем" окончен, поспешила от него избавиться, подошла к, все еще хохотавшей, молодежи. Наташа Петрова рассказывала другим какой "прекрасный" переводчик оказался Александр Борисович. В это время вошли двое, весьма интересных офицера. Скромно поклонившись компании, присели у двери с пригласившими их присесть "ребятками". Ванька-Шиша, покончив с "Муркой", во всю глотку голосил другое творение блатного мира:

"Гоп со смыком"

Гоп со смыком, песня интересная, да, да,
Двадцать два куплета вам известно, да, да,
Пропую вам песню эту,
До сих пор еще не спету,
Как живут филоны в лагерях, да, да!
Хлеба получаем по сто грамм,
К вечеру заводим тарарам..." -

заливался Шиша, романтично подкатывая глаза.

Ада Люстигман принесла новые пластинки, стала подкручивать патефон.

- Убирай, Слеп, свои барахляные пластинки, это не патефон-буржуй бастует, а твои

пластинки от перевыполнения госпромфинплана. Смотри во что превратил, они наизнанку вывернулись. Меры не знаешь ты, Иван Иванович, эксплуататор ты безжалостный, генеральной линии "партии и правительства", вижу, строго придерживаешься, вот и результат! - хихикая, прочла натацию обладателю буржуйского патефона Ада Люстигман.

"Дрин дубовый я достану
И чертей гонять я стану,
Почему нет водки на луне"? -

отчаянно орал Ванька-Шиша и изо всех сил лупил по "семиструнной", заглушая общий шум.

- Шиша, заткнись, заткнись тебе говорят, вот танго "Брызги шампанского", лети к чертям со своим дрыном на луну. Ребятки, тише, ну, тише же, танго, танго! - урезонивал расходящихся ребяток Женечка-Носик.

Абрам пригласил Лару на танец.

- Папаша мой шил? - улыбнулся он, разглядывая туфли Лары.

- Что узнал? - Лара отставила свою красивую ножку, покрутила квадратным, модным носочком туфельки.

- Мо-дель-ные, ни что-нибудь, да и цвет мой любимый, туфельки закачаешься! - Лара блестяла лучистыми глазами.

- Слушай, Лара, правда, что Марк окончил военно-морское и в лейтенанты произведен?

- А ты, от кого слышал?

- Наташа сказала, да так, мельком, вроде ей Светлана из Москвы написала.

Лара бросила слегка игнорирующий взгляд на глазающих на нее немецких офицеров, покрывила своим, чуть вздернутым, заносчивым но-

сиком, а потом, неспеша, ответила:

- Правда, да вот представь себе, Абраша, что на море, во время боев творится, пушечные дуэли между судами противников, а с воздуха авиация атакует! А? И адмиральский чин не захочешь! Мама моя, все время этот ужас себе представляет. Отец на Черном море бьется, а Марк на Балтийском! Подумаешь - ужаснешься!

- Да-а-а, удовольствие ниже среднего, а главное, немецкая авиация преобладает над нашей. Это сразу выяснилось, соколы наши на деревянных самолетах должны драться с немецкими мессершмидтами, а самое трагичное, ребята наши не хотят воевать, не за что, да и не это главное, а просто, Советская власть в горле у них торчит, дышать не дает! - Абрам тяжело вздохнул, досадно махнул рукой.

- Вот это метко, Абрам, - отозвался Длиннонос, - именно дышать народу не дает, власть советов, - добавил он, сверкнув бархатными глазами и, ведя партнершу, стал выписывать замысловатые движения в такт мелодии.

- Не крути меня, Ваня, свалюсь, я тебе не танк.

Ада колотила по спине горбатишегося, строившего смешные гримасы, танкиста Саркисяна.

- Ну и нос у тебя, Иванос, семерым рос, а одному достался, - закидывая вверх голову, заливалась смехом она и незаметно, подмаргивая ребятам, подставляла рожки к черной, кудрявой голове партнера.

Иванос думал, что смех у ребяток вызывают, строенные им, смешные гримасы, а ребятки хохотали, посматривая, как лихой капитан-танкист, гримасничая, не видит, что к голо-

ве у него, приставлены рожки.

- Рви, ребятки! - орал изо всех сил Ванька-Шиша и лупил беспощадно в такт патефону-буржую по струнам стонущей гитары.

- Что за разбой творите вы, ребята? - Александр Борисович удивленно развел руками, прикрыл за собой поплотнее дверь. - Стариков наших на смерть перепугаете разгулом этаким!

- Не удивляйтесь, Александр Борисович, это комсомол сталинские достижения демонстрирует - расходились ро-га-ти-ки, - заорал Ванька-Шиша и крутанув гитару так, что семи-струнная, подобно веретену, издав жалобный звук, завертелась у него в руках и опять изо всех сил принялся колотить по несчастному инструменту, заглушая нежные звуки, издаваемые патефоном-буржеем.

- Гей,гей!

"Дрин дубовый я достану,
Совнарком лупить я стану,

Почему нет жрачки в щербкопе! Да! Да! - отчаянно топая ногами продолжал Ванька-Шиша.

Александр Борисович сокрушенно покачал головой и ничего не свазав, скрылся за дверью.

- Извините, пожалуйста, мне сказали: вы, вы говорите по-английски, правда?

Перед Ларисой стоит высокий, весьма элегантный молодой эсэсовский офицер.

- Вот так, так! - невольно воскликнула Лара, удивленно глядя на немца. - Да. Да, говорю, - вдруг смутившись, что никак не было присуще ее характеру, кивнув головой, проговорила она, понизив голос и осывая незнакомца искорками своих лучистых глаз.

- Разрешите, в таком случае, познакоми-

ться с вами, Ганс Михнер.

И в манере обращения и в самом облике, стоявшего перед ней офицера, Лара сразу увидела высокообразованного и весьма интеллигентного человека.

- Лариса Рудакова. Да, да вы присаживайтесь, пожалуйста. Очень интересно, не ожидала, - смущение, как-то сразу отлетело от нее, глаза смотрели смело, пытливо, внимательно.

- Я также должен сказать, просто удивлен счастливому случаю поговорить по-английски. Я же, ведь, это мой второй язык после родного... Нет! Нет! Извините, третий, на чешском я говорю с детства.

- Вот как!

Лара тряхнула локонами, с крайним интересом посмотрела в серые глаза, как-то стеснительно-вежливо присевшего рядом с ней эсэсовского офицера. В завязавшемся оживленном разговоре выявляется: доктор-физик, Ганс Михнер родом из Чехословакии, сын богатого фабриканта инженера-электрика. Окончил университет в Англии. Несколько раз был в США, Канаде, в других государствах Америки и Европы, по делам фабрики своего отца, изготавливающей электрические, разнообразные приборы, включая медицинские лечебные аппараты. Война Германии с Англией, застала его в США, но ему удалось благополучно добраться домой в Германию. Он добровольно пошел служить в фронтовые войска СС. Службу несет в качестве инженера в ремонтных мастерских танковых частей дивизии, он в чине гауптштурманфюрера-майора.

- Я же, ведь почти все понимаю, что говорит ваша молодежь и даже то, что поет вот этот ваш лихой весельчак.

Михнер кивнул головой в сторону Ваньки-

Шиши и весело рассмеялся. Шиша, как раз решил на частушки:

"Когда Ленин умирал,
Сталину приказывал,
Чтобы хлеба не давал,
Сала не показывал... у-у-у.
Вставай Ленин, вставай детка,
Замучила нас пятилетка...у-у-у.

Припомнив частушки ребяток из "Нахаловки", заголосил Шиша и крутанув веретеном гитару, пускался в присядку. Ребятки, забыв за буржуйский патефон, хлопали в такт в ладоши, поддавая жару Шише и сами подпевали и притоптывали ногами.

- Но понимаете ли вы, какой смысл кроется в словах этих, казалось бы веселых песенок? - Лара испытывающе посмотрела на Михнера.

- Нет, не совсем, быть может что-нибудь смешное, не так ли? - Михнер неуверенно пожал плечами, вопросительно посмотрел на Лару.

- В этих песенках-частушках, сочиненных народом, как я уже сказала, кажущихся веселыми, залихватскими и даже хулиганскими, на самом деле содержится великое, несказуемое словами, горе, страшные муки, мучительные, душевные и физические пытки и, наконец, смерть, унесшая миллионные массы невинных наших людей, оказавшихся в сфере власти экспериментов, проводимых коммунистическими диктаторами-авантюристами. Я не знаю, возможно ли для внешнего мира понять смысл, таившийся в этих песнях и частушках, но мы все верим и даже нам кажется, что мы знаем, изолированные от нас западные государства и, в том числе Германия, знают, что коммунизм, как тако-

вой, есть зло, отнюдь не местное зло, а зло мировое, угрожающее всему человечеству. Вот поэтому вы, конечно, видите с какой радостью, надеждой встречает наш народ немецкую армию. Это еще и потому, что мы все твердо верим, что Германия, как государство высококультурное, обладающее первоклассной техникой и военной мощью, является авангардной силой, стремящейся уничтожить мировое зло — коммунизм. Ведь это должно быть и не может не быть именно так! Правда?

Лара посмотрела прямо в глаза Михнера, в ее глазах светилось нетерпеливое желание, жажда, чтобы, сидящий перед ней, немецкий офицер, подтвердил ее мысли, вернее мысли всех народов, измученных коммунизмом России.

Он выдержал ее взгляд и не сразу ответил.

— Коммунизм, как таковой, — начал он медленно и как бы в раздумии, — проиграл войну уже в первые дни. Доказательством является сам факт, как вы сами уже сказали, нашу армию ваши люди встречают с надеждой на освобождение от ига коммунизма. Встречают, как верных друзей. Да, я это сам вижу и понимаю, это совершенно неопровержимо. Все другие доказательства излишни. Вопрос окончания войны, только во времени, но, — Михнер замялся, опустив глаза, что-то раздумывал.

— Вы хотите сказать, что территория России огромна и не так скоро и легко придется ее промаршировать немецкой армии, правда?

— Да, это и еще, — он опять замялся и помолчав, сказал с едва заметной ноткой, в которой звучала какая-то неуверенность и опасение, — и еще, самое главное, каково отношение будет наших войск к вашему народу!

— Оно прекрасно, прекрасно! Мы лучшего

и не ожидали, вот посмотрите перед собой, немецкие офицеры дружелюбно веселятся с нашей молодежью! - почти крикнула Лара, ликуя блестя глазами.

- Да, это так, но...

- Ах, бросьте вы это "но", все ясно, идемте танцевать, Ганс! Простите, смею ли я вас так называть?

- Да, да, конечно, мне очень даже лестно, я очень тронут!

- В таком случае, Ганс, забудьте, что я педагог, а вы инженер и как вас там по чину, называйте меня просто Лара. Вы наш общий друг, вы танцуете, Ганс? - Лара бросила слегка кокетливый взгляд.

- Танцую.

Он смущенно посматривал на очаровательную собеседницу.

- Адочка, поставь, пожалуйста, английский вальс, если есть!

- Есть, есть, да, вот, - Шиша орет, заглушает патефон.

- Ваня, заткнись! - Лара бросила повелительный взгляд на расходившегося балагура.

К удивлению Михнера, оравший во всю глотку Шиша, молниеносно утих и даже гитару отложил в сторону.

- Они, что ваши ученики? - спросил Михнер.

- О нет, пятеро их этих ребят профессиональные офицеры Красной армии, а все другие, в большинстве, как у нас говорят, без пяти минут инженеры, студенты. Впрочем, двое действительно мои ученики, они учатся в средней школе, где я преподаю английский язык. А эта вот, девушка, - Лара указала глазами на Киру Гольцман, - молодой фармацевт нашего города,

она уже работает.

- Она еврейка? - Михнер внимательно посмотрел на Киру.

- Русская, а впрочем, кажется отец ее был еврей, она круглая сирота, родители умерли, когда она была еще крошкой, тетка ее воспитала.

- Красивая девушка!

- Очень даже!

- Да, вы такт мелодии не теряйте, Ганс. Ну, раз, два, три! Раз, два, три! - подавала команду Лара, застенчиво поглядывающему на нее партнеру.

Танцы были в полном разгаре, когда уже стало вечереть, а по приказу немецкого военного командования, жители города до наступления темноты, должны пребывать по своим домам и не выходить на улицу. Пожилые гости стали быстро расходиться по домам. Лара тоже забеспокоилась, стала собираться уходить. Михнер помог ей надеть пальто, к своему удивлению, довольно бойко предложил проводить ее домой. Она охотно согласилась.

Ребятки и не думали прекращать веселье - танцульки продолжались и даже с повышенным тонусом, хотя на дворе наступила уже ночь. Никто, из-за общего шума, не обратил внимания, когда Лара и Михнер, попрощавшись с хозяевами, сделав общий прашальный поклон, удалились. Лишь, всегда наблюдательный, "хитрый грек" - Женечка-Носик, как бы между прочим, молвил:

- Ларка то с немцем смылась, - и подмигнув ребятам, с неудовольствием, отразившимся на его лице, почесал свой греческий с горбинкой нос.

Михнер заметил, что проходящие мимо не-

мецкие солдаты и офицеры оглядываются и провожают взглядами Лару. Ему вдруг очень захотелось знать, как она реагирует на явное восхищение людей ее красотой, но Лара шла, наклонив слегка голову, густые локоны закрывали ее лицо и глаза. Михнер видел лишь ее прелестный, чуть заодно вздернутый, носик.

- На вас смотрят, Лара, - молвил он и почувствовал, что щеки его покрылись стыдливым румянцем.

Как бы не заметив, не раслышав его замечания, она не ответила и, отбросив за спину свои длинные смолисто-черные локоны, подняв голову спросила:

- А правда это... Я слышала, да уж об этом писали в наших газетах во время дружбы Сталина с Гитлером, но хочется спросить вас, Ганс, правда, что немецкая социалистическая рабочая партия сделала очень много для немецкого народа?

- Правда! И очень много! - оживился Михнер, - Германия никогда раньше не стояла на такой высоте экономического стандарта, на каком она находится сегодня. В дни общего государственного хаоса и полного экономического краха в Германии, национал-социалистическая партия сумела поставить страну на ноги. Это и есть главная причина, которая сплотила немецкий народ вокруг партии, - убедительно говорил Михнер отвечая на приветствие проходивших солдат Вермахта по-эсэсовски поднимая и вытягивая руку перед собой, со словами: Хаиль Гитлер! - да здравствует Гитлер!

- Почему вы приветствуете иначе, чем вот эти, другие? - спросила Лара, указав на солдат приветствовавших Михнера по общевойсковому этикету, не сказав ничего в ответ на его

повествование о хороших делах немецкой социалистической рабочей партии Германии. — И еще я вижу, одни солдаты носят на своих поясах надпись: Бог с нами, а вот, как вы — эсэсовские, нет.

Она искоса поглядывала на Михнера и видела, что он заметно смущен вопросом и старается найти ответ. Сбивчиво, недостаточно ясно выражая мысль, он, запинаясь, стал пояснять ей различие и положение войск СС и немецкого Вермахта.

Она сразу поняла, что он не хочет или не смеет сказать ей истинного положения, в котором находится и немецкая армия и весь немецкий народ, под управлением национал-социалистической рабочей партии Германии.

Однако, терпеливо и внимательно выслушав его, не совсем ясное и даже заметно запутанное объяснение, Лара как-то задумчиво, с ноткой огорчения, проговорила:

— Быть может я недопоняла вас, Ганс, но мне кажется, что немецкий народ имеет, как бы две различные власти, как бы в Германии есть государство в государстве, то есть, я хочу сказать, одна власть сильнее другой и одно государство имеет больше привелегий другого. Извините, пожалуйста, за мое, так сказать, грубое и может быть даже и вовсе ошибочное констатирование фактов, понятых мною из вашего разъяснения. — И помолчав в раздумии, Лара добавила: — У нас ярко и предельно проведена грань между властью и народом, одни господа, другие безмолвные рабы. А вот у вас, в Германии, как то не совсем определено.

Он хотел ей что-то ответить, но Лара вдруг бросилась к, как из под земли вырос-

шей, стоявшей перед ними и сияющей улыбкой, Лиде Петровой. Немецкий эсэсовский офицер держал Лидину ручку в своей, блестя глазами, заглядывал в ее глаза. Она, слегка облокотившись на статную фигуру кавалера с заметным сарказмом сказала:

- Ну, вот тебе еще одна учительница, Руди, - и бросив укоризненный взгляд на кавалера, добавила: - У нас в России учительниц не меньше, чем в вашей сказочной Германии. Познакомьтесь, - моя подруга.

Офицер был в чине старшего лейтенанта - оберштурманфюрера. Он сначала щелкнул каблуками, вытянувшись в струнку, резко поднял руку, приветствуя Михнера, громко и четко произнес: "Хайль Гитлер", а потом поспешил протянуть руку Ларе.

- Извините, Рудольф Розенбах, - смущенно произнес он и сделав низкий поклон, пожал Ларе руку.

- М-гу, ну, куда же это вы маршируете, господа хорошие? - оглядывая кавалера Лиды и остановив взгляд на подруге, спросила Лара.

- Познакомься, Лидуська, доктор Михнер, мой знакомый.

Лара учтиво сделала поклон в сторону Михнера.

- Очень приятно, Лидия Петрова.

- Очень приятно, Ганс Михнер, - беря Лидину нежную ручку, скромно-застенчиво произнес Михнер.

- У тебя были, - отвечая подруге на вопрос, заговорила, улыбаясь, Лида. - Мамаша твоя сказала, что ты с целой компанией куда то на танцульки отправилась.

- Да, да, мы только что с этих самых танцулек идем. Там и теперь еще целый "кар-

дебалет" происходит!

- Где это?

- У Ады Люстигман. У Вани Семенова новый да еще заграничный патефон появился, вот ребятки его сейчас в полной мере эксплуатируют. Вменили его, этот самый "патефон-буржуй" в пятилетний план в четыре года, трещит по всем швам и жалобно стонет несчастная заграничная штукавина. А Ванька-Шиша колотит, что есть силы по струнам и не по струнам семи-струнной, горланит, как всегда частушки и блатные песни в перемешку, вообще, веселятся наши ребята, можешь представить!

- Ха-ха-ха! Представляю! Руди, ты понимаешь, что мы болтаем и застенчив ты у меня, солдафон несчастный!

Лида беззлобно улыбнулась и тут же нежно погладила, как с нарисованным румянцем щеку белобрысого, курчавого и очень красивого своего кавалера.

- Ты не очень то, м-гу, эпитеты применяй, Лидуська, а то Ганс, он, он, - Лара бросила с легкой гримасой взгляд на Михнера.

- Что, вы понимаете по-русски? Приветствую, вижу, что да. - Лида демонстративно протянула и крепко, по-мужски, пожала руку Михнеру.

- Понимаю, но, очевидно, очень мало... Вот там, на этих самых танцульках, одни парень пел и играл, как я понял, очень даже веселое и смешное, но вот Лара говорит, что вовсе наоборот, что парень пел очень даже трагичное и печальное, так что, - Михнер недоумевакще развел руками.

- Ах, вот оно что, ну, да легко объяснимо. Извини Ларушка, я буду говорить по-немецки, а то мой красавец еще и обидеться может,

он ведь по-русски, ни бум-бум.

- Крой по-немецки, я знаю о чем говорить будешь, - согласилась Лара.

Лида опять погладила нежно по розовой щеке своего кавалера и, любовно блестя карими глазами, сказала ему:

- Не сердись, дорогой, я теперь буду говорить по-немецки.

Он взял ее руку, поднес к губам и стал нежно целовать каждый пальчик. И тут же поспешил сказать, что она может говорить на каком угодно языке, а он и не думал сердиться.

- Ну и прекрасно, болтаем по-русски. И так, дело было вот как: Один американец усердно учил русский язык, что то двадцать, а то и больше лет. Успех был огромный, многие русские принимали его за русского. Но вот пришлось этому прилежному "языковеду", - Лида деланно изобразила серьезную мину на лице и продолжала: - посетить выступление какой-то знаменитой балетной труппы, среди всех балерин, особенно выделялась одна балерина, просто порхала, как бабочка белокрылая на пальчиках, это значит - тик-так, тик-так! Зрители восхищенно громко аплодировали ей. Американец - "языковед", аж просто подпрыгивает от восхищения. Как вдруг он слышит, кто-то невдалеке, сидящий от него, сыпит громогласно словечки по адресу, преуспевающей балерины: - "Вот дает, стерва! Вот трам-тарарам ее бабушку и дедушку!" Ну и так далее и тому подобные выражения бросает и кроет и кроет по всем швам балерину словечками, никак непригодными в употреблении в разговоре в приличном обществе. Американец - "языковед", крайне возмущился и спрашивает своего рус-

ского друга: "Слушай, говорит, за что он так ругает ужасно такую талантливую балерину"? "Кто это"? - спрашивает русский: "Да вот там сидит, сами послушайте его". Русский прислушался к сыпавшимся словечкам и запротестовал, сказав, что человек этот вовсе не порицает балерину, а, наоборот, изо всех сил хвалит ее. "Да как же, разве вы не слышите, как он сквернословит"? - запротестовал американец. "Ах, вы об этом, знаете, это действительно и мне, русскому, трудно вам объяснить этакую похвалу, просто вы еще не в совершенстве усвоили русский язык, мой дорогой"!

Лида с усмешкой поглядывала на покатывающихся со смеху Лару и Михнера. Рудольф кривился, с недоуменем пожимая плечами.

- Нет, нет, это не то, что не понимаю я. Такое, что-то подобное, можно услышать, я думаю, в любой стране, - заговорил Михнер, - но вот то, что таится в заливчатских и веселых и, как сказала Лара, даже в хулиганских частушках и песнях, это, я думаю, понять постижимо только для вас самих, русских, я, может быть, могу только предполагать. Мне думается, что на это должны быть особые причины, правда? - Михнер вопросительно посмотрел на Лиду.

- Да! Очень даже особые причины, - пятьдесят миллионов жизней, если не больше! Пятьдесят миллионов замученных до смерти невинных ни в чем людей голодом, холодом, арестами, пытками мучительными в застенках НКВД, а затем изнуряющая силы человеческие борьба за каждую минуту жизни, - вот эти причины! - Лида скорбно улыбнулась, посмотрела в глаза Михнеру и добавила: - вряд ли, это когда-нибудь будет полностью понято теми, кто не был вместе с нами на одной наковальне. Но знай-

те, - сверкнув задорно и зло глазами, про-должала она: - Коммунисты и прочие враги народов России про-счи-та-лись, и время работает на нас! Когда наш народ сокрушит тех, кто дробит его сейчас, когда он еще не совсем созрел, несомненно, придет, понимаете?

Михнер, внимательно смотревший Лиде в глаза, молча кивнул головой. Рудольф смотрел по сторонам, не слушая льющуюся, совсем не понятную ему, русскую речь. Он только знал и очень хорошо знал, что он настоль-ко влюблен в эту очень красивую русскую девушку, что не представляет без нея свою дальнейшую жизнь.

- Ну, идем, мой мальчик белокурый, ты не понимаешь нас, мой дорогой, тебе придется, я вижу, многому и многому учиться и учиться у нас!

Лида с снисхождением и любовью посмотрела в глаза своего Руди и тоже очень хорошо знала, что и она любит кристальной любовью этого очень красивого и молодого немецкого парня.

- Пойдемте к нам, на чашку чая, - предложила Оара.

Нет, Ларушка, уже поздно. Завтра при-тарабанимся днем. Так, часика в два. Мой красавец в отпуску сейчас, после ранения, так что имеет время.

- А согласится ли он?

- Согласится! М-гу, согласится, если я захочу. Правда, кудрявый мой?

Лида ласково потеревшила шелковистые белокурый локоны Рудольфа.

- Was? (Что - по-немецки)

- Кислый квас! - весело хохочет Лида.

- Ну, тогда до завтра, до свиданье, Рудольф!

Лара подала руку. Он шелкнул каблуками, пожав руку, раскланялся, отдал честь Михнеру и держа в своей руке нежную, изящную ручку Лиды, смущенно улыбаясь, оглядываясь на новых знакомых, пошел следом за ней.

- Вы очень интересный собеседник, Ганс, - проговорила Лара, искоса поглядывая на Михнера, - однако, мы должны расстаться, вот мой, нет, наш дом - это общежитие - городок людей, работающих в водном транспорте, - пояснила она.

- До завтрашнего дня, я надеюсь? - он смиренно улыбнулся, стараясь заглянуть в ее, прикрытые черными ресницами, лучистые глаза.

- Да, конечно, смотрите, не забудьте!

Лара шутливо погрозила ему пальчиком. Он сделал низкий поклон. Лара одарила его добродушной, не лишеной симпатии, улыбкой и скрылась за дверью дома.

Х Х Х

А танцульки продолжались... Расходившиеся ребятки и не думали прекращать веселье. Патефон-буржуй продолжал трещать по всем швам, а Ванька-Шиша орал во всю, хотя уже совсем охрипшим голосом.

Опомнились в полночь и вспомнили приказ немецкого военного командования: ночью ходить по городу, строго воспрещается!

- Александр Борисович, Сара Абрамовна! Куда нам деваться? - заволновались ребятки.

- Да, никуда, что же теперь будем с ва-

ми делать? Располагайтесь у нас. Девушки в комнате Ады, а вы, мальчуганы, вот тут, в зале, больше места у нас нет. Мой муж не член политбюро и дачи своей собственной не имеет. Так что, чем богаты, тем и рады, в тесноте, да не в обиде. Располагайтесь на отдых, ребятки.

- Ура-а-а! Живем! - заорали ребятки.

Быстро смастерили "колхозную" кровать, к дивану приставили стулья, скамейки и улеглись поперек, едва стиснув свои тела в весьма ограниченно вместительную кровать для многочисленной компании ребят. Приходилось лежать только на одном боку и невозможно было перевернуться на другой бок поодиночке, все были тесно спресованны. Прodelовать такую процедуру, переворачиваться на другой бок, приходилось только всем вместе. Вскоре у всех заболели бока. Первый завопил Борис Шапошников:

- Братцы, рука онемела, ратуйте, дохожу!

- Не вопи, Борька, и нам всем непоудобнее твоего! - подал голос Женечка-Носик.

- И впрямь, братцы, неvmоготу, - пожаловался Ванька-Лапоть.

А Ванька-Кацап, хихикнув сказал:

- Ага, вот вам пример колхозного хозяйства, пробуйте, познавайте, ведь "единоличное хозяйство страшно вредно социалистическому обществу"! Помните это!

- Катись к ядерной палке, Кацап, долой колхозный строй!

- До-хо-жу! - опять завопил Борис.

- И впрямь, братцы, неvmоготу, - согласился Длиннонос.

Вручил всех Ванька-Шиша:

- Слушай мою команду, - повелительно объ-

явил он. - Полноценная интеллигенция, на-а-а левый бок! Раз-два!

Все разом вскочили и, в воздухе перевернувшись, упали на левый бок. Прошло минут десять, Борис опять захныкал, а все остальные тоже стали подавать недовольные возгласы. Ванька-Шиша незамедлил с подачей команды:

- Полноценная интеллигенция, на-а-а правый бок!

Все повторили прием.

- Шиша! - окликнул "командующий" Носик.

- Чего тебе?

- А из каких ты это математических вычислений нас к "полной интеллигенции" причислил?

- Некудышный ты грек, Носик, коль не можешь простого вычисления сделать. Спроси вот Абрама, евреи, говорят, хитроватый народ, может он допрет, в чем дело.

- Я же уже говорил, - отозвался Абрам, - что одни грек, трех евреев стоит, куда уж мне, когда Носик сделать вычисления не может. Спроси армяшку Иваноса, он хвастался, что один армянин десяти соленых греков стоит и перевозносил своего единоплеменника наркома Микояна.

- А ну ка, подавай голос Длиннонос, разгадывай загадку, да имей ввиду, это тебе не армянская загадка, а ма-те-ма-ти-чес-кая! - заорал Ванька-Шиша.

- Катитесь вы все подальше, математики со своим армяшкой Микояном, у меня рука правая отваливается. Подавай команду, Шиша, - застонал Длиннонос.

- Разъясню вам сначала, а потом уже подам команду. Потерпи, Длиннонос, важное вычисление, а вычисление таково: поскольку те-

перь советскую "бесклассовую" систему ликвидировали, так вот на этом основании, или вернее, при новом свободном положении, мы все, соответственно нашему образованию, как раз и являемся, хошь или не хошь, а все одно интеллигенция! И поскольку сама жизнь показала, что построение бесклассового общества, по учению Маркса, сугубая утопия, то тут уж и оспаривать наше положение не приходится. А следовательно, мы, вне всякого сомнения - интеллигенция, а главное, полноценная, так как мы теперь можем свободно творить на пользу народа, а не по-ленински, - на пользу "партии и правительству". Бум-бум!

- А как же тогда с красными, с "совнаркомками" многочисленными, которые свои дачи имеют, "гвардия" товарища Сталина, ведь они же тоже с образованием? - спросил Ванька-Кацап.

- Не спорю, образование они имеют, но эти комраты сталинские, учреждены еще Лениным, являются интеллигентами - паразитами, ибо ничего не творят полезного для государства и живут за счет труда народного, - пояснил Ванька-Шиша положение с "совнаркомками".

- А что если комрат Гитлер пришлет к нам в Россию свои "совнаркомы", что тогда? - спросил Носик.

- Тогда, естественно, мы заведем с "совнаркомками" комрата Гитлера такие "тары-бары-растобары", что немцам придется поскорей улетывать из России во свояси, а наши ребятки в Берлин "в гости" к комрату Гитлеру пожалуют и, конечно, комрат Сталин начнет с Гитлером "права качать", - пояснил Ванька-Шиша положение с гитлеровскими "совнаркомками".

- А как же тогда быть с нашим Борисом? Он ведь семилетку, вот уже несколько лет не

осилит, - хихикнув, спросил Ванька-Кацап.

Ванька-Шиша задержался с ответом, а потом пояснил положение с Борисом, нежелавшим учиться.

- Борис наш, конечно, мужик, но мы его, по благу, к интеллигенции припишем, с условием, что он учиться прилежно начнет. Это, разумеется, я шучу, ибо мы теперь положение "блат выше Совнаркома", отменим. Так что, болвану Борьке, надлежит приняться за учебу.

- Слышь, Борька, учись, а то и впрямь в мужиках застрянешь, - деланно серьезно проговорил Ванька-Лапоть.

- Катитесь вы все подальше, интеллигенты! Один мужик, десяти интеллигентов стоит, сами вы все болваны, коль этого не понимаете. Подавай команду, Шиша, интеллигент болван, - повелительно заорал, рожденный с мужской натурой, Борис Шапошников.

- Пол-но-цен-ная ин-те-лли-ген-ция и мужик Борька на-а-а ле-вый бок! - подал команду Ванька-Шиша.

Хохоча, все перевернулись на левый бок, а через пять минут опять на правый, по просьбе опять жалобно разом застонавших ребяток на "колхозной" кровати.

- Слушайте, слушайте, братцы! Расскажу вам вот... вот, что то вроде, как бы подобное нашей "тренировке", быстро переворачиваться с одного на другой бок, каковая спать нам не дает. Не возражаете? - предложил Володя Еремин.

- Бреши, товарищ лейтенант артиллерии, - согласился Носик.

- Валяй, не возражаю, - отозвался Ванька-Лапоть.

- Дуй, - поддержал Ванька-Кацап.

- Крой, - завершил общее согласие Длиннонос, капитан-танкист.

- Так вот, как это было, - начал повествование артиллерист: - ага, вот вспомнил, рассказал мне этакую историю один мой боец, бывший тракторист одного из колхозов на Украине. "Приезжает, это к нам", - начал он свой рассказ, "в наш колхоз имени Сталина, особо уполномоченный из райкома партии с поручением сделать доклад для колхозников наших на тему", - тут боец этот мой, посмотрел на меня испытывающе и с хитрецей и наверное подумал, а не продаст ли меня начальник мой!

Да, я его подбодрил, говорю, крой, товарищ боец, не бойся. Ну, тут он решился и стал со всякими курьезными эпитетами повествовать свое повествование: "Как узнал наш председатель колхоза, что столь важное начальство прибыло и поскорее согнал всех колхозников в один гурт и рассадил на лужку местном. А докладчик с председателем, это значит, за стол специально установленный, засели. Председатель поднялся и объявил всем нам: - Зараз буде доповідь на тэму: що таке комунізм, звидкиля вин взявся и на який чорт вин здався!

- Заливаєшь, Вовка, побоялся бы такое лепить твой боец.

- Да нет, не брешу, братцы. Было так, правда, уже тогда, когда мы покатались назад, улепетывать от немецких танков, так что боец мой не особенно боялся, а может еще и нарочно также, вроде язвил.

- Ну, давай язви ты, Вовка, теперь дальше, - согласился Ванька-Шиша.

- Хорошо, пускай я теперь язвлю, но на правду рассказ бойца-колхозника очень даже

похож. Дую дальше, только чур, не перебивайте!

- Ну, ось тильки то значить, зачав свою доповіднык брыхачку и нэ встыг ще и одного слова сказаты, як голова колгоспу, грозно команду подае: "Встаты"! - Все разом встали. "Систы"! - Все разом силы. Нэ встыг доповіднык ще и пару слив збрыхаты, як голова знову команду подае: "Встаты"! - Все разом встали. "Систы"! - Все разом силы. Тильки що доповіднык рот было знов видкрыв, а голова знов команду свою подае. И так увесь час. Тоди дуже зворушливый доповіднык, питае голову: "Навищо це вы, поважный товарищу голова, им таку команду глузливу подаете"? А голова колгосцу зло глянув на доповідныка з райкома партии и дуже зрозумило пояснив: "Поснуть вони, ось воно що! Доповидь ваша дуже цикава, як же инакше я их слухаты вас заставлю"!

Еремин закончил повествование своего бойца-колхозника. Ребятки посмеялись, а потом Женечка-Носик определил рассказ:

- Брехня, но правду ты, Вовка, сказал, брехня правдоподобная.

- Фикция, но не лишенная правдивых источников, - уточнил Длиннонос.

До самого рассвета, так никто и не заснул. В окна стали заглядывать лучи холодного осеннего солнца. Поднялись девушки. Ада предложила всем подбодриться горячим кофе.

- Настоящий! Откуда такая роскошь? - поднося чашку ко рту и кривя огромным носом, удивился Женечка-Носик.

- Настоящий. Вот он у нас вор оказался.

Ада указала на своего десятилетнего братишку Арончика. Вчера, как грабили универмаг, он сташил целую банку. Такого чудного кофе

я никогда раньше не пила и даже в глаза не видела.

- Вовсе он не сташил! - запротестовал Носик, подозвав мальчугана сказал: - Молодец, Арончик, отбил у воров ворованное добро, народное! Теперь, как раз ленинский лозунг, наконец, правдивым можно назвать: "Грабь награбленное"!

Польщенный похвалой, Арончик, по строгому секрету, сообщил Носику, что он утащил из универмага еще и огромную банку с паюсной икрой, но, что он ее, эту банку, запрятал так далеко, что и днем с огнем не найдешь! Да и никто еще вообще не знает о такой, имеющейся у него, ценности.

Когда ребята гурьбой высыпали на улицу, Ванька-Слеп, прищуривая близорукие глаза, тут только увидел и покачал сокрушенно головой. Кто-то из ребят, во время веселья, наступил на его буржуйский патефон, от чего образовалась на патефонной коробке трещина, но ручке патефона-буржуя, ребята еще не успели скрутить голову и это обрадовало Слепа. Ребята стали договариваться, где собраться в следующий раз. Долго спорили, но, наконец, договорившись, стали расходиться по домам. По улицам города проезжали немецкие автомашины, мотоциклы. Медленно громяхая стальными гусеницами, проползли танки, проходили поодиночки и группами немецкие солдаты и офицеры.

Где-то вдалеке от города, на материке, изредка, раздавались орудийные залпы. Едва слышно трещали пулеметы. Жителей города, это нисколько не беспокоило, все твердо верили, советской власти пришел конец.

Х Х Х

В начале ноября 1941 года, немецкие войска подкатились к Москве. Настояние рабочего люда столицы, (ровно, как и во всей стране этого времени), и привелигированного красного буржуа, алчного и жадного, было диаметрально-противоположным: у первых радость чередовалась со страхом. Радость - конец сталинскому игу, страх вызывали доходившие слухи, что немцы, которых в начале войны принимали за подлинных друзей и освободителей от коммунизма, оказались, тоже врагами. У вторых - у красной буржуазной касты преобладал страх, быть наказанным и потерять все блага, которыми они пользовались, служа верной опорой сталинскому режиму. В панике, эти вельможи-паразиты спешили покинуть Москву.

"... На Казанском вокзале, единственном, с которого поезда еще отходили на восток, собрались толпы привелигированных, которые, как "социально важный элемент", получили еще заблаговременно командировку..."

Sven Steenberg - "Wlassow Verrater oder Patriot? - "Власов предатель или патриот? стр.21 (немецкий текст)

В это время все государственные архивы, всякого рода министерства и дипломатический корпус, уже заранее были эвакуированы в Куйбышев. Паническое настроение усилило веру, что падение Москвы неотвратимо. Тысячи немецких танков стояли на подступах к городу. Сталину теперь нужны были, им же "шлепнутые" талантливые полководцы. К своему счастью он не добил Рокоссовского, Шапошникова. Появились

новые, талантливые военачальники – генералы Жуков, Власов. Теплилась надежда на скорый подход к столице сибирских войск, но на это нужно было как-то выиграть время. Сталин и несколько членов Политбюро оставались в Москве. В спешном порядке, гнали толпы людей рыть окопы вокруг окруженной столицы. Немецкие самолеты сбрасывали листовки со злорадным, насмешливым содержанием:

"Московские дамочки,
Не копайте ямочки.
Через ваши ямочки
Пройдут наши таночки".

И действительно, все эти "ямочки" не представляли сколько-нибудь существенного средства обороны. Старики, старухи и молодые студенты долбили промерзшую землю с чувством ненужности и безнадежности такого предприятия. Попавшую к немцам молодежь, они отправляли для работ в Германию. Стариков обрекали на голод, муки и смерть...

10 ноября 1941 года Власов прибыл в Москву. Стали подходить первые части сибирских войск. В этот же день, и как у Сталина обычно было заведено, – в полночь, Власов был вызван в Кремль. В сопровождении маршала Шапошникова и Ворошилова, после долгой процедуры контроля, военачальников допустили, пока только до рабочего кабинета Поскребышева – доверенного сталинского сотрапа. Пришлось ждать. Власов был крайне обозлен столь ненужной процедурой контроля. Но вот, наконец, их впустили. Ворошилов, Шапошников и Власов вошли в кабинет Сталина. За накрытым красным сукном столом, сидели: Берия, Жуков, Маленков и Сталин.

"... Сталин приподнялся и пожал им руки. Он двигался бесшумно, быстро и ловко. Власов был на голову выше Сталина. "Торриц Жуков"! начал Сталин. Он говорил тихо, но ясно. Маршал Жуков сделал доклад..."

С.Штеенберг, стр.22 немецкий текст,
стр.21 русский текст.

После доклада Жукова, из которого явствовало: подходящие первые части сибирских войск задерживаются поездами, с бегущей из Москвы советской элитой. В городе паника и хаос. Все железнодорожные пути забиты поездами. Железнодорожная администрация мечется, не зная, что предпринять, тогда как германские танки вот-вот пройдут через вырытые дамочками "ямочки". С южной стороны Москвы, немецкие танковые части генерал-полковника Гудериана стали появляться у Тулы. Предвиделось: 3-я танковая немецкая армия генерала-полковника Хота с северной, а Гудериана с южной стороны, обойдут Москву. Основные силы сибирских войск вряд ли смогут подойти во-время. Жуков сел.

"... Когда Жуков закончил, Сталин обратился к Власову:

- Что вы скажите о создавшемся положении?

Медленно и обдуманно Власов указал, что мобилизация необученных рабочих, без совместных действий регулярных войск, бесполезна. Если сибирские войска придут во-время, то следует предпринять прорыв в западном направлении. Это единственное средство выиграть время. Об остальном позаботится русская зима.

- С войсками каждый может защитить Москву, - резко сказал Сталин. - Нужно мобилизовать население миллионного города и защищать каждую улицу. Кроме того, Берия предоставит 10.000 заключенных.

- А танки? - спросил Власов

- У меня нет никаких танков! - ответил Сталин и вдруг улыбнулся. - Товарищ Маленков, сколько танков мы можем дать товарищу Власову?

- Пятнадцать, - ответил Маленков.

- Значит, получите пятнадцать танков, больше у меня нет.

Затем, Сталин назначил Власова командующим новообразовывающейся 20-й армии.

Он поднялся, разговор был окончен..."

С.Штеенберг, стр.23 немецкий текст,
стр.24 русский текст.

Приняв командование 20-й армией, Власов размышлял, как выиграть время дабы удержаться до подхода основных сил сибирских войск. В это время организация 20-й армии еще далеко не была закончена. Но когда, развивая наступление, немецкие войска, с нарастающей скоростью покатались вперед, Власов прибегает к отчаянному, но и единственному возможному решению и бросает в контрараку всю доморощенную 20-ю армию, состоящую из совершенно необученных и непригодных к военной службе, людей, по своему здоровью и возрасту.

"... Самым худшим было отсутствие транспорта. Власов попытался облегчить этот вопрос, составив вереницы из тяжелых саней, груженных снарядами и оружием, которые были прицеплены к пятнадцати танкам, не больше, не меньше, предоставлен-

ных в его распоряжение. Да и многое приходилось организовывать по вдохновению, самыми примитивными средствами..."

С.Штеенберг, стр.23 немецкий текст.

Власовская контратака, возглавляемая 15-ю танками, при поддержке небольшого количества моторизованных частей, которыми Власов лично командовал, никак не ожидалась немцами. Однако, неожиданный удар, на что Власов больше всего рассчитывал, увенчался успехом. Власов прорвал немецкий фронт. Но растерянность немцев вскоре миновала и они очень скоро, оценив обстановку, бросили крупные силы и окружили прорвавшиеся части 20-й армии. Однако, эти упущенные несколько часов, уже подорвали, запланированный ими захват Москвы. Власов немедленно отдает приказ по радио оставшимся частям своей 20-й армии, атаковать немцев и идти ему навстречу, атакующему теперь немцев в обратном направлении, с запада на восток. В результате, оба клина войск 20-й армии сошлись у Химок. Растерянные столь неожиданным исходом боя, немцы временно остановили наступление на Москву, что для них и оказалось губительным - драгоценное время было потеряно.

Собрав все свои наличные и очень крупные силы, немцы вновь начали наступление. На этот раз, казалось, что все кончено, у Власова не было больше никаких резервов, люди окончательно выбились из сил, снаряжение заканчивалось и падение Москвы, казалось, явным неотвратимым, с обеих сторон фронта поступали самые угрожающие сообщения.

В этот, совершенно безнадежный момент, подошла сибирская бригада, спешившая на под-

крепление армии, действующей севернее 20-й армии. Командир этой бригады явился к Власову и доложил, что он сбился с пути ввиду страшной метели и не мог достичь места назначения, как быть? Власов сразу же увидел в этом неудачном случае, происшедшей с бригадой, спасение Москвы. Взяв бригаду под свое командование, без разрешения на это Жукова или самого Сталина, что грозило обвинением своеволия, и дав два часа на отдых, бросил бригаду на передовую, заслонив ею, самые угрожающие участки фронта. В непрерывных наступательных боях, немецкая армия, все больше и больше теряла инерцию наступательной силы и, затормазив, стала.

"... Действительно, что своевольное решение послужило поворотным пунктом. Ударная сила германских частей, казалось, ослабела. Метели и высокие сугробы мешали подходу пополнения, моторы отказывались работать, зимнего обмундирования почти не было, тысячи обмороженных немецких солдат, отправлялись в тыл. Самоуничтожающее наступление было результатом приказа Гитлера. Германские дивизии не могли больше выдержать контратаки советских войск, они подались назад. Наступление было отбито...

На следующий день, 6-го декабря, Власов принял второе решение, окончательно определившее судьбу боя за Москву. Он приказал продолжить контрнаступление, не имея точных сведений о расположении противника и, тем самым, идя на большой риск. Удалась и эта операция. Совершенно измученные немцы отступили. Почти 200 километров гнала их 20-я армия Власова

через Волоколамск до Ржева. Фронт пришел в движение. Впервые удалось нанести поражение германским молниеносным дивизиям. Москва была спасена, ее спасителем был Власов.

Хотя главное командование средним участком фронта было в руках Жукова, хотя рядом с 20-й армией в контрнаступлении участвовали 30-я армия Лелюшенко, 1-я ударная армия Кузнецова, 16-я Рокоссовского, 5-я Говорова, 50-я Болдина и 10-я Голикова, но 20-я армия Власова находилась в центре и она добилась решающего поворота..."

С.Штеенберг, стр.24-25 немецк. текст,
стр.26 русский текст.

"... Этот человек, который умеет бороться не только с решимостью, не только с мужеством, но и со страстью..."

Ив.Кюри, "Путешествие среди бойцов"
Таден Сити, Доббледей, Доран 1943 г.
Цитировано у С.Штеенберга, стр.25
немецкий текст, стр.27 русский текст.
текст.

Незамедлил теперь посетить Власова и советский "мастер слова" Илья Эренбург. О встрече с Власовым он написал весьма красочную картину. Его статья незамедлила появиться в газете "Красная Звезда" от 13-го марта 1943 года. Однако, Эренбург этим описанием Власова, как человека и полководца, не ограничился. В пятой книге своих воспоминаний, вышедшей в печати в 1965 году описал их встречу, называя Власова "интересным человеком", "мужественным", "честолюбивым"

и добавляет, что его любили солдаты.

"... Когда Эренбург узнал, что Власов получил в командование ударную армию, он заметил: "Выбор неплох"... За удачные бои за Москву, Власов был награжден орденом "Красная Знамени".

"Известия", 3-го января 1942 г.

А 24 января того же года, был произведен в генерал-лейтенанты.

"Известия", 25 января 1942 г.

С.Штеенберг, стр.25 немецкий текст,
стр.27 русский текст.

Иностранные историки-исследователи называют Власова спасителем Москвы, в то время, как советская история Второй Мировой войны, даже не упоминает его имени.

Откатившиеся от Москвы немецкие войска, несмотря на то, что им пришлось перенести необыкновенно суровую зиму, а затем страшную весеннюю распутицу, затруднявшую военные действия, не бежали, а упорно и стойко сопротивлялись, теснившей их Красной армии. К этому времени "пораженчество", царившее в начале войны, начало выветриваться, как у бойцов и командиров Красной армии, так и у всего населения, где гитлеровцы столь безобразно показали свои истинные намерения и цели.

Х Х Х

МОСКВА была спасена, ее подлинным спасителем был генерал Андрей Андреевич Власов. Эта истина, как не парадоксально, подтверждается явной попыткой скрыть ее, затушевать

имя генерала Власова автору книги, (или скорее всего ее корректору), - Москва, - Сталинград, - Берлин, - Прага, генералу армии Д.Д.Лелюшенко не удалось, а наоборот, глубоко скрываемое, вырвалось наружу.

Лелюшенко, описывая бои за Москву, между прочим, пишет:

"... 12 декабря разнеслась радостная весть: Совинфорибюро сообщило о провале немецкого плана взятия Москвы. В сообщении, опубликованном в газете "Известия" 13 декабря 1941 года, говорилось:

"... 6 декабря 1941 года, войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления, обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери.

К исходу 11 декабря 1941 года, мы имели такую картину:

- а) войска генерала Лелюшенко, сбивая 1-ю танковую, 14-ю и 36-ю мотопехотные дивизии противника и заняв Рогачев, окружили город Клин;
- б) войска генерала Кузнецова, захватив город Яхрому, преследуют отходящие 6-ю, 7-ю танковые и 23-ю пехотную дивизии противника и вышли юго-западнее Клина;
- в) войска, где начальником штаба генерал Сандалов (20-я армия - Д.Д.), преследуя 2-ю танковую и 106-ю пехотную дивизии противника, заняли г.Солнечногорск..."

А где же имя командующего 20-й армией?

Неужели генерал армии Лелюшенко забыл это имя? Он не забыл имя начальника штаба 20-й армии генерала Сандалова, как же это так, генерал армии Лелюшенко забыл имя командующего 20-й армией, генерала Андрея Андреевича Власова!?

В книге "Великая Отечественная война Советского Союза" военное издательство Министерства Обороны СССР, (Москва - 1970 год, издание второе), чтобы избежать, возможно каким то маневром, имя подлинного спасителя Москвы - генерала А.А.Власова, решило вообще не называть имена командующих армиями в боях под Москвой, здесь мы читаем:

"... Начавшее наступление утром 6-го декабря, 30-я армия, усиленная до этого шестью дивизиями из военных округов, прорвала оборону противника и, развивая успех, к 9-у декабря вышла на подступы к Клину. В ее составе успешно действовала 8-я танковая бригада. Соединения 1-й ударной и 20-й армии освободили населенные пункты - Яхрому, Белый Раст, Красную Поляну. Войска 16-й армии, после двухдневных напряженных боев, освободили поселок и станцию Крюково, превращенные врагом в сильный опорный пункт. Левофланговые соединения армии отбросили противника на Истринский рубеж. Гитлеровцы яростно оборонялись. Но советские войска, проявляя мужество, ломали их упорство. Несмотря на глубокий снег, затруднявший маневр, они теснили врага на запад. Особенно умело здесь действовали 8-я гвардейская, 331, 365, 348 и 185-я дивизии, 17-я и 28-я стрелковые, 1-я гвардейская, 24, 34 и 21-я танковые, 64-я морская

стрелковая бригады. Великий подвиг, аналогичный подвигу политрука А.К.Понкратова, совершил в этих боях сержант 1319-го стрелкового полка 185-й дивизии В.В.Василевский..."

Как же это у вас, товарищи, получается? Получается, что сержант В.Василевский, более герой, нежели четырежды Герой Советского Союза, маршал Жуков? Или дважды Герой Советского Союза, генерал Лелюшенко, или маршал Рокоссовский, или другие генералы, командующими армиями в боях за Москву? Или же генералы, по сравнению с чином сержанта и политрука, равны нулю?

Имя подлинного спасителя Москвы называется, описывающий Освободительное Движение Народов России, американский профессор Julius Epstein, в своей книге "Operation Keelhaul"

"... Vlasov formed the 20th Army and he defended Moscow. He pushed the Germans back from the approaches of Moscow to Rzhev, a distance of more than 125 miles. Vlasov had saved Moscow. Stalin awarded him the Order of the Red Banner and promoted him to the rank of lieutenant general. He was then forty-one years old. Vlasov's defence of Moscow was the first Soviet victory against Hitler's Blitzkrieg divisions. He became famous not only within the Soviet Union, but around the world. Ilya Erenburg visited him and wrote an article about their meeting..."

Julius Epstein p.56

Глупо и тщетно скрывать истину, ибо, со

временем, все тайное становится явным.

Х Х Х

XI

Алексей Гаврилович, уже с вечера, стал готовиться к поездке в город. Волнующие мысли захлестывали его и не покидали. "А что Вера"? "А что Лара"? С трудом кое-как наладил, почти совсем развалившуюся, телегу, насыпал щедрую порцию овса коню.

Долго стоял, любясь карым, холеным, строевиком. Подходил, старательно-ласково расчесывал глянцевитую конскую гриву, обходил счеткой лоскнящую шелковистую шерсть.

- С воскресным днем, Гаврилыч!

Дед Афанасий, приветливо улыбаясь хозяину, с восторгом поглядывал на коня.

- Спаси Христос, Михалыч!

- Слышь, Гаврилыч, не иначе, как, это значит, командирский это конек то был? А?

- Пожалуй.

- В город собираешься? - осведомился дед Афанасий.

- Да, завтра с утра думаю в путь тронуца, Вере харчишек подбросить надобно, да и не знаю, как они там. Хотя боя в городе никакого почти не было.

- Да, пошти-что. Ну, погоняй, Гаврилыч, да телега то у тебя... м-гу... конька такая впрягать то...

- И не говори, Михалыч, срамно перед конем, не то, что пред людьми, да рад что хоть такая развалина во дворе непоседы-моряка оказалась, без наличия хозяина у себя дома, хо-

зьяйство завсегда то расклееваеца!

- Оно то так, Гаврилыч, - согласился дед Афанасий.

Подошла тетка Маруся, полюбовалась конем и стала укладывать на телегу мешки с картошкой и луком.

- Полезай ты, дочка, на чердак, скинь рыбки, неспособно мне при моем весе, лестницу сломаю, - улыбнулся дед Алексей.

- Я разом, батяня!

Тетка Маруся проворно взобралась на чердак, сбросила с десятка два сушеной рыбы - чебаков.

- Рыбец есть?

- Смотрела и одного нету.

- Ну ладно, слезай и сбегай к Маше, спроси сахарку и соли.

Тетка Маруся мотнулась к дочке.

- Пропуск то имеешь от начальства - германцев то, Гаврилыч?

- Вправили, Тимофеевич позаботился, он теперича начальство большое - атаман всего Округа, не то што!

- Знаю, спаси Бог! Атаман лихой у нас, Гаврилыч. И германцы, вижу, уж уважают ево - сразу видать!

- Еще бы! Кто, как не он сорганизовал коммунакам решку в Синявке нашей!

- Оно то так... Што и гутаристь, на ко, возьми с собой малость дымки, гостей тамо в городе найдеца немало, вот и угости их, хай на здоровье Андрея Тимофеевича, да на славу Войска Донского выпьют.

- Спасибо, Михалыч, там, у Ивана маво "морские волки" соседничают, спиртное во как уважают!

- Ну, ну, пускай и выпьют за успех Вой-

ска Донскова! Оно, веть, без казаков донских в России Великой и жисть не построишь, не раньше, не теперича, сам знаешь, казак! Поклон им там передавай от меня - деда приста-рова, на кось!

Дед Афанасий сунул бутыль с самогоном, между мешков громоздившихся в телеге и, слегка пошатываясь, потянул вниз к Дону полюбоваться, взглядом поласкать с любовью превеликой, седые волны родимой реки... Последнее время он часто так сам стал говаривать, за восемьдесят восьмой год перевалило старому казаку.

Х Х Х

В десять утра, телега заскрипела у окон Рудаковых.

- Мамочка, мамочка, деда и тетя Маруся! - взглянув в окно, воскликнула Лара и стремглав бросилась вниз.

Держась за перила, перепрыгивала сразу через две-три ступеньки, с разгону бросилась на шею деду Алексею.

- Деда, родненький, приехал! А мы тут сидим, гадаем, волнуемся, не знаем, что с вами там, в хуторе происходит. Тетя Маруся, рассказывайте же скорее, - голосила взволнованно-обрадованно Лара.

- Батяня, дорогой, извелась вся в тревогах и догатках, - вторила ей Вера Григорьевна.

- Радуйся, Верочка, радуйся, дочка! И ты, Ларка! Синявка то наша, краснюки смотались, а за ними немцы в догон ушли. Андрей Тимофеевич теперь начальство наше. Казаки избрали ево атаманом всего Таганрогского Округа, -

доложил дед Алексей, не без радости за кума невестки, а потом уже скромно добавил: - А меня хуторским атаманом казаки наши синявские почли избрать, так что мы зараз, начальство.

- Неужели немцев совсем нет в хуторе? - удивилась Вера Григорьевна.

- Есть, да так, мелка рыбешка - писаришка какой то сидит в канцелярии их, да переводчика к нему приставили, вот те и все. Этот же писаришка и пропуска разные нашему люду выписует, да и мне, атаману, он же и вправил пропуск, штобы не забастовали эти, значить, меня войска ихняя на дороге. Да вы постойте, дети, расскажу опосля, а зараз давайте сначала подводу разгрузим, а то она и так ели дышет, гляди и развалица, а нам то с Марией в обратный путь пускаца надобно будет. - Скоро говорил радушно-возбужденно дед Алексей, взваливая на широкие плечи сразу оба мешка с картошкой и луком.

- А ты бери, тащи бутыль с горючим, Ларка. Это дед Афанасий Михалыч всучил нам на дорогу. Беда с ним, запил старина на радостях, да у вас тут "морские волки" водяца, стало быть, бутыль не помешает, да Михалыч как раз по их адресу и переправил "лекарство" это, - пошутил Алексей Гаврилыч.

И тут же в общую кухню, как бы чуя запах дымки, во всю размахивая костью, "на всех парах" вихрем влетел Иван Фомич, а за ним и все жильцы дома.

- Чиво это ты распрыгался, Фомич? Доложил бы лучше боцману о делах наших, матросов - паритизан в отставке, дисциплина то воинская у тебя иде девалась? - шутил Степан Терентьевич.

- И доложу! Дела у нас, Алексей Гаврилыч, што ни есть некудышные: грызть нам нима што, окромя перловой каши, да и та на исходе, а штобы это за воротник малость заложить, подбодрица, где там, и не пахнет добром таким, срам один, без горячего морякам то старым.

Иван Фомич возмущенно сильно взмахнул костылем, чуть не свалился, но удержавшись на ногах, усиленно подмигивая больным глазом, тяжело вздохнул и сокрушенно покачал головой.

- Што это ты, Фомич, уже шибко чрезмерно расхныкался. А признайся, каким глазом бутыль с горючим то приметил, больным иль здоровым?

Степан Терентьевич с хитрецей подмаргивал гостям, с усмешкой поглядывая на Ивана Фомича.

- Вестимо здоровым, хто же ево больным то глазом видит, - довольно заулыбался Иван Фомич.

Алексей Гаврилыч свалил мешки на пол, распорядился:

- Вера, Лариса, давайте ка за дело, видите как морской флот в отставке, без горячего страдает!

Через полчаса гости приезжие и местные сидели за столом. Иван Фомич раскрасневшись и вроде аж помолодев, после выпитых пару стаканов дымки, обмакивая лепешку из паленой пшеницы в тарелку с натекшим рыбьим жиром, сказал:

- Слышь, Гаврилыч, советы, убегая, подожгли пшеницу, да как подожгли то, сукины сыны, десятки тонн зерна первосортнова сгорело в порту в амбарах. А на земле еще больше. Целые горы, прямо на земле голой, трудом людским добытой пшенички, горели пламенем

страшным. Немецкие солдаты, благодарствуем им, притушили и разрешили народу брать сколько хошь. Ну, тут, конечно, усе как хлынули с мешками да с карзинами, так ить вскорости пшенички и в помине не стало, разве только дым ешо столбом стоял неделю целую. А я то калека, куды мне успеть за проворным людом нашим, спасибо, стара моя, жenuшка благоверная и хозяйственная, стало быть, она то и выручила, с мешок пшенички домой притаскала. Это как? А? Не жена, а золото чистейшее!

- А ты, надясь, ругал стару то свою, Фомич, за то, што хрухту птицы поклевали, чай не забыл? - съязвил Степан Терентьевич.

- Хрухта хрухтой - ерунда одна, а вот пшеничка! Эге, братец мой, без пшенички долго не протянешь, за твое здоровье, стара!

Иван Фомич залпом осушил стакан, молодецки крякнул, поспешно стал подносить к носу крупными ломтями порезанный сочный лук и отрывая пальцами мякоть с отрезанного звена вяленного чебака, поспешно совал в рот. Отчаянно, со смаком чавкая, облизывал с прокопченных табаком пальцев, рыбий жир.

- Ну и злая дымка - огонь! А хороша! - багровея лицом и раскашлявшись, прохрипел Иван Фомич.

Пришли и другие жильцы из Городка Водников. Всем хотелось увидеть, а главное услышать, что скажет прозорливый дед Алексей о нежданно нахлынувшей вспышке на их, и без того глубоко и больно перепаханную и страшно искаверканную Мать - Россию...

Лара подала на стол еще другую миску, наполненную приятно пахнувшей уваренной картошкой. Вера Григорьевна спешно резала на крупные звенья мясистых, жирных чебаков, по-

давала на стол. Тетка Маруся стряпала еще, что то на печке в общей кухне, одновременно приготавливала салат и готовила посуду к чаю. Зашло несколько человек из самых дальних домов городка, приветствуя приезд Алексея Гаврилыча. Устя-Брехня всоре тоже появилась у дверей, но Иван Фомич так угрожающе цикнул, взмахнул костылем, что радио ОБС мгновенно исчезло. Последней пришла Генриэта Исааковна.

- С приездом вас, Алексей Гаврилович!

- Благодарствую, Исааковна, с трудом, али добрались. Конь то добрый, да телега некудышная, едва все четыре колеса по дороге, за малым, не оставили,

Прозорливый, все примечающий дед Алексей, сразу заметил на лице Генриэты Исааковны тревогу и нездоровый блеск глаз. Потеснив других гостей, усадив ее рядом с собой, налил ей и себе дымки.

- Выпьем, Исааковна, выпьем, дорогая, ведь дождались конца советской власти! Как долго мы с вами об этом мечтали!

- Дождались, дождались, это радостно, Алексей Гаврилович, да, да, вот осиротела я совсем. То, хотя, одного мужа лишили меня, а теперь вот и сын с женой укатили в неизвестность, а тут, вот слух идет, вроде, якобы немцы с самолетов листовки бросают, в которых призывают всех евреев убивать. Так ли это? Да и страх перед глазами - человек, ведь я.

Дед Алексей отставил стакан с самогоном, закусив ус, наклоняя голову, что то сосредоточенно молча размышлял, а потом медленно, с расстановками стал высказывать свои мысли:

- Видишь, Исааковна, - начал он, - гер-

манцы, с которыми нам пришлось устретица и теперь иметь дело, так сказать, люди, на мой взгляд, толковые и даже очень культурные, а следовательно и умные. Глянь ка какая техника в их войсках, из этого можно сделать вывод - власть, али правительство у германцев никак бы не могло создать такое примерное войско, ежели бы это правительство ума достаточно не имело, так ведь? А ежели это правительство имеет ум, то тут уже о таких листовках и гутарить не приходится. Ведь такие листовки могло бы придумать только правительство, что ни есть близорукое и страшно преступное. Как это так, призывать людей убивать? Ведь правительство германцев не может не знать, што Сталин в союзе с англичанами и американцами. А Америка - это страна великой индустрии и богатств несметных. Плавал я там не раз, а посему и говорю так смело о стране этой. А к чему я говорю о стране этой? А вот к чему, германское правительство не может не знать, што в Америке есть очень большой процент фабрикантов - миллионов - евреев, так вот, к примеру, вы наша русская еврейка. Так вот, опять, к чему я говорю это, германское правительство никак не может не понимать, што американские фабриканты - миллионеры - евреи, немедленно заступятся за народ свой и пихнут огромную помочь, а это в жизни по закону идет. А разве мы, русские, ежели бы, скажем, наших русских людей, живущих в Америке, зачали бы убивать германцы, разве мы смогли бы сложа руки сидеть? Разве не стали бы в заступ за народ свой? Да, разве можно допускать мысль самую, што ни на есть неразумную, што германское правительство, создавшее такую при-

мерную армию, а следовательно и государство хорошо устроенное, не понимает таво, што мы, скажем такие как я, малограмотные люди понимаем? Нет, не может и никак не может! Вот туточки мы и скажем, умные люди не могут против самих себя войну вести, а листовки, о которых ты, Исааковна, говоришь, как раз об этом и говорят, вот оно што, дорогая! А ежели и на самом деле, такие листовки бросают с самолетов, так туточки и удивляца нет чему! Проворный вор Иосиф Сталин очень даже способен на всякую провокацию. Он и листовки, какие хошь, сочинит и самолеты под германские подкрасит, воры - профессионалы такова пошиба, как Сталин, они премного изворотливы и хитры. Вот оно еще што, Исааковна, и еще загляни в газеты советские, какие песни они в своих газетах запели, а? Мотив на сто восемьдесят градусов, мерзавцы, повернули, Святого Александра Невского вспомнили, а? Ведь народ наш бежит навстречу немцу, а как ево остановить то? Как ево воевать против немца то заставить?

- А ежели он, германец то задумал силою своею, армией примерной, как ты, Гаврилыч, о ней говоришь, увесь свет и Россию завоевать, тогда што? - спросил, как всегда, ко всему относящийся с подозрением, Степан Терентьевич.

- Увесь свет завоевать? Россию завоевать? Народ - богатырь победить? Зря волнуешься, Терентьевич! Как раз сам их же германцев, самый што ни есть наиумнейший ученый, али какой генерал сказал, вот забыл, как ево зовут. А сказал так: "Русских победить, могут только русские"!

- Бисмарк сказал слова эти, дедушка, -

внимательно слушая речь деда Алексея, подсказала Лара, — он был государственным, политическим деятелем, — добавила она.

— Вот, вот, этот самый Бисмарк, спасибо, внучка, напомнила имя умного человека. Так што же, неужели германское правительство, германские полководцы не знают етова мудрова изречения свово же мудрова германского государственнова человека?

— Должно быть знают, — согласился, наконец и Степан Терентьевич.

А Иван Фомич, усиленно подмигивая больным глазом, добавил:

— Знают, как дважды два!

— Вот тебе и ответ на листовки, Исааковна, — закончил свои размышления дед Алексей.

— Мои мысли, Алексей Гаврилович, говорите! Мои мысли, дорогой наш! Всю ночь об этом, как раз и думала я и думать не перестая!

Генриэта Исааковна радостно просияла и прослезившись, доверчиво, с надеждой прижалась лицом к богатырскому плечу деда Алексея.

— А ну ка, налей стакан полней, Гаврилыч, нашей Исааковне, — воскликнул Иван Фомич, еще больше багровея лицом и сияя радостно глазами, — плесни водицы в стакан, Григорьевна, а то закрепка дымка для женского пола, — попросил он, понизив голос, Веру Григорьевну, и опять, повысив голос, провозгласил тост: — Так выпьем, друзья, за здоровье Генриэты Исааковны и нашево водницкова инженера Абрама Моисеевича, пускай ему там, страдальцу, легонько икнеца, да, заодно и за усех тех, хто у Сталина за проволокой томица!

Иван Фомич залпом осушил свой стакан и тут же прослезившись, вытер рукавом морского кителя набежавшие на лицо слезы, стал

усиленно подмаргивать больным глазом. Прослезились вместе с Иваном Фомичем и Генриэ-та Исааковна и другие. А Алексей Гаврилович, наклонившись к Генриэте Исааковне, зашептал:

- Германцы оружие нам, казакам, дают! Не стали бы они, германцы, сничтожая "красную", на ее место "белую" Россию строить, коли задумали силой победить народ наш - смекнули, видать, германцы, што красный рак куда опаснее для них "белой" России!

Генриэта Исааковна засияла глазами, молча крепко пожала руку деду Алексею.

- А еще скажу, - опять громко заговорил Алексей Гаврилович, - бывал тут у нас в гостях ампиратор французский, да еще со всей Европой удостоил посетить нас завоеватель великий, да еще Москву - сердце наше русское, полонил, да и што же?

- Едва ноги унес, поганец! - воскликнул, багровея лицом Иван Фомич.

- То-то же, и это германцы знают, а стало быть, и знают, чем походы на Россию кончаюца, - завершил дед Алексей.

Теперь ни у кого не осталось и тени сомнения, все твердо верили, мысли деда Алексея, правильны.

В это время постучали в дверь. На пороге стояла улыбающаяся Лида Петрова.

- Лидуська! А я забыла совсем, видишь, какой пир тут у нас? Заходи, кто там еще с тобой?

- Да, целая компания... Друг Руди увязался за нами... Неудобно было, понимаешь?

- Да что там, заходите! Заходите же, Ганс, что за жеманство такое, - заговорила Лара по-английски, обращаясь к Михнеру. - Не стесняйтесь, знакомтесь. Это моя мама...

Мой дедушка... Моя тетя Маруся... Наши гости: Генриэта Исааковна, Агафья Васильевна, Степан Терентьевич, - знакомила Лара новых гостей с присутствующими.

Михнер шел вокруг стола, подавая каждому руку, кланяясь, любезно-приветливо улыбаясь. Кавалер Лиды, Рудольф и его друг Фриц, подали руки Вере Григорьевне и остались стоять на месте.

- Лидуська, пойдём, поможешь мне столик из спальни принести. Вы же теперь не по-русски болтать будете, мешать одна компания другой будет, понимаешь? - улыбнулась Вера Григорьевна.

- Я уже подумала об этом, да стоит ли возиться?

- Думаю, лучше будет, а кавалер то у тебя какой, красавец просто! - восхитилась Вера Григорьевна.

- Да, но очень уж самовоображен и упрямый. Ссориться начинаем мы с ним, любит только партию Гитлера он и салдафон.

Лида хихикнув, стала помогать выносить столик из спальни. Михнер, увидев, быстро подошел и взялся помогать.

- Вы это, что, отдельно стол этот ставить будете? - спросил Михнер по-русски.

- Да, не сговоримся мы. - Лида указала на бурно рассуждающих гостей за столом.

- Сговоримся, сговоримся. Давайте-ка мы этот маленький стол приставим к большому, вот и будет для всех равно и не обидно, - предложил Михнер и быстро все сам наладил.

На столе появились банки с консервами, галеты, бутылки с немецким шнапсом и вином, плитки шоколада и другие сладости.

- Етот, видать, не из гордых, слышь,

Васильевна? - указывая глазами на Михнера, сказал Степан Терентьевич

- Не гордый, ни, ни! И видно благородней других и чином повыше - майор, а то и повыше хватай, он. Я усе уже узнала, - зашептала Васильевна на ухо Степану Терентьевичу.

- А другие то в каких чинах?

- Не ахти как, вроде, как бы наших лейтенантов.

- Ну, ну, - Степан Терентьевич понимающе закивал головой, пристально приглядываясь к немецким гостям.

Вначале, действительно, разговор между двумя "разными" компаниями не клеился, а потом, постепенно разговорились разнообразные гости вовсю и на трех языках сразу, дополняя невысказанное словами, жестикулируя головами и руками, а Иван Фомич применял, как и всегда, при горячих спорах - разговоров, свой неизменный костыль.

- Слышь, Лида, скажи им, што они вовсе не похожи на социалистов, какие ими правят, а смахивают больше на капиталистов, на буржуев, это значить, - заявил Степан Терентьевич.

- Ай да, Терентич, ай да, матрос - партизан, в самую точку попал, что ни есть буржуи вылитые, - поглядывая на немецких офицеров, подтвердил Иван Фомич.

Лида поспешно перевела и все приутихли, интересуясь, что скажут буржуевидные немецкие офицеры.

- Извините, но я, лично, никак не причастен своим происхождением к классу капиталистов, я из народа, мой отец и теперь простой рабочий, хотя и член партии национал-социали-

стов, с пафосом, сухо возразил Рудольф. Фриц таким же тоном заявил о своем происхождении из народа, но добавил, что есть, конечно, в партии национал-социалистов Германии и крупные собственники, включая миллионеров - фабрикантов, что это нисколько не мешает делу партии.

- Ну, это они уже заливают! - возразил сразу же Иван Фомич, - этаким винегрет из рабочих и капиталистов - буржуев, враз же прокиснет, это все одно, что в молоко кислой капусты вбросить, ведь, сразу же революция зачнется, - добавил он и махнув нервно кастылем, стал усиленно подмаргивать больным глазом.

Степан Терентьевич вначале молча, недоверчиво покрутил головой, а потом сказал:

- У такой, николи неведомой светом, партии должны быть и неведомые цели. Ты прав, Фомич, молоко и кислая капуста не могут меж собой поладить... Тут што то, - Степан Терентьевич опять недоверчиво покрутил головой и больше ничего не сказал.

Михнер с снисхождением улыбаясь, сказал, что в немецкой партии национал-социалистов, действительно состоят представители всех классов и, что лично он сам - сын фабриканта, вместе с отцом - члены партии.

- Лидочка, а ну-ка, детка, спроси их, - поднял руку дед Алексей, все время молча, внимательно слушавший задаваемые вопросы и ответы на эти вопросы, - спроси их, али все члены партии из разных классов, из коих состоит партия, могут делать все, што они хотят в интересах своих классов, али они должны делать то, што им приказует глава государства, как они ево зовут - фюрер Адольф

Гитлер? А?

- Яволь! (так точно), - разом и с гордостью заявили Рудольф и Фриц.

Михнер соглашаючись, кивнул головой.

- Ага, - обрадованно воскликнул дед Алексей, - вот почему то у вас и дело клеица и молоко с капустой кислой уживаеца, один главнокомандующий есть, ево и слушают и ни гу-гу. А ежели все по-своему главнокомандовать зачнуть, то тут, враз, все государство прокиснет - кавардак, это значить, в государстве произойдет!

Немцы дружно захлопали холенными, мягкими "буржуйскими" ладошками, а дед Алексей продолжал:

- Вот такое и у нас на Руси несчастье стряслось, такое, што все главнокомандовать захотели, партии разные понастряпали и Думу какую то придумали, а Дума то эта быстренько кавардак во всем государстве устроила: армию русскую разложила; врага на территорию нашу пустила; царя - главнокомандующего то праведного, законного от власти отстранила и предала. А когда убили царя, вот тут то и, враз, капуста кислая и молоко в СССР превратилися, в тюрьму народов!

Дед Алексей зло повел глазами.

- Так, Сталин у вас тоже главнокомандующий, почему же ему не подчиняетесь? - улыбнувшись, со скрываеомой хитрецей, спросил Михнер.

- Ага, уместный вопрос задал, хвалю и отвечу, - обрадовался дед Алексей Гаврилович. - Русские наши, белые цари - христиане православные главнокомандующие, как мы зараз с вами, условно глав государств называем, подавали своему народу команду идти вправо,

за праведными овцами Господними, а красный главнокомандующий Сталин подает команду народу нашему идти влево, за козлами, за сатанинским стадом грешников. Вот народ то наш и воспротивился такой команде и вот поэтому то и бросился на вашу немецкую сторону, ища у вас защиты и помощи для борьбы против власти безбожна главнокомандующева, а иначе, пошто вы, немцы, нам в России нужны то?

А в какую сторону идти нам подаст команду ваш, немецкий главнокомандующий, мы еще не знаем. А повернем мы, конечно, в сторону, куда указывает Господь Бог! Бог, Он тоже, ведь повелитель и мы все должны Ему подчиняться. Он велит делать хорошее, доброе. И лукавый, тоже повелитель, но он велит делать плохое, злое. Народ наш русский хочет делать хорошее, доброе, этому учит нас Церковь Православная. Вот вам мой ответ на ваш вопрос. Переведи ка, Лидочка, им всем, да поточнее, дочка, пожалуйста!

Дед Алексей сел, вытер выступивший пот на лбу рукавом морского кителя. Все обратились в сторону немцев.

- Гитлер - освободитель, он освобождает все народы! - заявил опять с пафосом и гордостью Рудольф.

- Яволь! - сразу же подтвердил Фриц.

Лишь Михнер, не сразу и не совсем ясно, сказал, что Гитлер желает объединения всей Европы и поэтому хочет уничтожить коммунизм.

- Доброе дело задумал! - одобрительно, громко, при общем молчании, сказал Иван Фомич.

А потом, помолчав, поразмыслив, ничего не молвил вслух, про себя подумал: - "Да, ведь, Сталин хочет увесь свет вокруг себя

объединить, сложная, туточки, махинация"! Махнув костылем, как бы отгоняя назойливую, волнующую мысль, Иван Фомич, предложил выпить за скорое свержение изверга Сталина и за свободу всех народов, всех стран. Выпили все охотно и со вкусом закусили и уже было опять наладилось у всех дружелюбное, веселое настроение, как вдруг Фриц, поглядывая на икону, спросил Лару:

- А зачем эти картины висят у вас вот там в углу?

- Лида, что он спрашивает? - насторожилась Лара.

- Иконы картинами называет и спрашивает, зачем они висят в комнате.

- Скажи ему, что "картины" эти всех врагов России сокрушают! - холодно, с трудом сдерживая, охвативший ее страшный гнев, сказала Лара.

Огненные искры метали ее серые лучистые глаза. Длинные, черные ресницы нервно вздрагивали, на лице вырисовывался гневный, густой румянец.

Лида перевела и с гневом посмотрела на опешившего и растерянно замигавшего глазами, Фрица. Заметив, что все гости крайне возмущены его вопросом и зло поглядывают на него, Фриц смущенно опустил глаза. Наклоняясь через стол, Михнер, что то гневно и быстро говорил ему по-немецки. Поняв, что он наделал своим вопросом, Фриц поспешил извиниться, сказав, что он на самом деле не знал значение икон.

- Слышь, Гаврилыч, этот грешник аж похлеще наших самых заядлых комсомольцев!

- А? - удивился Иван Фомич и стал одновременно нервно постукивать о пол костылем

и усиленно подмаргивать больным глазом, а здоровым бросал уничтожающие взгляды на Фрица.

- Да оно и в Европе и в Америке подобных бедняг, как этот Фриц, полным полно. Видывал их я, там нету чему удивляца. Ведь Церковь там отделена от государства, свободой это у них, значить, такое беззаконие называется. Закон Божий, на основании их людского закона, отделен от государства, от народа, а из школ Закон Божий зачали отымать, - лишают детей, это значить, всякого знания о Боге, правители западные.

- Они, эти правители, стало быть, сами себя богами считают, Гаврилыч, а? - Иван Фомич с ужасом и крайним удивлением округлил глаза.

- Получаеца так, Фомич, этакое беззаконие у них "демократией" называется, да Бог им судья, - со вздохом тяжким, сказал дед Алексей. - Церковь Христову, - продолжал он, - на сотни разных, враждующих меж собой сект разных разделили - это у них религиозной свободой зовеца. Беда будет этим делителям в день пришествия Христа Спасителя, не уйти ни одному от Его Страшного Суда! - Алексей Гаврилович, тяжело вздохнув, добавил: - Попались в сети лукавого многое множество овец заблудших, соблазненных лжеучителями.

- Да, невжель энти люди неразумют, што Церковь только одна правдивой может быть, Гаврилыч, - удивилась жена Ивана Фомича.

- Веть Господь перед тем, как вознеся на небо сказал только своим Апостолам, штобы приняли Духа Святого и дунул на них и сказал, што кому простят они грехи, тому простяца, а на ком оставят, на том остануца.

Апостолы, вестимо нам тоже из Евангелия Святого рукоположили Просвитеров и Епископов, а Епископы – священников и дали им право от Господа отпускать грехи наши нам, грешным людям. А кому же энти секты то исповедуют грехи то свои? Себе сами, штоли, коль священников не признают? Веть так то не прощаюца грехи то, Гаврилыч, а?

– Говорят, что они самому Богу исповедуют грехи свои, Васильевна.

– Богу? Так зачем же тогда Господь Бог сказал Апосталам своим, кому простите грехи тому простяца, а на ком оставите, на том остануца и на земле и на небе. А? Подумай ка, Гаврилыч!

– Ну да они может верят, што раз Апостолов уже на земле нет, значить и права исповедовать грешному народу ни у каво нет, Васильевна.

– Ни у каво права нет? А зачем же тогда Апостол Павел написал Тимофею – ученику своему, што у него, у Тимофея то, дар Божий, который в нем, в Тимофее находица через рукоположение ево – Святова Апостола Господнева Павла? А? И еще ученику своему другому по имени Тит, Святой Апостол Павел пишет, што сам Бог повелел ему, Апостолу Святому, ево проповедь апостольскую передать Титу. И еще пишет, што для тово он, Апостол Павел, оставил Тита то в городе Крите, штобы он довершил незаконченное и поставил по всем городам пресвитеров и епископов, как он ему приказывал. А хто же этим сектам такие приказы давал, коль их в те времена и в помине то не было. А? Тут, Гаврилыч, я думаю, секты энти самовольничают и, прямо-таки, идут против воли Господней, страх то какой! А?

- Правильно гутаришь, Васильевна, спаси тебя Бог! Да поди, докажи им этим сектантам, - дед Алексей сокрушенно покачал головой. - Энти несчастые, одержимые лукавым, сектанты, поскорее коммунистов народ православный с толку собьют. Только допусти их к нам в Россию, учение их лукаво-изворотливое то. Повыбирали места из Святого Писания, которое трудно человеку, незнающего Слово Божия, уразуметь и спекулируют этим, толкуют по-своему, по-сектански. А подходу то какому научили лжеучителя, главари этих сект, овец пойманных! Послушаешь - удивишься! Как же не попаца в ловушки такие, лукавого народу, духовно безграмотному? Попались и очень многие!

- Страшно, Гаврилыч, за людей энтих то! Думаю, што молица нам за них надо, дабы Господь вразумил и выпустил из ловушек то энтих.

- Научи и спаси их Господи! - быстро отозвался дед Алексей, - кающимся Господь все прощает! - Дед Алексей истово перекрестился на икону.

- Ну, а как жешь энти секты, хочу спросить еще, имеют ли они Святое Причастие?

- Нет, Святого Причастия у сектантов, не может быть, Васильевна. Священников то у них нет, а без священников и Святого Причастия нету.

- А Святое Писание они читают?

- Читают, читают, еще и как читают, почаще чем многие православные христиане, Васильевна!

- Коли читают, то неужели не знают, што Господь сказал, ежели кто не будет есть Плоти Сына Человеческова и пить Крови Ево, тот

не будет иметь в себе жизни. Невжели этова не знают?

- Знают. И это знают и все другое, што сказал Господь. Спорил я с ними, убедить хотел, но все напрасно было. Говорят, што Господь велел это делать, только для Его воспоминания.

- Да, ведь все одно в воспоминании, али как, но велел Господь принимать Святое Причастие до самого момента, когда Он в другой раз придет. Так вить, Гаврилыч?

- Истину говоришь, Васильевна, знают они и это, а говорят речи поистине страшные. Говорят, што исследовать Святое Писание, то это только хлеб и вино.

- Значить, против слов Господа говорят!

- Да, против слов Бога говорят, страшно слушать речи ихние, Васильевна.

- Должно быть лукавым одержимые они, Гаврилыч, а?

- Наверняка, Васильевна, да, ибо читают и не разумеют, смотрят и не видят. Думаеца мне, што лукавый руку свою нечистую крепко наложил на их несчастных, вот и ослепли люди. - Дед Алексей опять перекрестился со словами: - Спаси их Господи!

- Не иначе, Гаврилыч, несчастные они люди то. А еще хочу спросить, Гаврилыч...

- Слышь, Гаврилыч, перебиваю тебя, Васильевна, а ты спреси ка, аль вождь их фюрер, как они ево зовуть, аль он как Сталина победит, даст нам, русским, право Россией нашей управлять? Спреси ка вона таво, постарше чиновом какой, он, я вижу, посолиднее других выглядит, да и наш язык понимает, - поинтересовался Иван Фомич.

- Не знаю, - ответил Михнер, и тут же

стал, сделанным красноречием, говорить о красоте русских лесов, полей и рек, с заметным намерением, отвлечь гостей от опасных, для него, задаваемых вопросов, касающихся Фюрера.

- Как бы их, как они его называют - Форен, как бы он не в ту сторону народ свой толкает, в какую мы хотим. - В первый раз сильно усомнился Иван Фомич в надежности на покровительство и защиту немцев от безбожной советской власти.

- А я же тебе сказал, Фомич, - отозвался Степан Терентьевич, ишо неизвестно, каким запахом от немца то запахнет. А ты, не можешь быть! Вот тебе и не можешь быть!

Иван Фомич промолчал, лишь нервно махнул костью и стал усиленно подмигивать больным глазом. Вера Григорьевна и тетка Маруся начали подавать на стол чай. Михнер угощал всех конфетами и шоколадом. Фриц вызвался рассказывать смешную историю, Лида переводила. История оказалась остроумной и вызвала общий смех. Постепенно атмосфера разрядилась, разговор опять стал непринужденным и веселым. Незаметно наступил вечер. Гости, спохватившись, стали быстро собираться уходить. Рудольф и Фриц в восемь часов вечера должны были отбыть на фронт. Михнер рано утром срочно выехать в одну из частей дивизии наладить, что то особо важное в ремонтных мастерских. Стали прощаться.

- Лидушка, ты оставайся-ка ночевать у нас нас А?

- Да, я думаю, как раз об этом, мне одной дома оставаться страшно. Мама все еще в больнице, а Руди уезжает. Погоди-ка, Ларушка, я сейчас их выставлю.

Лида хихикнув, заговорчески блестя глазами, припала к уху своего красавца-кавалера, что то зашептала ему на ухо. Он улыбнулся, кивал одобрительно головой, целовал, поднося ее ручку к губам, миниатюрные, точенные, изящные пальчики. Фриц торопил друзей.

- Лара, я хотел бы вас навестить при первой возможности, если, конечно, вы разрешите, - заговорил Михнер по-английски.

- Да, да, конечно, мы все будем очень рады вас видеть снова. Приходите обязательно.

Он сделал низкий поклон, сказал несколько лестных фраз Вере Григорьевне по-французски и опять, как и при знакомстве, обошел вокруг стола, прощаясь, пожимая всем, любезно улыбаясь, руки.

- Ишь ты, какой благородный человек то. Большой марки офицер, а простым народом не гребует, с виду, что ни есть буржуй вылитый, а внутри человек не гордый, порядочный человек, - восторженно проговорил Иван Фомич.

- Да, оно то буржуй буржую рознь, да и пролетарий пролетарию рознь тоже, среди одних и других есть и добрые люди и злые, Фомич. Так жизнь то сама нам показывает. Пойми ка это, а то, я вижу, ты буржуев за людей не считаешь, стало быть, революционными категориями бросаешься, так не годица - неверно это, матрос-партизан, - подметил Степан Терентьевич.

- Да я и вовсе то буржуев не обругиваю, я это так по привычке революционной, иногда слово никчемное загнешь, - оправдывался Иван Фомич, постукивая легонько костылем о пол и усиленно подмаргивая больным глазом.

Он закурил, подаренную арагатную немецкую сигарету и покашливая в кулак, первый поднял-

ся из-за стола и вприпрыжку, опираясь на ко-
stuhl, направился к двери в общую кухню.

- Благодарствую, Григорьевна, и тебя,
Алексей Гаврилыч, за угощение. Не забываешь,
вижу, ты старых моряков. Ты ведь боцман наш
без отставки и силушки у тебя, знаю, хоть и
сейчас отбавляй, - дружелюбно улыбаясь гла-
зами, проговорил Горшков.

- Спаси Христос, Терентьич, Господь силов
дает мне! Благодарствую тебя на добром сло-
ве, - благодарил Алексей Гаврилович закадыч-
ного друга "мореплавателя".

Постепенно разошлись гости. Лара постели-
ла постель деду в комнате Марка.

- Это ты мне, внучка?

- Тебе, деда, Лида со мной, а тетя Мару-
ся с мамой лягут, как-нибудь уместимся, в
тесноте, да не в обиде, говорят.

- Ну, ну, Ларушка, это так... Ишь ты, ка-
кой пышный! - удивился дед, всматриваясь и
жадно-ликующе лаская взглядом внука.

Фотография была заведена в рамку. Взяв
со стола фото, Алексей Гаврилович долго, не-
отрываясь, смотрел на любимого внука, восхи-
щенно крутил головой, глубоко дыша, вздымал
свою богатырскую грудь, шевелил широченными
плечами, восторженно блестя глазами, маши-
нально теребил седые, густые усы.

- Офицер! Слышь, Ларка, а? И весь на Ива-
на похож!

- На тебя, деда, больше... Да и на папу,
конечно, очень похож. Только обоих вас рос-
том перещеголял, Маркушка наш.

- Пожалуй... Ты их рядом поставила.

Дед кивнул на фото Светланы.

- Рядом. Вот письмо ее, почитай, деда.

"Марк лейтенантом приехал ко мне в Москву, да не пришлось долго видеть его. Расставались на станции. На сердце у меня тоска и тревога. Боюсь, что растеряемся мы все в этом ужасном водовороте, нагрянула на нас неожиданная вспашка. И чем только весь этот ужас окончится? Ларушка, если узнаешь что о моих родных, напиши, пожалуйста. Я потеряла связь. Думаю папу опять куда-то переправили по долгу службы, как всегда. У нас в институте, едва окончивших, мобилизуют в армию, я на очереди.

Целую всех крепко, крепко!

Ваша Светлана.

Прочел дед вслух окончание письма Светланы.

- Нежданная вспашка! - пройдя по комнате, в раздумьи, молвил Алексей Гаврилович и помолчав, добавил, - боюсь, чтобы не слишком глубокой, она оказалась. Зажги, внучка лампадку Николе Угоднику.

- Зажгу, дедушка, сейчас. А ты сходи душ тепленький прими. В хуторе таких привилегий нет.

- Вчера Мария баньку истопила, да, освежица стоит.

Дед Алексей, уже помолившись, лежал в постели, когда Лара опять зашла, держа в руках перелицованный, отцовский, суконный китель.

- Для тебя, деда, это я смастерила, перелицевала, а гляди, как новенький и из хорошего сукна. Пуговицы пришила, да не те, что были. Нашла случайно. Маманя когда то давно в шкатулке спрятала, гляди ка!

На суконном темно-синем, морском кителе, вместо тонких, дешевых советских пуговиц, золотились с царской короной массивные морские пуговицы.

- Ишь ты, прелесть то какая! - восторженно воскликнул дед Алексей.

Он вскочил с постели, одел китель и даже перед заркалом, молодецки вытянувшись, долго рассматривал себя со всех сторон.

- Как в плечах?

- Ничего - свободно и сидит, как улитый и действительно, как новохонький, материал то старова, хорошева времени, ить! Благодарствую тебя, внученька моя!

- Деда, я хочу тебя спросить что-то, - серьезно сдвинув брови, проговорила Лара, задумчиво глядя в сторону.

- Спрашивай.

Дед снял китель, аккуратно повесил перед кроватью на дверь, присел на кровать, вопросительно-выжиждаючи посмотрел на Лару.

- Я вчера серьезный разговор вела с этим немецким майором и сегодня к его словам прислушивалась и присматривалась к его поведению. На вопросы он очень осторожно и как бы с оглядкой отвечает и все, как бы не досказывает, а я вижу, что ему очень даже хочется еще что то сказать, да удерживает его что то. Диктатура у них в Германии, это несомненно, но какая то странная, неясная. Я ему сказала об этом, но он увильнул от конкретного ответа. - Лара вопросительно посмотрела на деда Алексея.

Он не сразу ответил.

- Рано еще спешить с ответом на такой вопрос, - молвил дед Алексей и помолчав, добавил, - цели их делами ихними сами выявляца,

ненужно ево помогать. Он, што, этот майор, за тобой увиваеца? - Дед бросил настороженный взгляд на внуку.

- Нет. Не могу сказать. Так, джентльменством на английский лад щеголяет, учился в Англии. Да и не допущу я, чтобы он увиваться стал за мной.

- Не нужно, Ларушка, латынцы они немцы то. Разные мы с ними люди. У них людей больше по одежке ценят, а у нас по нутру. Разные мы.

- Да, это так, деда, и у англичан то же самое. Я помню, как еще английский язык начинала учить. Так вот, задала мне учительница однажды выучить рассказик по памяти.

- Какой такой рассказик, по-английски штоль?

- Да, по-английски, конечно, теперь я уже позабыла дословно, ну суть смысла рассказа такова: К одному управляющему фабрикой или по-английски менажеру, пришло много ищущих работу, людей. Они ему подробно рассказали о своей трудоспособности, большой практике в деле, показали документы, а также хвалились своим хорошим поведением. Управляющий внимательно их всех выслушал, но отказался принять их на работу. Пришел после них еще один человек. Он ничего вообще не рассказывал о себе, а только спросил: имеется ли на фабрике работа. К большому удивлению секретаря, управляющий, не задав ни одного вопроса этому человеку, сразу же принял его на работу. "Как же так, - удивленно спросил секретарь, - эти люди имели столько рекомендаций и гарантирующие их трудоспособность документы, а вы им всем отказали в работе. Этот человек не имел никакой реко-

медаций и гарантий, да и вообще вам ничего не рассказал и вы его приняли на работу, как так"?

Управляющий ответил: "Нет, вы ошибаетесь, у этого человека было много весьма хороших рекомендаций". "Какие же это"? - удивился секретарь: "Он был опрятно одет, хорошо выбрит, у него были очень аккуратно и красиво причесаны волосы, плюс он выглядел достаточно хорошо воспитанным человеком".

- Ну, и што дальше? - спросил Дед Алексей, терпеливо выслушав рассказ Лары.

- А дальше то, что ты уже сказал, по одежде ценят людей латынцы, как ты называешь всех западников, - засмеявшись, блестя озорно глазами, с хитрецей, ответила Лара. - Ты прав, деда, не буду спорить, но ведь на Западе выявились многие ученые - изобретатели

- Постой, постой, внучка, за ученых - изобретателей туточки нужно глядеть, што они изобретают и чему учат. Закончим сначала ответ насчет "одежки" и "нутра". - Дед Алексей взял с полочки у кровати Евангелие. - Вот что говорит Сам Господь Бог об этом: "Не судите по наружности, но судите судом праведным". Это от Иоанна. Да ведь и неверующему человеку стоит только подумать хорошо и убедица, што наружность без знаний нутра - темная, беспросветная ночь. - Дед Адексей резко встал и пройдясь по комнате, глядя на Лару, сказал: - Помню в каком виде пришел твой отец, как ево выпустили, ребелетировали, как у них, коммунистов, говорица, страшно глядеть то на нево было, аль не помнишь? А допрашивал ево в НКВД и бил, с наслаждением садиста, следовательно, с виду аж аристократ

какой, одет был в штатском, в костюмчике, прямо таки, с иголки. Выглядел, как миллионер аристократического происхождения. И причесан был аккуратно и опрятен и чисток до блеска, да блестел снаружи то он, а внутри был грязным, злым мучителем, холерный изверг. Много еще что рассказал Иван об этих чисто и опрятно одетых чекистах. Ух! — Дед зло махнул рукой. — Теперь за ученых этих, скажу слово, ибо вижу, ты их неверно оцениваешь. И скажу так: учение этих ученых по сравнению с учением Христа Спасителя, равно пустому месту. Да, хорошо бы было, ежели бы только пустому месту, а то вредно оно, а зачастую, и просто губительно! Научили эти ученые людей смертных такому делу, што и сами, кадось, спугаюца результатами учения своо то. А еще отведу тебе на восхищение твое ошибочное учеными мудрецами, словами самово Господа Бога. "И мудрецы века сего безумцы перед Богом"! А у русскова народа есть поговорка, что ни есть истину речущая: "Без Бога — не до порога"! А это соответствует словами Господа: "Без Меня не можете творить ничего" — Это от Иоанна. Так то, внучка!

— Согласна я, деда, лукавый может только отрицать истину слов Божьих, или же человек, одержимый тем же лукавым, но согласись же и ты, ведь есть же среди западников и тех же католиков и протестантов хорошие люди, правда ведь?

— Конечно есть, да ишо и какие хорошие, набожные, верующие люди! Не об этих то людей гутарю я то!

Дед Алексей встал с кровати, нервно прошелся по комнате.

- Сегодня за столом, я сказал гостям нашим о правителях западных стран. Они церковь отделили от государства. Думают без Бога справица могут с делами государственными, а я тебе уже говорил, што Господь сказал, што без Него ничево творить неможно. А они из школ Закон Божий начали уже давно отымать, а впредь дети их ничево о Боге не будут знать, а это ведет к разврату, воровству, пьянству, хулиганству и вообще к разложению всей нации. Нет, не блещут умом министры западных стран. Демократия их только с виду блестит, а внутри гнилая она. Видел я достаточно результат делов демократов. Беда на этом свете! - Дед сокрушенно махнул рукой. - А што, Игорь то твой, где он? - неожиданно спросил он.

Лара, слегка смутившись ответила:

- Застрял он в Харькове, в институте, вместе с нашим Алькой. Боксь, что их мобилизуют в армию, я, знаешь деда, - помолчав продолжала она, - как то охладела к нему. Да и чувства свои к нему иначе стала расценивать, стала иначе понимать его. Написала ему все откровенно.

- Правильно сделала. Нельзя человека в заблуждении держать. Огонь завсегда легче погасить, прежде чем он разгорица, - быстро отозвался деду Алексей. - А Лида то наша, вижу влипла в этова белокурова. А?

- Не знаю, похоже так, - уклончиво ответила Лара.

- Не вижу добра в этом, - бросив строгий взгляд, молвил дед, а потом тихо, задумчиво добавил: - на свете этом грешном разное случаетца. А ты молодец, Ларка! - вдруг оживился дед, - Фрица то этова как резанула, а?

Враз на лице твоём просияло происхождение твое — казачья кровь, она то не ржавеет, внученька моя родная, вот и сказала, а этому то Фрицу, может на пользу будет.

Дед Алексей ласково погладил смолисто-черные, глянцевые локоны внучки и заглядывая ей в глаза, сказал:

— У одной тебя, Ларушка, из всех моих внуков, глаза бабушки нашей. Вот и смотрят то так и сердяца и улыбаюца и смеюца, точь в точь, как у покойной моей разлюбезной Людмилы Ивановны.

Дед опять ласково погладил голову внучки и прошелся по комнате.

— Я, деда, как в хуторе была, сбегала в степь, нарвала цветочков, каких нашла, осень то теперь и положила на могилку бабушке.

— Спаси Христос, внучка, благодарствую, умничка ты у нас, кровинушка моя родненькая! — Дед Алексей нежно поцеловал серые, лучистые глаза внучки. — Ступай, спи, Ларушка, завтра еще погутарим. Утро то мудрее вечера, говорят люди наши. Да, забыл я, сбегай, внучка, пожалуйста, подложи сенца коню. Да перевяжи его подальше от мешка с овсом, а то он дотяница и повечеряет завтрак свой. А овса у нас больше с собой нет.

— Я мигом, деда. — Лара метнулась в двери.

— Ларушка, гляди конь строгий, с капризом этаким, все грызнуть норовит, паршивец, — вспохватился дед.

— Я ему гры-за-ну! — озорно, блеснув лучистыми глазами, Лара бросилась во двор, стуча каблучками своих модельных туфельек по цементным ступенькам лестницы.

Дед Алексей довольно улыбнулся, постоял, полюбовался еще фотографией внука, перевел взгляд на портрет сына.

- Ишь ты казаки - моряки! - восхищенно поведа широченными богатырскими плечами, сказал он вслух и лег в постель, ощущая запах свежести чистых простыней, застланных заботливой внучкой. - Умница то какая уродилась и проворная то какая - истая казачка! Спаси и сохрани ее Господи! - засыпая, чуть заметно шевеля губами, молвил дед Алексей.

Х Х Х

Лида лежала, скрутившись калачиком, каштановые локоны были в беспорядке разбросаны по подушке, чуть заметно вздрагивала... Беззвучно плакала...

- Ну и злющая животина, грызанул, мерзавец, все же.

Лара, обнажив плечо, рассматривала в зеркало оставшиеся следы конских зубов на спине. Сердито хмуря брови, удивленно пожимала плечами.

- Ну, я его завтра полечу, будет он у меня кусаться, - усмехнувшись, решила она и скользнув взглядом по зеркалу, увидела отражение лица подружки - глаза плотно закрыты, вздрагивают пушистые ресницы, по смуглым щекам струйками текут слезы.

- Лидонька, что с тобой? - Лара схватила обеими руками голову подружки, смотрела в ее широко открывшиеся глаза.

Из уст Лиды, чуть слышно вырвался не то смех, не то плач, также непонятно светились ее глаза, казалось они одновременно и плакали и смеялись.

- Говори, что с тобой, ты больна?

- Я... Я... Я нехорошая, Ларушка, слышишь,

я не та, что была.

Глаза у Лиды лихорадочно загорелись нездоровым блеском, она пряча голову на груди подруги, дрожа всем телом, стала быстрым, болезненно звучащим шопотом, как бы боясь, что ее кто-то услышит, говорить:

- Я влюбилась... Я отдала ему свою девичью честь! Я грязная, нехорошая... Я потерялась, Ларушка, я как пьяная и крепко пьяная от счастья и горя одновременно, меня безжалостно скомкавшие, разбив вдребезги мое самообладание. При людях, я из последних сил держусь, мое поведение наигранно - фальшивое. А в душе моей горит огонь, он приятно-сладко греет, как кокаин дурманит меня и в то же время я чувствую, совесть моя сжигает меня. Ты спросишь, как это стрелось, не знаю, не помню я, Ларушка!

- Подожди, подожди, Лидуся. Ведь и с другими такое случается, правда ведь? Ведь он тебя, я думаю, тоже любит, я это вижу.

- Да любит, я знаю наверника! Он говорит, что он знает, что жить без меня он не может, что он боится мысли потерять меня.

Лида оживилась и приподняв голову, громче и бодрее заговорила:

- Я помню читала что-то вроде стиха или романса, в котором, между прочим, есть такие слова:

"Любовь, это вампир,
Сосущий с сердца кровь,
О, вы, любящие, не бойтесь
Ни бури, ни грома,
А бойтесь только яда"!

А я, Ларушка и яда не боюсь! Слышишь, и яда я не боюсь! Яд не убьет меня, я живучая! Боюсь только одного. - Лида замолчала, ли-

хорадочно дрожа, прижалась к подруге и тихо сказала:

- Боюсь только потерять его.

- Ты была у мамы? - осторожно спросила Лара, вспомнив содержание злобных немецких листовок.

- Была. Ей сделали весьма удачно на прошлой неделе операцию вен. Она быстро поправляется, хорошо выглядит и скоро будет дома. Недалеко от мамы лежит одна пожилая еврейка, она меня подозвала и спрашивает: "Правда ли, что немцы листовки бросают, в которых призывают народ всех евреев и комиссаров убивать". Я ей сказала, что такая мысль аполитична и весьма опасна для Германии. Что бросать такие листовки могут только сами советы. Что они, отступая, на ходу спешат менять свои лозунги, ибо люди наши бегут навстречу немцам, принимают их с цветами, а советы, вот и придумывают всякие трюки, чтобы заставить народ наш воевать - вот эти листовки, если они на самом деле появились, и есть один из советских трюков!

- В что Рудольф говорит?

- Руди говорит, что их дивизия принадлежит к боевым фронтовым частям СС и не имеет никакого отношения к проводимой немецким правительством политике, что политикой должно заниматься только правительство и, в первую очередь, фюрер Адольф Гитлер, а солдаты должны воевать, а не политизировать. "Фюрер все знает! Фюрер гений"! На этих словах сходится все его понятие о политике.

- А знает ли он, что твоя мама еврейка?

- Нет, не знает. Он очень был доволен, что покойный мой отец происходит из простой рабочей среды - из народа. а что папа имел

высшее образование, так это очень даже похвально, по мнению Руди. Я хотела было сказать ему, что моя мама тоже из бедной семьи, но что она крещенная еврейка и я тоже крещенная православная христианка и спросить за эти злополучные листовки, а потом подумала, что Руди опять будет сердиться и обвинять меня в политиканстве, что я травлю его всякой, ненужной немецкому солдату, политикой. Впрочем, я ему как-нибудь скажу.

- А ты не говори, зачем это? - посоветовала Лара.

- Да это неважно, Ларушка.

Лида, вдруг как-то сразу успокоилась, устало зевнула, по-детски наивно улыбнулась, собрав локоны в косу, уже совсем спокойно, как бы с ней ничего необыкновенного не произошло, сказала:

- Выключи свет, Ларушка, будем спать.

Лида действительно быстро уснула, расбросив во сне по подушке свои пышные каштановые локоны. Лара долго не могла уснуть, то смотрела на свою опьяненную любовью подругу, взвешивая, оценивала происходившие мировые события. Представляла, как наяву, тысячи и тысячи белокурых, подобно Рудольфу, немецких солдат, сражающих насмерть русских солдат - огнем и мячем бьющих измученную, истерзанную, обездоленную советской террористической преступной властью, ее Родину - страдалицу Святую Рось-Матушку. Но ведь без войны не отделаться от советской власти! - Мелькала мысль у Лары и она тяжело вздыхала, задумчиво-печально смотрела на мирно спящую подругу, ласково теребила ее пушистые, каштановые локоны, настороженно прислушивалась к, глухо долетавшим издалека, орудийных зал-

пам. Немецкие войска, вспахивая стальными гусеницами несметных количеств их танков и бронемашин, рвались вперед, топча и сжигая донскую ковыль, неудержимо катились по донской степи обильно и, уже в который раз, политой казачьей, нержавеющей кровью, пропитанную людским потом, материнскими слезами, спеша захватить богатый углем весь Донецкий бассейн.

"Нежданная вспашка нагрязнула на нас, боюсь, что мы можем растеряться в этом страшном водовороте" - мелькнула в мыслях слова Светланы и тут же опасно-предостерегающе, сказанные словом дедом Алексеем: "Боюсь, как бы эта вспашка не оказалась очень глубокой".

То закусив губы, сосредоточенно мысля, Лара смотрела в потолок, в одну точку, то, прервав мысли, поворачивалась на бок, ощущая щиплящий зуд на укушенном плече. А конек то хорош, строевик, не иначе, подумала она и вдруг вспомнила себя двенадцатилетней девчонкой, мчавшейся на развой молодой кабылице, стелившейся бешеным наметом. Лара стремится настичь, скачущего впереди, вдоль Дона на крупном каракулевом жеребце, брата. У кабылице вытянута, словно на плаху, под топор подставленная шея, раздуты розовые, просвечиваемые солнечными лучами, ноздри, глаза зло прищурены и виден большой оскал зубов. Марк часто оглядывается и нещадно режет плетью по лоснящемуся крутому конскому крупу. Лара нагоняет брата, цепко ухватив повод, она резко осаживает жеребца.

- Поймался! - ликует она, глядя по-детски победоносно-ликующе на брата.

Возвращаются рысью, приближаясь к исходной точке, сводят коней на шаг. Дед Алексей

довольно смеется.

- Эх ты, казак! - укоряет он шутя сердито надутого внука.

- Жеребец то стопудовый, тяжелей слона, да и джеже старый. Гляди в мыле весь от одной пробежки, - оправдывается Марк, бурча детским басовитым голосом.

Тетка Маруся, еще совсем молодая и красивая, тонкая, гибкая и, в то же время, такая хрупкая, подобно молодому тростниковому побегу, изгибаясь хохочет, машет черными, как смола длинными косами, сверкает антрацитом калмыцких глаз, блещет сахарным оскалом зубов, что-то по-калмыцки говорит, исподлобья поглядывавшей на Лару, светлоокой своей дочери Маше.

А у самого берега, настороженно, застыла незаметно подплывшая, стайка мелкой белой рыбицы. Вдруг плеснув водой, вся стайка мгновенно скрылась в речной глубине. Лара, весело хохоча, поднимает кобылицу в дыбки, затем пускает ее броским, бешеным наметом, резко осадив, поворачивается назад и опять несется с развивающимися, теребимые ветром, черными локонами, назад. Резко осажденная кобылица, поднимается в дыбки, танцует подобно цирковой лошади, зло косится на лихую наездницу.

Как хорошо тогда все это было, и все это так скоро и незаметно минуло. Исчезло, скрылось бесследно, подобно вот той стайке мелкой белой рыбицы, исчезнувшей бесследно в речной глубине, подумала с печалью Лара. Прислушиваясь к мирному дыханию, глубоко уснувшей подруги, почувствовала тяжесть в, ставших устало смыкаться, веках, уснула.

Х Х Х

С раннего утра, раньше обыкновенного времени, уже зашевелились жильцы в общей кухне. Загремели посудой, передвигали стулья и скамейки. Кто-то о чем то спорил, кто-то постоянно входил и выходил, громко хлопая наружной дверью. Лара, встрепенувшись, открыла глаза. Лида стояла у зеркала и старательно расчесывала свои, сбившиеся за ночь, завитушки.

- Ну, и спала я!

- Да, уж спала... Вставай, Ларушка, мама уже дважды заглядывала, зовет нас к завтраку, - молвила Лида, продолжая справляться со своими локонами.

- Огурцы то, огурчики то забыли, Мария, мы. Как же это мы то, дочка, а? - кинулся дед Алексец, вспомнив, что приготовил взять с собой целую банку соленых огурцов.

- Вовсе не забыли, в подводе они.

Тетка Маруся проворно смоталась и принесла огромную банку с огурцами.

- Ну и поршивец конь то, ты правду сказал, деда.

Лара, зло блестя глазами, прикладывая, свои локоны, сердито поглядывала на деда Алексея.

- Что такое?

- А погляди, синяки то какие красуются у меня. Я ему вчера добре всыпала, а сегодня еще добавлю, отучить надобно, паршивца этакого!

- А я же тебя предупреждал, конь строгий, не любит незнакомцев.

- Да мы уж теперь с ним познакомились, - усмехнулась Лара.

- Это он городских кусает, какие с прическами, да в шляпках ходят, а нас, хутор-

ских баб, в платках закутанных - ни-ни, - усмехнулась тетка Маруся.

- Я вот ему прическу устрою! - зло сверкнула глазами Лара и тут же похвалила коня, - справный должно быть резвый конек то, гляди, деда, у него на левой задней подкове две ухнеля не хватает.

- Не может быть, ить проверял я, как выезжали то, - удивился дед.

- Значит по дороге выскочили.

- Должно быть, внучка, - согласился дед, - домой прибудем, подтяну подкову.

После завтрака, стали собираться в дорогу. Дед тормозил, подгонял тетку Марусю.

- Ну, что же это так быстро, папаня! Хоть бы пару деньков побыли у нас, - жаловалась Вера Григорьевна.

- Не могу, дочка, Тимофеич, хотя и ослобонил всех дедов от строя, но делами "государственными" наказ дал заниматься. А я то теперь, хотя и не советская, слава Богу, но власть, никуда не денешься, а делов у атамана хуторского хватает, - разведя руками, с задором, усмехнулся Алексей Гаврилович, - Тимофеич мечется, как митиор, гонцов по станицам и хуторам кинул, казаков поднимать, а сам прихватил с собой Ивана Будакова, да Андрея Грекова с полузводом казаков в Ростов, вслед за немцами помчался.

- А немцы что? Как на это смотрят? - спросила Вера Григорьевна.

- Да, ничего - одобряют и вроде даже понакупают, дескать, давай, казаки, нам помочь советов сничтожать. Оружия трофейнова у нас целые горы, а немцы еще свое предлагают. Форму свою из добротного материала понавели, целый склад и, конечно, кормица сотня

строевая наша из немецкова котла, так уж командование ихнее сразу определило нашу первую повстанческую сотню, наравне со своими частями, без всякой разности всем добром казачью сотню снабжать. В хуторе зараз два штаба, две власти - казачья и немецкая, но без разрешения немцев, власть казачья ничиво, пока не стоит, да это и понятно - фронт под носом и идуть бои. Так то, Верочка. А ты, Ларка, гляди за маманей, в обиду не давай никому, шустрая ты и любому отпор дашь, полноценная ты у нас казачка, внучка!

Дед ласково обнял и расцеловал невестку и внучку, стал прощаться с жильцами дома и многими другими жильцами Городка Водников.

Все хором благодарили Алексея Гавриловича за визит, желали всего наилучшего, выражали надежду вскоре опять встретиться. Иван Фомич, размахивая костью, расталкивая бесцеремонно соседей, вприпрыжку мчался к, было уже тронувшейся, подводе.

- Подожди, Гаврилыч, стременную то, стременную, - хрипел, что есть силы, высоко поднимая бутылку с немецким шнапсом, - стакан, стакан, Васильевна, беги, стара, скорей, неси стаканы то. Беги, говорю тебе, старая! Да сам то я, старый моряк, а стаканы то на столе оставил, фу, ты беда, срам один! - взволнованно хрипел Иван Фомич.

Кто-то подал стаканы, а Иван Фомич, находясь под сильным "газом", проливая напиток через верх, наполнял стаканы, заметно покачиваясь и усиленно подмигивая больным глазом.

- Чистейший германский шапс, Гаврилыч, напиток, што ни есть наилучший у германцев то. Немец энтот, буржовидный какой, он вчерась, как сматывались они то, немцы, и всу-

чил мне добро это. Накось, говорит, Иван Фомич, ты, говорит, примерный, это значить матрос - партизан, стало быть тебе и награда полагаецца. Пей за свое здоровье, значить!

- Ну, ну, Иван Фомич, давай уж што там выпьем и за здоровье и этого немца. Побольше бы их, таких германцев к нам на помощь прибывало!

Дед Алексей, чокнувшись с Иваном Фомичем, выпил "стременную".

- Счастливо, Гаврилыч!

- Езжайте с Богом!

- Спаси Христос, увидимся!

Строевик - резвач рванулся с места и забирая сразу крупной рысью, понес подводу, всю дребезжащую и отчаянно скрепевшую по улице, уложенной с незапамятных времен крупным серо-сизым бульжником. Дед Алексей, оглядываясь, держа одной рукой вожжи, другой размахивал старым, вытертым, потерявшим свой цвет, морским козырьком. Тетка Маруся одной рукой держась за широкие плечи свекра, другой изо всех сил, махала утиркой.

Телега с желанными гостями уже скрылась из виду, а никому из провожающих их не хотелось расходиться. Еще долго стояли, поглядывая вслед укатившим гостям, говорили кто о чем, на злобу дня. Кое-кто бросился в спор, кое-кто, соглашались поддакивал, а между собеседниками, лавируя, подобно парусному судну, идущему против ветра, прислушиваясь к разговору, шнырела урка Устя-Брехня. Постепенно стали расходиться по своим куткам.

- Ну, и мне пора двигаться, Ларушка, - Лида устало зевнула, обняла подругу.

- Останься еще на денек, зачем тебе спешить, скучать одна будешь.

- Где там мне скучать, стирки целая гора собралась. В квартире целый кавардак, работы полно.

- Ну ладно, пойдем, провожу тебя до угла, - согласилась Лара.

Они растались на углу Старого базара и Петровской улицы.

- Руди через несколько дней будет тут, как тут! - блестя счастливо карими глазами, целуя подругу, как бы по-секрету, сообщила Лида и быстро зашагав, оглядываясь, счастливо беззаботно улыбаясь, посылала воздушные поцелуи любимой подружке.

Лара удивленно пожимала плечами, дивясь поведению ее подруги, весьма умной и весьма образованной девушки.

Глянув в сторону лежащих развалин собора, Лара увидела, как проходившая старушка остановилась, опустила на колени, ложа земные поклоны, истово крестилась на остатки когда-то Златоглавого Великана. С трудом поднявшись на ноги, старушка со скорбным лицом, ежась от холода, стягивая на груди ветхую, изношенную кофту, прошла мимо Лары, шепча молитвы.

Х Х Х

XII

На другой день после того, как уехал дед Алексей, Таганрог был потрясен страшным ударом, по городу, как ветер разнесся приказ, прибывших в город представителей германской политической власти: всем, проживающим в городе и окрестностях евреям, немедленно явить-

ся с вещами. В приказе указывалось место сбора и предупреждалось, — кто посмеет не явиться, будет строго наказан, вплоть до расстрела. Удивленные жители города с сожалением и страхом смотрели на проходящих с котомками за плечами, целыми семьями и поодиночке евреев. Они шли молча, неразговаривая, с серыми, мертвой пеленой, овеянными лицами. Шли сапожники и портные, слесаря, токаря, шорники и чернорабочие, среди них была и еврейская интеллигенция: доктора, фармацевты, медсестры, бухгалтера, педагоги, художники, парикмахеры и молодые студенты технических и других училищ города. Шли с котомками за плечами навстречу смерти, те самые евреи, которые с нетерпением ждали прихода немцев, ждали наравне с другими жителями города прихода немецких войск, как единственную возможность освободиться от красной сталинской машины. И вот чудовищный, преступный удар со стороны черной гитлеровской машины смерти.

Лара и Вера Григорьевна держали под руки, едва стоящую на ногах Генриэту Исааковну. Немецкая жандармерия подталкивала подходящих евреев штыками, громко угрожающе кричала, отгоняла пришедших русских и нерусских жителей города, осмелевших проводить своих друзей и знакомых евреев.

— Скажи сыну моему, Ларушка, скажи ему, что прошу прощения у него, за то, что не послушала его, скажи, дорогая, — просила Генриэту Исааковна, едва слышно, с трудом произнося слова. У нее дрожали иссохшие губы, из впалых, поблекших глаз, сквозила материнская тоска и мука. Подошедший сзади жандарм что-то угрожающе крикнув, сильно толнул в спину прикладом карабина Генриэту

Исааковну, державшие ее под руку Лара и Вера Григорьевна упали вместе с ней на землю. Молненосно, подобно дикому барсу, вскочила на ноги и бросилась к жандарму Лара. Страшным огнем пылали ее серые, большие глаза. Она уничтожающе секла глазами жандарма, приближаясь к нему. Жандарм сильно ударил Лару прикладом в грудь, ахнув она упала навзничь. Перешагнув через нее, лающе крича, угрожая карабином, жандарм двинулся дальше. В испуге горожане отхлынули назад, полны возмущения, удивления и страха.

Подскочившее на полном ходу, сильно затормозив, остановилось авто. Вышел эсэссовский майор, он бережно поднял бесчувственно лежащую Лару, понес к машине. Горожане помогли ему усадить в машину Веру Григорьевну, она тяжело дыша, испуганно смотрела по сторонам, молчала...

- Сломано одно ребро, могут быть неприятности от сильного ушиба головы, посмотрим, что мы сможем сделать.

- Я вас очень прошу, доктор, уделите внимание.

Михнер нервно теребил замшевые стального цвета перчатки, тревожно поглядывая на провожавшего его к двери русского доктора

- Да, конечно, можете быть уверены. Что касается матери, - у нее только испуг и незначительные ушибы. Мы через пару дней отправим ее домой.

Доктор любезно улыбался, сделал легкий поклон головой, собираясь удалиться.

- Простите, доктор, задерживаю вас. Я смогу быть в городе только через две недели, может быть за это время все, все обойдется? - Михнер замаялся и вопросительно по-

глядывал на врача.

- Да, да, за это время все, все выяснится...

Михнер сильно гнал машину, у него оставалось очень ограниченное время, а нужно было еще успеть оказать двум семьям, оставшимся без куска хлеба, с малыми детьми. Он довольно поглядывал на ящики, наполненными банками с сухим молоком, мясными консервами и шоколадом. На благородном лице, светились добрые голубые глаза...

Х Х Х

Лида лежала на кровати лицом вниз, без движений. Лицо глубоко утопало в подушке, сверху веером рассыпались каштановые локоны. На полу валялась бутылка с остатками рома. Разило запахом незнакомого чужеземного напитка, чадила ушасающая керосиновая лампа. Через запотевшие стекла окон едва проникал бледный свет луны, слабо отражаясь на опрокинутом лакированном ночном столике. Рудольф видел ее через окно, долго сильно стучал, но она не двигалась. С большим трудом открыв карманным ножом дверь, Рудольф взволнованно, в недоумении смотрел на лежащую без движений Лиду.

- Дорогая, это я, - тихо проговорил он, положив руку на ее спину.

Она подняла голову, долго смотрела на него затуманенными глазами, казалась не узнавала его, потом странно улыбнулась и беззвучно рассыпчато рассмеялась. Смех был неестественный, странный. Испуганно вздрогнув, он взял ее за плечи, приблизил к себе.

- Что случилось, дорогая с тобой?

Его голос тревожно дрогнул. У нее вдруг просияли глаза, она обвила руками его шею, долго ненасытно целовала.

- Это ты сама выпила всю бутылку, зачем? - нежно разглаживая ее локоны, целуя ее глаза, тихо спросил он.

Она вдруг оттолкнула его, встала на ноги, лицо мгновенно оделось мертвой маской, глаза сухо, болезненно блестели, судорожно вздрагивали помертвевшие щеки. Она молча прошла ко комнате.

- Немцы расстреляли наших ни в чем невинных людей, ты это знаешь? - приглушенно, едва слышно проговорила она, еще больше меняясь в лице, остановившись перед ним.

- Да, но это были только евреи. Так нужно, так велит фюрер. Их нужно убить и это правильно!

- Что правильно?

У нее вдруг загорелись яркими вспышками глаза. Она приблизилась к нему.

- Все правильно, что приказывает фюрер, все! Фюрер гений, он доказал это, зачем тебе это? Зачем такой вопрос? - Он растерянно, в недоумении развел руками.

- Немцы убили мою мать! Слышишь? Мою мать! Моя мать еврейка и я тоже еврейка!

- Ты еврейка? - меняясь в лице, зло и в то же время испуганно, спросил он.

- Да, я еврейка! Я уже сказала!

Они стояли друг перед другом, были подобно двум смертельным врагам, готовившимися к последней и решительной схватке. У него все кружилось перед глазами, вдруг ставшими туманно-темными, непроницаемыми и злыми. Теперь он видел перед собой, стоявшего фюрера с вытянутой рукой, проходящие парадным мар-

шем полки, ясно слышал их четкий, твердый шаг: - цок - цок - цок и всепоглощающий дружный громогласный выкрик - да здравствует победа! Механически двигалась его рука, спокойно и медленно нащупывала, а потом и вынула из кобуры пистолет. Когда раздался выстрел, она упала, сраженная на смерть у его ног. Он долго смотрел на нее, а потом внезапно, как подкошенный упал на пол, истерически рыдая, целовал ее лицо, руки, ноги. Головой прижался к ее груди, окрашивая ее кровью свое искаженное страшной мукой лицо и белокурые блестящие, красивые локоны. Проходившая мимо военная жандармерия, услышав выстрел, стала стучать в дверь, заглядывать в окна, приказывая отворить дверь. Он стрелял по появлявшимся в окнах лицам жандармов, истерически кричал что-то непонятное, болезненно-ненормальное. Но вот у него в обойме нет больше пуль. Он швырнул пистолет в жандармов и тут же упал сраженный на смерть сразу несколькими пулями.

Его голова упала на ее грудь... Кажется, они оба глубоко уснули, крепко прижавшись друг к другу, оба очень молодые и очень красивые люди. Лишь обогряющая их тела кровь, говорила о другом. А на полу лежала, слетевшая с его головы фуражка с какардой СС, на рукаве мундира виднелась, забрызганная кровью на черной, обвивающей рукав мундира ленте надпись: - Adolf Hitler.

Выломав дверь, ворвавшиеся жандармы, вынесли, покрытые одеялами, их тела... Запечатали квартиру.

Х Х Х

От самого лобного места на Ленинской улице, где немецкие власти вывешивали свои приказы и объявления, всю дорогу до дома Кости Грека бежал Борис, ногой распахнул ка-литку.

- Горим, братцы! - объявил он блымая глазами, порывисто дыша и подтягивая сползающие с жирного живота, сидящим в кругу на полу друзьям.

(Присутствовали на совещании только две девушки: Наташа Петрова и Эрика Шварценберг).

- После "игры" - отозвался Длиннонос.

- После "игры"? А пойдя полюбуйся, немцы приказ вывесили: \perp немедленно всем партийцам, комсомольцам и тем, кто попал в плен и скрывается - на регистрацию. На регистрацию, а? Может на такую "регистрацию", как евреи пошли? А? - Борис усиленно заблывал глазами и возмущенно развел руками.

- После "игры", говорят тебе! Садись и слушай! - приказывающим тоном проговорил Саркисьян с укоризной блестнув чернотой бархатных глаз.

- Что ты скажешь, Женя? - Длиннонос глянул на Носика, давая ему слово.

Женечка-Носик нервно почесал свой с горбинкой нос.

- Ситуация неважная, братцы, но выход, конечно, искать нужно. Я думаю, Абрама у нас держать в Крепости, под боком у немецких бункеров не следует. Необходимо немедленно его переправить на Малогреческую к тетке Марине. Я вчера с ней говорил. Женщина она набожная и согласилась с радостью. Зять ее с женой эвакуировался с заводом. Что касается реги-

страции, то я присоединяюсь к Ване Сербову, - не идти.

Женечка-Носик одобрительно глянул на Ваньку-Серба, опять почесав нос, предложил:

- Володьку (лейтенанта Владимира Еремина) вытянуть из-за проволоки во что бы то ни стало нужно. Как? Не знаю. Тут надо еще всем хорошо подумать и это все, - закончил Носик.

- Разрешите мне, Ваня, - поднял руку Костя Грек.

- Крой!

- Я вот слушаю, а мысль работает насчет Абрама, то тут нет другого выхода, а вот Вовку, мы можем вытянем из-за проволоки. Как? А вот как: - мчаться нужно к деду Марка Рудакова, в Синявку. Там стоит повстанческая казачья сотня. Дед Алексей Гаврилович избран хуторским атаманом, какая ни есть власть. Просить его, чтобы выслал несколько казаков к нам в город при оружии и полной форме. Прибывшие казаки, обращаются к немецкой камендатуре с просьбой, выпустить из лагеря военнопленного брата или сына или еще какого-нибудь родственника, доводящего одному из прибывших казаков, вот, братцы, мои мысли.

- Твой план, тебе и задание - ясно? - решил Саркисьян.

Ванька-Шиша, Ванька-Кацап и все другие утвердительно кивнули головами. Ванька-Слеп буркнул что-то себе под нос.

- Ясно, - согласился Костя Грек, - Ларки нет, она бы помогла крепенько, - тут же пожалел он.

- Послезавтра будет дома, я вчера была в больнице, говорила с ней. Все обошлось, как не ожидали даже доктора. Кровоизлияние в

мозг, как предполагалось, не произошло. Голова заживает и ребро со временем срастется окончательно, - объявила Эрика.

- Ну, вот и хорошо, действуй, Катя! Что ты, Абрам, скажешь, согласен к тетке Марине перейти?

Абрам сидел на полу молча слушал.

- Что мне говорить, Ваня, - Абрам открыл устало глаза, - мать, отца, брата, всех ухлопали, невелика потеря, если и меня к ним прибавят. Прячьте меня, где хотите, но стоит ли? Как долго меня можно скрывать?

- А Соня? - Наташа вопросительно глянула на Абрама.

- Соня, что Соня, она жива, эвакуировалась, не послушал я ее, да, как мог бросить семью! - Абрам тяжело вздохнул и опять устало закрыл глаза.

- Слушай, Абрам, ты слушай теперь нас, жить ты должен и прятать мы тебя будем! - Саркисьян сверкнув глазами, поглядевши на друзей, сказал: - Гитлеровцы ведут себя убийственно, это рано или поздно должно обернуться против них. Однако, какие все-таки они близоруки, - загадочно, в раздумии, добавил он. - Пошли пока светло, немцы хлопают всех, кто появится в темноте, пошли! - закончил он и вышел первый на улицу, огляделся, вблизи никого не было видно.

- Эрика, Наташа, ведите Абрама. В случае встретятся немцы, говори ты, Эрика, по-немецки громко и весело, что-нибудь смешное, так, чтобы они слышали, ясно?

- Я уже сама продумала, знаю!

- Ну, вот и хорошо. В случае, если спросят, кто такой Абрам, скажи им, что он двоюродный брат, твоей пятиродной бабки, твой

младший племянник и очень близкий родственник самому Адольфу Гитлеру, вообще ариец чистой воды, ясно?

- Мне то ясно, но видно комрату Гитлеру многое не ясно. Да ты не волнуйся, Ваня, я найдусь.

- Кройте все, что стрясется, донесите мне немедленно!

Ребятки разошлись в разных направлениях. Чувствуя себя, как бы на военном положении, ребятки, не стовариваясь, добровольно подчинили себя старшему военному из своей среды - капитану-танкисту Саркисьяну. Он же так же воспринимая сложившееся положение, чувствуя ответственность за своих друзей, принял на себя пост "командующего".

Х Х Х

Иван Фомич, пек лепешки на поленой пшеницы, когда услышал шаги по коридору.

- Костик, ты это куда?

- К Рудаковым.

- Поди-ка сюда, сынок.

Когда Костя Грек зашел в общую кухню, Иван Фомич прикрыв плотно дверь, тихонько, почти шопотом спросил:

- Ходил на регистрацию, комсомолец-армеец?

- И не думал!

- Молодец, и другим скажи, штобы ни, ни! Понял? Армейцев, какие у нас в городе скрывались, всех позабрали, за проволокой они все. Немцы рыщут по всему городу, хотят помать всех, какие местные и какие из других мест у нас в городе, у людей наших находяца. Слышь, Костик, сынок, евреев то, што на регистрацию пошли, немцы в Валовой балке рас-

стреляли. Наша Исааковна пошла - и, и, вот нет ее больше, а? Какую женщину загубили злодеи! А Лидочку нашу немец то...

Иван Фомич всхлипнув, сорвался с места, нервно заковылял по кухне, багровея лицом, рукавом истрепанного морского кителя вытерал слезившиеся глаза, усиленно моргал большим глазам.

- Слышь, Костик, ты, не тово, много не говори с Ларкой, плоха она зараз, едва двигаецца. Жандарм ихней чуть не убил ее. И Григорьевна все больше лежит, потрясло ее. Вчерась немец был. Да ты ево не знаешь, благородный есть один из них, такой, все по-англицки с Ларкой калякает. Вид у него буржуйский, што ни есть, а человек, душа просто. Понавез Ларке лекарств разных... Ну, иди, сынок, да гляди на ету лигистрацию ни, ни! Без причины не стали бы лигистрировать нас немцы то, сам подумай!

- Костя! - Лара бросилась к пришедшему другу, - Как ты? Что у нас нового?

- Ты сначала скажи, как ты, а потом уже я буду говорить. Вид у тебя неплохой, зря меня Иван Фомич напугал. Говори, как себя чувствуешь?

- Было плохо, Котька, очень плохо. Трахнулась я головой о мостовую крепенько, да вот видишь - жива, живучая я, как кошка.

- А как мама?

- Не ахти как, да больше нервы шалят, а вообще здорова она. Да ты не бойся, говори все, что слышал. Я уже самое страшное слышала, да все как-то и самой не верится, терпеливо переносу, пока креплюсь, так сказать, держу сама себя под контролем.

Выслушав повествование Кости-Грека, Лара

сразу же одобрила, как место, где запрятали Абрама, так и задуманный план выручки из плена Володи Еремина.

- Задуманно хорошо, Котька, лучше и не придумаешь, но как сообщить бабушке? Конечно, конечно, через моего благодетеля, или вернее нашего.

- Кто это?

- Один эсэсовский офицер-майор, весьма образованный и интеллигентный человек, доктор-физик он. Окончил университет в Англии, калякаем мы с ним, конечно, по-английски.

- Иван Фомич уже доложил мне о нем, Лариса. Так давай тормози ты его и гони к деду своему. Да, я думаю, что и его самого к делу применить можно, коль он в чине майора.

- Правильно, Костя, да дело в том, что он вчера отбыл и неизвестно, когда вновь появится. Я спрашивала его. Он сам не знает, в зависимости от обстоятельств.

- Что же делать, ведь нужно спешить, пока Вовку не переслали в какой другой лагерь. Запроторить могут так, что и днем с огнем не найдешь. Да и без еды и воды сидят они за проволокой. Наши люди суются с передачами, да какой там! Немцы и близко не подпускают - орут, стреляют в воздух.

- Не знаю, Костя, право не знаю. Без разрешения немецкой комендатуры, ни тебе, ни кому другому, не добраться, арестуют по дороге. Идти просить пропуск, тоже никому из ваших ребят нельзя, все ведь комсомольцы или военные.

- Нет, конечно, это ясно. Впрочем, ситуация диктует - ждать!

- Да, именно так.

Лара прошлась по комнате. Руками сдавли-

вала виски. При волнении, у нее начиналась сильная головная боль.

- У тетки Марины есть, чем кормить Абрама?

- Полным полно! Мы с Жнечкой-Носиком сделали наскок на дом Абрама. Вытащили запрятанные ящики с консервами, добытыми нами при общем погроме "государственного имущества" из универмага. Есть даже икра паюсная и кетовая, ешь от пуза!

- Ну, хоть с этим хорошо. А тетка Марина самый надежный человек, это точно!

- Точно, Лариса. Ну, что же, тогда я обрываюсь, болтаться особенно по улицам нельзя.

- Крой, Котька, да сообщи, когда у вас снова совещание состоится. Я еще немного "очухаюсь" и тоже заявлюсь на собрание "комсомольцев в отставке и в подполье", - пошутила Лара, стараясь выдавить на лице улыбку.

- Ты права, положение у нас, действительно, совершенно необыкновенное, неожиданное и негаданное захлестнуло нас!

- "Нежланная вспышка нагрянула на нас" написала Светлана из Москвы. Да ты глянь на Марка, Котька. - Лара принесла из комнаты брата фото. - Вот лейтенант Рудаков, Марк Иванович, полюбуйся!

- Ишь ты, каков! - Костя-Грек с восторгом смотрел на фотографию друга.

- Был он в Москве у Светланы, откуда и письмо прислал, да так несколько слов нацарапал, отбыл в действующий Балтийский флот.

- Ну, что же, пускай воюют наши моряки. Неизвестно теперь, чем вся эта "вспышка" кончится. Страшные преступники гитлеровцы оказались - всех евреев убивают. Кто мог

это предположить.

- Думаю никто. Радуется и ликует теперь Иосиф Виссарионович, а мы плачем.

- Точно, Лариса, точно. Но имей ввиду, что смеется тот, кто смеется последним!

- И это точно, Котька, ты прав!

- Ну, обрываюсь я, а то за язык зацепился, выгоняй меня.

- Обрывайся, да смотри, будьте все там очень осторожны. Привет всем от меня пламенный!

Когда Костя-Грек уже сбежал по приступкам вниз к наружным дверям дома, Лара крикнула ему вслед:

- Костя, скажи Абраму, чтобы берег себя ради Сони! Понял?

- Скажу, понял!

Х Х Х

В январе 1941 года в инженерное бюро Валфрида Карловича Штрикфельдта, бывшего офицера русской императорской армии, проживавшего в Познани, явился офицер германского генерального штаба. Штрикфельдт был крайне удивлен. Прибывшему офицеру было известно, как и служба в русской армии, так и работа Штрикфельдта при Международном Комитете Красного Креста, после Первой Мировой войны.

Генштабист также знал, что Штрикфельдтом была в то время организована широкая кампания помощи голодающим в России, еще раньше того, когда за это доброе дело взялись Фритц-оф Нансен и Герберт Гувер. В итоге разговора, гость заявил, что поскольку Штрикфельдт владеет русским языком, фельдмаршал фон Бок, желает взять его в свой главный штаб в ка-

честве офицера-переводчика. Вскоре, после этого разговора с генштабистом, Штрикфельдт был вызван в штаб фон Бока. В это время гитлеровцы хозяйничали в раздавленной Гитлером и Сталиным Польше. Поляки, как нация, были лишены всяких прав на какую бы то ни было свободу. Их имущество бесцеремонно было полностью конфисковано, их выбрасывали из родных мест и свозили, в так называемое, генерал-губернаторство — затея гитлеровских политикантов. Евреев поголовно везли на Восток, в неизвестность. На место выселенных поляков и евреев, гитлеровцы заселяли балтийскими немцами. Занятую территорию Польши, гитлеровцы считали неотъемлемой собственностью.

"Домой в рейх", "Богатыми домой" кричали победоностно-торжественные лозунги гитлеровцев. Авантюристы всех степеней ринулись, обураваемые жадностью и алчностью на исконные земли покоренного народа.

В июне 1941 года, начальник разведовательного отдела штаба группы армии "Центр" майор барон фон Герсдорф вручил Штрикфельдту листовку с потрясающим содержанием. Листовка содержала обращение к российскому населению и к солдатам Красной армии, приказывала не оказывать сопротивления и приветствовать немцев, как освободителей от большевизма. В то же время красноармейцев и население призывали разделяться со своими угнетателями и убивать всех комиссаров, коммунистов, комсомольцев...

"... Герсдорф просил меня лишь проверить русский текст, с точки зрения правильности языка и перевести его на немецкий. Я был весь захвачен известием и близкой войне с Россией, а также и роковым содер-

жанием листовки. Людей, там в России, призывают не оказывать немцам сопротивления. А тех, кто это сопротивление должен возглавлять, обрекают на смерть. О чем думали составители этого обращения? В своем ли они уме? Ведь оно было и нарушением Божественных заповедей и противоречило здравому смыслу. Обреченные на смерть, станут не только сами оказывать ожесточенное сопротивление, но сумеют заставить бороться и подчиненных им людей. В главной квартире я высказал Герсдорфу все, что было у меня на сердце. Стоит лишь представить себе обратную картину: все состоящие в СС и СА, все члены партии, германской рабочей службы, гитлерюгент и члены всех прочих нацистских организаций, обрекаются на смерть. Каждый будет защищаться. Герсдорф тотчас же меня понял. Мы составили нашу совместную докладную записку, которая в тот же вечер была представлена фельдмаршелу. Герсдорф сказал: "Записка должна быть не больше, чем на полстраницы. Никаких ссылок на Божественные заповеди, на гуманность или что-нибудь подобное, - это не убедит. В ней должен быть упор на неизбежное ожесточение сопротивления врага, которое без сомнения, вызовет листовка". Когда на следующее утро я пришел в главную квартиру, меня тотчас же вызвали к Боку. Он поздравил Герсдорфа и меня с успехом нашей докладной записки, переданной им, за своей подписью, дальше, по телетайпу: члены партии и комсомольцы вычеркнуты из листовки. Комиссары, однако, остались.

Так, один росчерк пера, спас жизнь множеству русских людей и многих немецким женщинам сохранил мужа или сына, детям их отца. Но сама мысль о том, что вечерний разговор между молодым офицером германского генерального штаба и комерсантом из Риги, мог привести к столь выжному решению, зародило во мне первое сомнение в германском военном руководстве. Неужели никто на верхах не задумался еще над политическими проблемами"?

Штрикфельдт, "Против Сталина и Гитлера", стр.10-12.
Русский текст.

Х Х Х

Через регистрационные пункты гитлеровцев, прошло несколько миллионов российской молодежи, совсем не подозревая, что все они еще до начала войны, уже были обречены на смерть. Лишь только самые осторожные не явились в пункты, регистрирующие смертников. Хотя, как пишет Штрикфельдт в своей книге "ПРОТИВ СТАЛИНА И ГИТЛЕРА", что одним росчерком пера были спасены многие русские и немцы, однако, каждую минуту, в любой момент лицо, вычеркнувшее из листовки "партийцев и комсомольцев", могло перерешить свое новое решение и вернуться к старому. Во всяком случае, наличие обязательной регистрации партийцев и комсомольцев, явно говорит о том, что гитлеровцы скорее всего не перерешили свой план уничтожения "унтерменшей", а лишь временно его отложили или, во всяком случае, хотели запугать молодежь народов России - дескать, смотрите,

вы все у нас на "мушке"!

Естественно, такая затея вызвала, и не могла не вызвать, обратное: ненависть и презрение к завоевателям, и уж конечно, решение - защищаться, драться - воевать!

Х Х Х

XIV

Первого ноября немецкие войска, захватив Ростов, развили наступление в направлении к столице Войска Донского - городу Новочеркасску, но приостановили наступление у станции Грушевской, заняв хутор Каменный Брод. В эти дни, сильный мороз впервые сковал подвижность немецкой военной машины. Около двухсот немецких танков фельдмаршала Клейста, выстроенных в линию, ожидали приказа к действию. Многие немецкие танкисты, повывезав из танков, грелись у разведенных костров, постукивали ногами, обутыми в окованные железом сапоги, грели зябнувшие руки. Неожиданно спал исключительно густой туман. Воспользовавшись плохой видимостью, советский пилот Покрышкин, (впоследствии знаменитый маршал авиации), предприняв разведку, незамеченный немцами, обнаружил скопление немецких танков. Поняв оплошность немецкого командования, Покрышкин немедленно сообщил советскому командованию. Последовал немедленный удар советских частей. Советское командование с севера-востока, со стороны городов Шахты и Новошахтинска, развило наступление на Ростов, широко обхватывая с фланга немецкие войска. Советские вой-

ска стали прижимать немецкие войска к Дону. Танковая советская бригада, состоящая в большинстве из кадровиков, (людской состав в большинстве был из жителей Москвы), нанесла главный таранящий удар. Отбив Ростов, советские войска начали развивать наступление на Таганрог. Угроза высадки советским командованием десанта со стороны Азова, принудила немецкие войска сделать бешенный и крупный скачек назад.

Немцы спешно сооружали укрепления у станицы Бессергеновской, готовясь принять на новый рубеж поспешно отступающие свои части.

Казачи - повстанцы были крайне ошеломлены. Колосов, перед этим ускакавший с полувзводом казаков в Ростов, не вернулся. Принявший командование сотней Андрей Турченинов, куцым скоком объехал выстроившуюся в конном строю сотню и длинную вереницу подвод с отступающими казаками, съехавшимися с прибрежных станиц и хуторов. Пустив коня броским наметом, Турченинов с трудом осадил коня у самых ног атамана.

- Беда, атаман! Кубыть, краснюки забастовали Тимофеича в Ростове.

Он с трудом сдерживал разгоряченного коня, выжидая, взволнованно смотрел на деда Алексея. Окруженный казаками "стариками", членами хуторского Правления, Алексей Гаврилович, сам был крайне взволнован.

- Объявица еще он, панику не поднимай, - сдержанно и внешне спокойно, поглядывая на Турченинова, сурово проговорил он.

- Сколько установили станковых?

- Восемь на тачанках установили, - это станковых, а ручных пошти на каждой подводе есть. Што не вместили, привели в негодность.

- Добре! Вышли мне полузвод казаков, впереди со мной пойдут. Сам оставайся с сотней, докель все обозы пройдут, если красные наступят, прикрывай отступ. Ясно?

- Ясно!

- Да гляди, по ошибке, по немцам не полыхни огнем, - крикнул дед Алексей и тут же дал распоряжение двигаться колоннами многочисленных обозов с беженцами.

Пришпорив коня, дед Алексей помчался к своему куреню. За ним поспешило Правление.

Тетка Маруся спешно грузила на подводку кое-что из домашней утвари.

- Ступай, Мария, поторопи Машу, што она там чухаеца, время то в обрез! Беги! - дед зло сверкнул глазами

- Я зараз, папаня! А самовар то взяли?

- Тут он, ступай, говорю!

Тетка Маруся метнулась к куреню дочери. Маша сидела, подперев руками голову, изподлобья смотрела на в недоумении остановившуюся у дверей мать.

- Ты, что это, доченька, не собираешься?

- Не собираюсь, маманя.

- То есть, как так?

- Да, вот так, остаюсь.

- Остаешься? Комиссара своего дожидаться, доченька? А? А если тебя вместе с тобой к стенке поставят за всех нас?

У тетки Маруси антрацитом засверкали калмыцкие глаза.

- Ну и что же, пускай ставят, - тихо в раздумии ответила дочь, пряча под ресницами, лучистые глаза.

- Я сейчас деда позову, он погугарит с тобой!

Тетка Маруся ждала вспышки, но дочь, по-

тупясь, тихо проговорила:

- Зовите кого хотите, маманя.

Мимо, под руки Степан Писарев с дедом Харитоновым, провели, жалобно стоношую старуху Сомову. Вся семья Писарева Николая, тоже прошла мимо. Дед Герасим проковылял, вприпрыжку, высоко вскидывая костылями, как-будто отмахивался от кого-то. Еще многие прошли мимо распахнутой двери куреня комиссара Дмитрия Щеглова, а тетка Маруся все еще стояла у двери, умоляя дочь не оставаться коммунакам на расправу.

Вдоль вытянувшихся длинной колонной на дороге телег, наметом проскакал Андрей Турченинов. Махнув плетью, что-то крикнув сгрудившимся в беспорядке у крайних подвод, казакам и круто свернув влево, еще резвей пустил коня, за ним поспешили двое вестовых молодых казаков. Стельба приближалась слева от Синявки. Где-то далеко, еще левее, глухо охали орудия... Дед Алексей нервничал, с гневом поглядывал в сторону ушедшей невестки.

- Митрофан Никодорыч, будь ласка, присмотри, бабы застряли!

- Бегай, Гаврилыч, торопи их! - Дед Черкас плетью толкнул внука.

Расторопный Сашка Черкас мигом подскочил к подводе Рудаковых.

- Это вы што? А? - Дед Алексей гневно потряс плетью, и тут же потух.

Маша подбежала к матери, стала на колени. Обняв материнские ноги, уткнувшись головой в подол юбки, вздрагивая, беззвучно плакала.

- Спаси Христос, дочка...

Тетка Маруся перекрестила дочь и круто повернувшись, утирая завеской хлынувшие сле-

зы, торопливо зашагала к подводам. Дед Алексей не молвил ни слова, пошел вслед за невесткой... Вскочив на, подведенного вестовым казаком, коня, с места взял наметом... Колонна подвод с беженцами потянулась через станцию Бессергеновскую, в направлении к Таганрогу. Впереди с полувзводом казаков, сдерживая разгоряченного строевика, ехал дед Алексей. Нужно было спешить, чтобы освободить дорогу отступающим немецким частям, и атаман часто съезжал с дороги, останавливался, оглядывал заботливым взглядом подводы с беженцами, подбодряя, торопил отстающих. Кое-где слышался взволнованно-озабоченный говор старых казаков, жалобы и стоны больных, плач малых детей. Мороз крепчал с каждой минутой, впереди стилилась, скованная морозом, бурочерным покрывалом, степь. Не падало ни одной снежинки, лишь сухой, ледяной ветер беспощадно хлыстал, морозил беженцев, с отчаянным разгулом казаковал по просторам донецкой степи.

- Слышь, Герасимович, ты, что же это столько верст отмахал в "наступлении", а зараз в отступ вдарился? - Андрей Буданов придержал свою резвую кобылицу, рядом поехал с подводой Стахановых.

- Да, так получаеца, Андрей Степанович. Ано-то "наступление" не дже приятное було, а отступ, апосля пройденных путей-дорожек, еще горше. Ано-то веть, от самой советской границы сначала бегом "наступать" приходилось, так штобы это значить, германцы и спин наших не узрели, а потом как попали в плен, то тут уже газу сбавить пришлось. То шажком было шел, а потом и рачки карабкаца приходилось, ноги служить отказались. Веть не сотню, а

тысячу километров то отмахать пришлось! - охотно заговорил, любящий "зацепиться за язык" Илья Герасимович Стаханов, горбятя, пряча спину от хлеставшего ледяного ветра.

- Страсть, какой страшный домой пришел Герасимович! Борода по пояс отросла у него, а тела то, как и не было у него, кости да кржа, да и та вшой до крови проеденная, - отозвалась жена Ильи Герасимовича, заботливо кутая плечи мужа бабской шалью.

- А, как же он, германец то пустил тебя из плена, Герасимович?

- И не спрашивай, Андрей Степанович! Курьезное дело произошло с отпуском энтим. А было вон оно как: подаеть, это значить, нам, пленникам, один какой то, видать, начальник их, германцев, и голосно, это значить, команду: Украина! Украина! Пошел нахауз (нахауз - домой по-немецки) к мамке! Пошел лос, лос! Што это, думаю, за приказ такой? А тут, гляжу, все пленники в один голос зачали, што мочи орать - Украина! Украина! Мы все Украина! Ты, дескать, только поскорее пуцай нас домой, комрат! и ходу на полных парах, это значить, зачали давать. А я стою и думаю себе, што оно за страна такая Украина есть, сроду не слышал государства такова. Меня германец толкает, это значить, и лопочит: "Пошел, пошел на Украина, в Киев, к мамке"! А я в спор с ним бросился, толковать ему руками и ногами зачал, дескать, не знаешь ты, комрат! Киев, говорю, это мать усех городов русских! Самый, што ни есть зачаток всей Святой Руси Православной! А Украина не Украина, а Окраина наша русская стала с тех пор, как наши дальновидящие предки столицу из Киева подальше от вас, германцев,

вглубь страны нашей переправили - Москву белокаменную, да златоглавую, да никем непобедимую построили! Говорю построили, это значить, для того, чтобы вас латынцев усяких, туда заманывать, а потом решку усем вам ученять!

- Так и сказал, Герасимович? - удивился слушатель.

- Да, гутарю же! Аль не чуешь? А потом ишо гутарю, это значить, што это мы, казаки отбили Окраину нашу у полонивших ее поляков. Сам, гутарю, найдоблеснейший казак окраиский наш, гетман Богдан Хмельницкий нам - казакам донским челом бил - ратуйте, просил нас, братцы родные - казаки, казаков от ляхов, да поскорее нас подмогу чаю руку царя русского Православного опряделяйте! Я, было, хотел ишо дальше растолковывать камрату энтому, а туточки меня один окраинец наш на ухо мне балакаить: "Брось гутарить, земляк, стараца, все одно германец тебя не разумеет, а тебя заместо к мамке, да за проволоку посадить! Да ишо гутарить, благодари камрата Сталина за то, што он переименовал Окраину в Украину, а то бы, дескать, ево товарищ Гитлер и вовсе никаво к мамке не отпускал бы и "хохлов" заодно с "кацапами" за проволоку садил бы, а то и вовсе сразу на тот свет направлять зачал бы". Я, конешно, враз смекнул, чем пахнет дальнейший рассказ мой камрату и гутарю ему, пушай меня на Украину, на Киев и указываю вперед, куда мне итить надо, а германец указывает мне назад итить, гутарит Киев позади, за сто верст уже остался, а я гутарю ему, што Киев это дюже большой город и до самого Дона-батюшки, а потом до самой Москвы-Белокаменной тянеца и даже

дальше от начала и до конца всей земли русской. Махнул на меня рукой камрат германец, иди, дескать, не стоворимся с тобой, а я и пошел в "наступление", вслед за германцами прямехонько к границам Всевеликова Войска Донского - вот и дома я, как оказался.

Расказчик с хитрецей улыбнулся, а слушатель с удивлением спросил:

- А нивжель, Герасимович, германцы усех пленных украинцев по домам пустили?

- Какой там, вначале это було, а потом вождь их, германцев - фюрен Адольф Гитлер смекнул, в рот ему оглоблю, што ежели он усех украинцев отпустит, то у него у тылу, целая армия, этак с десятков миллиончиков солдатиков, да еще и с командирами боевыми, этих самых украинцев-окраинцев окажуца. А они то народ больше все потомки казаков запорожских, да на такие дела курьезные способны, што могут распознав цели товарища Гитлера, такую баню горячую ево солдатикам устроить, што живыми и одново их не остаеца! Иди там! Зараз усех наших "хохлов" - окраинцев, "кацапов" - средняков, белоруссов - побочников, других разных мастей россиян и даже нас, чистейшей крови казачьей донских казаков за проволокой колючей голодом убивают, злодеи! Вот она история какая. - Илья Герасимович тяжело вздохнул и добавил: - Голод, он страшен! Чай помнишь тридцать третий год?

- Как же, хто ево не помнить! А веть нам, казакам все же повезло, Илья Герасимович, А? Германец то пособил нам оружица - так веть?

- Пока што так, а потом поглядим, - задумчиво проговрил Илья Герасимович, и тя-

жело вздохнув, стал подгонять, начавших отставать от общей колонны, коней.

Достигнув окраин Таганрога, Алексей Гаврилович послал тетку Марусю, в сопровождении немца - переводчика с тремя подводами, забрать Веру Григорьевну, Лару и кто из жильцов Городка Водников пожелает отступить с казаками.

- Смотри-ж, Гавриил Алфредович, будь ласков, позаботься. Случай забастуют немцы иде, объясни им, скажи смерть грозит людям этим от красных то, разумеешь? - обратился с просьбой дед Алексей к немцу переводчику.

- Как же, атаман, все будет в порядке. Не беспокойтесь, прошу вас. Знаю я, что сказать.

- Ну, с Богом, дорогой!

Алексей Гаврилович тут же отдал приказ - размещаться беженцам, как можно поплотнее в крайних хатах пригородского захолустья, с времен повального голода 1932-33 годов, сохранившим брошенное горькое и трагичное наименование "Нахаловка", место, где гнездились первые беженцы из станиц и деревень, бежавшие от голодной смерти, да бы устроиться в городе на работу на завод и получить карточку на кусок хлеба. Там, где были в это время только ямы, прикрытые какой-то крышей, теперь стояли саманные хатки и даже домики, крытые жостью.

Первый беженский лагерь выглядел теперь много отраднее. Жители Таганрога, ближних сел, хуторов и станиц, перепуганные отступлением немцев, в ожидании идущих вслед за Красной армией, за спинами своих же сынов и отцов, служащих в этой армии, красных зверей - чекистов, сторающих от жажды напиться

человеческой крови и с упоением садистов истязать, вырвавшихся из рук Сталина несчастных рабов. Эти рабы были теперь все "изменники Родины", они ослушались приказа своего рабовладельца вора Иосифа Джугашвили Сталина. Они жаждали его падения, они искали спасения у пришедших немецких войск, они готовы были ринуться в объятия, ища защиты от сталинского террора, к любому внешнему врагу, будь то британцы или американцы, французы или бельгийцы, лишь бы не Сталин, лишь бы не коммунизм!

В ночном мраке, с тревожно бьющимися сердцами, жители окраин города Таганрога, принимали своих братьев и сестер, делясь последними крохами хлеба. Дед Алексей приказал сотне окопаться, вокруг расположившегося стана беженцев. Охраняя их, в руках казаков повстанческой сотни находились восемь станковых и двадцать четыре ручных советских пулемета. На кого направлены были эти дула, охранявшие беженцев? Они были направлены в сторону наступающих с тем же советским оружием, их же родных, любимых ими и любящих их своих отцов, сынов и братьев. Казаки повстанцы должны были теперь, чтобы не попасться опять в руки Сталину, сражаться насмерть со своими родными и близкими, со своей кровью и плотью. Чудо двадцатого века! Кто подстроил им это страшное чудо? Народы России или Сталин? Немецкий народ или Гитлер?

В одной из самых просторных саманных хатенок, дед Алексей собрал Сбор казаков - "стариков", (почетных казаков, отличающихся большой "сметкой"), однако, допущены на Сбор были также все желающие присутствовать, как из числа беженцев, так и из местных жителей.

Среди старшего и среднего возраста, было также много молодежи, усевшейся немного обособленно, тесно сжатой группой. Все с тревогой и нетерпением обратили свои взгляды на деда Алексея, ожидая атаманского слова. Царила полная тишина.

- Братья и сестры! - оглядев суровым взглядом присутствующих, начал свою речь Алексей Гаврилович. - Вы знаете, вы видите своими глазами, захлестнула нас, никак нами нежданная, чудовищная вспашка. Зараз, дорогие братья и сестры, мы с вами должны определить, как и наше положение, так и решить, как и что нам делать в этом бездорожном и темном, как ночь, положении. Прошу каждого высказать свою думку.

- Разреши, атаман? - первым попросил слова дед Черкас.

- Говори, Митрофан Никодорыч.

- Прав ты, Алексей Гаврилович, прав ты, атаман, перед нами бездорожье и темная ночь. В таком положении рубить с плеча негоже, тут надобно все продумать, все взвесить и тогда решить, што и как нам делать. Могу я сказать, вот што: враг, при котором мы прожили двадцать пять лет, при котором родились наши дети и внуки, нами хорошо изучен и говорить много туточки об этом враге нема надобности. Скажу за другога, к нашему удивлению и несчастью, объявившегося врага, которова мы приняли всем сердцем за друга. Вы уже зараз все знаете, што немец посадил за проволоку миллионы наших солдат и они кажон день сотнями мрут от голода, холода и болезней. Немец убивает за проволокой лагерей военнопленных наших сынов, их детей и внуков, медленной, мучительной смертью! Немец расстрелива-

ет поголовно усех евреев и даже их детей! Сталин убил голодом миллионы русских людей и их детей, Гитлер, как мы видим, творит то же самое преступление! Такое злодеяние могут творить только враги Бога, а следовательно и враги усех человеков! Правильно я гутарю, дети?

Дед Черкас обвел взглядом всех присутствующих.

- Правильно, Митрофан Никодорович! Правильно, батько! - дружно отозвались все.

- Коль правильно я гутарю, то, стало быть, мы имеем два врага. Стало быть, братья, мы зачали борьбу...

Дед Черкас, прервав речь, сдвинул брови, думал, как определить столь необыкновенную борьбу, и вдруг, молодой паренек, сын хозяина избы, Ивана Петровича Степового, звучным молодым голосом сказал:

- МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ!

Дед Черкас от удивления замер с открытым ртом, все другие обратили свои взоры на паренька, а дед Адексей внимательно, пристально посмотрел на совсем с виду простого, с скуластым лицом и азиатскими глазами, паренька и с явным восхищением сказал:

- Правдивы слова твои, чадо! Чей будешь?

- Мой сын, атаман, это, - отозвался отец паренька. - Было их у меня больше, да померли с голоду, ишо тогда, когда на месте этой моей избы, только яма була. А вот Ванек мой выжил, крепкий он у меня!

- Вижу! - Дед Алексей ласково оглядел Ванька и переведа взгляд на деда Черкаса, сказал: - Продолжай свой сказ, Митрофан Никадорыч.

Дед Черкас, оправившись от удивления,

охватившего его всего, смотря в упор на Ванька, сказал:

- В точку попал, молодец! Но бица нам промеж двух огней придеца, однако, или на стороне одново или другова врага. Иначе, раздавлены мы будем, не успев и зачать борьбу нашу, как следует. Теперича, ежели мы спросим себя: на стороне какова из наших двух врагов мы должны бица? Какой из этих наших двух врагов сильнее, хитрее и, стало быть, опаснее? Вот, на эти вопросы нужен точный ответ. А ответ, мне думаеца, таков: немец показал себя, очень даже явно, што он не имеет никакой ловкости, али хитрости, али способности, скажем, политической, стало быть, немец безхитростный, открытый наш враг. Стало быть, он слаб со всем своим оружием, стало быть, он меньше опасен другова нашего врага. Другой наш враг - Сталин. Коммуна показала еще в революцию свою хитрость и ловкость, а зараз коммунисты заключили союз с самым злейшим из их врагов, с богатыми капиталистами! Разе ето не лукавый, вывертливый шаг? Стало быть, Сталин и много опаснее нежели Гитлер, а, стало быть, хотим мы или не хотим, но мы должны вести борьбу нашу промеж двух огней, на стороне менее опаснова врага, на стороне немцев! Стало быть, СТАЛИН - НАШ ВРАГ НОМЕР ОДИН, А ГИТЛЕР - НОМЕР ДВА! А еще, ежели мы спросим себя, смеем ли мы теперича вопче прекратить борьбу, али нет? Скажу вам, дети, не смеем! Пришел такой час, когда можно отрубить голову красному змею, а такой час может никогда больше и близко не подкатица, а, стало быть, поэтому мы складывать оружие, не смеем! А ишо надобно сказать, ежели теперича немец

дозволит нам хорошо вооружаца, то и ему, немцу, тогда нас к ногтю приставить неспособно будет, а он, надобно полагать, судя потому, как он обращаеця с нашим народом, может ето ученить, а может быть и уже зараз помышляет нам всем решку навести. Так што, на конь, казаки! Вот вам и увесь мой сказ.

- Дело гутаришь, Митрофан Никодорыч! - сразу же одобрил мысли деда Черкаса атаман. - Попали мы в шторм такова сорта, што нам именно и нужно оружаца до зубов, да и поскорее, супротив сразу двух врагов. Ежели мы без оружия остасемся, с нами и гутарить никто не станет, так што, прав ты, Митрофан Никодорыч - НА КОНЬ, КАЗАКИ! - завершил решение атаман.

Все присутствующие бурно, громко разом заговорили, но единогласно одобрили мысли деда Черкаса и атаманское заключительное решение - НА КОНЬ!

Наблюдательный дед Алексей приметил среди присутствующей молодежи, за спиной Ванька, метко определившего положение борьбы между двумя врагами народов России, весьма с виду, скромную девушку, обладающую большими умными глазами, все время молча, внимательно слушающую и не проронившую за все время ни слова.

- А вы, что, молодежь, местные будете? - оглядывая молодых парней и девушек, спросил дед Алексей.

- Мы местные, а вот Наташа, - Ванек кивнул головой в сторону молчаливой девушки, - эмигранткой была, а теперь вот на Родину вернулась.

- Вот голос, вот диво! - удивился дед Алексей и все разом обратили удивленные взо-

ры на застенчиво опустившие галаза, девушку.

- За какими же это ты морями окиянами проживала, дочка?

- Не очень далеко, дедушка, в Югославии.

- Ах, вот оно что! Хороша страна и вроде аж родня нам близкая. Бывал я в стране этой в молодости. Ты, должно быть, из студентов, вижу а?

- Экономист я, университет закончила в прошлом году.

- Ишь ты, какая умница! Это хорошо! - восхитился дед Алексей.

Дед Черкас, восхищенно рассматривая девушку, спросил:

- А как же, молодница, ты до земли родной добралась?

- Да так, как приходилось, по-разному, временами переводчицей устраивалась при немецких частях, в комендатурах городских и сельских. Иногда жила у приютивших меня наших людей в Белоруссии и на Украине, но все время продвигалась вперед, вот и добралась до родного города, я тут родилась, тут моя тетя родная живет, вот у нее и живу теперь.

Девушка счастливо улыбалась, засияв лучистыми глазами.

- Ишь ты какая! - опять удивился дед Алексей, - а чья же ты будешь?

- Калмыкова я, Наталья.

- Случай не Макария Калмыкова родственница будешь?

- Это мой дедушка, Макарий Степанович.

- Ну, не диво! - дед Алексей даже приподнялся со скамейки, восхищенно оглядывая присутствующих. - Пополнение, стало быть, "Казачий стан" удостоился. Да тебя, Наталья, познакомить с моей внучкой, Ларисой, надобно.

Учительница она у меня и умница, не хвлясь скажу, пребольшая, что ни есть подруга тебе достойная будет!

- Мы уже знакомы с Ларой, дедушка. Я уже даже присутствовала на собрании "комсомольцев в отставке и в подпольи"!

Девушка улыгнувшись, заговорчески переглядулась с Ваней Степовым.

- Это, што же за странное такое собрание, - удивился дед Черкас, оглядывая молодежь.

Ванек высунув голову из-за спины Наташи Калмыковой, щуря азиатские глаза, звонко и четко объяснил:

- Мы, комсомольцы, у Сталина отставку взяли, а у Гитлера на мушке находимся, вот поэтому и собрания наши теперь особое название обрели " в отставке и в подполье".

- А как же это понять то? - спросил дед Черкас, удивленно округляя глаза.

- Очень просто: МЫ ПРОТИВ СТАЛИНА И ПРОТИВ ГИТЛЕРА. КОММУНИЗМ И НАЦИЗМ - ДВА САПОГА ПАРА!

- В аккурат дети правду гутарят! - вмешалась в разговор Марфа Тимофеевна Степовая и зло забарабанила: - Надясь за одново немца, какова невидь кто убил, жандармы германские упомали на улицах города невинных наших людей и постреляли. Ни суда, ни спраса нет у них, по-сталински у Гитлера, стало быть, все запланировано, вот оно што. По городу плакаты поразвесили - "Гитлер - освободитель"! отчива спрашивается?

- Постой, постой, Тимофеевна, пускай-ка молодежь выскажица, - остановил хозяин дома жену. - Скажи ты слово, Ванек, - обратился он к своему сыну.

- Да уже все сказано, ясно и определенно, папаня. Просьба вот только есть у нас к атаману.

Ванек указал глазами на молодежь и обратил взгляд на деда Алексея.

- Говори, - кивнул головой атаман.

- В беду попал один наш друг, атаман.

Ванек подробно рассказал план освобождения из лагеря военнопленных Володи Еремина, задуманный Костей Грековым и одобренный единогласно собранием "комсомольцев в отставке и подпольи".

- Лара тоже одобрила этот наш план, - закончил Ванек свое повествование.

- Дело гутаришь, казак! - сразу одобрил дед Алексей. - Ежели немцы сегодня задержат красные войска на новом рубеже, завтра же поедем и освободим вашего "комсомольца", Он чей же будет?

- Еремин Владимир. Внук бывшего атамана Елизаветинской станицы, это их его слов по секрету, конечно, сказанных мне, знаю я еще со школьной скамьи. А сам Володя лейтенант артиллерии Красной армии, попал в плен к немцам, пришел домой, а тут вот, как я уже рассказал, предательский акт, в пользу Сталина, гитлеровцы учинили.

- Опять диво! - восхитился дед Алексей, - Знаком был я с покойным Афанасием Ереминым, отменных был казак... Вот што, Андрей Устинович, ты выдели с десятков казаков из сотни твоей, да штобы посолидней были, да при шашках и в полной форме, конешно, ясно?

- Ясно, атаман. - Андрей Турченинов встал и приложил руку к папахе. - Есть у меня в сотне казаки такие, не сомневайтесь!

- Знаю, што есть. Завтра с утра и поедем

отбивать казака, да еще и офицера артиллерии! А зараз совет окончен. Ступайте все на отдых. Случай што, отступить, как я уже сказал, да штобы без паники и в полном порядке!

Не успели еще все разойтись, как в горницу ввалилась целая гурьба "комсомольцев в отставке и подпольи", позади, вслед за Ларой и Верой Григорьевной, вприпрыжку шкандыбал с костылем Иван Фомич. За ним охая плелась его супруга. Остановившись на пороге горницы, он молча сокрушенно покрутил головой, тяжело вздохнул, усиленно подмигивая больным глазом.

- Беда, Гаврилыч, на старости лет в отступ неспособно бросаца то, да куды денися, коль смерть в лицо дышет - изменниками усе зараз мы заклеяены, так што отступает старый матрос-партизан!

Прибывших, потеснившись кое-как, разместили среди других беженцев. Всю ночь, прислушиваясь к разгоревшемуся бою в направлении Ростова, почти никто не спал. Лишь утром, когда совсем рассвело, стало известно: немецкие войска остановили наступление советских войск, надежно укрепились на новом рубеже у станицы Бесергеновской и заставили приостановить наступление советских войск и окопаться у станицы Приморской. Масса беженцев из Таганрога и вдоль всего немецкого правого крыла Юго-восточного фронта, облегченно вздохнула, люди постепенно стали возвращаться. Потянулись подводы, а больше масса пешеходов и даже полных калек к своим до бесконечности бедным, но родным куткам, полоненной теперь уже не одним, А ДВУМЯ ВРАГИМИ РОССИИ...

Дед Алексей был крайне потрясен рассказом

о происшедшей трагедии в Таганроге, еще раз, бессонной ночью, продумал намеченный план борьбы меж двух огней и сам себе сказал:

"Да, несомненно нужно, как можно поскорее и побольше создать вооруженных русских сил на стороне немцев, еще до того момента, когда внешний враг России одержит победу над "Красной Россией", в вот тогда, возникшая на стороне его - внешнего врага России - "Белая Россия" померится силами с внешним ее врагом, к счастью оказавшимся никак нежданно исключительно надменным, помогающим своими делами Сталину... Дали бы только германцы оружица нам", - засыпая подумал дед Алексей.

Х Х Х

В страшную ночь отступления немецких войск из Ростова, Абрам прильнул к стеклам крошечного, выходявшего к морю, окна, ощущая сильное биение сердца, наблюдая бой между советскими и немецкими войсками. В ночной темноте он видел только летящие огненные светлячками, подобно фейерверкам, бесчисленные трассирующие пули, как с одной, так и с другой стороны противников. Огненные светлячки со стороны Ростова все ближе и ближе приближались и в этих огоньках - светлячках было теперь его спасение. В последние дни, томимый обреченностью, он потерял интерес к жизни, ко всему окружающему, но вот жизнь, во всей полноте красок, со всеми манящими человеческую душу радостями, нежданно живыми брызгами, оживляющими его душу, посыпалась, густо забрызжала ему в лицо. Никогда раньше не хотелось ему

жить, так, как в эти минуты, никогда раньше не стремился он к счастью жизни, никогда раньше не жаждал он взять за руку, привлечь к себе свою любимую девушку... Она там, за этими смертоносными, но для него теперь, жизнь несущими, огненными светлячками... Там моя Соня - за русскими солдатами, изгоняющими чужеземного смертельного врага, там она, там мое спасение, там мое счастье... Лихорадочно быстро летели в его голове мысли и вдруг эти мысли сменились другими: - там, за этими спасательными для него огненными светлячками, за спинами русских солдат, идет толпа кровожадных чекистов, они несут муки и смерть его русским и нерусским друзьям, молодежи вместе с ним рожденной в рабстве, в тюрьмах народов России, названной политическими авантюристами Союзом Советских Социалистических Республик - СССР... За спиной Абрама была смерть - черное гестапо, впереди, перед ним огненные светлячки, в них его Абрама Гасс, спасение, а за этим, его личным спасением, близится красное гестапо - смерть миллионов людей, оказавшихся в роли "врагов народа", "изменников Родины". Заметалась, затрепетала душа Абрама, как вольная птичка, неожиданно предательски захлопнутая в клетке - ловушке... И вдруг он осознал: все народы России зажаты между двух огней! Какой ужас! Где выход? Куда бросаться? Где спасение? Ответа не находил, и опять жажда к жизни брала верх над всем и он жадно, с жадой смотрел на приближающиеся огненные светлячки с Востока...

Слегка скрипнула дверь. Тетка Марина вышла из своей комнаты. Всю ночь, с самого вечера, как завязался бой, она простояла на

коленях, усердно молилась. Беззвучно ступая по земляному полу, подошла, тихо окликнула:

- Абрашенька, сынок, смотри, наши подходят, спасение тебе, еврею, слышишь? Спасение!

- А потом, смертельная "сталинская" рубашка для всех других! - лихорадочно блестя глазами и кусая сухие нервно вздрагивающие губы ответил Абрам и, помолчав, приглушенно тихо добавил: - и для евреев тоже, тетя Марина...

Х Х Х

На Ленинской, вокруг здания, где находились военнопленные, уже с утра, как только пролетела успокаившая всех весть, - фронт прочно установился у станицы Бесергеновской и красным войскам не пробиться к Таганрогу, ни в коем случае, собралась масса народа, стараясь передать принесенные передачи своим родным и всем другим русским военнопленным, ушедшим на регистрацию и попавшим за проволоку лагеря военнопленных. Эрика Шварценберг, в платье с огромным декольте, в туфлях на высоченных каблуках, в первый раз в жизни с ярко накрашенными губами и подведенными бровями, в сопровождении Лары, Наташи Петровой (тоже отчаянно вызывающе расфуфыренных), Саркисьяна, (снабженного студенческим билетом), появились у дверей коменданта лагеря. Эрика в очень вежливой форме попросила постового солдата доложить коменданту лагеря о ее просьбе поговорить с ним, выяснить исключительно интересный вопрос.

Солдат моментально метнулся во внутрь помещения и сразу же перед просителями появился сам "гер", (гер - господин по-немецки), комендант. Наклонив голову, он поверх

пенсне с интересом и заметным восхищением смотрел на прелестных молодых особ.

- Гер комендант извините, пожалуйста, - отчаянно рисуясь, заговорила Эрика, - тут вот произошла прискорбная ошибка, да, извините, гер комендант, я немка - Эрика Шварценберг. (При этом Эрика мило улыбнулась, кокетливо повела плечами). Так вот, гер комендант, по ошибке, к вам в лагерь военнопленных попал мой кузен. Так как он по моей матери является моим двоюродным братом, то он несомненно чистокровный немец, то тут уж мне думается, ему совсем не место находиться среди русских военнопленных. Не думаете ли вы, гер комендант, также, как и я?

- О-о-о какое ужасное недоразумение! Это просто случайная трагическая ошибка! Говорите скорее имя вашего кузена, и я его немедленно освобожу.

- Вольдемар Еремин, гер комендант, имя моего кузене, я, я, так вам благодарна!

Эрика изобразила, с искусством опытной артистки, трагично-счастливую мину и тут же "рисуясь" бросила на гер коменданта чуть ли не влюбленный взгляд. Лара и Наташа Петрова, как могли, подражали Эрике. Ошеломленный гер комендант очаровательными существами женского пола, через пару минут, вывел за ворота лагеря Володю Еремина. Вслед за Володей шел молодой, красивый, строго подтянутый парень.

- Вот ваш кузен, прекрасная фройлен, извините за столь трагическую ошибку!

Комендант рассыпаясь в любезностях, заискивающе - подобострастно улыбался, подталкивая дружелюбно, держа Володю за плечи, за линию, разделяющую жизнь и смерть.

- А это кто?

Гер комендант вопросительно удивленно смотрел на парня, следовавшего по стопам за Володей Ереминым.

- Это тоже наш кузен, он тоже немец по крови, но слабо знает язык, родился здесь, среди этих русских. Вы понимаете?

- О да, конечно! Вы свободны, молодые люди, как и все немцы. Нам нужен каждый немец, где бы он ни был. Мы имеем ответственность перед фюрером хранить каждого немца. У нас великие задачи и у нас гений фюрер! Мы - немцы, скоро будем управлять всем миром! Всеми этими малокультурными народами!

Гер комендант при последних словах изобразил строго серьезную мину, а потом опять слащаво улыбаясь и почтительно кланяясь, нагибая голову, из под пенсне завороченно бегал глазами, любуясь прелестными существами женского пола.

- Скажи ему, что он болван, Эрика, - зло блестя глазами, указывая на коменданта, сказал, рядом стоявший с Эрикой, Саркисьян.

- Что он говорит, милейшая фройлен?

Гер комендант учтиво улыбнулся Эрике.

- Говорит, что вы умнейший человек, гер комендант.

- Благодарю вас.

Комендант учтиво благодарно с серьезной миной на лице поклонился, и опять было уже расплылся любезной слащавой улыбкой, незаметно поглядывая на очаянно огромное декольте на платки Эрике, как в это время ему доложили, что его просят к телефону из городской немецкой комендатуры. Не успел гер комендант скрыться за дверь, как вдруг перед ликующими ребятками, как из под земли, появился це-

лый полузвод казаков. Впереди в темно-синем казакине, в заломленной лихо донской папахе, в шароварах с широченными алыми донскими лампасами, с шашкой и плетью в руках на каром строевике, сидел, подобно гоголевскому Тарасу Бульбе, дед Алексей. Командир сотни Андрей Турченинов с казаками, вооруженными немецкими кавалерийскими карабинами, при шашках и в полной донской казачьей форме, имели внушительный вид. Рядом с дедом Алексеем сидел на коне Гавриил Алфредович Шмунт, местный пожилой немец - переводчик, уже давно слышавший в хуторе за доброго, отзывчивого человека, а тут еще и взявшегося изо всех сил помогать попавшим в беду всем русским, всем, кому только мог.

- Деда, родненький! - громко воскликнула Лара и бросилась к подъехавшим казакам.

Алексей Гаврилович с удивлением разглядывая, отчаянно расфуфыренных девушек, включая Лару, смекнув в чем дело, подморгнув казакам с хитрецей, улыбаясь, сказал:

- Эге, вижу у вас туточки "ополчение" дюже внушительное. Ну, што же, коли так, давайте в таком случае сообща освободить вашего военнопленного армейца - "комсомольца а отставке и в подпольи". А ну-ка, Гавриил Алфредович, а зовика начальство лагерное, погутарим с ним, - молодецки спрыгнув с коня и бросив повод своему вестовому казаку, уже с серьезным выражением лица, закончил атаман.

- А вот он тут, только он уже не военнопленный, - указывая на Владимира Еремина, деланно гримасничая и "рисуюсь", проговорила Эрика, - но только всего "комсомолец в отставке и в подпольи", - добавила она и

вместе со всей компанией весело расхохоталась.

- Да как так? - удивился атаман.

Выслушав повествование ребяток, дед Алексей довольный, восхищенно цокнул языком, поглядывая на улыбающихся казаков, сказал:

- Гляжу я, станичники, такую то молодежь никаким врагам России в жисть не сломить! Приветствую, дети, вас за проявленную смекалку, так то завсегда противника в обход и неожиданной атакой брать надобно!

Дед Алексей потряс нарядной плетью.

- Ну-ка, поди сюда, казак. Тебя то как по батюшке?

- Иванович.

- Не знавал я твоего отца, Иванович, а вот с дедом твоим друзьями мы были в юности, отменный атаман был дед твой! А ты как, Иванович, может быть в сотню нашу пожелаешь вступить, так это было бы радостно. Офицер артиллерист, да еще профессионал, нам во как нужен! - дед Алексей, наклоня голову, испытывающе смотрел на Еремина. - Видал я тебя раньше у пушек Петра Великого, артиллерист, - припомнил дед Алексей.

- А можно?

- А то нет! А ну-ка, Гавриил Алфредович, припиши пополнение, - распорядился атаман.

- Да я не один, тут вот друг мой - Ваня Волошин. Из одного артиллерийского училища, выходцы мы с ним.

- Вот как! Как же тебя по батюшке, молодец?

- Иванович.

- Ага! Опять Иванович! Это хорошо, нам в аккурат, всех Ивановичей, из всей Святой Руси - матушки, в один строй построить над-

лежит! Ты какой станицы будешь, Иванович?
Аль казак ты?

- Какой там! Деды и прадеды мои все больше рязанские "кацапы - лапотники" были! - усмехнулся с задором красивый, строго подтянутый приятель Володи Еремина.

- Ишь ты каков! Деды твои "лапотники", а мы тебя зараз в сапоги переобуем. Ухватка у тебя, вижу я, казацкая. А ну-ка Гавриил Алфредович, припиши и этова казака на все виды довольствия, а то, гляди, на нем тела то мало осталось, подкормить казака надобно, - распорядился атаман. - Пускай Германия кормит нас, коль оградить себя от красного рака задумала! - с хитрецей, улыбнувшись, добавил дед Алексей и тут же, понуриив голову, с досадой проговорил: - Прицел то, вижу, германцы берут не в ту, што нужно сторону, гляди каких молодцов за проволоку посадили, а ведь ими то только и можно, - Россию воевать!

По распоряжению атамана лейтенанты артиллерии Владимир Еремин и Иван Волошин были зачислены в Первую Повстанческую казачью сотню. С подвзводом казаков Андрей Турченинов отправился обратно, в место расположения сотни, а сам атаман, по просьбе Саркисьяна, остался в городе для исключительного важного совещания с руководством "комсомольцев в отставке и в подпольи". Совещание состоялось в тот же вечер на квартире у Рудаковых, куда по одному, по два человека, незаметно, до наступления темноты, собрались все "ребятки", члены организовавшегося, с весьма странным и загадочным названием "клуба". В случае какого наскока немцев, а особенно их полевой жандармерии, на страже стоял Вань-

ки-Слепа патефон-буржуй, готовый по первому сигналу затрещать, что есть мочи, а Ванька-Шиша загорланит во всю свою глотку "Гоп со смыком"! с применением в "концерте" своей неизменной избитой и исцарапанной гитары - мученицы. Эрике Шварценберг было поручено доложить немцам, что здесь, дескать, происходит веселье по случаю предстоящей победы над русскими "унтерменшами". По просьбе деда Алексея, руководство "клуба" согласилось допустить присутствовать на совещании только двух жильцов дома: Ивана Фомича Плотникова и Степана Тереньевича Горшкова.

- Начнем мы, атаман, с выражения вам лично и вашим казакам благодарности от нас всех. - Сракисьян обвел взглядом окружающих его членов "клуба", - а также объясним вам по какой такой причине наше "женское ополчение" вступило в акцию освобождения наших друзей из лагеря военнопленных, как-бы вопреки уже намеченному раньше вами плану. Ваня Пирожков сделает по этому поводу доклад. - Саркисьян кивнул головой в сторону Ваньки-Шиша.

- Глубокоуважаемый, атаман Алексей Гаврилович, глубокоуважаемые Степан Терентьевич и Иван Фомич, дорогие друзья соратники! Уже все население оккупированной территории нашей страны, начинает понимать - ожидаемый друг в лице немцев, оказался, не желанный друг, но жестокий враг! - Ванька-Шиша спокойно и сдержанно обвел взглядом всех присутствующих и продолжал: - Враг имеет страшные, чудовищно преступные цели, о которых наш народ не мог знать и теперь еще всего не знает. Фронтовые немецкие войска, тоже не знают целей своего фюрера и, конечно,

мы не можем их винить за действия Гитлера, точно так, как мы не можем винить солдат и командиров Красной армии за действия Сталина. Как вам, дорогие друзья, известно, мне удалось устроиться на службу в качестве переводчика у немецкого городского начальника — гебитслейтера, а посему я многое такое могу слышать, что в другом месте никогда никто не услышит. Из разговоров власть имущих немцев, мне пришлось узнать: все военнопленные, находящиеся у нас в городе, уже вчера должны были умереть под пулями врага. Установившийся немецкий фронт, спас их от смерти. Высланное "женское ополчение", как выразился Саркисян, было весьма разумной акцией со стороны руководства нашего "клуба", по сути акцией спасения наших друзей — вытащить их из-за проволоки еще до того, как застрочат немецкие пулеметы. Но имейте в виду, как я уже сказал, — приказы творить преступления отдает не фронтовое немецкое командование, но точно так же, как у нас советская, у немцев — нацистская политическая власть, в лице их фюрера Адольфа Гитлера и, конечно, и с ним же его соратников — преступников. Вот и весь мой доклад, надеюсь вам всем все ясно.

Докладчик поклонился и сел.

Глядя на Ваньку-Шиша, теперь в эти минуты произносящего речь и до того видящим его во время залихватских веселий ребяток, людям не знающим и не понимающим детей России, рожденных в советском рабстве, трудно было бы поверить, что перед ними с серьезным и умным лицом молодой русский парень и есть тот самый залихватский весельчак и балагур с гитарой, носивший кличку Ваньки-Шиша.

Дед Алексей внимательно посмотрел на докладчика и оглядев восхищенно "ребятков", остановил взгляд на вопросительно-выжидающе смотревшем на него Саркисьяне.

- Ну, што же, дети, я уже одобрил ваш подвиг и опять скажу - правильно поступили, проявили находчивость и смелость!

Иван Фомич крайне взволнованно поглядывал на ребятков, постукивая о пол костылем, отчаянно подмаргивал больным глазом, выпалил:

- Не молодежь у нас, Гаврилыч, а герои народившиеся! Какие враги России сломить их могут? Во век нет!

А Степан Терентьевич, не без восхищения, покрутив головой, молвил:

- Молодцы то наши, вижу, могут большие дела делать быстро и просто, а отсюда и успех завсегда исходит то!

- Наташа Калмыкова имеет слово, прошу!

Саркисьян любезно улыбнувшись, сделал учтивый поклон.

- Дорогие друзья, - поклонившись, начала Наташа, - я хочу только добавить к уже сказанному Ваней Пирожковым. Действительно, все преступления, творимые немцами, исходят от их политической власти во главе с Гитлером. Нам, в эмиграции было доступно больше знать, чем вам в России, ибо мы могли видеть дела гитлеровцев в уже захваченных странах. О страшном преступлении, которое они готовили и которое теперь постепенно выявляется, мы своими глазами видим. Мне лично пришлось видеть на своем пути домой через Польшу, Белоруссию, Украину, в каком состоянии находятся наши войны, попавшие в плен к немцам. Лагерья военнопленных, где находятся за прово-

локой сотни тысяч наших братьев - это лагерь миллионов смертников. Каждый день умирают от голода сотни и сотни! Они были взяты в плен в летнем обмундировании, а ведь грянет русская холодная зима. Как спасти их от смерти? Сталин отказался от своих пленников, назвав их изменниками Родины и отказался от помощи Красного Креста. Немцы не немереваются их ни кормить, ни одевать и даже запрещают передавать им передачи, следовательно, обрекают всех военнопленных на голодную смерть. Как мы можем спасти хотя бы частицу из наших несчастных обреченных на смерть людей? Наши соображения по этому поводу, выскажет Саркисян. - Наташа села.

- Дорогой Алексей Гаврилович! - медленно, как бы взвешивая каждое слово, опять заговорил Длиннонос. - Исполнение задуманного нами плана - спасти хотя бы часть наших людей, может совершиться, как мы думаем, при вашей помощи, а именно: мы просим вас обратиться к немецкому фронтовому командованию с просьбой разрешить нам организовать, на первый случай, хотя бы одну роту добровольцев их числа военнопленных в нашем городе. Нам думается, если фронтовое командование приняло в состав немецкой армии казачью сотню, правда самообразованную еще до прихода немцев, то, возможно, оно разрешит сформировать нам и одну роту русских добровольцев. В задуманном акте мы преследуем не только спасение людей от голодной смерти, но и создание на стороне внешнего врага России - "Белую" Россию - на смену побеждаемой немцами "Красной" России.

Саркисян строго сдвинув брови забелестел своими бархатными глазами, устремился на де-

да Алексея взволнованно-выжидательный взгляд.

- Дело гутаришь, товарищ капитан, - поспешно отозвался атаман, - но, чтобы, это значить, привести ево в жись и дать ему ход, то туточки моей власти и авторитета у германцев будет маловато. В таком деле нужен Окружной атаман-есаул Андрей Тимофеевич Колосов. Он у германцев, у их старшева командования военнова в большом почете и в полном доверии пребывает. Да, дело то в этом, што он, как мне думается, не успел их Ростова прискочить к нам, когда красные сделали неожиданный прорыв фронта. Ну, да он казак с такой сноровкой, што может еще скоро опять обявица у нас. Так што, тут в таком деле весьма сурьезном и толковом нужно, конешно, и разумно действовать. Я то закину удочку и пощупаю почву через нашева хуторскова немецкова начальства, но надежды туточки пошти совсем нет, ну, а все же, как говорица, испытук не в убыток! А вопче то дела у нас неплохо обстоят. Андрей Тимофеевич слышал от местнова германскова командования, што в белоруссии и на Украине есть уже большое количество добровольческих частей, што главное военное германское комаднование очень даже заинтересованно в создании как можно больше воинских частей из наших народов. Тимофеевич твердо уверен, што дальнешее продвижение германцев вперед, как раз и вразумит их полностью, што победить нас, без нас, они никак не смогут, а следовательно, и их фюрер Адольф Гитлер принужден будет признать необходимость перестроить свой завоевательский план, на план спасения своей шкуры, иначе наши ребята придут в их Германию и, как вы по-блатному выражаетесь, много там "шухару" натво-

рять, - дед Алексей задорно усмехнулся и добавил, - по всему видимому, время пока што работает на нас, но туточки зараз повременить надобно. Пускай теперича германцы свой нос к Москве сунут, да хорошенько понюхают, чем пахнет завоевание русскова сердца. Вот тогда, надобно полагать, они план завоевания России отменят и зачнут борьбу против коммунизма. А зараз, как я уже сказал, я лично попробую закинуть удочку. Гляди, может быть и клюнет.

- И за это спасибо, Алексей Гаврилович, конечно, испытюк не в убыток, - согласился Саркисян. - Теперь еще есть к вам, Алексей Гаврилович, просьба другая.

- Давай, говори.

- Тут вот молодежь наша, как мы уже говорили вам, ополчилась на борьбу против Сталина и против Гитлера, но вот у нас расходятся мнения в политических идеях, которые мы ставим перед собой и посредством которых хотим бороться с коммунистической идеологией и доктриной. Среди нас есть верующие в Бога молодые люди и неверующие. Есть в корне отвергающие теорию Маркса, а есть некоторые, которые что-то находят пригодное в государственном строе из учения Маркса. Вот, к примеру, среди нас наш новый друг - Наташа Калмыкова, она у корне отвергает марксизм, как таковой, просто называет его учение богоборческим. Наташа принадлежит к политической организации Национального Трудового Союза русских солидаристов, сокращенно НТС, организовавшейся за границей, в среде эмигрантов русских. Лично я со многим согласен - с идеей и доктриной этой организации, но вот другие нет.

- А што это такое солидаризм? - настороженно спросил дед Алексей, поглядывая на Наташу Калмыкову.

- Русский, или вернее, Российский солидаризм, - встав, заговорила Наташа, - призывает каждого россиянина к служению профессии, которую он избрал для пользы своего народа, своего государства - России, в пределе - всему человечеству. Солидаризм не скован идолитрией коллектива, так как он требует не только служения личности обществу, но и общества личности и их обоих тому, что выше, как личности, так и общества - Правде Божьей.

- Говоришь, Наташенька, Правде Божьей, радостно слышать мне такие слова. Но на свете сем есть разные народы и разные религии и эти народы тоже говорят и даже полностью, должно быть, верят, что они действительно служат Правде Божьей. Скажем, к примеру, мусульманы, будисты и другие, то тут получаецца понятие служить Правде Божьей, да правде различной. Получаецца, как бы растяжимое, неопределенное понятие, какой Правде Божьей ты, дочка, имеешь ввиду?

- Солидаризм базируется на глубоко христианском мировоззрении, следовательно служению Христовой Правде!

- А вот, это уже ты сказала более определенно, спаси Христос тебя! Но опять-таки должен сказать тебе, Наташенька, што и среди христианских религий есть разногласия и каждая их этих религий тоже утверждает, што она служит Христовой Правде, вот оно што, дочка, - опять получается неопределенность!

- Солидаризм, Алексей Гаврилович, вначале был во Франции и французский солидаризм,

главным образом, разработан лишь с экономической и юридической стороны. Это учение лишено философского и этического фундамента, для нас, русских, учение французского солидаризма, как учения не опирающегося на целостное философское мировоззрение, никак не может быть примером или, я бы сказала, образцом, а только лишь, так сказать, первым, несмелым почином. К тому же, этот солидаризм был разработан в трудах католического учения Пеша. Вот тут я и должна вам сказать, что между католическим солидаризмом Пеша и русским, действительно, есть много точек соприкосновения, но русский солидаризм развивался помимо всякого влияния Пеша или даже знакомства с трудами Пеша, учение этого Пеша лишено фундамента персоналитической философии, на котором основывается русский солидаризм, против всякого эгоизма, то ли личного, то ли группового, конкретнее выражаясь, солидаризм есть синтез единства и свободы и к тому же в нашем целостном его понимании, восходит к русскому славянофильству. Он вырастает органически из русской, а не из западной почвы, хотя во многом, он обязан и лучшим традициям западной мысли - таким людям, как Штерн, Шелер, Бергсон. Русский солидаризм, он национален, но в то же время и универсален. Этика солидаризма, она персоналистична, но в то же время, эта этика, призывая или утверждая относительную автономность этики персонализма, в конечном итоге, полностью признает конечную зависимость этой солидаристической этики от высшей религиозной инстанции, то есть, солидаризм основывается на христианстве и естественно ставит себя в подчинение христианского учения.

- Ты уже сказала это, дочка. Я тебя спрашиваю, какой Церкви подчиняет себя, как ты называешь, российский солидаризм, тут хочу слышать определенный ответ.

- Если мы сделаем глубокий анализ российского солидаризма, то мы должны сказать, что российскому солидаризму свойственны черты непосредственно связаны с особенностями православной формы христианства. Больше того многие из нас, членов организации НТС, считают или вернее сознают, что идея солидарности развита в солидаризме более в социальном разрезе и это, конечно, несомненно, но мы и сознаем, что идея имеет укорененность в христианской морали и в православной мистике.

- Спаси Христос, дочка. Рад слышать такие слова, - радостно воскликнул дед Алексей.

- Но русский солидаризм, - продолжала Наташа, - никак не намеревается православие делать государственной религией. Солидаризм стоит за терпимость религиозную, однако, конечно, против равнодушие к истине, которое столь часто скрывается за маской терпимости.

- А што же ты имеешь в виду, каков смысл слов, иде ты говоришь, што русский солидаризм не намереваца Православие делать государственной религией? Уж не отделение ли Церкви от государства, Наташенька, а?

- Да, это так мы считаем, Церковь не должна руководить светскими делами государственных деятелей, а лишь духовно на них действовать, уча истине Христовой!

- Ясно.

Дед Алексей кивнул головой. Наташа села.

- Кто еще танкист Иванович, в какую другую сторону тянет?

Дед Алексей снисходительно улыбнулся, обвел ласковым взглядом молодежь.

- А вот он, монархист наш - представитель казачества, Константин Иванович Греков. Давай Грек, выкладывай свои идеи, - Саркисьян шутливо хлопнул по плечу Костю Грека.

- И вылажу! - Грек дерзновенно оглядел друзей и в упор глядя на деда Алексея, сказал: - России, не то, что не нужны всякие новые идеи, а страшно вредны они ей! Все эти идеи, все эти разные партии, это сплошная говорильня и только! России нужна твердая власть. Нужен царь такой, каким был Петр Великий: царь самодержавец; царь гениальный государственный деятель; царь полководец; царь строгий, но родной, беспредельно любящий народ свой, отец! И, конечно, как опора власти монарха, необходимо восстановление всех двенадцати казачьих Войск, дабы враги России и всякие внутренни политики - портфельисты не устраивали смуты больше разной, в борьбе между собой из-за этих портфелей. Монарх, естественно, должен быть полностью подчинен церкви Православной, другими словами - Евангелию - Богу! В Евангелии все сказано: и как должен относиться брат к брату, и как относиться к власти государственной - к царю! Так что всякие конституции, по моему мнению, являются ничем другим, как только очковтирательством. Наш знаменитый историограф Карамзин Николай Михайлович, будучи зараженным опасной бацилой мягких западных демократий, побывав за границей, хорошо рассмотрев, распознав демократов, быстренько выздоровив от демократических недугов, примчался поскорее домой, стал консерватором и принялся писать историю государ-

ства Российского. Мягкая демократия может только привести всю нацию к разложению и загниванию, к добру не приведет. Исходя из этого, можно и нужно верить в твердую власть - верить в царя, который сам сделает нужные в стране реформы, без всякой говорильни политиканов и спасет нашу Россию от политического рабства! Вот все! - Греков сел.

- В точку попал! - сильно стукнув о пол костылем и усиленно подмаргивая больным глазом, прогремел Иван Фомич.

- Слова сказал святые! - восхищенно проговорил Степан Терентьевич.

Дед Алексей внимательно посмотрел на Грекова, ничего не сказав, перевел взгляд на Саркисьяна.

- Ну, кто там еще у тебя из комсомольцев твоих, в какую другую сторону тянет, танкист Иванович?

- Что вы, Алексей Гаврилович, нам посоветуете делать теперь, коль у нас уже есть разногласия, да и большие к тому же? - спросил Саркисьян.

- А то, что ты уже сам сказал, капитан - танкист, создавать на стороне товарища Гитлера, заместо "красной", "белую" Россию, а победив товарища Сталина, мы тогда и поговорим с ослабевшими силами товарища Гитлера, Россия ему не Польша и не Чехословакия, силенки он у нас туточки не набереца, а какая есть у него, срасходуется! Подождать, зима русская ему аппетит собьет, не возрадуется! Чай, разумеешь, товарищ капитан?

- Я то разумею, да и товарищ Гитлер должно полагать тоже разумеет, - улыбнулся Саркисьян.

- Коль разумеет, нихай зараз же, докель

не поздно, политику завования, на политику своо спасения меняет. А вы, дети, усе свои разногласия у сердцу дюже не принимайте, проявляйте Терпимость, уважение друг к другу, да мозгами получше пораскиньте и старайтесь разобраца, што к чему и даже через почему. Вот тогда и будет толк. Избавимся мы от обеих товарищей и "краснова" и "чернова", к нашему счастью, промеж собой разодравшихся!

- Дело говорите, атаман! - воскликнул Саркисьян, блестя бархатными глазами.

- Как видишь, танкист, да ты, я вижу, смекалистый парень, как тебя то по-батюшке твоему?

- Иван имя отца моего. Крещенный он был в русской православной церкви, также как и мать моя и бабка моя и я в том числе. Наши предки сторожили Таганрога. Так что я на самом деле Иван Иванович. Это меня Ованэсом зовут, потому что я армяшка. А теперь еще вместе с "приставкой" меня зовут Иванос-Длиннонос. - Саркисьян обвел ребяток деланно-укариженным взглядом.

- Ага! - восхищенно воскликнул дед Алексей, - еще один Иванович! Ну так вот, Ивановичи и вы, Ивановны, - дед Алексей глянул на девушек, - еще раз говорю, меж собой не сорица и действовать изо всех сил ваших. А силушки у русских Ивановичей, слава Богу, завсегда хватало усех своих врагов сокрушать. Ано веть и Дон наш казацкий, с покон веков, Ивановичем величаеца, а с Дону и вышли все двенадцать казачьих Войск, Россию в великую державу собравших. На этом и совещание наше закончим. Да спасет и сохранит вас усех, де-ти России, Христос Спаситель!

Дед Алексей, поднимаясь со стула и собираясь уходить, обращаясь к Наташе Калмыковой, сказал:

- А ты, Наталья Ивановна, постарайся друзей своих, какие неверующие промеж вас тут комсомольцев в отставке, на путь правильный поставить. Вот Лариса тебе поможет, она добре подкована у меня, понимает Слово Божье.

- Постараюсь, постараюсь, Алексей Гаврилович, Я в два счета всех чертей из их голов вышиблю! - Наташа с задором заблестела лучистыми глазами.

- Ишь ты, какая умница проворная! - восхищенно воскликнул Иван Фомич.

Поглядывая на Наташу и легонько постукивая о пол костылем, он добавил:

- Имя у тебя, красавица, што ни есть чисто русское, как сама ты, я вижу, вся из теста, на дрожжах русских заправленного. Вышибай, дочка, с корнями всю ложь грязную карлы-марлы мракобеса етова, из голов детей Святой Руси.

Иван Фомич нежно по-отцовски погладил белокурую голову Наташи и шагнув, опираясь на костыль, направился в общую кухню.

- А ты то сам, Фомич, за каво ето партизанил в восемнадцатом, матрос-партизан? - шутливо спросил Степан Терентьевич.

- Да за етого черта карлу-марлу, Терентьич.

Иван Фомич нервно взмахнул костылем и стал усиленно подмаргивать больным глазом.

- Да, по милости Божией, выбрался я из ловушки лукавого - так то, Терентьич!

- Слава Богу, Фомич! И я также, - радостно воскликнул Степан Терентьевич и истово перекрестив Наташу, направился следом за старым другом, бывшим красным матросом-партиза-

ном, машинально по привычке, почесывая остаток оторванной руки в революцию 18-го года.

В общей кухне, жена Ивана Фомича, тарахтя кастрюлями, что то спешно стрепала. С удовольствием вдыхая запах вареной картошки, покручивая довольно головой, Иван Фомич, поглядывая на супругу, неуверенно, с опаской, спросил:

- Оно может быть, Васильевна, у тебя и пару стаканчиков надеца для старых мореплавателей то?

- Тебе бы усе стаканчики сняца, старина, да уж найдеца, зови Алексея Гавриловича, обедать зараз будем.

- Да я не для себя, Васильевна, а так, ради почетнова гостя то о стаканчиках словцо закинул то, - заискивающе смиренно пробурчал Иван Фомич.

Алексей Гаврилович распорядился, чтобы двое новопринятых добровольца в казачью сотню, завтра же прибыли в место расположения сотни и, покинув собрание "клуба", прошел через общую кухню к дверям квартиры Плотниковых, усиленно приглашаемый хозяевами отужинать с ними по случаю его приезда.

Закончив разбор деловых вопросов, ребятки сразу же принялись веселиться, и Ванька-Слеп уже накручивал свой патефон-буржуй, как вдруг, Длиннонос потребовал тишины.

- Забыл я, ребятки, сказать вам очень важное, а именно: вчера Абрам сказал мне о своем твердом решении перейти по льду к своим. Разумеется, когда морозы покрепчают и лед достаточно окрепнет.

Длиннонос вопросительно обвел взглядом ребяток.

- Решение правильное, хотя и очень риско-

ванное, - первым после продолжительного общего молчания проговорил Ванька-Слеп, поглядывая на Володю Еремина.

Все другие молчали, терпеливо ожидая, что скажет "военное командование".

- Да, решение очень даже рискованное, но правильное, - отозвался лейтенант Еремин и тут же перевел взгляд на своего друга, лейтенанта Ивана Волошина.

- Абрам, что еврей у вас? - спросил Волошин.

- Еврей.

- Понятно, думаю, что лучшего ничего и придумать нельзя. Фронт может неожиданно откатиться назад к Ростову, а то еще дальше. Тогда вообще никаких шансов не будет. Да, решение очень даже рискованное, но правильное, - заключил свое мнение Волошин.

Лейтенанты Кузнецов и Морозов выразили то же самое мнение. Никто из "клуба" не протестовал против одобренного решения "военным командованием". Даже Носик покрутил печально-сомнительно головой и почесал свой с горбинкой нос, однако, ничего против не молвил. Лишь "командующий", с грустью на лице приглушенно сказал:

- В такой ситуации мы не смеем изменить собственное решение друга, а лишь, можем пожелать ему успеха.

На этом был вопрос окончательно решен. Борис Шапошников осторожно отодвинул оконную занавеску, бльмая, как всегда, глазами и подтягивая спадающие с жирного живота, брюки, подавленно-приглушенно, сказал:

- Смотрите, братцы, как смалют с обеих сторон трассирующими!

Со стороны станицы Приморской - советской

передовой, огромным, огненным веером, состоящим из светящихся светлячков, летели десятки тысяч трассирующих пуль. Со стороны станицы Безсергеновской - передовой немецкого фронта у Таганрога, навстречу советским, летели тоже десятки и десятки тысяч огненно светящихся смертельных светлячков.

С одной и другой сторон, заставляя зажмуривать глаза, полыхали ослепительно сильным светом прожектора, освещая небо и опускаясь вниз скользили по начавшему покрываться первой хрупкой ледяной коркой Таганроговскому заливу. Со стороны Азова, в упор освещали весь Таганрогский залив советские прожекторы. Временами, как бы с передышкой, вспыхивала страшная по силе артиллерийская дуэль, заставляя невольно вздрагивать даже людей с самыми крепкими нервами.

- Попробуй-ка, сунься проскользнуть между этих двух огней, - еще глуше, едва слышно и подавленно в раздумии, добавил Борис.

Прильнувшие к стеклам окон друзья, жмуря глаза, долго молча наблюдали сплошное огненное пламя. Наблюдали нежданно захлестнувшую их, и без того измученную, Родину, нежданную огненную вспышку.

Всматриваясь в полыхающий с обеих сторон огонь, содрагались при мысли, на что решился их друг детства, отрочества и юности Абрам Гасс... Усевшись в кружок, кто на диване, кто в кресле или на стуле, а кто и прямо на полу, долго еще, подавленные тяжелыми мыслями, ребята сидели молча. Затем "командующий", желая отвлечь друзей от мрачных, тяготеющих их мыслей, поглядывая на нового члена "клуба" Ивана Волошина, спросил:

- А какую это мы, ребята, "приставку"

влепим нашему новому Ивану?

- Какую это такую приставку? - удивленно спросил красивый и весьма ладно сложенный новичек, вставая с пола и присаживаясь на диван, рядом с Наташей Калмыковой.

- "Приставки" этакие, - начал Длиннонос, - очень просто объясняются: вот, к примеру, у нас на Дону, после голодного мора в 1932-33 годах, на место вымерших миллионов людей, прислали из Центральной России великороссов, а по-нашему "кацапов", этакую проделку "партия и правительство", конечно, назвали - добровольным переселением. Так вот, к чему я веду такое повествование: прибыло, это к нам, в Таганрог пополнение в нашу компашку, или вернее, как у нас в городе принято называть нас - "шайкой ребяток крепостян". Такое нам название дали другие "шайки ребяток", так как мы живем в бывшей крепости Петра Великого, вот где и ты, наш новый Иван находишься. Так вот, появился среди нас сначала один Иван из Великороссии, то есть, по-нашему, из "Кацапии", ну мы, это значит, не долго думая и вlepили ему "приставку" Ванька-Кацап. А тут смотрим еще один заявился оттуда же, назвать его Ванькой-Кацапом номер два, как-то неуклюже получается, мы ему тоже, не долго думая, прилепили приставку - Ванька-Лапоть. И путаницы, этакой всякой избежали и все правильно получилось. А вот, из "кацапии" этой же ты теперь у нас объявился. Вот тебе и необходимо сейчас же, дабы не путать с другими Ваньками, "приставку" вlepить. Ты, это из каких областей "кацапии" будешь?

- Я же уже говорил, деды и отцы мои все больше рязанские "казаки" были, а я сам в Калуге родился. Клейте мне какую хотите

"приставку" мне все одно, - усмехнулся новичок Ванька, стараясь незаметно присесть поближе к Наташе Калмыковой, посматривая на нее влюбленными глазами.

(Ребятки, конечно, такой маневр моментально заметили, хотя и не подавали виду).

- А Калуге, говоришь, родился? - переспросил Длиннонос.

- Да, в Калуге, - подтвердил новичок Ванька.

- Ванька-Калуга! - отрубил Ванька-Шиша.

И все разом вынесли "приговор": третий Ванька из "кацапии" зовется теперь в "шайке крепостян" - Ванька-Калуга и никаких гвоздей! Все правильно!

- Оно видишь, наш дорогой Калуга, у нас и другие Ваньки есть, местные, так сказать, вот, например, как я - Ованэс-армяшка. Но я попадаю под другую рубрику наименований - "приставок". Раз я Ованэс, да еще с длинным армянским носом, значит вполне законная "приставка" - Иванос-Длиннонос. А вот Женечка-Попандополос, наш хитрый грек соленый, ввиду того, что у него очень уж почти незаметный, крохонький, вроде как у китайца носик, получил справедливую приставку - Женечка-Носик.

Ребятки разом грохнули со смеху, прекратив дальнейшее разъяснение Ваньке-Калуге о причинах и значениях "приставок".

Мрачные тяготеющие мысли, хотя уже и покинули головы ребяток, однако, к патефону-буржую никто и руку не протянул, да и время было уже позднее.

- В ну-ка, Наташа, прочти-ка лекцию вышибающую из мозгов безбожников, - предложил Ванька-Кацап.

- Да, да, давай-ка, Наташа, проэкзаменуй вот хотя бы соседа твоего, между прочим, очень даже ловко к тебе подсевшему. А мы послушаем, как Калуга наш в диалектическом материализме разбирается, - подхватил внесенное предложение Ванька-Шиша, поглядывая на, смутившегося и стыдливо прячущего глаза, нового друга.

- Да ты не стесняйся, Калуга, на словечки наши заковыристые и не совсем деликатные, не обращай особенного внимания, чай сам на одной с нами накавальне выкован, - добавил Шиша.

- Да я и не стесняюсь, давайте, начинайте экзамен, Наташа! - бодро сразу же отозвался Калуга, обращая серьезный, полный внимания, взгляд на прелестную соседку.

- С одним условием, - улыбнулась Наташа.

- Да, пожалуйста, - не теряя серьезности на лице, согласился Калуга.

- Вы будете во всем откровенны, согласны?

- Вполне!

- Вы, Ваня, верующий человек? То есть, я хочу спросить, верите ли вы в Бога?

- Нет, не верю... То есть, вернее, ничего не знаю о Боге. Только иногда приходят мысли, что... Что-то есть такое на свете, не знаю, как и выразиться.

- Вы знакомы с диалектическим материализмом и учением Дарвина?

- Очень поверхностно, но, конечно, знаком, приходилось читать.

- Достаточно и этого, хотя, чтобы разбить противника, нужно сначала его хорошо изучить. Вы же, кажется, профессиональный военный, молодой человек?

- Совершенно точно и одно и другое, но,

к сожалению, как я уже сказал, я только поверхностно знаком с "тактикой" и "стратегией" этих учений.

- Ну, что же, постараемся сразиться с этими неприятелями с вашим скудным о них знанием.

- Я вас слушаю, Наташа!

- Прекрасно. Начнем с места в карьер! То есть, атакуем врагов наших с ходу и неожиданно, по-военному. Но только, конечно, не со скоростью "блиц крих", это уж слишком "поспешно" будет, а у нас, у русских говорят - "поспешись, только людей насмешись". Так что, атакуем неожиданно, но и без излишней поспешности.

Наташа заговорчески улыбнулась, щуря лучистые глаза.

- Кройте, Наташа! - улыбнулся Калуга.

- Скажите, пожалуйста, Ваня, что такое природа?

- Природа, это все, что мы видим, ну, скажем, растительность, животный мир, люди, а также земля, солнце, луна, звезды и так далее.

- Значит, вы имеете в виду, природа есть одушевленная и неодушевленная. Так я вас поняла?

- Совершенно точно!

- А скажите, пожалуйста, природа имеет разум?

Экзаменуемый артиллерист замялся с ответом.

- Обхват противника с правого фланга, - определил удар Ванька-Лапоть.

Ребятки тихонько захихикав, приутихли, ожидая следующего удара. Лара подавала угрожающие знаки:

- Циц, ни звука!

- Ну, люди и животные, конечно, имеют ра-

зум, а вот все другое живое, как растительность и неживое, конечно, нет, - в раздумии, медленно растягивая слова, ответил Ванька-Калуга.

- Так это значит, у вас получается не одна, а две живые природы, одна с разумом, а другая без? Правда? Так? - улыбнулась Наташа.

- Да, пожалуй так, - смущенно усмехнулся Калуга и тут же воскликнул: - Ох, какая же вы хитрая, Наташа!

- Удар по противнику с правого фланга! - определил вопрос Ванька-Кацап.

- А скажите, Ваня, вот этот дом, где мы сидим с вами, построен разумным существом, или живой природой, но без разума?

- Разумным, конечно!

- А можно, что-либо, ну, скажем, сконструировать или, как вот этот дом, построить существу живому, но без разума?

- Нет, конечно, невозможно.

Экзаменуемый заблестел глазами, начиная понимать к какому ответу ведут вопросы экзаменатора.

- Удар по противнику с левого фланга! - определил вопрос Длиннонос, - так то и до полного окружения противника не далеко, - добавил он, заблестев бархатными глазами.

- Так значит, вы согласны, Ваня, что неразумное существо ничего не может творить, так ли?

- Так точно, так!

- А кто же это, Ваня, сотворил первого человека, живая природа с разумом, или живая природа без разума? Спрашиваю так, потому что вы сказали, что есть две живые природы, так ведь? Вы сказали, что люди и жи-

вотные - это разумная природа. Исходя из этого получается, что живая разумная природа, то есть люди и животные сотворили первого человека. А откуда же они сами взялись? Кто их сотворил? Кака живая разумная природа сотворила первого человека? Вы же сказали, что неразумное существо не может ничего творить, правда?

Экзаменуемый крутил головой, силился что-то сказать, однако, не произносил ни слова.

Ребятки не выдержав, стали прыскать со смеху, а Ванька-Шиша громогласно определил положение - противник попал в полное окружение.

- Хорошо, Ваня, подождем с ответом на эти вопросы и перейдем к дарвинизму. Это, разумеется, по поводу всякой там эволюции, о которой вы, как нам известно из ваших слов, поверхностно знаете, так ли?

- Да, да, так, - наконец произнес экзаменуемый.

- Так вот, - продолжала Наташа, - в советском философском словаре, а я знаю это на память, вы можете прочесть: - "... Дарвин в противовес религиозным представлениям, привел неопровержимые доказательства происхождения человека от человекоподобной обезьяны. Но, оставаясь на чисто биологической почве, он не мог решить этот вопрос полностью. Правильное решение вопроса о происхождении человека, дал марксизм. Марксизм учит, что в выделении человека из животного мира, решающую роль сыграло применение орудия труда".

Краткий философский словарь, под ред. М.Розенталя и П.Юдина. Государственное изд-во полит. литературы, Москва, 1955 г.

Не успела Наташа произнести следующее слово, как вскочившие ребятки, покатываясь со смеху, хватаясь за животы, издавая отчаянные выкрики, запрыгали по комнате.

- Тю! Тю! Чу! Чу! - орал громче всех Шиша.

Ванька-Слеп свалившись на пол и опрокинув стул, барахтался посередине комнаты, дрыгая ногами, учащенно моргал близорукими глазами издавая хриплым басом какие то звуки.

Не выдержав, рассмеялась и сама Наташа.

- Наташка, да мы мракобесию эту можем цитировать на память не хуже тебя! Дай мне слово, экзаменаторша, и я сразу сделаю совершенно точный общий вывод из всего социалистического происхождения человека по Марксу! Ша, ребята! Я говорю! - горланил Шиша.

- Ну, пускай скажет!

- Разреши ему, Наташа!

- Давай, констатируй факты, Шиша! - заголосили ребятки, едва подавив смех.

- Ну, давай, Шиша Иванович, только покороче, не растягивай, в то ведь "Капитал" пузатый, сам знаешь, - согласилась Наташа.

- Как же не знать, когда я первосортный комсомолец обязан знать! Так вот, значит, так было дело, - начал рассматривать вопрос происхождения человека по марксизму Шиша. - Маркс заверяет, что эта самая обезьяна, своим самоотверженным социалистическим трудом, достигла такого прогресса, что стала переделоваться в человека.

- А каким это трудом, уточняй, Шиша, - подстегнул докладчика Носик.

- Не мешай, Носик, вот каким: - обезьяна, прыгая и лазая по деревьям и бегая на всех четырех, однажды не смогла достать на очень высоком дереве, уж очень высоко растущие

фрукты и, найдя длинную палку, как шарахнула по этим фруктам, так они сразу градом на землю посыпались. Обезьяне этакий социалистический труд очень даже понравился и она стала эту палку постоянно применять, а следовательно ей приходилось, сбивая фрукты, стоять на задних конечностях, что и привело к такому физическому состоянию обезьяны, когда она начала не только стоять, но и передвигаться на образовавшихся ногах. Эта человекоподобная обезьяна — ударница, познакомилась с другой обезьяной, которая тоже усердно старалась переделаться в человека и вызвала ее на соцсоревнование, с применением, конечно, пятилетки в четыре года, что и двинуло дело сразу же вперед. Потом все пошло, как по маслу. Прошло определенное время и от самой обезьяны, появился на свет Карл Маркс, который и сделал правильное решения вопроса о происхождения человека от обезьяны. Ясно? — Ванька-Шиша, рисуясь, ловко изображал серьезное выражение лица.

— Пропустил, Шиша, ты самое главное доказательство, — запротестовал Ванька-Кацап.

— Какое это? — насупился Шиша.

— А то, что Маркс был лично знаком с этой человекоподобной обезьяной. Ясно? — "запустился" Кацап, изображая на лице особую серьезность.

— А как это могло быть, когда Маркса еще на свете не было, когда эта человекоподобная обезьяна палкой с деревьев фрукты сбивала и ходить училась? — запротестовал Ванька-Лапоть.

— Как так не было? Был, гад! Он лично знаком был с обеими обезьянами соревнующимися в переделке в человека. Он с этими обезьянами за ручки здоровался и когда обезьяны полно-

стью переделались в человек, тут надобно сказать, что одна обезьяна была женского, а другая мужского пола, он у них на свадьбе гулял и поэтому то и является подлинным очевидцем способа переделки обезьян в человек. Вот оно что!

Женечка-Носик деланно серьезно глянул на Наташу. Ребятки умело разыгрывая серьезность на лицах, хотели продолжить "научное открытие" происхождения человека по Марксу, но "Командующий" поднял руку, призывая всех к тишине и порядку:

- Ну, что же, Наталья Ивановна, достаточно ли приведено нами, комсомольцами, доказательств, чтобы ты поверила, что мы - комсомольцы не зря усердно учили марксизм и знаем это "великое учение" не хуже тебя? А? - заблестел бархатными глазами Саркисян.

- Вполне! Все вы заслужили самые лучшие отметки в советских школах - это точно! - блестя с хитрецей глазами, деланно запальчиво проговорила экзаменаторша, а потом с серьезным выражением лица, сказала: - Однако, я хочу кое-что серьезно вам всем сказать, если вы, конечно, согласны, ребята?

Наташа наклоня голову, обвела "комсомольцев" выжидаючи-вопросительным взглядом.

- Крой, Наталья Ивановна! - за всех ответил Ванька-Шиша.

- Прекрасно. Я хочу кое-что сказать об ученых вообще и об ученых, таких, как наши русские ученые, ну к примеру: Павлов, Бердяев, Ломоносов, Менделеев, особо. Вот о Павлове. О нем такой рассказ ходит среди людей: сидит скромный старичок - гордость русской науки, на скамейке перед церковью. Ждет начало службы. Подсел рядом с ним отдохнуть

проходивший мимо паренек. Зазвонил церковный колокол, Павлов перекрестился. Паренек с удивлением спрашивает: "Ты, что, старина, еще в Бога веруешь"? "Верую" ответил Павлов. "Эх темнота"! с сожалением сказал паренек.

Обыкновенно, да это общеизвестно, что ученые, чем глубже они постигают науку, тем ближе они приближаются к вере в Бога и когда они достигают полноту знаний, все они, как правило становятся глубоко верующими людьми. К примеру, можно назвать таких западных ученых, как : Ньютон, английский ученый, Паскаль, французский, Розерфорд американский, Коперник польский и другие. Но есть не мало ученых, которые не достигнув нужной глубины науки, зачастую плавают в неопределенности и по этой причине остаются слабоверующими или вообще атеистами. Не все ученые достигают вершины знаний, когда они приходят к точке, от которой начинается Богопознание. "Страх Божий начало премудрости", написал царь Соломон. Но этот страх не всем дарован. А кому дарован, тому не нужно быть ученым, ибо у такого человека, только это начало премудрости, больше всяких, каких бы то ни было наук.

Наташа помолчала, поразмыслив, оглядев устремивших на нее серьезные взгляды друзей, продолжала:

- Ученые не достигшие Богопознания, обычно размышляют категориями атеистов, пропагандируют диалектический материализм. По их мнению, жизнь началась по причинам чисто материальным. То есть, мертвую материю привело в жизнь солнечное тепло. В образовавшейся первой клетке появились белки, которые способствовали возникновению жизни. В клетке, попавшей в воду, без которой жизнь невозмож-

на, согретой теплом солнца, началась жизнь, а затем, как уже сказал Ваня Пирожков, пошло все, как по маслу, появилось все живое, включая обезьян и людей. Сказка! Правда? Однако, в эту сказку многие люди верят. Но если, вы этих людей спросите - откуда же взялась эта первая клетка? Пускай ответ будет - из земли. Но тогда, откуда взялась земля? Откуда взялась вода, без которой не может ничего жить, равно, как и без воздуха? Откуда взялось солнышко, пригревшее эту первую клетку? Ясно, что на эти вопросы, никто из атеистов не может вам дать ответ. Некоторые из них отвечают вопросом на вопрос, - кто сотворил Бога? Вот именно этот вопрос атеистов приводит к вопросу, дающему правильный ответ: кто сотворил все то, что мы только что перечислили? Кто? Эти ученые недоучки, что ли?

Наташа обвела слушателей испытывающим взглядом и остановилась на экзаменуемом.

- Кто по вашему, Ваня? Кто руководит Вселенной? Кто сотворил Вселенную? Ответьте, товарищ лейтенант!

Артеллирист покручивал головой, растегивал воротник изношенной военной рубашки и медлил с ответом и как бы не решался дать прямой ответ, хотя он уже прекрасно ответ этот знал. Все притихнув, терпеливо ждали. Но вдруг, среди общей тишины раздался громогласный голос Бориса Шапошникова:

- Болван ты, Калуга, тебе разживали и в рот положили, а шарики то у тебя ни с места не сдвинулись. - Он с возмущением зло забыл глаза и стал подтягивать спадающие брюки. - Гляди мне, а то я тебе "кол" - отметку поставлю, да еще в придачу мою собственную

"приставку" подброшу и будешь ты не Ванька-Калуга, а Ванька-Болван, - добавил он с еще большей злостью.

- Да я, ребята... Это так... Просто с непривычки... Ответ тут, естественно, только один есть - сотворил Вселенную и нас человек, Бог, конечно! Мыслить иначе, не только не логично, но и сугубо безумно! Но вы сами знаете, у нас такое вслух не все решаются говорить, так ведь?

Калуга встал и протягивая руку Наташе, приняв положение "смирно", по военной привычке и, учтиво поклонившись, сказал:

- Благодарю вас, Наташа, за урок. Должен сказать, подход у вас, мне думается, тщательно продуман и от ответа правильного, просто, невозможно увильнуть. Благодарю вас, экзаменатор! - Калуга сильно пожал руку Наташе.

- Противники Карл Маркс и западный ученый неудачник Дарвин окружены и разбиты наголову, - определил окончание "боя" капитан Саркисян. - Молодец, Наташа! Еще у одного безбожника чертей из головы вышибла, - добавил "командующий", пожимая руку и любясь голубыми, лучистыми глазами белокурой русской девушки, вернувшейся с чужбины на свою Великую Родину, преодолев, ради любви к ней, все трудности на своем далеком, высланном бесчисленными человеческими трупами, политой людской кровью, изрытом, изуродованном взрывами бомб, пути.

Пути, вспаханом сотнями тысяч танков, бронемашин, иссеченном на тысячи фронтовых дорожек, изъезженных колесами, густо истоптанных конскими копытами, ногами вражеских и своих солдат...

- А у нас, ребятки, теперь две Наташи.

Как насчет "приставки"? - Длиннонос вопросительно взглядом обвел друзей.

- Наташка-Беженка, - не задумываясь отрубил Ванька-Шиша.

- Фу! Испугал. Пускай буду Беженка. Нас - русских эмигрантов, югославы и так называют "русы - избеглецы", что означает - русские беженцы. Так что, "приставка" - Беженка, мне уже раньше была приставлена.

- Только не Наташка, а Натулинька, - поправила Лара Ваньку-Шишу, ласково обнимая новую свою подругу.

- Ладно, пускай будет Натулинька или Наталка, да только ты, Наташка-Беженка, здорово не запускайся!

- Что означает слово "не запускайся"? - удивилась Наташа.

- Не запускайся, это значит, не воображай из себя много, инженер-экономист! Ты у нас быстренько ассимилируешься в разговорной речи. Да никаких там "вы" среди членов "клуба" у нас нет, ясно, Наташка-Беженка? - повелительным тоном проговорил Женечка-Носик.

- Ясно, Носик китайский, и ты тоже в таком случае, не запускайся особенно! - отрубил Беженка, задорно тряхнув белокурой головкой и скривив свой курносый носик, показала Женечке-Носику язык, вызвав у ребяток бурные аплодисменты.

- Пятерку ставлю тебе, Наташка-Беженка, за такой ответ, прогрессируешь, прямо с места в карьер! - одобрил Женечка-Носик, восхищенно блестя хитрыми глазами и почесывая, по привычки, свой греческий с горбинкой, пре-большой нос.

- А как насчет "хохлов"? - спросил Ванька-Калуга.

- "Хохлов" у нас местных полным полно, хоть отбавляй, не пересчитаешь и приставок на всех их не хватит. Один, правда, издалика откуда то прибился к нам. Из раскулаченных происхождением, паря этакой, ну, мы ему, конечно, сразу же соответственную приставку вlepили - Ванька-Куркуль, а другому Ванька-Хохол.

- А что значит куркуль? - опять удивилась Наташа-Беженка новому слову.

- Куркуль, это значит, кулак, это, конечно, по определению "партии и правительства", а по-человечески, это значит честный труженник - земледелец, каких с миллиончиков пятнадцать, "заботливый хозяин" - товарищ Сталин, на мучительную голодную смерть, на ка-торгу послал, от чего урожай хлеба у нас страшно увеличились и "жить стало лучше и веселей", только беда то в том, что от этих "урожаев пребольших и радости с весельем" уже не пятнадцать, а всех пятьдесят миллиончиков народа нашего с голоду умерло! - Жечка-Носик зло заблестел глазами.

- Знаю я об этих мероприятиях "партии и правительства", только вот значения слова куркуль не знала, хотя уже и не раз слышала, когда по Малороссии продвигалась и откуда такое то новое слово взялось?

- Откуда? - Длиннос сделал насмешливую гримасу.

- Да, откуда? В русском языке такого слова нет!

- Эх ты, Наташка, Наташка-Беженка, опять у тебя советского образования не хватает, да, не хватает, наш русский инженер-экономист! - Длиннос покачал деланно-сокрушенно головой. - Это слово куркуль заявилось к нам без

всякой с нашей стороны просьбы, а по замыслу "партии и правительства" украинизации Малороссии. А цель этого замысла - разделяй и властвуй - УССР, БССР, тут понастроили, да целые десятки всевозможных ССР, то есть: расшифровывая, получается - Советских Социалистических Республик, да еще автономных! Ни как там нибудь! Это, конечно, липовая автономия, а на деле - все безмолвные рабы, а не то, к ногтю! Впрочем, можно сказать, довольно хитрая затея и в то же время можно сказать, ничего она не стоит! Ибо, когда немцы поднаперли, все эти ССРы русскими оказались и нисколько не интересуются какой то там автономией и сражаются наравне с великороссами, малороссами, белорусами за мать общую - Россию!

- Постой, постой, Длиннонос Иванович, - хихикнув, блестя лучистыми глазами, перебила Саркисьяна Наташа. - Об этом "мероприятии" советских вожаков, я не меньше, а то и побольше тебя знаю. Ты не запускайся здорово.

- А что же ты знаешь, Наташка-Беженка? А ну-ка, Носик, приготовься отметку следующую Беженке нашей поставить! - усмехнулся, блестя бархатными глазами Длиннонос.

- А вот, что знаю: по Берлину сейчас ходят, с очень важным видом, будущие министры Украины или УССР, Белоруссии или БССР, Грузии и прочих ССР, включая будущего атамана - Президента, прямо таки, действительно баснословной страны Казакии.

Гитлеровский министр Востока Алфред Розенберг смекнул хорошо и принялся использовать в свою пользу затею "партии и правительства" - оказалось большевики промах дали, да впрочем, это и с одной стороны и с другой сторо-

ны, ошибочные предприятия, замысел врагов национальной России не удался и, разумеется, никогда им не удастся. А поглядели бы вы, ребятки, с каким важным видом и даже с портфелями "запускаются" по Берлину, готовясь вот-вот прибыть и княжить в уже сфабрикованные советчиками республики министры - марионетки. Они до samozабвения преданы своему благодетелю Алфреду Розенбергу, который так старательно готовит новых верноподанных своему немецкому Фюреру Адольфу Гитлеру, министров на нагретые местечки, секретарями "партии и правительства". Как-то мы подходим в Берлине с моей подругой к университету, кстати тоже Наташа она, только, разумеется, не Калмыкова, а Шевченко, к одному важному такому министру будущей "свободной от москалей Великой Украины" и спрашивает Наташка его, а Наташка то моя "балакает" - будьте уверочки! Ну, так вот, и спрашивает пана министра: "А скажите, пожалуйста", говорит, "пан министр, правда ли это, что наша Великая Украина будет совершенно независимым самостоятельным государством, как только немцы поганых москалей завоюют"? Министр просто весь засиял от такого вопроса и принялся усердно объяснять, как все это очень скоро произойдет и даже очень скоро и гладко, по задуманному плану немецкого гения Адольфа Гитлера, ибо весь украинский народ предан немецкому фюреру и, безусловно, при его помощи освободятся от гнета москалей, а делом освобождения Украины ведают не только немецкие министры, но и именно сам гений - фюрер Адольф Гитлер! Моя Наташа выслушала этого пана "министра" и спрашивает: "А как же это так, пан министр, немцы уже всю Украину заняли,

всех москалей перебили и выгнали с территории Великой Украины, а вот вам, пан министр, все еще свою украинскую армию, как я слышала, организовать не разрешают? Неужели не нуждаются в таком своем верном союзнике, как Великая Украина? А ведь Украина имеет до пятидесяти, а то и больше миллионов населения! Создание хотя бы пяти миллионной украинской армии, ведь это просто пару пустяков для вас, пан министр, правда"?

Ну, тут пан "министр" от такого вопроса закрутился, завертелся, как бы кто ему в заднее место шило воткнул и невероятно заикаться стал. "Да - говорит "министр" - мы уже всех москалей из нашей территории выгнали и перебили, а теперь Украина наша Великая пиднимется и вси украинци пидуть вгору"! Наташка моя такую мину изобразила, что вот и передать вам, ребятки, я не смогу, и так сказала "министру": "Правду говорите, пан министр, уси украинци пидуть вгору у Гитлера, да ще й зараз по два на матузок"! А это значит на русском языке, по два в одну петлю на весилицу! Пан "министр" от таких слов с разъявленным ртом застыл, а мы с Наташкой ходу дали - смылись!

Женечку-Носика, как ветром ураганным подбросило. Вскочив на ноги, схватил Наташку-Беженку на руки, кружась с ней по комнате и целуя ее в обе щеки, Носик отчаянно орал:

- Наташка, ты наша родненькая! Да, какая же ты беженка? Шиша, катись ты подальше с твоей "приставкой" "Беженка". Ты, Наташка, не беженка, а, а...

- Разведчица! - выпалила новую "приставку" Лара.

- Правильно! Правильно! - грянули хором

ребятки. Ура-а-а! Наташка-Разведчица! Молодец, Ларка! Ты, Ларка, вlepила "приставку" не в бровь, а в глаз. Приставила "приставку" самую правильную, умнейший наш педагог! - горланили в экстазе восхищения ребятки, облепив Наташку-Разведчицу со всех сторон, обнимая и целуя ее.

- А я и есть разведчица, вот этого отвергать не смею. Да вы задушите меня медвежьими ласками! Поставь меня на ноги, китайский Носик, дай мне возможность говорить, медведь ты и грек соленый! - хохотала Наташка-Разведчица. - Нет, на самом деле, ребята, - заговорила Наташа серьезно, - я была еще девочкой двенадцатилетней, разведчицей русских скаутов, то есть разведчиков. С восьми до двенадцати лет, как девочка, я была "птенчиком", а мальчишки - "волчата", а за четыре года скаутских занятий, члены организации Русских скаутов, получают звание разведчиков. А занятия или вернее обучение скаутов - разведчиков очень интересное, занимательное и веселое. Мы летом всегда выезжали в лагерь, строили палатки, под звук трубы утром подъем и физзарядка.

- Так это же твои скауты, Наташка, вроде наших октябрят и пионеров, так понимаю? - Ванька-Кацап сделал презрительную мину на лице.

- Вовсе нет. Октябрят учат подражать Павлику Морозову - предавать своих родителей, а скаутов - разведчиков учат любить и подчиняться своим родителям. Октябрят и пионеров учат безбожной мракобесии Маркса, а скаутов - разведчиков учат Закону Божьему. От лукавого учения преподносит советская власть детям России, а в эмиграции русские эмигранты

своим детям преподносят учение Христово - вот разница! Понял ты, Ванька-Кацап, а нет, то пошевели мозгами как следует. - Наташка-Разведчица слегка дала щелчок по лбу Кацапу и продолжала: - Разведчицей скаутской организации я была девушкой отроковицей, а теперь, друзья мои, хочу вам сказать, я на самом деле, разведчица засланная Оперативным Штабом НТС - организации, о которой я вам уже кое-что раньше сказала. Сейчас же скажу вам: руководству НТС, еще до 22 июня уже было известно о страшном преступлении, которое гитлеровцы готовили. Из глубокого подполья, наши друзья сообщили нам это, дабы мы могли подготовиться и встретить врага не врасплох.

Наташа помолчав, поразмыслив, продолжала:

- Конкретнее о России: - гитлеровцы в захвате России, решили прибегнуть к авантюренному плану фиктивного расчленения России на самостоятельные государства, конечно, государств в кавычках, всех народов, входящих в состав России. Они прекрасно знали и в чем нисколько не ошибались, что среди каждого народа, входящего в состав России, найдутся честолюбцы, которые готовы продать все и вся, дабы получить портфель хотя бы даже мнимого министра "самостоятельного государства", даже понимая, что они будут никакие ни правители своих народов, а самыми настоящими холоуями гитлеровцев и предателями своих народов. У такого сорта людей честолюбие, эгоизм, жадность и прочие страшные пороки превышают все другие человеческие чувства. Таких "панов министров", которые своим сотрудничеством с гитлеровцами обрекают свои народы на уничтожение, как моя подруга Наташка выразилась "по два на матузок", по Берлину

ходит большое множество и все они, мне думается, прекрасно уже понимают, что гитлеровцы им не только не дадут никакой обещанной власти над их народами, но и самих их "министров", после завоевания России, тоже подымут по два на мазуток! Однако, эти предатели России, предатели своих же народов, из всех сил поддерживают политику гитлеровцев расчленение России на самостоятельные и, конечно, враждующие государства, независимо от того, хотят ли этого сами народы России или нет. Вот, коротко, я вам, ребята, друзья - соратники, сказала то, что мне известно и что вы, быть может еще сами не усмотрели, не успели еще разгадать.

Наташа села.

Длиннонос, наблюдая как изменяются лица ребяток, как гневно загораются у них глаза, поднял руку и повелительно окинув всех взглядом, холодно и сдержанно сказал:

- Всем разом галдеть запрещаю! Что скажешь, Ваня?

Рядом сидящий с Длинноносом Ваня Степовой, зло поблескивая антрацитом татарских глаз, коротко ответил:

- Иллюзии товарищ Гитлер строит!

- Лейтенант Кузнецов?

- Конечно иллюзии!

- Лейтенант Сербов?

- Иллюзиями живет товарищ Гитлер, такая политика, несомненно служить будет в пользу Сталина.

- Лейтенант Волошин?

- Акт, который пахнет поражением, для задумавших такой акт!

- Женя?

- М-да, я думаю, - Женечка-Носик почесал

горбинку на "китайском носике", хитровато - заговорчески заблестел глазами, - я думаю товарищ Гитлер вынужден будет отменить свой план деления России и прибегнуть к какому-нибудь другому авантюрному трюку, ибо с продвижением вглубь нашей страны, положение немецких войск не может не рассеять иллюзий у товарища Гитлера.

Все другие высказались в том же духе. Даже внимательно и терпеливо каждого выслушивающая Лара, завершила:

- Точно!

Длиннонос, довольно улыбаясь и в то же время со злым блеском в бархатных глазах, сказал:

- Но а я, если среди армянского народа объявится "министр - делитель", я прикажу его немедленно на этот самый, как там, Наташа, твоя подруга выразилась?

- На матузок! - хихикнула Разведчица.

- Вот, вот, прикажу этого армяшку - делителя России на матузок, да повыше, чтобы все видели, в самом Ереване повесить!

Едва Длиннонос закончил свое высказывание, как Борис, вскочив с пола и сделав отчаянный прыжок на середину круга заседателей и усиленно блымая глазами и одновременно подтягивая, спадающие с жирного живота, брюки, потрясая кулаками, громогласно провозгласил:

- Да мы, ребятки, всех этих "министров - делителей" - предателей к Сталину в колхоз горбить отправим!

- Борька, болван ты наиумнейший! Ведь самое, что ни есть найправильное наказание придумал ты "министрам"! Дай пять, Борис Иванович Шапошников! Мудрец ты из мудрецов у нас неоднократно уже объявившийся! - восхищенно

ворочая глазами горланил Ванька-Шиша.

- "Министры" эти безусловно заслуживают наказания, соответствующего их преступлениям, - проговорил с серьезным выражением лица лейтенант Волошин.

- Вне всякого сомнения! - подтвердил лейтенант Еремин.

- Да мы чваниться с такими "министрами", конечно, особенно не будем, - холодно и зло усмехнулась Эрика Шварценберг.

- Пожалуй, не Россию, а Германию делить, в конечном итоге политики гитлеровцев придется! - заключила дискуссию Наташа Петрова.

Часовая стрелка на "ходиках" перевалила за три часа и ребятки, улегшись на полу, вскоре засопели и захрапели, уснув глубоким сном молодых здоровых людей. Лишь Лара и Наташа-Разведчица не спали, усевшись на диван, они шепотом вели беседу.

- Ты знаешь, Натуля, я так рада, у меня как-то сразу легче стало на душе, сразу же при первом с тобой знакомстве. После потери Лиды у меня сильная депрессия, очень продолжительное время была, отпускала, а потом опять, как тяжелый камень на мою душу ложился. Сейчас мне легко дышится и куда то дальше от меня мрачные, страшные мысли ушли. Временами только страх нападает на меня. Возможно это еще от того, что я головой сильно о мостовую трахнулась.

Лара стиснула виски руками, запрокинув назад голову, замолчала, ощущая острую боль в голове.

- Не нужно, Ларушка, отгоняй мрачные мысли. Я вот тебе лучше расскажу о жизни эмигрантской.

- Ты уже говорила.

- Говорила да не все. Не думай, что эмигрантом легко быть. Вовсе нет! Особенно той части русской молодежи, которой отцы передали, вдохнули в сердца детей своих беззаветную любовь к России. Получив образование, мы еще острее стали ощущать ненормальность нашего существования на чужбине. Мы стали искать выход из этого положения и находили только один - борьба не на жизнь, но на смерть с врагами, поработившими наше Великое Отечество. Отцы помогали нам своим тяжким трудом, чтобы добыть модные гроши и дать возможность своим детям учиться, получить высшее образование, дать возможность своей смене продолжать борьбу, ибо без образования борьба немислима, сама понимаешь. Враги России марают, как и всегда, раньше морали наших отцов, клеймят белобандитами, черносотенцами, ведь это гнусная ложь, однако, не тысячи, но миллионы людей повторяют и даже твердо верят в эту ложь. Как остро и больно режут сердца белых войнов - мучеников слова этих обманутых людей. Белые войны прошли свой тернистый путь борьбы за свободу России по мукам. Их было горсточка, по сравнению с обманутой народной массой, ставшей в ряды Красной армии, возглавляемой истинными врагами России и всего человечества! На стороне Белой армии - белых войнов, была только доблесть, на стороне Красной армии, была сила, и сила должна была сломить и сломила доблесть. Ложь восторжествовала над правдой. Мы все это узнали и поняли только после тщательного исследования истоков и хода самой революции в России. Знаешь, Ларушка, мы - русская эмигрантская молодежь, то ли рожденная в эмиграции, то ли там выросшая,

мы все настолько напитаны русским духом, что не видя никогда России, на далеком от нее расстоянии, мы шли всегда и идем теперь с ней, с нашим народом в ногу, не отставая ни на шаг, чувствуя сердцами нашими все муки плененной России, каждое ее движение, каждое малейшее в ней дуновение. Организовавшись, достигнув политической зрелости, почувствовав свои силы, получив нужный накал для борьбы, зная наши силы, мы уверенно вступили в борьбу, не делая себе иллюзии. Мы хорошо знаем, что враги России сильны и их много, но мы и хорошо знаем, как с ними нужно бороться.

Гитлер не один, он привел с собой всю Европу, также, как в свое время, Наполеон Бонапарт. Мы хорошо знаем наверняка, Россия не может быть завоевана внешним врагом. Враг, в революцию 1917-20-х годах полонил Россию изнутри, используя самих русских. Сам, обманутый русский народ, разрушивший своими же руками все те ценности, все то могущество, которое он сам создал на протяжении веков. Все русские национальные достижения в искусстве и во всем другом, теперь названы советским, какая гнусная ложь! Но беда будет врагам России, всем обманщикам русских мужиков, всех этих Иванов Ивановичей, как их твой дедушка называет, когда придет время перевоевать. Теперь при наличии войны, есть шанс перевоевать, но мы столкнулись с таким препятствием, которое не легко нам будет в настоящий момент перешагнуть. Но! Дрожайте все враги национальной России, ибо все вы вместе взятые бессильны перед русским народом, ибо этот народ - на-

род - богатырь!

Лара видела, как в этот момент, загорелись ослепительным огнем глаза Наташи.

- Да, ты права, Натуля, враги России живут иллюзиями, это потому, что безбожники они в своем большинстве. Россия дерзала называть себя Домом Пресвятой Богородицы и всегда была хранительницей веры Христовой. Вот лукавый поэтому и направил все свои силы против Святой Руси, да все успехи его временны и сам он знает, какой конец ожидает его. А те, кто борется против правды Христовой, по сути, все они безумцы перед лицом Бога! Конечно, о тех, кто не понимает, что творит, мы сожалеть и молиться за них должны. Господь им всем Судья! Давай-ка мы прикурнем немножко, Наташенька, а то уже утро наступает, а мы еще и глаз не сомкнули.

- Ты такая умная, Ларушка. Учительниц много я встречала на своем пути к дому. Все они достаточно образованы и умны, но как-то чего то у них не хватает, чего то, вероятно, такого, что не всем своим рабам Господь дает. Да, давай прикурнем, Ларушка. Есть у меня тетенька моя родненькая, а вот и сестричку я обрела...

Наташа ласково, как малое дитя улыбнулась и, забравшись с ногами на диван, скрутилась калачиком и умолкла.

- Спи, Натулька, - проговорила Лара, ласково потеревив белокурые локоны подруги.

Х Х Х

Уже было почти совсем светло, когда, скрипнув дверь, вошел дед Алексей. Лара встрепенулась, осторожно встала с дивана, стараясь не разбудить спящую подругу.

- Спит войско, - улыбнулся дед Алексей, оглядывая в развалку на полу спящих ребяток.

- Спят, деда, иди и ты прикурни перед дорогой.

- А я то и думаю, гутарили всю ночь у Ивана Фомича гостей набрело, полный курень.

Х Х Х

В полдень прибыл полувзвод казаков за атаманом. Привели казаки с собой атамановского коня и двух других из конского запаса сотни для двоих добровольцев. Уже сев на коня, дед Алексей поманил пальцем Лару.

- Как с Абрамом решили то?

Выслушав рассказ, дед Алексей, размышляя и глядя на поблескивающий Азовский залив, негромко сказал:

- Да, к решению вы, конечно, правильному прибегли, другова ево то нет. Пожелай и от меня страдальцу успеха, внучка.

- Пожелаю, передам ему, дедушка.

Поглядывая на туфли Лары, Алексей Гаврилович, вероятно подумав о городском мастере сапожного дела, понурился, глухо со скорбью, проговорил:

- Какова мастера труженника загубили злодеи, сколько их таких то... - недоговорив свои мысли вслух, атаман тронул коня.

Лейтенант Волошин, придерживая коня, блестя белизной ровных, красивых зубов, загадочно улыбаясь, протянул Наташе Калмыковой руку, заглядывая ей в глаза, сказал:

- До свидания, Разведчица, - и задержав ее руку, не выдержав охватившего его чувства, тихо, так, что только она одна услышала, добавил: - одна ты только такая Наташа во всем мире, - и тронул коня.

Х Х Х

Разместившаяся на окраине города Первая Повстанческая сотня казаков на Дону, была по распоряжению фронтового немецкого командования, переведена в город и размещена в здании бывшего авиационного техникума. А затем, к великому удивлению и возмущению казаков, в сотню было прислано немецкое командование. Исключительно щепетильный вопрос, в силу принятого раньше решения казаками, строить в любых условиях и при любых обстоятельствах на немецкой стороне, на месте побежденной Гитлером "красной" России - "белую" Россию, казаки пошли на компромисс, приняв над собой немецкое командование. Сотню принял немецкий старший лейтенант барон фон Фолькенхаузен, один их храбрейших немецких фронтовых офицеров, обладающий не только большим умом, но исключительно доброй душой.

С наступлением зимы, сотня была переброшена в село Лакадиново, для охраны побережья с правой стороны полуострова - Таганрога и для учебных разведывательных занятий на немецкий лад. В сотню были приняты местные городские молодые ребята казачьего происхождения, а также несколько человек не казаков, включая Женечку-Носика.

Вскоре выпал первый снег, повалил крупными хлопьями, покрывая город белоснежным покрывалом. Началась холодная, необычная по

своей суровости, зима тысяча девятьсот сорок первого года.

Х Х Х

XV

К началу января 1941 года на оккупированной территории России, благодаря стараниям и покровительству немецких военачальников - фронтовиков, были сформированны десятки добровольческих частей, как под командованием русских, так и немецких офицеров.

Теперь россияне жаждали, чтобы все эти добровольческие части были объединены в одну Русскую Освободительную армию под русским командованием, которая вне всякого сомнения, в самый короткий срок, вовлекла бы в свои ряды всю Красную армию и с коммунизмом было бы покончено навсегда.

Руководители российского антикоммунизма на Украине, в Белоруссии и уже частично в Великороссии, стали настоятельно просить и даже требовать от немецких военачальников приступить к единственному акту, могущему повернуть ниц Сталина, вырвав из его рук не только армию, но и буквально все народы России, но последовал, спасающий обреченного красного тирана, приказ черного тирана Гитлера за № 2/15.

Потрясенный этим приказом Гитлера, Кононов в своем дневнике записал:

"27-1-42.

Сегодня утром офицер связи при полку (102 Дон. каз.) старший лейтенант граф

Риттберг сделал мне "приятное" сообщение. Оказывается, Гитлером (или каким то умником из его главной квартиры) отдан приказ № 2/15 от 13-1-42, касающийся наших добровольческих формирований (немцы называют "Восточные"). Суть приказа такова:

1. Самой высшей военной единицей добровольческих формирований должен быть батальон, причем командиром батальона должен быть немецкий офицер.
2. Эти батальоны формировать по национальным принадлежностям.
3. Все "Восточные" военные формирования использовать по охране складов, путей сообщения, для борьбы с партизанами.

Не допускать эти формирования на Восточный фронт (какой ужас, бестолковщина).

После такого сообщения, последовал приказ ген. Шенкендорфа № 593 от 27-2-42, подтверждающий приказ №2/15 и уточняющий положение 102 Дон. каз. полка. Шенкендорф, на свою ответственность, решил изменить только название полка, а все оставить по-прежнему. 102 д.к.п. переименовать в 600-й 600-й Д.К. батальон, под моим командованием. Как мне стало известно позже, ген. Шенкендорф летал в Главную квартиру фюрера, просить оставить меня в должности к-ра 600 Донского казачьего батальона".

См. фотокопию из дневника Кононова.
К.Черкассов, ГЕНЕРАЛ КОНОНОВ, том 1.

В словах, записанных Кононовым в его дневнике - "какой ужас, бестолковщина" - отражается вся та великая трагедия народов России, жаждущих гибели красного тирана и верующих без тени сомнения, в его неизбежную гибель.

Казалось совершенно неправдоподобным, каким то недоразумением, невольной ошибкой, происшедшей на верхах немецкого правительства.

Однако, сложившаяся политическая и военная обстановка заставила и Кононова и множество других бывших командиров и солдат Красной армии продолжать борьбу, пребывая в надежде, что в будущем, уже начавшая вырисовываться ситуация на фронтах не в пользу немцев, заставит немецкое правительство и самого Гитлера, изменить коренным образом свою политику в войне против Советского Союза, заставит немцев войну против России, превратить в войну против коммунизма, во что народы России, с самого начала войны, твердо верили.

Генерал граф фон Шенкендорф, с большим риском, на свою личную ответственность, продолжает помогать не только Кононову, но и другим командирам добровольческих частей, сформированных из народов России. Командирам этих частей, хотя и не удалось, как это удалось Кононову, перевести на сторону немцев в организованном порядке свои части, (случай с 436 стр. полком Кононова, единственный во всей истории Второй Мировой войны), но они не в меньшей мере рвались к развертыванию борьбы в подлинное Освободительное Движение Народов России. Генерал Шенкендорф 1-го февраля 1942 года вместо приказа "сокращаться", отдает приказ "развертываться". По его приказу, в казачий батальон Кононова прибывает пополнение - 1000 казаков.

Из состава нового пополнения генерал Шенкендорф отдал приказ отобрать и сформировать танковый казачий батальон. В мае этого года, батальон, получив наименование - 17-й тан-

ковый казачий батальон, уже показывает исключительно отважные и умелые боевые действия против войск Красной армии. Казачий батальон Кононова участвует в тяжелых боях под городом Великие Луки с 25 мая по 20 сентября; под Смоленском с 22 октября 1942 г. по 4 апреля 1943 года и, в то же время, непрерывно у себя в тылу ведет бои с советскими десантами диверсантов и советскими партизанскими отрядами. В общей сложности за этот период 600-й Донской Казачий батальон, под командованием Кононова, дал более 50 больших и малых боев советским частям, не понеся ни одного боевого поражения. За это время Кононов неоднократно награждается боевыми орденами и производится в чин подполковника.

Уже в начале 1942 года в часть Кононова стали прибывать русские офицеры из 1-й эмиграции (1919-20 гг.) из Югославии, Болгарии, Франции и других государств. Эти лихие русские офицеры и стремились, (несмотря на целый ряд преград), попасть в лихую боевую русскую единицу. Во главе в одной из этих групп офицеров, прибыл замечательный русский офицер - майор Александр Николаевич Пуговечников, бывший полковник Русской Императорской армии, командир кавалерийского полка. Пуговечников служил у королей Александра и Петра Югославских в чине полковника. Он был одним из лучших наездников высшей школы езды - испанской.

Другие, прибывшие с ним офицеры - эмигранты, все были профессиональными офицерами Югославенской Королевской армии или же других стран. Офицеры - эмигранты из Югославии привезли с собой наказ о боевой дружбе русских

эмигрантов с бывшими подсоветскими в общей борьбе за свободу России. Они привезли в дар полку святыню - образ Божьей Матери. Эта икона Бого-Матери и теперь хранится у Марии Ивановны Кононовой. (Интервью - М.И.Кононова февраль 1986 г.)

Русские офицеры также привезли в подарок командиру полка кубанскую шапку с надписью на ней: "Герою - казаку майору Кононову И.Н. от казаков эмигрантов из Югославии". Подарки сопровождалось теплым письмом Кубаского Войскового атамана генерального штаба генерала В.Науменко. Прибывшие лихие русские офицеры - эмигранты очень скоро показали себе в деле. Лучшие из них: майор Пуговечников, лейтенанты Сушков, Гюнтэр, Хрущев, Жариков, Турченинов позднее произведенные в сотники и выше.

Находясь в эмиграции, бывший атаман Всевеликого Войска Донского генерал от кавалерии Петр Николаевич Краснов, проживая в Германии, принимает все доступные ему шаги в создании добровольческих казачьих частей, вербуя их из немецких лагерей военнопленных, а позже добивается разрешения и утверждения немецким правительством Главного Управления Казачьих Войск (ГУКВ) во главе с ним.

В начале февраля 1942 года казачьему батальону Кононова пришлось участвовать в разгроме кавалерийского корпуса Красной армии ген. Белова, перешедшего фронт и вышедшего на коммуникации 4-й немецкой армии в районе Ельни. Действуя юго-западнее Смоленска, корпус Белова вышел в тыл армейского корпуса генерала Шенкендорфа, вдоль реки Сожь, между Смоленском и Пропойском. 10 февраля 1942 года Кононов получил приказ: к 13-му февраля сосредоточить батальон в гор. Пропойске.

С согласия генерала Шенкендорфа, Кононов написал обращение к солдатам и командирам корпуса генерала Белова. Сброшенные листовки немецкими самолетами с обращением Кононова, принесли желанный результат, многие солдаты, командиры и даже батальонный комиссар, перешли на сторону казачьего батальона.

Окруженный корпус Белова, оказывающий весьма слабое сопротивление, был разбит и рассеян. Однако, сам генерал Белов с остатками своего корпуса, сумел выскользнуть из окружения, уйти вглубь немецкого тыла.

Террор, чинимый гитлеровцами на захваченной территории России, был верным союзником всех советских затей по организации партизанской борьбы. Генерал Белов, опять пополнив свои ряды, продолжал свои действия, вплоть до возврата его корпуса в ряды Красной армии.

Х Х Х

В середине 1942 года батальон Кононова, а также 17-й танковый казачий батальон в составе немецкой 3-й танковой армии, были брошены на помощь немецким войскам, дравшимся в районе Великие Луки. Батальон принимает участие во всех сражениях, вплоть до 25 декабря 1942 года, а затем возвращается в Могилев. 17-й танковый казачий батальон, немецкое командование оставило в составе немецкой 3-й танковой армии.

Х Х Х

Колосов прислушивался к кипящему бою, быстро приближавшемуся с правой стороны за пригорком, зорко смотрел за скачущими впереди двумя казаками. Кони шли быстро, крупной рысью, нервно строчили ушами.

- Справа заходят, Тимофеич, успеть бы!

Мирон Нечаев с тревогой, искоса, посмотрел на Колосова и в этот же момент, слева, у самого Дона, посыпался беглый пулеметный огонь, а за ним пушечный огонь из танков. Красные били по поспешно, в беспорядке, отступающим немецким частям. Выскочив на пригорок, двое, шедших в передовом охранении казаков, подняв коней на дыбки, круто повернув, наметом стелились назад.

- Отрезаны мы, атаман, танки красных понад Доном проскочили, соединились зараз с их правым флангом.

Колосов видел, как пехота красных густо повалила из окраин станицы Нижнегниловской, рассыпаясь цепью, седлая шлях, уходя далеко вправо левым своим крылом, осторожно прочесывая степь, вперлась в Дон. Спешившись в небольшой мелкой, кое-где поросшей кустарником, балке, казаки ждали подходящую цепь красных... "Авось минут, не заметят" - мелькала обнадеживающая мысль... Кони выдавали, маячили на горизонте их спины, торчали, как напоказ, казачьи седла. Колосов приказал вывести коней из балки, пустить и отогнать от балки, но в это время, впереди на бугру, прикрывая отход своей пехоты, появились немецкие танки. Несколько беглых залпов из пушки, а затем стальной струей полились длинная пулеметная очередь. Немецкие танкисты,

приняв казаков за красных конников, повели по балке сильный огонь. "Зажаты между двух огней" - полыхнула у казаков страшная мысль. Испуганные кони, поднимаясь в дыбки, тревожно ржали, строчили настороженно ушами и боялись покидать казаков, испуганно жались к своим хозяевам. Несколько снарядов прямым попаданием подкосили и бросили на землю сразу несколько коней. Шесть казаков лежали без движения, тела были иссечены шрапнелью, были мертвы. Колосов и Нечаев отстреливались от быстро приближающейся пехоты красных, со стороны станицы. Немецкие танки, полыхнув еще несколько залпов из пушек, скрылись за бугром. Но слева от Дона, от теснившей немцев пехоты красных, отделилась часть бойцов и рассыпаясь цепью, ведя сильный огонь, стала быстро приближаться к еще оставшейся в живых кучке казаков. Один за другим, сраженные пулями, оставались неподвижно лежать на родной, кровью их предков, а теперь и их кровью политой казачьей земле. Колосов бил с автомата и не сразу почувствовал боль, в правое плечо впилась пуля, из рук выпал автомат. Рядом лежал Мирон Нечаев, из его груди струйками била кровь, одновременно, несколько пуль пронизали обезобразили его голову. Колосов слышал уже топот ног, бегущих к балке бойцов. У него молнией летели мысли: "Надо жить, борьба ведь только началась"! Овладевшая им мысль сразу же и подсказала ему нужные действия...

Лихорадочно быстро, из своей же раны, он жменями набирал кровь, мочил ею себе голову и лицо, лег на спину, широко раскинул руки и замер...

- Казаки! - проговорил кто-то из красных

бойцов, уведев, бросающиеся в глаза красные донские лампасы и черные червоноверхние донские папахи на убитых казаках.

В тоне, произнесшего слово "казаки", ясно слышалась нотка, в которой звучало не только удивление, но и восхищение и горькое сожаление... Целая рота красной пехоты, подкатившаяся к балке, подхватив своих, побивших казаков, бойцов, как бурное течение реки, понесла их дальше вперед, в догон за катившейся вслед за отступающими немцами, густой цепи красной пехоты.

Колосов слышал, как сильный бой закипел теперь у станицы Приморской. Вокруг него стояла мрачная, страшная в своем беззвучии, тишина... На земле лежали его побитые казаки. Он поднял голову, сел, стараясь сообразить, что еще в состоянии сделать, почему то бессознательно механически посчитал своих убитых казаков, их было пятнадцать... Пополз, опираясь на локоть левой руки, останавливался, осторожно поднимал вверх голову, прислушивался, тяжело дышал, сдавливало горло, не хватало воздуха... Отдышавшись, напрягая все оставшиеся силы, полз дальше, достиг крайней хаты станицы, легонько постучал в дверь...

- Это ты, Тимофеич? - прозвучал приглушенно радостный старческий голос...

Х Х Х

XVII

О плане захвата России - великом преступлении, задуманном гитлеровцами, результат

которого привел к еще большему их преступлению - спасению мирового коммунизма, никто из немецкого народа не знал и не мог знать, ибо преступники держали свой план в строгом секрете. Задуманное преступление, должно было совершиться посредством созданной ими военной машины, уже с ошеломляющей быстротой, захватившей Западную Европу и часть ее восточных государств. После захвата, совместно со Сталиным, Польши, гитлеровцы, разделив добычу со Сталиным, (который прежде всего, поспешил расстрелять 75 тысяч польских офицеров в Катынском лесу), приступили к подготовке реализации плана захвата России, а следовательно, для них становилось совершенной необходимостью поставить в известность о нападении на Россию военачальников германской армии. Однако, германские военачальники в начале войны не знали подлинных целей Гитлера и его партийной элиты и, лишь в ходе войны, перед ними стали выявляться цели гитлеровцев.

В занятом немецкими войсками городе Борисове, гитлеровцы учинили свое очередное чудовищное преступление: евреи, проживающие в этом городе, все поголовно были расстреляны, включая, конечно и тех, которые наравне с другими народами, ждали прихода немцев, ждали, как освободителей от коммунистического ига. Страшное преступление, вызвало возмущение не только среди народа, но и среди немецких солдат и офицеров, а у главнокомандующего группой армий "Центр", фельдмаршала Ф. фон Бока и страх перед Всемогушим Богом. Это то, что заставило немецкого фельдмаршала фон Бока немедленно послать протест в ставку Гитлера.

... Наряду с "официальными докладами и проектами, небольшие стихотворения порою давали возможность разъяснить политические "истины", события и картины из повседневной жизни занятых областей. Когда я дал однажды адъютанту фельдмаршала, графу Гарденбергу, короткое стихотворение на тему "Уважение к жизни и достоинству человека", тот пробежал глазами строчки и сказал:

- Вы должны тотчас же показать это фельдмаршалу. Вы тоже знаете, что произошло в Борисове?

Я ничего еще не знал. Борисов, где раньше находился наш штаб, отошел теперь к тыловой территории, может быть даже к территории с гражданским управлением. Отряд эсэсовцев "очистил" еврейский квартал Борисова, выгнав за город все еврейское население - мужчин, женщин, детей и стариков. Несколько сот человек были злодейски перебиты огнем из автоматов.

- Слабое утешение для нас, - сказал Гарденберг, - что мы солдаты, носим другую форму, чем эсэсовцы, так что формально мы не ответственны за их преступления. Но Гитлер - глава немецкого государства. И так, как мы немцы, фельдмаршал не имеет права смолчать...

С этими словами Гарденберг провел меня в кабинет фельдмаршала. Бок стоял у окна и нервно барабанил пальцами по стеклу. Снаружи густыми хлопьями падал снег. Гарденберг передал Боку мое стихотворение, и тот несколько раз перечел его.

- Я знаю, - тихо произнес фельдмаршал, - но что мне делать? Гарденберг говорит,

чтобы я подал в отставку. А что потом? Посмотрите на улицу. Лед и снег. Войска дерутся под Москвой из последних сил. Я начал эту операцию, я несу за нее ответственность. Если я уйду теперь, то я брошу моих офицеров и солдат в час величайшей нужды...

- Вы оставите их на короткое время, - прервал его Гарденберг, - потому что так продолжаться не может. Вы обязаны перед Богом и историей, протестовать против этого преступления.

- ... Даже, если это произошло вне территории, подчиненной моему командованию?

- Надежность фронта зависит от надежности тыла. Это дает вам возможность немедленно вмешаться...

- Нам следовало бы уже давно вмешаться... Вспомните Польшу, которая тоже была нашим тылом и, если хотите, остается им до сих пор. Подумайте и подальше... Вспомните о Германии...

- Верно, совершенно верно, - заметил граф, - но на этот раз, господин фельдмаршал, необходимость вмешаться стала действительно обязательной.

- Она была обязательной, до начала похода на Россию! Я ответственный перед Богом и историей, как вы только что сказали, перед немецким народом, тоже, - за жизнь тех солдат, которые каждый день смотрят в глаза смерти в условиях русской зимы... Кто может взвесить тяжесть моей ответственности? Я знаю, Гарденберг, что вы хотите сказать. Но я не знаю, что я должен делать. Если я сегодня уйду, завтра придет на мое место другой... Что этот

другой будет делать, я не знаю. Но одно я знаю, что здесь, под Москвой, мы либо выйграем, либо безвозвратно проиграем войну.

При этих словах фельдмаршал посмотрел на меня, как бы ожидая от меня молчаливого подтверждения. Я видел перед собой человека Бока - офицера старой школы, который с горечью серьезной ответственности думал о людях в ледяных окопах, в болотах, и о людях на далекой Родине. Он чувствовал свое бессилие и не пытался его скрывать. Гарденберг доложил о всеобщем возмущении среди офицеров, узнавших о подробностях погрома в Борисове. Бок молчал. Но затем он внезапно резко сказал:

- Я не буду молчать! Но я знаю, что все это бесполезно.

Гарденберг сделал набросок заявления Браухичу и Гитлеру. Несколько офицеров доработали его. Возбуждение и смущенное молчание должны были воцариться в Ставке фюрера, после получения этого протеста от командующего группой армий "Центр", содержащего указания на угрозу положению на фронте из-за преступлений СС.

После протеста Бока, жестокости такого рода, в тылу группы армий "Центр" были на время прекращены, но почти одновременно произошло то, что Бок и предвидел:

"По собственному желанию и с учетом состояния здоровья", Бок был 18 декабря освобожден от должности. На его место, главнокомандующим группы армий "Центр", был назначен фельдмаршал фон Клюге.

В то утро, мы с Гарденбергом были свидетелями душевной борьбы благородного чело-

века и одного из высших германских офицеров, в этом душевной борьбе отразилась трагедия большой части германского офицерского корпуса"...

Штрикфельдт,
Против Сталина и Гитлера,
стр.69-73, русский текст.

Увольняя с должностей особо умных и благородных немецких военачальников, Гитлер пилил ветку, на которой сам сидел.

С каждым последующим новым преступным актом, Гитлер и его сатрапы опускались в могилу, которую сами рыли для себя и с каждым таким актом они все больше и больше с нарастающей скоростью вытаскивали из могилы коммунизм, похороненный уже в начале войны - ЭТО ИСТИНА.

Х Х Х

XVIII

Остервенелый ледяной Норд-Ост, с огромной неизмеримой силой, высоко вздымает винтообразные снежные столбы к иссиня-черному, свинцово-тяжелому покрывалу неба, распластавшемуся над глубоко, местами до двух метров толщиной, промерзшим Азовским заливом.

С обеих сторон залива, то чередуясь, то одновременно, как в прятки играя, огненно-яркие языки прожекторов пронизывают ночной мрак, освещают белую, густо покрытую искристым снегом, преграду, нерушимо укрепившуюся между двумя врагами, освещают ярко, хоть иголки собирай.

В черном, до самого снежного покрова залива, опустившемся покрывале неба, кажется сталкиваются, натываются встречные, одна за другой выбрасываемые волны с обеих сторон фронтов, неисчислимых огненных светлячков - трассирующих пуль. Их треск не умолкает, ни на одну минуту, до самого утра.

С немецкой стороны, вдоль берега залива, ходят всю ночь, по двое, встречные часовые. Сходясь, они, иногда останавливаются, перебрасываются несколькими словами, постукав стынущими ногами и руками, расходятся...

В эту особенно ненастную ночь, остервенело-сильного ледяного ветра и снежной пурги, Абрам Гасс решил перейти преграду между двух врагов. Преграду, сотканную из смертельных нитей, пронизываемую смертоносными огненными светлячками, облизываемую огненными, ослепительно яркими языками прожекторов. Решил: "Сейчас или никогда, доберусь туда, где мне дана возможность жить".

Абрам смотрел на бушующую стихию, на страшный "танец" огня, широко открытыми, немигающими глазами. Лицо его было одето холодным спокойствием, непроницаемой маской, скрывавшей все, что было в его сердце и душе. Вокруг сидели его друзья детства, отрочества и юности. Вот они все возле него, смотрят вместе с ним, с тем же наружным спокойствием, ощущая лишь внутри себя тревогу и страх за жизнь друга...

Немецкий патруль - по двое солдат с одной и с другой стороны, медленно, монотонно-ритмично, в окованных железом сапогах, шагают, сближаясь все ближе и ближе. Вот они сошлись, постояли греясь, постукали ногами, похлопали руками о стынущие, пронизываемые ледяным

ветром, спины, перебросились какими то фразами и разошлись, удаляясь дальше и дальше.

- Пора!

Саркисьян перевел взгляд на Абрама, протягивая ему руку... Приглушенный шепот прощальных пожеланий, едва слышные звуки рукопожатий...

Наташа-Разведчица, заботливо-внимательно оглядев Абрама, оправила на нем белый сшитый из простыней халат... Слегка скрипнула дверь и беззвучно скользнула вниз с обрыва белая живая тень... С замиранием сердца, соскребывая пальцами иней с замерших стекол окон, плотно прильнув лицами, следят за ней много возбужденных, широко открытых глаз... Огненные языки прожекторов, кажется не спеша и усердно, осторожно, лижут белоснежный покров залива, двигаясь к центру с одной и другой стороны залива... Вот... Вот... Они сошлись! Но белая живая тень, вовремя упала, слившись с белизной снега.

- Молодец!

Лейтенант Сербов бросил восхищенный взгляд на друзей и, облегченно вздохнув, опять припал к окну. Саркисьян молчал. Он боялся момента когда прожектора начинают играть в "нежданную прядку"... Но нет, все идет своим чередом, белая живая тень, выждав момент, опять быстро двигается навстречу огню русских солдат, который может спасти, и в то же время, сразить насмерть. Но белая живая тень должна двигаться настречу жизни, между огней противников, играя со смертью в прятки, в смертельные прятки... Неожиданно огненный язык осветил быстро скользившую белую живую тень, все вздоргнули и замерли... Но нет! Огненные смертельные

светлячки трассирующих пуль, по-прежнему летели высоко над поверхностью искристо-белого ледяного покрывала залива, а огненный язык, не остановившись, пополз дальше, удаляясь прочь...

- Миновало! - облегченно вздохнув, шепотом проговорила Наташа Петрова, сжимая руки Лары и Эрики.

Еще несколько удачных бросков вперед... Вот уже белая тень, вскочив на ноги, из всех сил бежит и машет красным флагом своим. Вот, его увидят свои... Вот... Вот спасение! Но, "нежданная прятка" огненных языков, предательски вспыхнула и сошлась над белой живой тенью, одновременно с обеих сторон залива, и в тот же момент с обеих сторон, встречные волны летящих огненных смертельных светлячков, столкнувшись над жертвой, пронизав ее насквозь, продолжали свой полет.

Высоко подпрыгнув, Абрам всем телом упал навзничь, мгновенно сраженный несмерть. Его предсмертный, вырвавшийся из его уст, выкрик, слышал лишь остервенело хлеставший ледяной покров Азовского залива, Норд-Ост...

- Упал! - бледнея, не отводя от неподвижно лежавшей белой мертвой тени, широко открытых глаз, произнес Саркисьян.

- Меж двух огней, - еще глуше, вздрагивая всем телом, проговорила Лара...

Еще несколько дней можно было, приглядевшись, увидеть лежавшее тело Абрама на середине Азовского залива, но вскоре, опять разыгравшаяся пурга, скрыла его, как бы заботливо упрятала между двух, по-прежнему по ночам, полыхавших вражеских огней, наметав над ним большой сугроб снега.

Наступившей весной, сильно пригревшее сол-

нце, размягчило лед теплыми южными ветрами. Поломало Дон, а затем и Азовский залив. А налетевший неожиданно свирепый Норд-Ост, приподнял, всколыхнул морскую твердыню и расколол ледяной покров на тысячи кусков и стал бесцеремонно, беспощадно, гнать, унося огромные бело-сизые льдины к просторам открытого Азовского моря.

С той поры, не видели больше, часто подолгу, с глубокой скорбью, смотревшие друзья на сугроб снега, под которым лежало тело их друга Абрама Гасс, исчезнувшее в шумно бурлившей, захлебывающе клокотавшей морской пучине.

Х Х Х

XIX

Остались позади холодные, тревожные зимние дни, однако, весна не принесла ничего отрадного, по-прежнему с обеих сторон фронта заставляли вздрагивать измотанных, изнуренных голодом и страхом, жителей города, неожиданно днем и ночью вспыхивающие артиллерийские залпы. С наступлением темноты, по-прежнему начинала разгораться "дуэль" между немецкими и советскими пулеметами - тысячами тысяч горящими светлячками, волна за волной летели трассирующие пули с одной и другой сторон фронта...

Х Х Х

Саркисьян хмурясь молча слушал жалобы своей бабки. Сгорбленная старушка с несчетно

густой сетью морщин на лице, с поблекшими от старости глазами, шлепая беззубым ртом, невнятно лепетала по-армянски:

- Последний костюм я твой, за два килограмма картошки променяла. А что дальше будем делать?

Саркисян приподнял голову, хотел что-то ответить бабке, как вдруг сильным толчком распахнув дверь, вихрем влетел Борис Шапошников.

- Пять за одного! - трясаясь всем телом и блымая учащенно глазами, выпалил он.

Порывисто дыша, он старался еще что-то сказать.

- Говори толком, - бледнея, глухо проговорил Саркисян, увлекая его за собой в коридор.

- Прошлой ночью, кто-то ухлопал немца, вроде какого то начальника из Гестапо, кто его знает, не знаю, а сейчас ловят немцы людей на улицах. Пятерых расстреляли на Новом базаре. На Ленинской уже вывесили немцы свой ультиматум: "За убийство немецких военнослужащих будет следовать беспощадное наказание". Боюсь я, что немца ухлопал кто-то из наших ребяток, Ваня А?

Борис все еще порывисто дыша, с тревогой смотрел на друга. Саркисян молчал. Раздумывал.

- Мотнись, Борька, к Шише, да осторожнее, так, чтобы и тебя на Новый базар не потянули. В шесть часов у меня будут Кацап и Серб и еще кто-то. Скажи Шише, пускай он зайдет за Эрикой и ко мне в шесть часов. Ясно?

- Ясно. Обрываюсь.

Борис шагнул через порог, пооглядевшись, вдруг забарабанил шепотом:

- Я чуть было икру не начал метать, испугался! Люди упираются, а их немецкие жандармы тянут, орут, стреляют, гады, зверски. Ни одного, а всех этих "партайгиноссе" - (партийных товарищей, по-немецки - parteigenosse) похлопать нам надобно, Ваня! Скажешь, нет?

- После "игры", Борька, посмотрим, кого из них хлопнуть следует. А теперь нет! Да ты, мотай, да смотри "икру не мечи", а то неприятность получится, - сухо улыбнулся Длиннонос, - крой, разведчик, наш лихой!

Борис заблмыгал глазами, подтянул сползающие брюки с жирного живота и согнувшись побежал по-над заборами задних дворов улицы, скрылся за углом...

Длиннонос долго, насупясь молча ходил по комнате, размышлял. План создания Третьей Силы на стороне немцев и за счет немцев, в таком виде, как он планировал, провалился. Немецкое фронтовой командование, явно боялось нарушать, поступающие сверху директивы, и никак не решалось перехлестнуть данную ему директиву по вопросу об использовании "гильфсвиллиге", (добровольных помощников), несмотря на то, что редееющие ряды немецких солдат и офицеров, с большим успехом и в любом количестве, можно было в любой час, заполнить добровольцами из народов России, набрав их из лагерей военнопленных, или же из мирного населения оккупированных областей. Ходатайство деда Адексея, не принесло успеха.

- Плохи дела, Иванович, - сказал атаман Длинноносу, - германец все еще в свою силу верит, думает без нас Россию завоевать. погоди, родной, пускай германцем, наши Ивановичи кровь с носа побольше пустят, вот тогда, надобно полагать, у нас с ними и пере-

говору поуспешнее начнуца. Так то, танкист Иванович.

Длиннонос улыбнулся, вспомнив разговор с дедом Алексеем. Атаман сильно сокрушен был упорством немецких властей. Он к весне сорок второго года, уже не сотню казаков под ружьем видеть надеялся, но целую армию! А действительность налицо совсем иная, всего одна сотня казаков - повстанцев из хутора Синявского, да и то, под немецким командованием, оказалась; тысячи полуголодных беженцев по-прежнему у окраин Таганрога прозябают; а из четырех миллионов русских военнопленных, попавших к немцам в плен, за зиму с сорок первого на сорок второй год, три миллиона немцы голодом убили. Убили три миллиона "Ивановичей", которыми, по мнению деду Алексея, только и можно было сокрушить власть Сталина, несмотря на всю его хитрость и всех его богатых западных союзников.

В страшный гнев приходит дед Алексей при таких мыслях и с нетерпением ждал, когда "красные" русские Ивановичи пометут из России немецких Гансов и Фрицев и вот тогда то германец "белых" Ивановичей вооружать кинется... Такими мыслями ободрял себя старый атаман в своих непрерывных, волнующих его, размышлениях...

Потерпев неудачу в одном способе накопления Третьей Силы, Длиннонос преуспел в другом - около сотни человек "Ивановичей", он, при содействии начальника Таганрогской городской полиции и окрестностей города, Юрия Васильевича Кирсанова, "втокнул" в ряды полиции, несколько "ребятков", при помощи Эрики Шварценберг, получили службу в различных немецких административных учреж-

дениях. Русские полицейские имели оружие, были обмундированы частично в немецкую форму, а главное, получали от немцев продукты питания, могли жить и ждать лучшего времени для борьбы за свободу России.

Длиннонос часто и подолгу ходил из угла в угол по комнате с глиняным полом своей хатенки, строя и перестраивая планы борьбы между двумя жестокими и сильными врагами России.

Наташа Калмыкова постоянно информировала его о действиях немецкой нацистской верхушки, получая сведения откуда то из глубокого подполья друзей НТС. Оперативный штаб российских солидаристов, все время перемещался, уходя от преследования его агентами немецкого Гестапо, однако, работа организации продолжала успешно развиваться, вовлекая в свои ряды, все больше и больше друзей, как за пределами России, так и на ее территории, по обе стороны фронта. Получая сведения, Длиннонос тщательно продумывал новый маневр, как нацистов, так и коммунистов и сразу же строил контрманевры. Однако, все эти нити, его мысленных планов сходились в одну точку, упирающуюся в действительность, происходящих в данное время, событий, которые диктовали не что иное, как накопление живой силы и в таком размере, чтобы можно было помериться силами с гитлеровцами, после их победы над Сталиным, одновременно протянув руку настоящей дружбы, западным державам и, в первую очередь, конечно, сильным и богатым англо-американцам, которые, несомненно, вынужденны, по мнению Длинноноса, помогать теперь Сталину.

Акт убийства одного из местных немецких

нацистских начальников, Длиннонос сразу же определил: ловкий способ, придуманный "отцом народов", при помощи которого, несомненно, можно заставить население оккупированных территорий России, не только усилить ненависть к немцам, но и заставить решиться начать борьбу против их.

Доказать немецким политикам пагубность применяемых ими мер: жестоко наказывать за подстреленных немцев население, совершенно исключалось. Следовательно, необходимо становилось пресечь действие группы советских диверсантов, появившихся в городе, о которых всем уже стало известно. Предложение подосланного делигата "советских патриотов" - "совместно действовать", было резко и категорически отвергнуто "ребятками" организации "комсомольцев в отставке и подполье" - Третьей Силы. Однако, Длинноноса волновала мысль, вызывающая сомнение, а вдруг кто-то из борцов Третьей Силы поддался на соблазн "совпатриотов"? А может быть брошенные слова Борисом: (оказавшимся, весьма ловким, пронырливым разведчиком), "боюсь я, что немца ухлопал кто-то из наших "ребятки" соответствует действительности?

Длиннонос не прикоснулся к поданному бабушкой обеду, с нетерпением ждал прихода Ваньки-Шиша, Эрики и других "ребятки", избранных а главное руководство организации. Когда в назначенное время, усевшись, притихнув, ребятки обратили свои взоры на "командующего", Длиннонос, поблескивая глазами, информируя друзей, с сарказмом сказал:

- Надежда совпатриотов на то, что Советская власть, после победы над гитлеровцами "поправится", равнозначна надежде гитлеров-

цев на то, что они в скором будущем будут управлять всем светом, - пройдясь нервно по комнате, Длиннонос добавил: - мы не смеем допускать никаких иллюзий. Мы должны при всех обстоятельствах стремиться к нашей главной цели, которая является единственной реальной возможностью, одержать победу над обоими врагами России, накапливая наши силы всеми правдами и неправдами на стороне нашего врага номер два.

Длиннонос приоткрыл окно, окинул шупающим взглядом обезлюдившую к вечеру улочку с саманными хатенками, отломил веточку от склывшейся над окном березки и резко повернувшись, выпрямившись, поиграв с набухшими изжелто-зелеными, ярко лоснящимися, начавшими распускаться почками веточки березки, указал на Ваньку-Серба:

- Лейтенант Сербов.

- Что касается создания в тылу врага, - начал Сербов, растягивая слова и сосредоточенно смотря в одну точку, - советских партизанских отрядов, то вот вам, переданная мне Наташей Калмыковой директива, поступившая из местного Оперативного Штаба НТС, - приглушенно кашлянув, он начал читать написанную знакомым ему почерком записку: -

1. Организацию советчиками партизанских отрядов, под видом Русской Национальной Силы, считать очередной лукавой изворотливостью советчиков.
2. Попытку советчиков, внушить населению оккупированных областей, признать Гитлера за врага номер один, опровергать и использовать все возможности накопления сил на стороне немцев, за счет их оружия, питания и обмундирования.

3. Засылать своих лазутчиков в отряды советских партизан, в случае возникновения таковых.
4. Выявленных советских провокаторов, при необходимости обезвредить, вплоть до физического их уничтожения.
5. Хранить, накапливаемые национальные силы России, не вступая в борьбу против немцев, до наступления нужного момента, на что будет дан сигнал.

Записка была подписана одной буквой - Н. Лейтенант Сербов, прочитав записку, обводя медленным пристальным взглядом присутствующих, порвал записку на мелкие кусочки.

- Вопросы? - Длиннонос метнул вокруг беглый взгляд.

- Все правильно - это точно! - за всех ответил лейтенант Кузнецов.

- Точно! - подтвердила Эрика.

- Коль так, слово имеет наш новый друг, лейтенант авиации Петр Иванович Бутков.

Длиннонос указал веточкой березки на молодого парня, одетого в непомерно длинное, поношенное штатское пальто. Из-под пол пальто торчали потресканные носки изношенных сапог.

- Дорогие друзья, - заговорил новичек, - считаю своей ответственностью, несколько подробнее и ярче нарисовать вам сложившуюся ситуацию, захлестнувшую наших людей, надобно сказать, одних из лучших сынов и дочерей нашей Великой Родины России, смело ринувшихся в ряды возникших и все более возникающих партизанских отрядов. Считаю своей ответственностью, потому что я являюсь очевидцем, свидетелем, и к тому же участником операций доставки партизанским отрядам оружия, бое-

питания и всего необходимого, воздушным путем в места их нахождения, непроходимые, бесконечные леса России. Мне доподлинно известно, что возникшие партизанские отряды, уже в настоящее время, полностью находятся под строгим контролем советских комиссаров, политруков советской власти, Мне доподлинно известно, что советские спецы из особых отделов намерено сеют среди партизан национальный русский дух и одновременно, тут же, выявленных таким образом партизан, с национальным "душком", заносят в особый список, в список будущих "жмуриков", это конечно, после "игры" - вам это несомненно понятно. На основании всего виденного мною и понятного, считаю: рассчитывать на возникшие отряды партизан, как национальные силы России, значит верить в утопию. Значит допускать иллюзии, ибо все национально мыслящие партизаны будут уничтожены, прежде чем они смогут оказать нам помощь, или соединиться с нами. Считаю информацию Оперативного Штаба НТС, совершенно обоснованной, совершенно реально оценившей сложившееся положение, в связи с возникновением организованных, по сути, отнюдь на российских, но советских партизанских отрядов. Вот все, благодарю за внимание.

Новичек сделал легкий поклон слешателям, потрянул черным курчавым чубом и захлопнув полы, оказавшегося не только длинным, но и широченным пальто, сел.

Длиннонос опять, поиграв веточкой березки, одобрительно кивнул головой бывшему советскому летчику, с радостным блеском в глазах, громко произнес:

- А теперь, дорогие друзья, с большой

радостью, хочу представить вам бывшего моего сокурсника по военному училищу, лейтенанта Владимира Ивановича Самсонова!

Ребятки дружно захлопали в ладоши, приветствуя еще одного друга, ставшего в ряды борцов национальной России.

- Я братцы, - смущенно улыбаясь заговорил танкист, - не спец речуги закатывать, у нас этим политрук занимался. Но коль вам желательно услышать мое мнение, о чем мне сказал капитан Саркисян, то, конечно, я не смею отклонить ваше желание.

Паренек - танкист провел рукой по коротко, ежиком торчащим волосам своей головы и убрав с лица улыбку, продолжал "речугу":

- Чтобы не повторяться, скажу коротко, все сказанное лейтенантом Бутковым по поводу советских партизанских отрядов, точно и в этом не трудно разобраться. Но вот, что касается организации национальных российских сил - Третьей Силы - наших сил, то тут разрешение такого вопроса очень и очень сложно. Дело в том, что у нас, дорогие друзья, соратники, нет тыла. Один наш тыл занят немецкими войсками, врагом нашим внешним; другой наш тыл занят войсками Красной армии, находящийся под контролем и управляемый советской властью, врагом нашим внутренним. А без тыла, ни одна армия сражаться, естественно, не может. Однако, такое безвыходное положение не снимает с нас ответственности перед народами нашей Великой Родины России, бороться за их освобождение от обоих врагов одновременно и даже без тыла. Организовать наш тыл на стороне Сталина, трудно, почти невозможно, хотя там находятся наши неисчерпаемые резервы.

Танкист опять провел рукой по коротко подстриженной голове, немного помолчал, поразмыслив и заулыбавшись с хитрецей в глазах, сказал:

- Мы, братцы, применив русскую смекалку, должны превратить немецкий тыл, в наш тыл - русский. Конечно, это легко сказать, но трудно сделать, ибо гитлеровцы стараются и будут стараться пресечь наши попытки. Ибо им вполне понятно, что мы, по сути дела, засевавший в их тылу "Троянский конь" и если они упустят момент убрать со своего пути этого "коня" - он их раздавит. Так что, задача наша не из легких, сами видите. Однако, повторяю, мы должны сделать все возможное, чтобы создать наш тыл на стороне врага России номер два. Вот все, что я хотел сказать. Прошу извинить меня, за недостаток красноречия, к сожалению, не обладаю этой способностью.

Танкист извиняясь улыбнулся, поклонился и проведя опять рукой по коротко подстриженным своим волосам, сел.

Длиннонос заговорчески улыбнулся, опять поиграл веточкой березки, поблескивая своими бархатными глазами, сказал:

- Правильно, задача перед нами не из легких. Однако, факт налицо уже на сегодняшний день, в рядах немецкой армии находятся более полумиллиона добровольцев из народов России, количество полицейских сил, буквально, сотни сотен, неподдающееся исчислению, число их огромно! Все эти наши силы национальной России, и если угодно, как только что выразился лейтенант Самсонов "Троянский конь" - вооружен немецким оружием, обмундирован, в большинстве, в немецкую форму, а добровольческие боевые части, пользуются

всеми видами довольства, наравне с немецкими солдатами. Следовательно, — Длиннонос опять заблестел глазами, хитро улыбнулся и продолжал свою мысль. — Следовательно, мы уже, так сказать, "присвоили" часть тыла нашего внешнего врага. Это не иллюзия, но факт, — подчеркнул он. — Надобно полагать, что при дальнейшем продвижении немецких войск, то ли вперед, то ли назад, немецкие военачальники, вопреки висящей над ними власти гитлеровских нацистов, постараются увеличить в обеих случаях, размеры "Троянского коня", так как это диктует им военное положение, которое они, вне всякого сомнения, обладая талантом подлинных полководцев, совершенно ясно понимают. Они понимают необходимость заполнить свои потери нашими добровольцами, без которых им не обойтись. И еще больше скажу из своих личных соображений, а именно, если еще сегодня стратегическая инициатива находится в руках немецких полководцев, то в этом они многим обязаны включением в их дивизии добровольческих частей из наших народов.

Длиннонос приоткрыл дверь в соседнюю комнатушку, что-то по-армянски сказал своей бабке. Взяв из ее рук протянутую карту, развесил на стене.

— Поражение, нанесенное немцам под Москвой, отбросившее их войска до Ржева, никак не может рассматриваться, как переход стратегической инициативы в руки русских полководцев. Я слежу за советскими сообщениями по радио. Советская пропагандная машина, не устанно трубит об успехах двадцатой армии, которая под командованием генерала Власова, якобы, нанесла смертельный удар под Москвой.

Имя этого генерала было уже давно известно Красной армии, еще до войны. Теперь же советская пропаганда спрягает и склоняет это имя. Поражение, несомненно, немцам нанесено весьма серьезное и, мне думается, в этом успехе войск Красной армии, большую роль сыграла русская зима. Однако, опять-таки, перевес сил в главное, стратегическая инициатива все же находится на стороне немцев и о "смертельной ране" теперь еще не приходится думать.

Япония крепко кромсает по-прежнему силы американцев, а немцы, по моему мнению, с наступлением лета, несомненно, предпримут крупные наступательные операции и, по всей вероятности, успешные. Как бы там не было в будущем, но на сегодняшний день, мы должны по-прежнему накапливать наши национальные силы России, с тем, чтобы с Гитлером, после его победы над Сталиным, сразиться.

Я нисколько не сомневаюсь, что сегодняшние невольные союзники Сталина англо-американцы, в таком случае, немедленно поспешат стать союзниками национальной России, что будет союзом вполне естественным, а вовсе не вынужденным, как к этому их вынуждает теперь сложившаяся мировая ситуация. Сигнал к выступлению, как указывает Наташа Калмыкова, нам будет дан в соответствующий момент. Вопросы? - Длиннонос обвел беглым взглядом "ребятток".

- Все ясно!

- Правильно!

- Что уж там гадать, все ясно! - дружно отозвались "комсомольцы в отставке и подполье".

- Вот и хорошо, что все ясно, ибо что не

ясно, не следует оставлять не выясненным, - наставительно проговорил Длиннонос и наклонив голову аккуратно складывая карту, глядя изподлобья на свое "ополчение" цедя слова, сказал: - а теперь перейдем к вопросу "подстреливания немцев". Шиша, давай начинай.

Веточка березки с распускающимися почками, слегка шлепнула по белобрысому волнистому чубу Ваньки-Шиши.

- Начать то я начну, да речь свою тут же к концу приводить приходится, - Шиша обреченно развел руками и хмурясь, сказал: - мне уже раньше было известно о таком диком мероприятии, какое произошло сегодня. Моя попытка пояснить гебитскомиссару чреватость таких драконовских мер, чуть не лишила меня нужного для нас, занимаемой мною должности. Приказ о жестоком наказании за подстреливание немцев - остается в силе, вот вам и весь мой доклад.

- Разрешаю, Ваня? - Борис поднял руку.

- Давай, говори, Борька.

- Гадать, братцы, тут долго нам не придется. Скажу я коротко: товарища Гитлера уговорить отменить приказ - не приходится. Товарища Сталина уговорить отменить приказ, отданный советским диверсантам, подстреливать немцев, нам тоже не приходится. Эти два товарища все равно не перестанут соревноваться в способах убийств нашего народа - это ясно! - Борис, как обычно заблмыгал глазами, подтянул спадающие с жирного живота брюки и посматривая с хитрецей на друзей, вдруг побагровев от охватившего его гнева, выпалил: - но мы можем "приказы" товарищей Гитлера и Сталина также выбросить на арену сражений по адресу советских диверсантов,

подстреливающих немцев. Сегодня же давайте, не откладывая, пошлем им ультиматум: немедленно прекратить убийство наших людей руками немцев, или же мы сами начнем хлопать за одного то ли немца, то ли русского - СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ! Я берусь доставить им наш ультиматум.

Борис усиленно заблмыгал глазами, оглядывая раззинувшие рты от удивления друзей.

- Это ты толково придумал, братец! - первый заговорил, встав со стула и поглаживая короткую свою прическу, лейтенант - танкист.

- Жаль, что Женечки-Носика нет сегодня с нами, а то бы он тебя, Борька, опять определенно пророком объявившимся объявил бы.

Длиннонос хитро улыбался, восхищенно оглядывал шумно загомонивших "ребятков". Эрика подскочила к Борису и громко со смехом поцеловала его в жирную отвисшую щеку.

- Пророк! Пророк! Точно говоришь! - восхищенно воскликнула она.

Ультиматум, тут же, в самой строгой форме был составлен. Длиннонос сказал, что он сегодня заступит в ночное дежурство, а завтра утром будет говорить с начальником городской полиции Юрием Васильевичем Кирсановым, что он уверен, местное русское начальство, безусловно одобрит контрудар и поможет пресечь акты советских патриотов, несущие смерть невинным, находящимся под немецкой оккупации россиянам.

Когда совещание было окончено, бабка Длинноноса, горбятя спину, выглянув из кухни, поманила пальцем Эрику:

- Пособи, дочка, подать детям перехватить, голодные ведь, - зашептала она по-

русски.

Эрика стала выносить из кухни миски с вареной картошкой, заправленной поджаренным луком.

- Какая прелесть, - вырвалось у лейтенанта - летчика, с наслаждением вдыхавшего запах, столь приятный, любителям русских блюд. Ребятки заработали деревянными, ярко расписанными ложками. У бабки скорбно и в то же время радостно блестели глаза. Она в щелку наблюдала за молодежью. Приступая к еде, никто из них не перекрестился. Бабка истово перекрестила их всех и возводя старческие обесцветившие глаза на икону Спасителя, прошептала по-русски:

- Прости и благослови их, Господи, - детей рожденных в рабстве...

Работая ложкой, "командующий", поблескивая глазами, спросил у Бориса Шапошникова:

- И откуда у тебя такие мысли берутся, Борька?

- Вовсе не мои мысли, - со вкусом облизывая ложку и отчаянно чавкая, заговорил Борис: - Глянь-ка в параграф четвертый Директивы Оперативного Штаба: "выявленных советских провокаторов, при необходимости обезвредить, вплоть до физического их уничтожения". Это Наташка-Разведчица написала, а вовсе не я, - Борис хитро улыбнулся, поглядывая на удивленно округлившего глаза Саркисьяна.

"Перехватив", ребятки повалили на улицу, направляясь по старой, укоренившейся привычки к пушкам Петра Великого.

- Ого, артиллерия! - удивился лейтенант Самсонов, рассматривая огромнейшие чугунные пушки и лежавшие возле них, ядра.

Пушки, будьте уверочки. Досталось от них туркам на орехи. Сам Петр палил из них. Это его пушки.

- Да неужели, сам Петр Великий палил? - удивился танкист.

- Сам царь! - подтвердил свои слова лейтенант Сербов, резким кивком головы и ласково погладив ладонями черную лоснящуюся поверхность огромнейшего дула одного из орудий, подтянулся на руках и оседлал пушку.

Ребятки последовали его примеру, расселись на пушке, завезалась беседа. Лейтенант Сербов повелел новичкам:

- Это, ребята, место нашего сбора. И не только нашего, но и наших отцов и дедов. Вот перед вами, внизу порт Таганрогский, а вот налево - яхтклуб. Нас, жителей этого района, города нашего, называют "крепостьянами". Это потому, что это место Петр Великий, когда отбивал атаки турецкого флота, превратил в крепость. Я хочу сказать, соорудил соответствующие укрепления. И название улочек, вот, что позади нас и по обе стороны нас, носят названия: Первый Крепостной переулок, Второй Крепостной переулок и так далее.

Новички долго молча слушали рассказ о "Петровском бастионе".

- Говоришь, Петр Великий основатель города, а на главной улице города, Ленинской памятник Ленину стоит? - с хитрецей улыбнувшись, спросил лейтенант Бутков.

- До революции, стоял памятник на главной улице города царю русскому - первому Императору Всероссийскому, Государю, полководцу и строителю Великой Русской Империи, Его Императорскому Величеству, Самодержавцу Всея

Руси - Петру Великому. А памятник Ленину поставили враги России - советчики, всех мастей чертячим духом одержимые. Это они свалили памятник основателю города, строителю Великой России Петру Великому, на главной улице и на его место водрузили памятник разрушителю России - Ленину. И главную улицу - Петровскую, отдали приказ называть Ленинской.

- Я шучу, товарищ лейтенант Сербов. Знаю я обо всех мероприятиях врагов национальной России - врагов русского духа. Во многом они преуспели, да только успехи их все временны, ибо "липа" остается "липой", это подобно тому, как говорит русская поговорка: из г...а пулю не слепишь! Комментарии, думаю, тут излишни, - летчик рассмеялся и дружелюбно хлопав по плечу лейтенанта Сербова, добавил, - дело все только во времени, друг мой, вот оно что!

Эрика, услышав выражение летчика, хихикнув, спрятала голову за плечи Длинноноса. Заметив это, летчик поспешил извиниться.

- Нет, почему же, - снисходительно усмехнулась Эрика, - "выражение" весьма даже меткое...

Уже темнело, закатившееся солнце окрашивало горизонт золотисто-оранжевым цветом. Подплывшее косматое облако, скрыло белеющий за Азовским заливом город Азов. Срывающийся легкий ветерок, доносил пряный запах зацветших белых акаций. Вдоль всего Воронцовского бульвара - "Петровского Бастиона", из-за заборов убогих хатенок, выглядывали вершины нарядно одетых пахучими цветами яблонь, вишень, груш. Свисала тяжелыми гроздьями, чуть не касаясь земли, белая и лилово-красная си-

рень. Прячась где то в густых зарослях диких кустарников, густо покрывающих Воронцовский обрыв, ночная фиалка, когда весенний ветерок неожиданно поддувал опять, напоминала усевшимся и прижавшимся друг к другу, рожденным в рабстве детям России, о себе, издавая особо нежный, особо любимый людьми этого края России, пряный запах. Подкатившиеся к берегу легкие волны, журча и пенясь, рассказывали то громко, то шепотом свои нескончаемые таинственные сказы...

Как только совсем стало темно, сразу же началась разгораться пулеметная "дуэль".

- Пора, - Длиннонос первый спрыгнул на землю.

Отдав соответствующие распоряжения, он отпустил "ребятков"

Вскоре, предпринятые мероприятия, успешно устранили приспособление товарищей Гитлера и Сталина, убивать русских людей, руками немецких жандармов. Советские подосланные диверсанты, были частично выловлены. Часть их, лишенная возможности "действовать", успела скрыться.

Лейтенант Самсонов, уезжая снова в Мариуполь, откуда он был на время заслан в Таганрог, пожимая крепко руку друга, сказал:

- Тебя, Ваня, полковник Коржов уже теперь, по моей рекомендации назначил командиром танковой роты. В его "неписанных" списках, уже на сегодняшний день, находится целая танковая бригада. Эти люди подобраны только из двух городов, Мариуполя и Таганрога, конечно, со всеми их окрестными селами, станицами, деревнями и хуторами. Люди, для организации такого предприятия, подобраны, будьте уверочки! А танки у фрицев, в наступивший

момент, мы, одним неожиданным наскоком, быстро отберем и их же танками, начнем громить и "блиц - дивизии", это точно! Третья Сила растет и ширится, можешь не сомневаться, капитан Саркисян! Насчет "тыла" в своей "речуге" я недосказал всего, что нужно было сказать, но ты сразу нашелся и дал дополнительный правильный ответ. Так что жди и надейся! - Самсонов еще раз крепко пожал Длинноносу руку...

С наступившим летом, Первая Повстанческая сотня из села Локодимово, была направлена на фронт, заняв оборону у станицы Бесергеновской. Вскоре предсказание Длинноноса, стало явной действительностью, немецкое командование спешно стягивала крупные силы на Юго-Восточном Фронте. Среди немецких танковых колонн в направлении к Таганрогу, по дорогам, длинными хвостами, пылила румынская конница...

Х Х Х